

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛЪТОМЪ 1871 ГОДА

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ОНЕЖСКИХЪ РАПСОДОВЪ И НАПѢВАМИ БЫЛИНЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1873

354804

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ покойнаго Александра Федоровича Гильфердинга было, весьма рѣдкое у насъ, стремленіе къ ученымъ путешествіямъ по Россіи и землямъ Славянскимъ: въ послѣдніе годы, не проходило ни одного лѣта безъ посѣщенія имъ того, или другого славяно-русскаго края; каждая такая поѣздка, важная для ученаго сама-по-себѣ, какъ провѣрка и дополненіе его кабинетныхъ занятій и домысловъ, — приносила цѣнные матеріалы и вклады въ науку. Такъ, и въ лѣтніе мѣсяцы 1871 года Гильфердингу пожелалось «побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы». «Въ особенности (замѣчаетъ Гильфердингъ) манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашель П. Н. Рыбниковъ». «Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ, счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя». Хотя Гильфердингъ видитъ этотъ «счастливый случай» въ встрѣчѣ своей съ сказителемъ Левомъ Еремѣевымъ, но главная причина, почему онъ изъ туриста превратился въ собирателя, есть сама «счастливая натура» Гильфердинга, богато-одаренная, роскошно образованная и развившаяся въ учено-литературной русской средѣ, между такъ-называемыми славянофилами. Увлечшись встрѣтившимся первымъ сказителемъ, Гильфердингъ, съ необычнымъ одушевленіемъ и поражающею энергіею, взялся за записываніе былинъ, и въ два мѣсяца (точнѣе — въ 48* дней) состави-

* См. ниже, «Дневникъ путешествія.»

- 19 — Чолмужи, №№ 32, 35, 157.
 20 — Чолмужи, №№ 158, 159, 161, 162.
 21 — дер. Римъ на Пудожской Горѣ, № 6.
 22 — тамъ же, №№ 2, 5, 8, 10, 16, 17, 21.
 23 — тамъ же, №№ 7, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24.
 24 — тамъ же, №№ 1, 3, 4, 9, 13, 14, 15.
 25 — Тайгеница, № 182.
 26 — Марнаволокъ, №№ 11, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54.
 27 — Марнаволокъ, №№ 49, 51, 52.
 28 — Шаль, №№ 55, 58, 59, 60, 61.
 29 — Шаль, №№ 56, 57, 62, 66, 68.
 31 — Пудожъ, №№ 63, 64, 65, 67.

АВГУСТЪ

- 1 — Сумозеро, № 70.
 2 — Сумозеро, № 69.
 4 — Куганаволокъ на Водлозерѣ, №№ 71, 72.
 5 — Водлозеро, №№ 212, 213.
 6 — Водлозеро, №№ 206, 207, 208, 209, 216, 217, 218.
 7 — Куганаволокъ, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 214, 215.
 8 — рѣка Черева, № 210.
 „ — Заволочье, № 211.
 10 — Кенозеро, №№ 226, 228, 230.
 11 — д. Немытова на Кенозерѣ, №№ 220, 221, 223, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 258.
 12 — тамъ же, №№ 219, 222, 224, 225, 254, 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264, 293, 294, 295.
 13 — Кенозеро, №№ 245, 246, 247, 248, 257, 260.
 14 — тамъ же, №№ 227, 229, 231, 249, 250, 251, 273, 274, 275, 276, 286.
 15 — тамъ же, №№ 232, 233, 235, 252, 253, 270, 271, 272, 292.
 16 — тамъ же, №№ 234, 236, 237, 238.
 „ — Кенозерскій погостъ, №№ 277, 278, 279, 280.
 „ — д. Немытова, №№ 281, 282, 283, 287, 288, 289, 290, 291.
 17 — Кенозеро, №№ 265, 266, 267, 268, 269, 284, 285, 296, 297, 298, 299, 300, 301.
 18 — Ошевенскъ, №№ 302, 303.
 23 — Моша, №№ 315.
 24 — Моша, №№ 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 318.
 25 — Моша, №№ 311, 312, 316, 317.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

и

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашель П. Н. Рыбниковъ. Самъ Пав. Ник. поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не бесполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижы на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуй на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предварительно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуи переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее

VIII

впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отрадно видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отрадно видѣть его *самого по себѣ*; тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле — ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и насловившихся недоразумѣлій. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерей времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости. Приученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ самыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамильярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономического быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказывается въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она является только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что-нибудь и лѣтомъ на санихъ (дровняхъ), или же на волокахъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется

верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распаханіе «нивъ», т. е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время—сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «нолѣсуеть», т. е. стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огоруетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распаханіемъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распаханіемъ только такія мѣста, на которыхъ растутъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго лѣсу не трогаютъ, по той простой причинѣ, что земля, на которой растутъ сосна и лиственница, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-моль охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ вну-

треніе распорядки въ прежнія времена—не знаю; но, со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружнаго начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отъучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это—въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденія за ея обработку, хлѣбъ то-и-дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безъисходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣйно снимаютъ шапки и крестятся. —«Что это такое за развалина?»—«Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». —«А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?»—«Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ; вездѣ это доброе, пріятливое, кроткое населеніе тружениковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя расколыничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить

по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняють нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Иисуса Христа, а не то что жидаы, которые Христа проклинають; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняють, что даже покойника не даютъ отгѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить!»

Признаюсь, я не нашель отвѣта. Нашель ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно—къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно—въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины—*свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовалъ-шему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій построй, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напр., сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, т. е. между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признають это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею», это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телѣгою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благоприятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу

въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, — безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ, и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хозяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
 А какъ вы сѣбите мнѣ ноги рѣзвыи,
 А й рубите-тко руки бѣлыи,
 А й со лба-то копайте очи ясныи,
 А й тяните-ко языкъ миѣ-ка со темени,
 А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
 А вложилъ да руки бѣлыи,
 А положилъ ему да очи ясныи,
 Положилъ языкъ во темя вѣдь,
 А й положилъ какъ здыханье во бѣдую грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней рассказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполне достоверномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣлствуютъ, что онъ вполне живетъ мыслию въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабыи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не таніе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ и дру-

гой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напр., Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпического міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика-крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорѣгой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былинну про превращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
 Обвернула-то Добрыню да сорокою,
 Обвернула-то Добрыню да вороною,
 Обвернула-то Добрыню да свѣньею,
 Обвернула-то Добрынюшку гвѣдѣмъ туромъ:
 Рожки у тура да въ золотѣ,
 Ножки у тура да въ сѣребрѣ,
 Шерсть на турѣ да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полного и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же, изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его ¹⁾, я

¹⁾ См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатавинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазнять». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерю времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, пзвѣстнымъ своимъ раскольниковыми убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполне убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религии, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа кажется не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ и что они мнѣ ничего не сообщать, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины онп вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы прагласить его къ себѣ. «Это совершенно бесполезно, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился; деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать версть за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (т.-е. перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это нодъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я такъ и зналъ, говоритъ мой хозяинъ; нѣтъ, онъ не пріѣдетъ». — «А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?» — «Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя». Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своимъ былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служить», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старинны.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былины и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ пзвѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ

между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихievѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего прїѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему легко устранялось недоверіе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на прїѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихievъ, бывало, поидетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человекъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человекъ¹⁾ извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человекъ²⁾, отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человекъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былины я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ распадій; въ составленномъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70 ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старинны»; обнадеживали, что услышу «старинны» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ

¹⁾ Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (т.-е. Иванъ Сивцевъ), Бутылка (т.-е. Абрамъ Евтихievъ), Сорокинъ, Федотовъ (т.-е. Дутиковъ), Левлевъ, Потахинъ (т.-е. Потапъ Антоновъ), Щеголенокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (т.-е. Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (т.-е. Иванъ Федоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголенка» (т.-е. Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужъ такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

²⁾ Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь рассказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизусть жалованную грамоту царя Михаила Феодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотныя. Я встрѣтилъ только пѣтерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинь (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинь не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старинны». Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для ипщихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинь. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фенонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинь; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человека божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубинную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинь и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинь по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинь и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинь не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинь, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видить, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинь, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ

участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинь, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ.

Читатель видигъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинь для Романова практическое значеніе; но, повторяю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинь составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) — составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семесъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ беспомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинь извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимоѣева въ Толвуи, Абрама Евтихѣева и Петра Калинина на Пудожской-Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитица, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пѣромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для пракческаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который съумѣетъ спѣть разныя «исторіи»: но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабацкѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодамъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинь особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомянулъ, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Самы крестьяне не разъ объявляли мнѣ, что,

XVIII

сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья для плетенья сѣтей приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усваиваются; напротивъ того, «крестьянство» (т. е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былины; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напр., звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для расподій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ расподахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабы старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «у большинства сказителей, говоритъ онъ, врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполне справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно побережья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, которыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица — женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Побережья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива — побережья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же вариантъ отъ пяти-шести человекъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ и жена охотники пѣть былины и поютъ раз-

ныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, специальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинь, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская рассказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣ замѣчательнъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкихъ», записалъ вариантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудетьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

«Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водою умывались» и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Юву и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Ювы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ Ювы и Мары. Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересытана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную

былину ¹⁾. Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому складу, протягивая хорейское его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человекъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинь, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозѣркинъ пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алени Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало былины про

¹⁾ Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка и печатный текстъ Шербины:

«Гово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Печатный текстъ.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ выльчигъ разомъ.
Въ пору ужъ было Ювѣ жениться,
Дѣвушка Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
« Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Какъ я держу тебя на мысляхъ? »
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
« Юные Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мнѣ своихъ,
Какъ мать сына у сердца ношу я.
Выслушай эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Донесъ онъ Овановой майки.
Говорить-де Овану эта майка:
Юные Ово, перо дорогое!
Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
Даютъ за тебя лучше и краше,
Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
Не видала муравки на поли,

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Юво да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станеть —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотнцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Ювѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Юво — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара — слова для Мары не слыцень! —
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Милovidна, что горная вила,
А гибка то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало
Мало бѣ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотреть — такъ выльчигъ-разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Юво жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
« Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце? »
Тихо Мара ему отвѣчала:
« Милый Юво, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!

три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ); что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинь, но прошлую осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на обратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ: они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кено-

Не видала мужчины ни разу,
И кому же богатаго рода,
И не простого — господскаго рода
Богатство во время тебѣ пригодится...»
и т. далѣе.

Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ..»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Ювана тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Ювану:
«Милый Юво, перо дорогое!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ..
Есть невѣста и лучше, и краше:
То — Фатима, Аглагича злато.
Фата съ дѣтства взлелѣяла въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что солнце, что мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣеть,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни-разу мужчины, —
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится...»

и т. далѣе.

зера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Прионсжемъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе такъ сказать серьезныя, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Миѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинь былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали нѣтъ все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотѣнку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, — прежде всего удивишься тому, до какой степени все они, все безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинь, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ маразмомъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой физиономіи въ этой галлерей вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себя, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себя уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пóтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удалцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василий Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какіи-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинь, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ за-

пикки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую расчѣтами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ расодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любимымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполне чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладипу невообразимую. Такъ, напр., онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
 Своему-то родителю батюшку и матушку,
 Говоритъ-то ѣтъ имъ таково слово:
 А ѣ ты родитель мой батюшка и матушка,
 Дай прощеньицо благословеньицо
 Во чистое поле ѣхати и поляковать
 И биться и ратиться
 За церкви соборныя, за весь тотъ міръ православный,
 За вѣрушку да кровь отечество,
 За царя да за земнаго правителя,
 Всероссійскаго да содержателя,
 За все воинство и христолюбимос!

Потомъ онъ сознался, что былины не пѣвалъ, а зналъ про Илью рассказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показывасть въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія къ тексту былинъ. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «ахъ, это все равно, отвѣчалъ Сорокинъ, я могу епѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно!» Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я припи-

сываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучнымъ¹⁾.

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что рассказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладницу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или: «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былинку такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполне довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовые черты другой эпохи, неимѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполне понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ бога-

¹⁾ Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». (Т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ гор. Пудожя; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріемствомъ Сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоянный дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивь», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ какъ Сумозеро не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожя.

тырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки придиѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа «гнѣдаготура», давно исчезнушаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные камнемъ или пнями, клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же видѣется кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это—трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстные, и личные стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

«Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пушалъ»,

то онъ рисуетъ картину, которая составила на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особенной обстоятельности, съ которою въ былинахъ пашнихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженье корабля: эти картины конечно не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверѣ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланье коня и снаряженье корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею такъ сказать любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ богатырямъ, именно сѣдланье коня и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что, въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужиною, образъ богатыря-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что, при изданіи въ Москвѣ нерваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскаетъ по полю ради подвиговъ»¹⁾). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережѣ каждый крестьянинъ вамъ ска-

¹⁾ Такое же неправильное толкованіе и въ словарѣ Даля: *поленица* — удалцы, ватага шалуновъ, наѣздники, разбойники; *поленица удалая* — шайка, вольница.

жеть положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десяткч разъ. [Поляница— это значить женщина-*богатырица*, говорилъ водлозеръ Сухановъ.] Чтѣ такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозѣркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ: «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (т. е. въ прѣжшее время) и женщины восвали, ходили на войну какъ и мужчины, это *поляницы* значить по нашему, по-деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣеть ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, — сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовья условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, чтѣ отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и пелода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижяхъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, чтѣ такое поляница, скажутъ, либо что это то же самое, чтѣ богатырь, либо что поляницамъ назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а чтѣ такое, не знаемъ». [Впрочемъ, и тамъ лучшіе пѣвцы (напр. Рябининъ) употребляютъ названіе «поляница»,—хотя кажется безсознательно, по старой памяти,—собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ*].

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это—Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пѣромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пѣромскаго, у котораго онъ жилъ въ рабочихъ. Если слѣдить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно разнятся въ подробностяхъ изложе-

*) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ по-видимому смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужскаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею — его дочерью (№ 77).]

нія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харлампъ Гусевъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; по возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Феонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то-и-дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Феоновъ, какъ упомянуто выше, калика, т. е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодіи. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимосъ въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, настолько цѣнными для науки,

что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинь, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинь. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что иначе казалось бы незаслуживающимъ ни какого вниманія. Такъ, напр., читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варианты извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ удалить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпаспортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это — молодой человекъ, который ходилъ бурлакомъ на Каналь, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинь, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпаспортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражавшихъ народъ. Этотъ вариантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (т. е. за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того, она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинь въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности прилегающія къ Онегу, а вторая — край, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) называли тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ, намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионеж-

ской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинь, *сѣверо-восточная* группа — относительно ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Гораций приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: — *dic age longum, Calliore, melos*. Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми, 8-ми, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняють былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижи, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижь* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, т.-е. погосты Сѣяногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, т.-е. погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья. Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижями и Толвуйею нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница, — манера у пѣвцовъ былинь въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былинку о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!»

Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ, говорилъ онъ, понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошій, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ 20; оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе.»

Въ чемъ же состоятъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ непрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпического стиха, подобно гомерическимъ частицамъ *ἄρα, αἶ, εἶ, ἔη* и проч.

Въ Кижкахъ такими частицами, — кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, м,* — служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де*; у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынь* или *нунь, же, было* и *есть* или *е*: это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерянь, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинь. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Феноновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему Потану Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ-пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинь между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же корогкіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кенозерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинь, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д., и сверхъ того Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слышали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе,

особенно—пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣють у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣеть никакой определенной фізіономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинается, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ сѣверо-восточной группѣ,—на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе рассказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинь (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предложить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почернутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ склонность буквы *ь* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ь* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч* рѣдки и непостоянны, обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать. Такъ, напр., очень рѣдко скажутъ: *блѣный свитѣ*, *молодеч*, обыкновенно же выходитъ не то *блѣный свитѣ*, *молодеч*, не то *блѣный свитѣ*, *молодецѣ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, но совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами балтійскаго и бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемѣну въ нарѣчій: *и* произносится чисто, *ь* уже весьма рѣдко принимаетъ отгѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *и* въ *о* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово*, *сево*, *несо* и т. п.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчій: ослабѣваетъ *окаме*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ь* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ перемѣною въ нарѣчій совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою пѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій

край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболее знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблюденій насчетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихіевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Пѣтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ» ¹⁾ и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался-было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника рапсода *тты* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъ-чуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладиться къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить

¹⁾ По списку, доставленному П. О. Бутневымъ.

то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеше исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распределить на три группы:

1. Сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;
2. Сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и
3. Сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложение составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанию самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложеніи, — все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повтсряющіяся типическія мѣста, т.-е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былинь.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пѣтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ Пѣтыкѣ — чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ*, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинь, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда

передаютъ былинѣ словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсю 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былинѣ про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (т.-е. безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ разбѣрамъ олонечскихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ ¹⁾:

¹⁾ Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ разбѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса. — Вотъ соответствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Поѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ градъ:
 Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать и копьемъ колотъ,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовутъ его въ Черниговъ воеводую.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 «А ѿ же вы, мужики Черниговцы!
 «Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводую;
 «А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кѣевъ градъ».
 Говорили ему мужички Черниговцы:
 — А ѿ же, удаленькій дородній добрый молодець,
 — Славный богатырь свято-русскій!
 — Прямоѣжею дорожкой въ Кѣевъ пятьсотъ верстъ,
 — Окольною дорожкой цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодила,
 — Заколодила дорожка, замуравѣла;

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
 Изъ того села да съ Карачирова,
 Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодець.
 Онъ стоялъ заутрену во Муромли
 А ѿ къ обѣденкѣ поспѣтъ хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
 Да ѿ подѣхаль онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнанѡ-то силушки чернымъ-черно,
 А ѿ чернымъ-черно какъ черна ворона,
 Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживать,
 На добромъ кони никто тутъ не проѣзживатьъ,
 Птица черный воронъ не пролетывать,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскивать.
 А подѣхаль какъ ко силушкѣ великой,
 Онъ какъ сталь-то эту силушку великую,
 Сталь конемъ топтать да сталь коньемъ колоть,
 А ѿ побилъ онъ эту силу всю великую.
 Енъ подѣхаль-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
 Выходили мужички да тутъ черниговски
 И отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
 А ѿ зовуть его въ Черниговъ воеводую.
 Говорить-то имъ Илья да таковы слова:
 «А ѿ же мужички да вы Черниговски,
 «Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводую.
 «Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ.»
 Говорили мужички ему Черниговски:
 — Ты удаленькой, дородній добрый молодець,
 — А ѿ ты славныя богатырь святорусскіи!
 — Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 — Заколодѣла дорожка, замуравѣла.
 — А ѿ по той ли по дорожкѣ прямоѣзжоу
 — Да ѿ пѣхотою никто да не прохаживаль
 — На добромъ кони никто да не проѣзживаль.
 — Какъ у той ли-то у грязи-то у Черной,
 — Да у той ли у березы у покляпыи,
 — Да у той ли рѣчки у Смородины,
 — У того креста у Леванидова,
 — Сиди Соловей разбойникъ во сыромъ дубу,

-
- Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
 — Черный воронъ не пролетывать:
 — Какъ у тоя у Грязи у Черныя
 — У тоя у березы у покляпыя,
 — У славнаго креста у Леванидова,
 — У славненькой у рѣчки у Смородинки,
 — Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
 — Свищеть Соловей онъ по соловьему,
 — Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
 — Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 — Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать. —

— Сиди Сдоловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
 — А то свищеть Сдоловей да по солбвьему,
 — Енъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному.
 — Й отъ него ли-то отъ пѣсвисту солбвьяго,
 — Й отъ него ли-то отъ идкрыку звѣринаго
 — То всѣ травушки муравы улетаются,
 — Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 — Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
 — А что есть людей, то вси мертвы лежать. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былину въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбываясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значить, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хорейскомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорая употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хорейскій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихѣева:

*Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
 Да й Микитичу-то матушка наказывала:*
 «Ты не ѣзди-ко далече во чисто полѣ
 «На тую горю да сорочинскую,
 «Не топчи-ко младныхъ зміенышевъ,
 «Ты не выручай-кополоновъ да русьскінхъ,
 «Не куплись Добрыня во Пучай рѣки;
 «Но Пучай рѣка очинъ свирипая,
 «Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчѣтъ.»
 А Добрыня свдеи матушки не слушался,
 Какъ онъ ѣдетъ далече во чисто полѣ,
 А на тую на горю сорочинскую,
 Потопталъ онъ младныхъ зміенышевъ,
 А й повыручалъ онъполоновъ да русьскінхъ.
 Богатырско его сердце распотѣлоси,
 распотѣлось сердце нажадѣлоси,
 Онъ приправилъ своего добра коня.
 Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
 Онъ слѣзалъ Добрыня со добра коня,
 Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноѣ,
 Да онъ забрелъ за струечку за первую,
 Да онъ забрелъ за струечку за среднюю
 И самъ говорилъ да таково слово:
 «Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 «Мнѣ Микитичу маменька й наказывала,
 «Что не ѣзди-ко далече во чисто полѣ

«На тую горѹ на сорочинскую,
 «Не топчѣ-ко младыхъ зміенышовъ,
 «А не *выручай* полоновъ да русьскіихъ
И не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
 «Но Пучай рѣка очінь свиріпая,
 «А середня-та струйка какъ огонь сѣчѣтъ;
 «А Пучай рѣка она кротнѣ-смирна
 «Она будто лужа-та дождевая.»
 Не усиѣлъ Добрыня словца молвити, —
 Вѣтра нѣтъ — да тучу надвесло
 Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
 А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
 Громъ громитъ да свищеть молнія.
 А какъ лѣтнѣ зміншо Горынчшо
 О тыхѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
 А Добрыня той зміѣи да приужахнется.
 Говоритъ зміѣи ему проклятая:
 — Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
 — Захочу тебя Добрыню тѣперь пѣтоплю,
 — Захочу тебя Добрыню тѣперь сѣтѣмъ-сождру,
 — Захочу тебя Добрыню въ хоботѣ возьму,
 — Въ хоботѣ возьму Добрыню, во норѣ снесу.—
Припадаєть зміѣя какъ ко быстрой рѣки,
 А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
 Онъ нырнѣтъ на бѣрежокъ на тамошной
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшній, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хорей-
 ческихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактили-
 ческія стопы вмѣсто хорей ¹⁾). Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею,
 хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ
 немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ выдерживать размѣръ стиха совершенно, и
 съ другой стороны тѣхъ, какъ Шеголѣнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе
 утратили размѣръ въ стихѣ.

¹⁾ Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записан-
 ному, какъ рассказывалъ самъ Евтихѣевъ, съ «словесной» передачи былины:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
 «Что молодѣ началъ ѣздитъ во чисто поле,
 «На тую горѹ Сорочинскую,
 «Топтать-то молодыхъ зміенышей,
 «Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
 «Пучай-рѣка есть свиріпая:
 «Середня струйка какъ огонь сичетъ».
 Добрынюшка матушки не слушался.

 Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
 На тыхъ горахъ на высокіихъ,
 Потопталъ младыхъ зміенышей,

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *шривымъ* какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпостъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ, — что было бы чрезъчуръ утомительно для слуха, — а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининимъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
 Богатырско его сердце пожадѣлося
 Пожадѣлося и распотѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай-рѣки,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 Снималъ съ себя платье цвитное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю.
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 «Мнѣ Никитичу матушка наказывала, —
 «Что не ѣзди далече во чисто поле,
 «На тую гору Сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ змиенышей.
 «Не выручай полоновъ русскіихъ,
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
 «Что Пучай-рѣка есть свирипая:
 «Средня струйка какъ огонь сичеть.
 «А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
 «Она будто лужа дождевая».
 Какъ въ тую пору въ то время
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,
 Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся, —
 Летитъ Змиище-Горычище
 О двинадцати змия о хоботахъ.
 Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
 — Захочу — Добрыню теперь потоплю,
 — Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и на Русь возьму,
 — Захочу — Добрыню съѣмъ сожру. —
 Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

Владиміръ князь стольно-кіевской
 Заводилъ онъ почестень пиръ-пированьицо
 А ѿ на всѣхъ-то на князей на бояровъ
 Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
 А сидятъ-то молодцы на честномъ пиру,
 Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
 Владиміръ князь по горенки похаживалъ,
 Пословечно государь выговаривалъ:
 «Всѣ есть добры молодцы поженены,
 «Красны дѣвушки замужъ даны,
 «Столько я одинъ хожу холостъ не жѣненой.
 «То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
 «Чтобы личушкомъ она да ѿ супротивъ меня
 «Очушки у ней бы ясныхъ соболей
 «Бровушки у ней бы черныхъ соболей,
 «А походочкой она бы лани бѣлою,
 «Бѣлою лани напольской,
 «Напольской лани златорогія,
 «А чтобы было бы мнѣ съ нимъ жить да быть, вѣкъ корѣтати.
 «Аще вамъ молодцамъ было бѣ то кому поклонятся?»
 Всѣ богатыри за столикомъ умоляли,
 Всѣ молодцы да пріутихнули
 За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынь и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестень пиръ да ѿ пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестень пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскихъ могучихъ на богатырей
 А ѿ на славныхъ поляницъ на удалыхъ

Здѣсь:

Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хорейскимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный вариантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлинняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеіемъ голоса на

послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бѣльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Згѣворитъ младъ Соловѣй сынъ Гудиміровичъ:
 «Сходенку выкидывай серѣбряную,
 «Другу выкидывай подзолоченую,
 «Третью выкидай исповѣжаную.
 «Берите подарки умильни,
 «Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ.»
 Брали ѣны во бѣлѣи руки,
 Матушку камочку узѣрчатую,
 И самъ бередъ гуселка ярѣвчатый,
 И самъ идетъ по сходенки золоченый,
 Матушка идетъ по серѣбряный,
 Вся его дружина по исповѣжаный;
 Приходятъ оны ко Владиміру на двѣрь.
 Приходитъ въ палату грановитую,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 А поклоны-ты ведѣтъ по учѣному,
 На всѣ три вѣды на четыре онъ на стѣроны,
 Тому ли Владиміру въ особину.
 Подаютъ ему подарочки хорошіе,
 Матушка камочку узѣрчатую
 Молодой княгини Опраксин.
 Взимаеъ княгиня на бѣлѣи руки,
 А взимаеъ княгиня дивуется:
 Да не дѣрога камочка заморская,
 А ѣ дороги узоры заморскіи.
 Сталь его Владиміръ высирѣшпивати
 Сталь его Владиміръ вывѣдывати:
 — Ты скажись, молодецъ, съ коѣй земли,
 — Какъ молодца именѣмъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анapestическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенія, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Кольванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно и былина о дѣтствѣ Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былинку, Шеголѣнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
 Жилъ Святославъ и преставился;
 Оставалось отъ него чадо милое,
 Младшій Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга онъ растѣть матерѣтъ,
 Похотѣлось Вольгѣ-то много мудрости:
 Щукой рыбою ходить Вольги во синихъ моряхъ,
 Птицей соколомъ летать Вольги подъ оболока,
 Волкомъ и рыскавъ во чистыхъ поляхъ.
 Уходили-то всѣ рыбушки въ глубокія моря,
 Улетали всѣ птички за оболоки,
 Убѣгали-то всѣ звѣри за тѣмны лѣса.
 Сталъ Вольга онъ растѣть матерѣтъ
 И собиралъ соби дружиннушку хоробрую,
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Самъ еще Вольга во тридцатыхъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чистомъ поли съѣзжалоси
 Три сильныхъ могучихъ богатыря
 По имени первой Колыванъ богатырь,
 Другой Муромлянъ богатырь,
 Третий Самсонъ богатырь.
 Про между собою рѣчи говорили,
 Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
 Говоритъ Самсонъ богатырь:
 «Кабы былъ столбъ въ землѣ,
 «Кабы было кольцо въ столбѣ
 «Я бы землю всю во кругъ повернулъ.»
 Говоритъ Муромлянъ богатырь:
 «Я бы также повернулъ.»
 Говоритъ Колыванъ богатырь:
 «Я также могъ повернуть.»
 Господь Всевышній творецъ
 За ихнее похваленіе
 Далъ имъ привидѣніе:
 Куда у ихъ было нарчено въ путь ѣхать,
 Лежитъ на пороги сумка,
 Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земный грузъ.
 Выскакивать со своего со добраго коня
 Самсонъ богатырь,
 Хватаетъ таковую сумку,
 Сумка съ мѣста не ворохнется.
 Выходитъ Муромлянъ богатырь
 Со своего со добраго коня,
 Хватаетъ таковую сумку,
 По колѣнамъ въ землю усѣлъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнется.
 Выходитъ Колыванъ богатырь
 Со своего со добраго коня,

Хватаетъ такую сумку
 По грудямъ въ землю съль,
 Сумка съ мѣста не ворохнётся.
 Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
 Сильніи могучіи богатыри!
 Отстаньте прочь отъ таковои сумки,
 Весь земныи грузъ въ сумку сложенъ.
 Впредь не похваляйтесь
 Всю землю владѣти,
 Наблюдайте своё доброё,
 Ъздите по Русі,
 Дѣлайте заштити,
 Сохраняйте Русею отъ неприятели,
 А хвадать по пустому не знайте.

Алекскій Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказала, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинь, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кievскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ - сказать, безыменныя (напр., про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и т. д.). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На золотомъ на ременьчатомъ
 Сидѣлъ тутъ царь Возягъ,
 Возягъ сынъ Таврольевичъ,
 Ёнъ де суди разсуживалъ
 Всѣ дѣла приговаривалъ
 И князевъ бояръ пожаловалъ
 Селами, помѣстьями,
 Городамъ съ пригородкамъ.
 И Хому дарилъ Томкою *)
 И Ерѣму Новимъ-городомъ.
 И Щелканушка дома не случилосе,
 И уѣхалъ Щелканушко
 Ёнъ во землю жиловскую,
 Ёнъ для чѣртова правезу,

*) Т. е. Тотьюю.

Ради дани и выходу.
 Ёнъ-де съ поля по колосу бралъ,
 Съ улицы по курицы,
 Съ мужика по няті рублей,
 У кого-де пяти рублей нѣтъ
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ женѣ-то нѣтъ
 И того самогò беретъ.
 Какъ у Щелкана не выробишься,
 Со двора вонъ не вырядишься.
 Какъ прѣхалъ Щелканушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 Токо токо *) ты, царь Возягъ,
 Царь Возягъ сынъ Таврольевичъ,
 И ты суды рассуживалъ,
 Всѣ дѣла приговаривалъ,
 Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
 И селами и помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками,
 И Хому дарилъ Токмою
 И Ерѣму Новѣмъ-городомъ;
 Подари-тко Щелканушка,
 Ты любимаго зятюшка,
 Мѣня Тверію городомъ,
 Мѣня Тверію славною,
 Мѣня Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдкими
 И князьемъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.»
 Говоритъ ему царь Возягъ!
 «Ты любимое зятюшко
 Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
 Заколѣ-ко чада милаго,
 Своего сына любимаго,
 Ты Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣди-ко ты чашу руды
 Токо чашу серѣбряную,
 Выпей ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой-царѣмъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
 Токо взявши Щелканушко
 Закололъ чада милаго,
 Своего сына любимаго,
 И Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
 Токо чашу серѣбряную
 Выпилъ ту чашу руды,

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *туда*.

Стоячись передъ Звягой царёмъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 Подарилъ его царь Возвягъ
 Ёго Тверю городомъ,
 Ёго Тверю славною,
 Ёго Тверью богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И князёмъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митриемъ Борисовичемъ.
 И поѣхалъ Щелканушко,
 И заѣхалъ Щелканушко
 Къ родной сестры проститися,
 Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
 «Ты прощай моя рѣдна сестра
 Токо Марья Дудентьевна!»
 — «Ты прощай же мой рѣдной братъ,
 Ужо по роду рѣдной-братъ,
 По прозванью окаанной братъ!
 И кабы ти уѣхати
 И назадъ не приѣхати
 Кабы ти самому на ножъ остыть
 И на сабли на востры!»
 И уѣхалъ Щелканушко
 Еще самъ головѣй вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII-му вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни времени Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейскимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственны былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII-го вѣка облакалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинь кievскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми атрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былинку о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и такъ сказать освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было московскаго царства,
 Средѣ было російскаго государства,
 Какъ у свѣта у Архангела Михайла,
 У Ивана у великаго въ соборѣ,
 Зазвонили во большой во колоколь,
 Всѣхъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
 Тамъ служили святѣи молебень.

Выходилъ нашà надежда государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
 Становился государь на ровнò мѣсто,
 На всѣ стороны онъ поклонился.
 Что ни золота труба да вострубила,
 Не серебряная полочка звенѣла,
 Зговорила нашà надежда государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
 «Ай же вы князья-бояра
 «Пособите государю дума думать,
 «Дума думать государю, не продумать,
 «А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачаласе,
 А й красное лѣто состоялось?
 Зачалася зима да отъ мороза,
 А й красно лѣто отъ солнца,
 А й богатая осень отъ лѣта.
 И по тыя-то осени богатой
 Вылетала малая птица,
 А й малая птица пѣвица.
 Садилась въ зелену садочку.
 А на тое на дерево калино,
 Ай начала пѣти жуиѣти,
 Всякими она-то ясаками.
 А й услышали русьскія птици,
 Собиралися стады оны стадами,
 Прилетали къ зелену садочку,
 А й садилсь птици рядами,
 Въ одну сторону до головами,
 А начали пѣти, жуиѣти,
 Заморскую птицу пытати:
 «Ай малая птица пѣвица!
 «Скажи Божью правду, не утайсе:
 «Кто у васъ за моремъ бóльшій,
 «Кто за Дунаечкимъ мѣньшій?» и т. д.

Иванъ Феофановъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ очевидно занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или козацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ числѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лирическимъ пѣснямъ; это — единственныя былины, которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ собирались казаки | — на крутъ бережокъ,
 Ахъ доньскн гребеньскн | — запорожскн,
 Запорожски казаки | — н все были янцки,
 Ахъ атаманъ былъ у дон | — скнхъ у казаковъ.
 Ой изъ тихаго Дону Ермакъ ! — былъ Тимофеевичъ,
 А есаулъ былъ у дон | — скнхъ у казаковъ
 Ахъ со Двины Оста | — фей Лаврентьевичъ.
 Какъ садилнсь казаки | — на легки стружки,
 Ай на легки стружки | — сѣли на мелки павозки
 Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было городи во Ва́страканн
 Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
 Баско щепетно по Ва́стракани погульваетъ,
 Ужь онъ штапамъ офице ружкамъ не кланяетсѣ,
 Востраканскому губернатору челомъ ему не бѣтъ.
 А саложени на ножкахъ шелкомъ тичевнй,
 Черна шляпа на кудряхъ | и перчатки на рукахъ,
 А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одно́мъ плечи таскаль
 И какъ персидской кушачекъ | во бѣльнхъ рукахъ держаль.
 Какъ увидѣлъ молодца, губернатѣрь скрычалъ:
 Вы сходите приведите удалаго молодца.
 Еще сталъ то губернатѣрь его спрашивати:
 «А ты скажнсь, скажнсь ко дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 «Изъ тиху ли ты Дону казакъ|аль казачей сынъ,
 «Аль ты съ нашего крѣпкаго города изъ Ва́страканн?»
 Какъ проговоритъ дѣти|нушка незнаемъ человекъ;
 «Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
 «Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Ва́страканн
 «Я со Камы то со рѣки | Сеньки Ра́зна сынъ.
 «Посулился мой-то батюшко завтра въ гости къ вамъ бѣтъ,
 «Вы умѣйте-тко моего батюшка кормитъ его поитъ,
 «Вы кормитъ его поитъ | и честно жаловати.»

Или наконецъ:

Ой растужится расплачется | нашъ прусскѣй — нашъ прусскѣй, — нашъ прусскѣй король,
 А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
 А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ,
 И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
 «Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
 «Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
 «А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала — достава — ласе?
 «Доставаласе да доставаласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
 Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
 А какъ другому же генера|пушку Краснощо—Краснощо—кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губернии всѣ эти послѣдннє разряды пѣсень составляютъ весьма рѣдкое исключеннє въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дак-

еть значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судить о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

И. ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. — ТОЛВУЙ. ПОВѢНЕЦЪ.

I. Калниницъ, Петръ Лукничъ.

1. — Святогоръ	6
2. — Садко, Вольга и Микула	9
3. — Илья Муромецъ и Соловей Разбой- никъ	16
4. — Илья Муромецъ и Идолице	22
5. — Добрыня Никитичъ	25
6. — Михайло Потыкъ	47
7. — Ставерь	67
8. — Смерть Чурилы	75
9. — Дюкъ	78
10. — Князь Карамышевскій	91
11. — Рахта Рагнозерскій	97
12. — Наѣздъ Литовцевъ	100
13. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	104
14. — Гришка Отрепьевъ	110

II. Оомина, Акинья Кузминишна.

15. — Вольга	112
16. — Илья Муромецъ	113
17. — Добрыня и Маршика	115
18. — Василій Пгиатьевичъ и Батыга	117

19. — Хотенъ Блудовичъ	119
20. — Дюкъ	121

III. Кононова, Домна Дмитрисвна.

21. — Ставерь	125
-------------------------	-----

IV. Корсаковъ, Федоръ Александровичъ.

22. — Илья Муромецъ и Идолице	129
23. — Добрыня и Алеша	131
24. — Кострюкъ	138

V. Койбинъ, Степанъ.

25. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	141
--	-----

VI. Котова, Марѳа Трофимовна.

26. — Добрыня и Алеша	144
27. — Чурило	148
28. — Братья разбойники и сестра	149
29. — Пѣтухъ и Лисица	151

VII. Попова, Настасья Аванасьевна.

30. — Василій Бусласвичъ	152
31. — Два любовника	154

ТОЛВУЙ.

VIII. Гриницъ, Иванъ Артсмьевичъ.

32. — Вольга и Микула	157
33. — Добрыня и Алеша	160
34. — Душай	165

35. — Чурила	169
36. — Соловей Будиміровичъ	172
37. — Взятіе Азова	174

IX. Тимоѣевъ, Андрей.

38. — Добрыня и Алеша	176
39. — Михайло Потыкъ	180

X. Прохоровъ, Петръ.

40. — Михайло Потыкъ	190
41. — Василій Игнатъевичъ и Батыга	205
42. — Наѣздъ Литовцевъ	207

XI. Антоновъ, Тимоѣей.

43. — Добрыня и Алеша	211
44. — Василій Буслаевичъ	215

II.

ПУДОГА.

XII. Прохоровъ, Никифоръ.

45. — Вольга и Микула	226
46. — Илья и сынъ	228
47. — Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ	233
48. — Илья Муромецъ и Идолнице	236
49. — Добрыня и Алеша	242
50. — Нѣпра и Допъ	252
51. — Иванъ Годиновичъ	255
52. — Михайло Потыкъ	259
53. — Соловей Будиміровичъ	283
54. — Василій Буслаевичъ	289

XIII. Феноновъ, Иванъ.

55. — Вольга и Микула	296
56. — Илья Муромецъ и Соловей разбой- никъ	298
57. — Илья Муромецъ и Калниъ царь	304
58. — Послѣдняя поѣздка Ильи Муромца	310
59. — Добрыня и Змѣй	313
60. — Василій Игнатъевичъ и Батыга	321
61. — Наѣздъ Литовцевъ	325
62. — Птицы и звѣри	330

XIV. Антоновъ, Потапъ Трофимовичъ.

63. — Сухмапъ	334
64. — Добрыня и Змѣй	338

65. — Добрыня и Алеша	347
66. — Василій Игнатъевичъ и Батыга	358
67. — Смерть Чурилы	363
68. — Соловей Вудиміровичъ	367

XV. Сорокинъ, Андрей Пантелъевичъ.

69. — Илья Муромецъ и Калниъ царь	372
70. — Садко	384
71. — Наѣздъ Литовцевъ	399
72. — Сорокъ каликъ	409
Разпорѣчія у Рыбникова	421

III.

КИЖИ.

XVI. Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ.

73. — Вольга и Микула	435
74. — Илья и Соловей разбойникъ	439
75. — Илья Муромецъ и Калниъ царь	445
76. — Илья Муромецъ въ ссорѣ со Вла- диміромъ	458
77. — Илья Муромецъ и дочь его	461
78. — Добрыня и Маринка	468
79. — Добрыня и Змѣй	470
80. — Добрыня и Василій Казиміровъ	480
81. — Дунай	502
82. — Михайло Потыкъ	511
83. — Иванъ Годиновичъ	513
84. — Хотень Влудовичъ	517
85. — Дюкъ	521
86. — Сорокъ калѣкъ	533
87. — Королевичи изъ Крякова	534
88. — Скопинъ	540
89. — Молодецъ и худая жена	542
90. — Горе	545

XVII. Романовъ, Кузьма Ивановичъ.

91. — Вольга	551
92. — Илья Муромецъ и Калниъ царь	556
93. — Добрыня и Змѣй	559
94. — Дунай	561
95. — Императоръ Петръ	567
96. — Сорокъ каликъ	569
97. — Молодецъ и худая жена	573

XVIII. Іевлевъ, Терентій.

98. — Микула Селяциповичъ	577
99. — Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй	578
100. — Добрыня и Алеша	579
101. — Калика богатырь	584
102. — Дунай	586
103. — Василій Буслаевичъ	593

XIX. Сарафановъ, Андрей Васильевичъ.

104. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	597
105. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	599
106. — Илья Муромецъ и Идолице	604
107. — Добрыня и Алеша	—
108. — Дунай	610
109. — Ставеръ	614
110. — Смерть Чурилы	618
111. — Гришка Отрепьевъ	620

XX. Дьяковъ, Александръ.

112. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	621
---	-----

XXI. Корниловъ, Семень.

113. — Настасья Пикулична	624
114. — Илья Муромецъ и Сокольникъ	625
115. — Дюкъ	627
116. — Василій Игнатъевичъ и Батыга	633
117. — Молодецъ и худая жена	634

XXII. Щеголёпокъ, Василій Петровичъ.

118. — Святогоръ и Добрыня	636
119. — Святогоръ и Садко	642
120. — Первые подвиги Ильи Муромца	646
121. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	655
122. — Добрыня и Маринка	660
123. — Добрыня и Змѣй	663
124. — Добрыня въ оналъ	667
125. — Дунай	671
126. — Хотеспъ Блудовичъ	676
127. — Чурило	677
128. — Дюкъ	681
129. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	683
130. — Птицы	689

XXIII. Аксеновъ, Василій.

131. — Вольга и Микула	692
132. — Добрыня	693
133. — Иванъ Гостинный сынъ	694
134. — Два любовника	696

XXIV. Неклюдина, Степанида Кононовна.

135. — Иващъ Гостинный сынъ	698
136. — Королевичи изъ Крякова	700
137. — Птицы и звѣри	702

XXV. Сурикова, Домна Васильевна.

138. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	704
139. — Дунай	711
140. — Ставеръ	717
141. — Василій Буслаевичъ	722
142. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	727
143. — Гришка Отрепьевъ	730

XXVI. Дутиковъ, Николай Филипповъ.

144. — Илья Муромецъ и Идолице	732
145. — Добрыня и Алеша	734
146. — Садко	738
147. — Королевичи изъ Крякова	740

XXVII. Чуковъ, Абрамъ Евтихievъ.

148. — Добрыня и Змѣй	744
149. — Добрыня и Алеша Поповичъ	751
150. — Михайло Потыкъ	759
151. — Ставеръ	766
152. — Дюкъ Степановичъ	775
153. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	784
154. — Земскій соборъ	789
155. — Молодецъ и королевна	791

XXVIII. Касьяновъ, Иванъ Анникievичъ.

156. — Вольга	795
157. — Добрыня и Змѣй	799
158. — Михайло Потыкъ	811
159. — Дюкъ	817
160. — Взятіе Казани	827
161. — Земскій соборъ	—
162. — Молодецъ и королевна	829

XXIX. Ерёмѣвъ, Іевъ.

163. — Добрыня и Маринка	832
164. — Хотень Блудовичъ	835
165. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	838
166. — Кострюкъ	842
167. — Братья разбойники и сестра	844

XXX. Макарова и Пастухова.

168. — Добрыня и Алеша	845
169. — Ставеръ	851

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI. Никитицъ, Ѳедоръ.

170. — Илья Муромецъ и Каликъ царь	861
171. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	866
172. — Иванъ Гостинный сынъ	873
173. — Сорокъ каликъ	875
174. — Садко	877
175. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	880
176. — Братья разбойники и сестра	884
177. — Горе	886

XXXII. Захаровъ, Ѳедоръ.

178. — Илья Муромецъ и Идолище	877
179. — Иванъ Годиповичъ	889
180. — Дюкъ	892
181. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	893
182. — Королевичи изъ Крякова	896
183. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	898
184. — Молодецъ и королевична Литовская	902

XXXIII. Батѡвъ, Алексѣй Висаріоновъ.

185. — Колыванъ богатырь	904
186. — Илья Муромецъ и Идолище	905
187. — Добрыня и Олеша	909
188. — Иванъ Годиповичъ	913
189. — Смерть Чурилы	918

XXXIV. Лиенца, Елена Алексѣева.

190. — Поѣздки Ильи Муромца	922
191. — Дунай	924
192. — Данило Игнатьевичъ	927
193. — Кострюкъ	930

XXXV. Елисеѣвъ, Иванъ.

194. — Женитьба Добрыни	932
-----------------------------------	-----

V.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI. Захаровъ, Иванъ Григорьевичъ.

195. — Вольга и Микюла Селянпповъ	941
196. — Илья Муромецъ и Идолище	943
197. — Поѣздки Ильи Муромца	946
198. — Добрыня и Алеша	947
199. — Соловей Будиміровичъ	952
200. — Королевичи изъ Крякова	955
201. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	957
202. — Ермакъ	960
203. — Стенька Разинъ	962
204. — Шведская война	963
205. — Прусскій король	964

XXXVII. Сухановъ, Трофимъ Ивановичъ.

206. — Добрыня и Алеша	965
207. — Калика-богатырь	974
208. — Соловей Будиміровичъ	976
209. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	979

XXXVIII. Пановъ, Савелій Кузьмичъ.

210. — Илья Муромецъ	983
211. — Добрыня и Олеша	996

XXXIX. Ѳедудовъ, Павелъ Антоновичъ.

212. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	1000
213. — Дюкъ	1003

XL. Петровъ, Алексѣй.

214. — Дунай	1013
------------------------	------

XLI. Сухановъ, Василий Алексѣевичъ.

215. — Добрыня и Алеша. 1015

XLII. Нягозёркинъ, Матвей Фёдоровичъ.

216. — Поѣздки Ильи Муромца 1022

217. — Добрыня и Алеша. 1024

218. — Дюкь 1031

VI.**КЕНОЗЕРО.****XLIII. Сивцевъ (Шбромской), Иванъ Павловичъ.**

219. — Пля Муромецъ и сынъ его. . . 1046

220. — Илья Муромецъ въ Цареградѣ . 1050

221. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1052

222. — Добрыня и Алеша 1054

223. — Молодость Чурилы. 1059

224. — Смерть Чурилы. 1065

225. — Дюкь 1068

XLIV. Воиновъ, Петръ Андреевичъ.

226. — Пля Муромецъ и сынъ его. . . 1080

227. — Добрыня и Маринка. 1088

228. — Добрыня и Алеша. 1090

229. — Молодость Чурилы. 1097

230. — Дюкь 1104

231. — Василий Игнатьевичъ и Батыга . 1117

XLV. Калитина, Ирина Денисовна.

232. — Пля Муромецъ въ Цареградѣ . 1119

233. — Илья Муромецъ и сынъ его. . . 1124

234. — Отъездъ Добрыни 1127

235. — Щелканъ Дудентьевичъ. 1128

236. — Гришка Отретьевъ. 1130

237. — Шведская война. 1131

238. — Небылица. 1132

XLVI. Тряпичинъ, Михайло Ивановъ.

239. — Илья Муромецъ и голы кабацкіе. 1133

240. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1136

241. — Добрыня и Змѣй 1138

242. — Смерть Чурилы 1141

243. — Дюкь. 1143

244. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 1144

XLVII. Костинъ, Александръ Давыдовъ.

245. — Пля Муромецъ и Идолнице. . . 1148

246. — Пля Муромецъ и сынъ его. . . 1149

247. — Братья Дородовичи 1152

248. — Братья разбойники и сестра . . 1154

XLVIII. Кукшиновъ, Николай Ивановъ.

249. — Илья Муромецъ и голы кабацкіе. 1155

250. — Илья Муромецъ и Алеша Доро-

довичъ 1157

251. — Молодость Чурилы. 1160

XLIX. Патрикѣевъ, Филиппъ Васильевичъ.

252. — Михайло Дородовичъ. 1164

253. — Ревнивый мужъ. 1166

L. Кроначевъ (Лядковъ), Иванъ Михайловичъ.

254. — Вольга и Щелканъ. 1168

255. — Микюла Селяновичъ и Иванъ Го-

дировичъ 1169

256. — Женильба Ивана Годировича . . 1172

257. — Пля Муромецъ и голы кабацкіе. 1175

258. — Василий Игнатьевичъ и Батыга . 1179

259. — Василий Буслаевичъ 1184

260. — Авдотья Рязаночка. 1187

261. — Кострюкь. 1191

262. — Молодецъ и рѣка Смородина . . 1193

263. — Молодецъ и королева. 1195

264. — Птицы 1197

LI. Третьяковъ, Игнатій Григорьевичъ.

265. — Святогоръ. 1199

266. — Поѣздки Ильи Муромца 1201

267. — Добрыня и Маринка. 1205

268. — Смерть Чурилы 1207

269. — Щелканъ Дудентьевичъ. 1209

LII. Гурьбинъ, Иванъ Александровичъ.

270. — Святогоръ. 1210

271. — Три поѣздки Ильи Муромца. . . 1211

272. — Дунай 1214

LIII. Меншиковъ, Петръ Яковлевичъ.

273. — Святогоръ 1217
 274. — Илья Муромецъ и Соловей раз-
 бойникъ 1219
 275. — Иванъ Годиповичъ 1221
 276. — Стецька Разинъ 1225

LIV. Георгіевская, Авдотья Васильевна.

277. — Хотенъ Блудовичъ 1227
 278. — Дашко Пгнатъевичъ 1228
 279. — Дюкъ 1230
 280. — Птицы 1231

LV. Меньшикова, Матрена Григорьевна.

281. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе . 1234
 282. — Хотенъ Блудовичъ 1235
 283. — Щелкашъ Дудептъевичъ 1237

LVI. Лоскутова, Марья Семснвна.

284. — Василій Буслаевичъ 1240
 285. — Два любовника 1242

LVII. Шумацовъ, Ѳедоръ Григорьевичъ.

286. — Василій Буслаевичъ 1243

LVIII. Гусевъ, Андрей Тимооевичъ.

287. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1246
 288. — Добрыня и Маринка 1249
 289. — Добрыня и Змѣй 1251
 290. — Добрыня и Алеша 1252

LIX. Гусевъ, Харлампъ Андреевичъ.

291. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1255
 292. — Добрыня и Алеша 1258

LX. Андреева, Ирина.

293. — Иванъ Годиповичъ 1262
 294. — Братья разбойники 1265
 295. — Небылица 1266

LXI. Максимовъ, Степанъ Ильичъ.

296. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 1267
 297. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1272

LXII. Максимовъ, Андрей Ильичъ.

298. — Птицы 1275

LXIII. Максимова, Варвара Ивановна.

299. — Князь Михайло 1277
 300. — Невольное постриженіе 1278

LXIV. Лоскутовъ, Ѳедоръ Никифоровичъ.

301. — Сорокъ каликъ 1279

LXV. Заваль, Ефимъ Яковлевичъ.

302. — Королевичи изъ Крякова 1280
 303. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1284

VII.

МОША.

LXVI. Швецовъ, Николай Михайловичъ.

304. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 1293
 305. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1299
 306. — Добрыня и Алеша 1302
 307. — Иванъ Годиповичъ 1306
 308. — Хотенъ Блудовичъ 1309
 309. — Смерть Чурилы 1312
 310. — Кострюкъ 1315
 311. — Молодецъ и королевна 1317
 312. — Петербургская старинка 1319

LXVII. Юрьевъ, Антонъ Степановичъ.

313. — Добрыня 1320
 314. — Молодецъ и королевна 1321

LXVIII. Макушкинъ, Андрей Ѳедоровичъ.

315. — Добрыня и Алеша 1323

LXIX. Малыгинъ, Петръ Саватьевичъ.

316. — Добрыня и Маринка 1326

LXX. Курниковъ, Иванъ Ивановичъ.

317. — Кострюкъ 1329

LXXI. Сивцевъ, Тимоѳей Михайловичъ.

318. — Событіе 1830-хъ годовъ 1332

СПИСОКЪ

БЫЛИНЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ.

- Авдотья Рязаночка, № 260.
Азова (взятіе), № 37.
Алёша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй, № 99.
Большой Быкъ (старина о немъ), №№ 297, 303.
Василій Буслаевичъ, №№ 30, 44, 54, 103, 141, 259, 284, 286.
Василій Игнатьевичъ и Батыга, №№ 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.
Вольга, №№ 15, 91, 156.
Вольга и Микула, №№ 32, 45, 55, 73, 131, 195.
Вольга и Щелкавъ, № 254.
Горе, №№ 90, 177.
Гришка Отрешевъ, №№ 14, 111, 143, 236.
Данило Игнатьевичъ, №№ 192, 278.
Добрыня, №№ 5, 132, 313.
Добрыня и Алёша, №№ 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107, 145, 149, 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 228, 290, 292, 306, 315.
Добрыня и Василій Казиміровъ, № 80.
Добрыня и Змѣй, №№ 59, 64, 79, 93, 123, 148, 157, 241, 289.
Добрыня и Маринка, №№ 17, 78, 122, 163, 227, 267, 288, 316.
Добрыня въ опалѣ, № 124.
Добрыни (женитьба), № 194.
Добрыни (отъѣздъ), № 234.
Дородовичи (братья), № 247.
Дунай, №№ 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272.
Дюкъ, №№ 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279.
Ермакъ, № 202.
Земскій Соборъ, №№ 154, 161.
Иванъ Васильевичъ (грозный царь), №№ 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183, 201, 209, 244.
Иванъ Годиповичъ, №№ 51, 83, 179, 188, 275, 307.
Ивапа Годиповича (женитьба), №№ 256, 293.
Иванъ Гостинный сынъ, №№ 133, 135, 172.
Илья Муромецъ, №№ 16, 210.
Ильи Муромца (первые подвиги), № 120.
Ильи Муромца (поѣздки), №№ 190, 197, 216, 266.
Ильи Муромца (три поѣздки), №№ 221, 240, 271, 287, 291, 305.
Ильи Муромца (последняя поѣздка), № 58.
Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, №№ 47, 76.
Илья Муромецъ въ Цареградѣ, №№ 220, 232.
Илья Муромецъ и дочь его, № 77.
Илья Муромецъ и сынъ его, №№ 46, 219, 226, 233, 246.

- Илья Муромецъ и Алѣша Дородовичъ, № 250.
Илья Муромецъ и голн кабацкіе, №№ 239, 249, 257, 281.
Илья Муромецъ и Идолище, №№ 4, 22, 48, 106, 144, 178, 186, 196, 245.
Илья Муромецъ и Калинъ царь, №№ 57, 69, 75, 92, 105, 121, 138, 170, 296, 304.
Илья Муромецъ и Сокольникъ, № 114.
Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ, №№ 3, 56, 74, 104, 112, 171, 212, 274.
Казани (взятіе), № 160.
Калика-богатырь, №№ 101, 207.
Каликъ (сорокъ), №№ 72, 86, 96, 173, 301.
Карамышевскій (князь), № 10.
Колыванъ-богатырь, № 185.
Королевичи изъ Крякова, №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302.
Кострюкъ, №№ 24, 166, 193, 261, 310, 317.
Литовцевъ (наѣздъ), №№ 12, 42, 61.
Любовинка (два), №№ 31, 134, 285.
Микюла Селяниновичъ, № 98.
Микюла Селяниновичъ и Иванъ Годиповичъ, № 255.
Михайло (князь), № 299.
Михайло Дородовичъ, № 252.
Михайло Потыкъ, №№ 6, 40, 52, 82, 150, 158.
Молодецъ и королевична Литовская, № 184.
Молодецъ и королева, №№ 155, 162, 263, 311, 314.
Молодецъ и рѣка Смородина, № 262.
Молодецъ и худая жена, №№ 89, 97, 117.
Настасья Никюлична, № 113.
Небылица, №№ 238, 295.
Невольное постриженіе, № 300.
Нѣпра и Донъ, № 50.
Петербургская старина, № 312.
Петръ (императоръ), № 95.
Прусскій король, № 205.
Птицы, №№ 130, 264, 280, 298.
Птицы и зифри, №№ 62, 137.
Пѣтухъ и Лисица, № 29.
Разбойники (братья) и сестра, №№ 28, 167, 176, 248, 294.
Рахта Рагнозерскій, № 11.
Ревнивый мужъ, № 253.
Садко, №№ 70, 146, 174.
Садко, Вольга и Микюла, № 2.
Святогоръ, №№ 1, 265, 270, 273.
Святогоръ и Добрыня, № 118.
Святогоръ и Садко, № 119.
Скопникъ, № 88.
Событіе 1830-хъ годовъ, № 318.
Содовой Будиміровичъ, №№ 36, 53, 68, 199, 208.
Ставеръ, №№ 7, 21, 109, 140, 151, 169.
Стецька Разинъ, №№ 203, 276.
Сухманъ, № 63.
Хотенъ Блудовичъ, №№ 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308.
Чурило, №№ 27, 35, 127.
Чурилы (молодость), №№ 223, 229, 251.
Чурилы (смерть), №№ 8, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309.
Шведская война, №№ 204, 237.
Щелканъ Дудентьевичъ, №№ 235, 269, 283.
-

I.

ПОВЪНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшою черною бородкою и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжий. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человекомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвун для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ къ былинамъ, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуетъ то, что кромѣ былинь, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ сказокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика ни-

щаго гдѣ-то около Толвун или Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ея лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV, №№ 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лувинимъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ словеснаго пересказа стиховъ.

1.

СВЯТОГОРЬ *).

На тыхъ горахъ высокихъ,
На той на Святой Горы,
Быть богатырь чудный,
Что ль во весь же міръ онъ дивный,

*) По словамъ пѣвца, это есть окончаніе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

Во весь же міръ былъ дивныи.
 Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
 Не носила его да мать сыра земля.
 Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
 Славнаго Святогора нунь *) богатыря.
 Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
 Къ тому же Святогору тутъ богатырю
 На тыи было горы на высокии.
 Приѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 А на тыи было горущии высокии
 Къ тому же Святогору да богатырю,
 Приѣзжаетъ-то къ ему да поблизехонько,
 А ѣ поклоны ведетъ да понизехонько:
 «Здравствуешь богатырище порныи **)
 «Порныи богатырь ты да дивныи!»
 — Ты откуда, добрый молодецъ,
 — Какъ ты нарекаютъ по отечеству?
 «Я есть города нунь Муромля
 «А села да Карачаева,
 «Я старыи казакъ да Илья Муромецъ.
 «Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богатыря:
 «Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
 «Къ намъ богатырямъ да онъ не явится.»
 Отвѣчаетъ богатырь было порныи:
 — Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
 — Не носитъ меня мать сыра земля,
 — Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
 — Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по
 высокиимъ
 — Да по щелейкамъ ***) по толстыимъ.
 — А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 — Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щелейкамъ,
 — А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ.
 Ѣздили они было по щелейкамъ,
 Разъѣзжали тутъ они да по Святымъ Горамъ,
 Ѣздили они по многу времени,
 Ѣздили они да забавлялися.
 Находили тутъ они да чюдо чюдное,
 Находили тутъ они да диво дивное,
 Находили площадницу ****) да огромную.
 Говоритъ богатырь Илья Муромцу:
 — Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — Ты ложись-ка въ площадницу да въ огромную:
 — Поглядимъ-ка площадницы мы огромную,
 — Что она тебѣ поладится-ль?—
 Спускается казакъ да Илья Муромецъ,

*) Нунь, нуньчу, нунечу — вмѣсто нынѣ, вынѣче.

**) т. е. крѣпкій.

***) Щелья — скала.

****) Площаница — гробъ.

Опускался тутъ казакъ да изъ добра коня
 А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромныи,—
 А этотъ гробъ-то Илья Муромцу да дологъ есть.
 Опускается богатырь Святогорскіи
 А съ того было съ добра коня,
 А ложился въ площадницу онъ во дивную,—
 Та же площадница да по немъ пришла,
 Самъ же съ площадницы тутъ не выстанеть:
 — Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — Ты новыздынь съ площадницы да огромныи.—
 Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 Къ Святогору да богатырю,—
 Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
 А съ того гробѣ глубокаго.
 Говоритъ же тутъ богатырь Святогорскіи:
 — Ты слодмай-ко эти щелья да высокии
 — А новыздынь-ко съ гробѣ меня глубокаго.—
 Старыи казакъ да Илья Муромецъ
 Какъ ударилъ своей палицей
 Да по щелейки по толстыи,
 А по той горы да по высокии,—
 Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
 Черезъ тотъ да гробъ еще великии,
 Черезъ тую площадницу было дивную.
 Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дрѹгой разъ,—
 Что ударить, тутъ же обручъ было ставится.
 Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святогорскіи:
 — Видно тутъ же есть богатырь да кончается!
 — Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 — А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
 — Къ древному да батюшку,
 — Къ древному да темному,
 — Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
 — Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица.—
 Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
 Отъ того же Святогора прочь богатыря
 На ту гору на Палавонскую
 А къ тому же старичку да было древному,
 Хотъ бы древному да темному.
 Приѣзжае Илья Муромецъ
 На ту на гору Палавонскую
 Къ древному да къ темному:
 «Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
 «Древныи ты темныи!
 «Я привезъ тебѣ поклоны да челомъ-битыцю
 «Отъ твоего снѣя любимаго
 «Отъ того же Святогора я богатыря:
 «Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
 «Какъ легъ же въ площадницу онъ въ огромную
 «Да во тотъ было во гробъ во каменной,
 «Я оттуль не могъ его новыздынуть».

Розсердился тут старикъ да было темны,
 Темны старикъ да было древніи:
 — Знать убилъ же Святогора ты богатыря,
 — Приѣзжаешь нуль ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
 — Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.—
 Какъ хватить тутъ же палицу да богатырскую
 Да помѣхне во богатыря,
 А й богатырь тутъ увѣрнется,
 Да старикъ тутъ образумится.
 Далъ ему да вѣчное прощеньицо
 Святогору да богатырю
 Да и смыу да любезному.
 Приѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 Къ Святогору да богатырю,
 Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
 Съ нмъ же онъ да тутъ прощается,
 Святогоръ же тутъ же онъ копчается.

Записано въ дер. Рямъ
 на Пудожской Горѣ 24 июля.

2.

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА *).

Во славномъ во Новіи градѣ
 Находится куонецъ да богатыи,
 Былъ работникъ ~~Садко~~ новгородскій.
 Отправлялись купци новгородскій
 Торговать за синее морѣ
 **) . . .
 Торговали за синимъ за славнымъ морюшникомъ.
 Отправляются они во славный во Новгородъ,
 Выѣзжали они среди морѣ.
 Становились корабли новгородскій,
 Стояли на мори тронъ сутки,
 Не куда оны не подаются.
 Говорятъ купци новгородскій:
 «Требуе изъ насъ Водяной царь
 «Каку ни съ насъ онъ пошлнѣ.»
 Отвѣчае вода нмъ матушкѣ:
 — Проситъ человекъ Водяной царь. —
 Выбирали купци новгородскій
 Изъ артели человекъ въ синее морѣ.

*) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя удареніями въ концѣ стиха, при чемъ удареніе на последнемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

**) Калининъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы поѣхали.

Пожелать съ артели Сатокъ работничокъ,
 Рядилъ много злата серебра
 И мелкихъ съ ихъ же жемчуговъ:
 Буде буду я на святую Русь,
 Должны отдать купци новгородскій.
 Отпускали Сатка работничка
 Во славно во синее морѣ
 На двухъ дощечкахъ дубовыхъ.
 Отправлялся Сатокъ работничокъ
 За большое у нихъ было золото.
 Спустился Сатокъ работничокъ
 Во славно во синее морѣ.
 Приходитъ къ силѣ къ отпадшии,
 Къ тому къ царю къ невѣрному,
 Къ тому приходитъ къ двору къ царевому.
 На трехъ столбахъ у двора цареваго
 Положено по головѣи человеческой.
 Говоритъ Сатокъ работничокъ:
 «Ляже видно мой головушкѣ
 «У того царя невѣрнаго,
 «У той же силы отпадшии».
 Приходитъ Сатокъ работничокъ,
 Приходитъ же онъ въ царской дѣмъ
 И на то онъ судилищѣ:
 Остужается царь невѣрный
 Со своей молодой женой,
 И спрашивать Сатка работничка:
 — Что Сатокъ работничокъ?» —
 «Отъ тѣхъ купцовъ новгородскихъ
 «Послапъ Сатокъ работничокъ.
 «Объ чѣмъ ты, царь невѣрный,
 «Требуешь человекъ тѣ съ Русіи?»
 — И зову я къ себѣ на судилищѣ, —
 — Спорилъ со своей молодой женой:
 — Что на Россіи у васъ нульчю дѣтсѣ:
 — Дороже булатъ-жельзо краснаго видъ золотѣ?
 Отвѣчаетъ Сатокъ работничокъ:
 «У насъ на Россіи нульчю дѣтсѣ, —
 «Подороже булатъ-жельзо краснаго видъ золотѣ».
 Скочилъ же царь невѣрный,
 Тянулъ въ руки саблю вострую,
 Отекъ царицы буйну голову *).
 Отвѣчаетъ Сатку работничку:
 — Ай Сатокъ работничокъ!
 — Не угодно ли служить царю невѣрному? —
 «Отъ васъ, царь, не отнимаюся,
 «Только хотѣлось бы не бѣлый свѣтъ.»

*) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водяного, увѣряла, будто на Руси золото дороже жельза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человекъ съ Руси.

— Женись-ко, Сатокъ работничѡвъ,
 — Награжу тебя Сатокъ имѣніемъ. —
 Не отнимался Сатокъ работничѡвъ
 Отъ того царя невѣрнаго.
 Приводитъ ѣнъ ему три дѣвушкѣ:
 Двѣ дѣвушкѣ бѣленькѣхъ,
 Третья дѣвушка черная,
 Черна дѣвчонька чигапочка.
 Ступае дѣвчонька на погу
 Тому Сатку работничѡву,
 Догадался Сатокъ работничѡвъ,
 Отвѣчаетъ царю невѣрному:
 «Возьму я дѣвушку черную.»
 Отвелъ же невѣрный царь
 Ему дѣвушку черную.
 Ложилися Сатокъ работничѡвъ
 И спать онъ съ дѣвушкой черной.
 Говоритъ ему дѣвушка черная,
 Черна дѣвчонька чигапочка:
 — Не вались, Сатокъ работничѡвъ,
 — Близехонько ко мнѣ къ дѣвушкѣ,
 — Накни свои рѣчки Сатковѣй,
 — Накни конецъ перстичковъ. —
 Накниулъ Сатокъ работничѡвъ,
 Накниулъ онъ конецъ перстичковъ, —
 И тутъ Сатокъ работничѡвъ
 Объявился въ тую ночь въ Новѣ градѣ
 И лежитъ покрай матушки Волховѣ,
 Одни ручки въ водѣ егѡ.
 Приѣзжаютъ купци новгородскѣй
 Изъ-за славнаго синѣ моря:
 Получилъ съ ихъ золото и серебрѡ,
 Получилъ съ ихъ и мелкіи жемчугѣ.
 Вознесся Сатокъ работничѡвъ
 Вознесся е славою,
 Прописалъ себя въ купци богатѣй.
 Кажется Сатку богатому,
 Не во спѣ ему кажется,
 На яву ему видится:
 — Вѣжи-тко ты шелковъ неводѣ,
 — Лови-тко ты въ матушки Волховѣ
 — Что попадетъ тебѣ въ неводѣй:
 — Сострой амбарѣ великѣй,
 — Въ амбарѣ вали безпощадно грѣзь. —
 Попадае мусоръ и чеврой *) тутъ,
 Попадае листья и дубѣя колѡдникѣй.
 Валилъ въ амбарѣ великѣй
 И всяку неподѡльну грѣзь.
 Все новгородчана смѣялией

*) Чеврой — рѣчной песокъ.

Надъ тымъ Саткомъ работничѡвъ:
 — Вознесся Сатокъ работничѡвъ,
 — Прописалъ себя въ купечество
 — И залогоу великаго,
 — А нуль ловитъ мусоръ и чеврой тутъ
 — И всяку неподѡльну грѣзь,
 — И валитъ въ амбарѣ великѣй! —
 На яву у Сатка причудилосѣй,
 Все золото серебро въ амбарѣ объявилосѣй.
 Произвелъ Сатко купецъ богатѣй
 И все на денежный счетъ же вдрѣтъ, —
 И не узналъ свою казну безсмѣтнуу.
 Повыхвасталъ Сатко богатѣй,
 Повыхвасталъ съ купцами новгородскимѣ:
 «Ай же вы купци новгородскѣй,
 «Ай же вы купци издревле здѣй!
 «Я повикуплю у васъ запасы все хлѣбный,
 «Повикуплю товары все красныи
 «И на свое было имѣніе
 «И на свою злату казну!»
 И все купци новгородскѣй
 Все купци задумались:
 — Неужто не можетъ поставить на Сатка купца
 богатаго
 — Хлѣбовъ запасныхъ и товаровъ намъ крас-
 ныхъ,
 — Чтобы не выкупитъ Сатку купцу богатому
 — Нашего имѣщества? —
 Не смѣли битъ о великъ залогъ,
 Не смѣли на одиный же разъ,
 А были съ Саткомъ они на три разъ, —
 Были купци о своихъ глазахъ,
 И Сатокъ купецъ богатѣй
 Былъ о своей буйной головѣй.
 Сталъ купитъ запасы онъ хлѣбный
 И товары все красныи,
 Очистилъ все лавки у купцовъ новгородскѣйхъ.
 Нечего купить Сатку богатому
 У тихъ купцовъ новгородскѣйхъ,
 Повикупилъ съ лавазовъ запасы все хлѣбный,
 Съ лавою товары все красныи.
 Наставляли купци было въ другой разъ
 Про того Сатка купца богатаго,
 Сталъ купитъ Сатокъ въ другой разъ
 Изъ лавазовъ запасы онъ хлѣбный,
 Изъ лавою товары все красныи,
 Повикупилъ на свое большое имѣніе
 Изъ лавазовъ запасы онъ хлѣбный,
 Изъ лавою товары все красныи,
 Не осталосъ товаровъ тутъ хлѣбныхъ,
 Не осталосъ товаровъ тутъ красныхъ.

Самн купци новгородскій
 Самн купци приадуналсь,
 Самн купци приужапулсь:
 — Набъ *) намъ поставитъ буйны головь,
 — Не заправимъ запасовъ мы хлѣбныхъ,
 — Не заправимъ товаровъ мы красныхъ,
 — Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
 Писали купцамъ греческїмъ,
 Писали купцамъ заморскїмъ:
 Пособили бы наставитъ запасы же хлѣбный,
 Пособили бы наставитъ товары все красныи.
 Наставили купци заморскїи,
 Заморскїи купци чю ли греческїи,
 Наставили запасы тутъ хлѣбный,
 Наставили товары тутъ красныи
 Въ помочъ купцамъ новгородскїмъ
 Сталь купитъ Сатокъ купецъ богатый
 Въ томъ въ своёмъ въ Новїи градї,
 Повыкупилъ Сатокъ онъ же третью часть:
 Не хватае у Сатка больше золота
 Купитъ тутъ запасы да хлѣбныхъ,
 Да товаровъ да красныхъ.
 За свое за бахвальство за ложноѣ,
 За свое пустое за хвастаньѣ.
 Отсѣчь набъ Сатку буйна голова,
 Прикончить Сатку своя скоро жизнь.
 Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатый
 Отъ тыхъ купцѣвъ новгородскихъ,
 Сбѣжалъ изъ думы изъ крѣпкїи
 Къ тому Вольгїи Всеславьеву:
 «Молодой Вольгѣ Всеславьевичъ,
 «Сбереги меня Сатка купца богатого
 «Отъ тою смерти напраснои
 «За своё за ложноѣ хвастаньѣ!»
 Одѣвался Вольгѣ Всеславьевичъ
 И въ латы богатырскїи,
 Береть орудию богатырскую,
 Ставился Вольгѣ Всеславьевичъ,
 Ставился на матушку на Волховѣ,
 Ставился на широкъ мостъ,
 Казнилъ онъ пародъ безцандо безпошлинно,
 Рыль *) народъ во матушку во Волховѣ
 И всихъ купцѣвъ новгородскихъ;
 Вѣжали купци новгородскїи,
 Тый мужикн новгородчанѣ
 Къ тому было отцу его крестному
 Къ тому Вольгн Всеславьева:
 — Упроси-тво ты Вольгѣ Всеславьева.

*) Набъ — надобно.

*) Рыль — сбрасывать.

— За того Сатка купца богатого
 — Казнить пародъ безцандо безпошлинно. —
 Одѣвается отецъ его крестный,
 Кладывае колоколъ себя на главѣ
 Кладывае колоколъ же мѣдный,
 Мѣдныи колоколъ еще сорокъ пудъ.
 Идетъ къ крестовому дитянкѣ
 Къ тому Вольгн Всеславьеву:
 «Ай крестовое мое ты дитянкѣ,
 «Ай Вольгѣ Всеславьевичъ!
 «Не казни жъ пародъ безцандо безпошлинно
 «За того купца ты невѣрнаго,
 «Не за вѣрнаго купца богатого,
 «За богатого Сатка новгородскаго!»
 Ушпрается отца онъ крестнаго,
 А ударилъ отца онъ крестнаго
 Своимъ копьемъ бурзаемецкїимъ
 Во его буйную голову,
 Въ тотъ колоколъ было мѣдный
 И молодой Вольгѣ Всеславьевичъ.
 И лопнулъ колоколъ было мѣдный
 На главы у того отца крестоваго.
 Убилъ отца онъ крестоваго.
 Тутъ самъ Вольгѣ ужакнулъся вдрѣтъ,
 Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
 Приходить къ родители къ матери,
 Самъ Вольга и хвастаетъ:
 — Ай родитель моя матушка!
 — Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
 — Убилъ своего отца было крестнаго. —
 Говоритъ родитель ему матушка
 Тому Вольгн Всеславьеву:
 «Молодой Вольгѣ Всеславьевичъ!
 «Не потершишь тебя небесной царь,
 «Что убилъ отца ты крестнаго,
 «За ту напрасну смерть».
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Справляется къ дружинн хороброю,
 Набралъ дружинн хороброю
 Набралъ сорокъ стрѣльцѣвъ молодыхъ молодцѣвъ,
 Сорокъ молодцѣвъ удалихъ борцѣвъ,
 Отправляется съ дружиной хороброю,
 Отправляется Вольгѣ Всеславьевичъ,
 Отправляется въ дальнюю сторону.
 Приѣзжае Вольгѣ Всеславьевичъ,
 Приѣзжае къ Викулы Селягнѣ.
 Наше Викула Селягнѣ сѣпъ
 Во томъ въ чистомъ полїи,
 Борозды гоняе предолгїи,
 Сошка его поскрипыватъ,
 Солова кобылка его постукиватъ,

Камешки вонъ вывертываѣтъ,
 Дѣренъ Викула внизъ повертываѣтъ.
 Приѣзжаетъ Вольга Всеславьевичъ
 Къ Викулы Селягину:
 — Богъ помочь, ратаръ великій,
 — Во чистомъ полѣ попахиваѣтъ!
 — Какъ ты зовуть, ратаръ великій,
 — По имени нарекають по отечеству? —
 Отвѣчаетъ тутъ ратаръ великій,
 Называется Викулушкой,
 По изотчинѣ звелчается Селягинъ сынъ.
 — Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
 — А нашолъ тебя въ чистомъ полѣ
 И спрашивать Викула Селягинъ сынъ:
 «Откуда удалой добрый молодецъ?»
 — Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣстъ,
 — По прозваніицу Вольга Всеславьевичъ. —
 «И вы есть Вольга Всеславьевичъ?
 «Куда вы отправились?»
 — Отправился къ Викулы Селягину,
 — Искать Викулы Селягина,
 — Что поренъ Викула Селягинъ сынъ. —
 И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
 «Велика сила у Викулы Селягина,
 «Какъ ратаремъ живу во чистомъ полѣ.»
 — Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
 — Поѣдемъ съ нами въ Курчевецъ,
 — Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ. —
 Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
 «Я недавно былъ братцы во Курчевцѣ,
 «Привезъ два мѣха соли преболѣшійхъ,
 «Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пудъ.»
 Зоветь его Вольга Всеславьевичъ
 Съ собою ѣхать въ Курчевецъ,
 Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
 Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
 Выпрягалъ кобылку онъ солову,
 Кладъ сошку на ноженку,
 Лишнулъ *) сошку далѣко въ край.
 Садился на кобылку на солову,
 Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
 Пошла Викулина кобылка тутъ солова,
 Пошла во цѣлый шахъ, —
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Со своей дружиной хороброю
 Одва гонятся во всю же рысь.
 Испроговоритъ Вольга Всеславьевичъ
 — Ай Викула Селягинъ сынъ!
 — Эта бы кобыла конемъ была,

*) г. е. кшугъ.

— Стоила бы кобыла пятьсотъ рублѣвъ. —
 Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
 «Не возьму за кобылу цѣлой тысящѣ.»
 Поѣхали въ путь дороженку,
 Не доѣхали до города Орѣхова,
 Попадае имъ камень огромный,
 На камешки подписъ великаѣ:
 Скакать черезъ этотъ же камешокъ
 Тому же богатырю
 Тому Вольгѣ Всеславьеву,
 Дружинушки его въ поперѣгъ каменѣ,
 Ему Вольгѣ вдоль камешка, —
 Не скочитъ Вольга Всеславьевичъ,
 Тутъ будетъ Вольги скоро смерть.
 Отправляется дружина хоробрая,
 Скакала она впоперѣгъ сѣго каменѣ;
 Направляется Вольга Всеславьевичъ
 Скочитъ сѣго вдоль каменѣ.
 Скочилъ Вольга Всеславьевичъ
 Черезъ всю длину сѣго каменѣ,
 Задѣвае конь подковама
 За длинныи за камешокъ.
 Застрдалъ Вольга Всеславьевичъ,
 Не доѣхалъ Вольга до Орѣховца,
 Скончался на той пути дороженкѣ
 И тотъ же Вольга Всеславьевичъ.
 Доставала дружина хоробрая
 Доставала Вольгу Всеславьевѣ
 Въ свое же мѣсто великое *).
 Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 іюля.

3.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗВОЙ- НИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
 Изъ того ли нунъ села да Карачаева,
 А Илья да сынъ Иваповичъ
 Проситъ у родителя прощеньца,
 Онъ прощенья проситъ съ благословленьцомъ
 Ёхать къ городу Чернигову,
 Отъ Чернигова-то ѣхать нунъ ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру.

*) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

Далъ отецъ прощенье съ благословленьцомъ
 Ъхать къ городу Чернигову.
 Онъ садился тутъ Илья да на добра копя,
 Бралъ же въ руки онъ да тугой лукъ,
 А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
 А отъ города отъ Муромля
 А до города Чернигова.
 Перевель станъ большій разбойничья,
 Онъ очистилъ тутъ дороженки.
 Подѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
 Гди стоитъ тутъ войско бусурманское
 А ѣ подъ городомъ Черниговимъ,—
 Тутъ не сдѣлано ни выпуска ни выѣзду
 Что ли князю да черниговску.
 Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
 Онъ приближъ же тое войско всё бусарское (*такъ*),
 Всихъ татаръ да всихъ поганыихъ,
 Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
 Збавилъ князя да черниговска
 Отъ татаръ было поганыихъ.
 Приѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
 Князь черниговскій зрадѣется:
 «Ты откуда, добрый молодецъ,
 «Ты коѣй земли, коѣй орды,
 «Какъ ты нарекають по отечеству?»
 — Я есть города отъ Муромля
 — Да села есть Карачаевска,
 — Да Илья же сынъ Ивановичъ. —
 Принялъ его князь черниговскій
 Во великое себѣ-ка-ва гостѣбнищю,
 Онъ дарилъ ему да чѣстны подарочки,
 Подарилъ тутъ е орудію да богатірскую,
 Подарилъ коньѣ да ему вострое,
 Да пожертвовалъ ѣнъ саблю ему вострую.
 Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
 Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
 А прямой дорожкой не окольною,
 А гди Соловей да сынъ Рахматовичъ
 А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочн-
 скінхъ,
 Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Бьетъ онъ свистомъ соловьинымъ,
 Покрыкомъ своимъ звѣринымъ.
 Тутъ есть станы да разбойнички
 Да артели тутъ великіи
 На прямой дорожки не окольныи.
 Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
 Отъ Чернигова до Кіева,
 Перевель же станы вси разбойнички,
 Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
 Подѣзжасъ подъ гнѣздо да Соловьиное

Того Соловья Рахматова.
 Засвисталъ же Соловей Рахматовичъ,
 Засвисталъ по соловьиному,
 Закрычалъ онъ по звѣриному;
 У Илья сына Иванова
 Добрый конь его да подтыкается,
 Спадатъ со рѣзвѣихъ ногъ,
 Падать онъ же на колѣночка.
 Говоритъ Илья Ивановичъ:
 — Ахъ ты волчья сынъ, медвѣжья выть!
 — Что же ты да поныче подтыкаешься?
 — Что ль ты не бывалъ да во темномъ лѣсу,
 — Не слыхалъ ты соловьиного да пѣвисту,
 — Не слыхалъ ли ты звѣринаго да покрыку?
 — Ты ставай-ко на рѣзвѣи ноги,
 — Ты вези-ко подъ гнѣздо да Соловьиное,
 — Подъ того же было Соловья Рахматова! —
 Подѣзжасъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
 Подъ того же Соловья Рахматова,
 Подъ гнѣздо да соловьиное.
 Какъ подѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
 Подъ гнѣздо да Соловьиное,
 Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
 Онъ натягивалъ тетивочки шелкѣвыи,
 А накладывалъ тутъ стрѣлочку калѣную,
 Стрѣлилъ стрѣлочку во Соловья
 Во того да во Рахматова,
 Во того да во разбойничка;
 Понадала тая стрѣлочка
 А во Соловья Рахматова
 И свалила тая стрѣлочка
 Оттуль Соловья Рахматова,
 А Рахматова разбойничка,—
 Повалился будто сѣнная-та кучищю.
 А до смерти не убило ли,
 Только Соловья разило ли.
 А Илья да сынъ Ивановичъ
 Бралъ же Соловья Рахматова,
 Бралъ Илья да за желтѣи кудри,
 Вязалъ Соловья Рахматова
 Онъ ко лѣвою ко стремени.
 Тутъ садился на добра копя,
 Повесть Соловья Рахматова
 А ѣ ко городу ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владимиру
 Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиный,
 Гдѣ живеть же тамъ жена е Соловьиная
 Со своимъ тамъ же дѣткамы.
 А глядятъ же его дѣтушки
 Того Соловья Рахматова
 Во косевчато-окошечко;

Говорятъ же ты дѣтушки:
 «Ахъ ты матушка, ты матушка!
 «Батюшка-тотъ ѣде, мужика везеть».
 Была дочь да одпоглаза,
 А глядитъ она въ окошечко,
 А сама она да испроговорить:
 — Ахъ вы глупши вы дѣтушки,
 — Неразумны наши дѣтушки!
 — А не батюшка-тотъ ѣде, мужика везеть,
 — А мужикъ-тотъ ѣде, везе батюшка. —
 Говорить же Соловина молода жена:
 «Вы бѣжите-тко на широкъ дворъ,
 Тамъ здымайте подворотенку
 Подворотенку да вы серебряну,
 А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
 Во свонхъ было воротахъ ли.
 Увидаль же тутъ да Соловей Рахматовичъ
 Подворотенку здымаючи:
 — Ахъ вы глупши вы дѣтушки,
 — Неразумны вы дѣтушки!
 — Вы зачимъ же нунъ здымаете
 — Подворотенку серебряну?
 — Что ли ўбете вы подворотенкой,
 — Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
 — Вы зовите-тко въ гостѣбницю,
 — Вы дарите-тко подарочки,
 — Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка. —
 Звали во великое гостѣбницю
 Да Плью сына Иванова,
 Выносили ему честныи подарочки.
 Не бралъ честныхъ подарочковъ,
 Не оставилъ имъ же Соловья Рахматова,
 Везъ ко городу ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру.
 Приѣзжае онъ ко городу ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру,
 Тутъ же онъ приѣхалъ да на широкъ дворъ
 Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
 Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго
 У того кольца да золоченаго,
 Зашолъ же во полаты бѣлокаменны,
 Крестъ кладеть да по писаному,
 А поклонъ ведеть да по ученому,
 Бьетъ челомъ да покланяется
 А на вспхъ же на четыре на сторонушки,
 Князю со княгинюшкой въ особину:
 «Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской
 «Со своей было княгиною!»
 Спрашивать Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Ты откуда, удалый доброй молодецъ,
 — А коей земли коей орды,

— Какъ ты именѣмъ зовуть,
 — Какъ ты нарекають по отечеству?
 «Я есть города отъ Муромля
 «А села да Карачаева,
 «А Пля да сынъ Ивановичъ»
 — А отъ города отъ Муромля
 — Отъ села да Карачаева
 — Вы куда-ка пунчу ѣхали? —
 Отвѣчае тутъ Пля да сынъ Ивановичъ:
 «Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
 «Отъ Чернигова на Киевъ градъ
 «А прямой дорожкой неколконою.»
 Говорить ему Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Ай же ты Пля да сынъ Ивановичъ!
 — Тутъ великии артели да разбойниковъ
 — На прямой дорожки неколконою. —
 «Вси разбойнички убитыи,
 «Вси дороженьки очищены.»
 Спрашивать Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Подъ Черниговомъ да стобитъ войско бусур-
 манское,
 — Всѣ поганши татарова,
 — А стойтъ татаръ да много тысящей,
 — Запертъ да Черниговъ градъ,
 — Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
 Говорить же тутъ Пля да сынъ Ивановичъ:
 «А убито тое войско бусурманское,
 «Да очищепъ тутъ Черниговъ градъ,
 «Что ль избавленъ еще князь черниговской
 «А отъ тыхъ поганыхъ татаровей.»
 — Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
 «Ѣхали да отъ Чернигова
 «Отъ Чернигова на Киевъ градъ
 «А ѣ прямой дорожкой неколконою,
 «Гди живеть тутъ Соловей Рахматовичъ».
 Говорить ему Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?
 — Тутъ великии артели е разбойниковъ. —
 «А разбойнички убитыи,
 «Что ли стѣпочки носѣжаны.»
 — Тутъ же Соловей Рахматовичъ
 — Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да соро-
 чинскихъ,
 — Не стрѣлбой палъбой онъ бьетъ да человѣче-
 ской,
 — Бьетъ же по свистомъ да соловьинымъ,
 — Бьетъ же по крысомъ звѣринымъ. —
 «Соловей Рахматовичъ
 «На твоємъ да широкѣмъ дворѣ
 «У моеи было у лѣвон у стремеи,
 «Онъ привезенъ нунъ во Киевъ градъ.»

Князь да со княгиною
 А скорешенько бѣжали да на широкъ дворъ
 Посмотрѣть да было Сбловья Рахматова.
 Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
 Къ тому Сбловью Рахматову,
 А ѣ къ Рахматову разбойнику:
 — Ахъ ты Сбловей Рахматовичъ,
 — Засвищи по соловьиному,
 — Закричи-тко по звѣриному! —
 Отвѣчае имъ же Сбловей:
 «Не у васъ я хлѣба кушаю,
 «А не васъ я хочу слушати.»
 А ѣ выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
 — Заставъ Сбловья да засвистать,
 — Засвистать по соловьиному,
 — Закричать да по звѣриному. —
 Говорилъ Илья Ивановичъ:
 «Ахъ ты Сбловей Рахматовичъ,
 «Засвищи-ко ты полу-свистомъ,
 «Закричи-ко нушь полу-крикомъ!»
 Сбловей Рахматовичъ,
 А Рахматовичъ разбойничекъ,
 Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
 Закричалъ-то онъ во весь тутъ крмкъ.
 Князь да со княгиною
 Пали оны, ѡмерли.
 Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
 Какъ подскочитъ онъ ко Сбловью,
 Къ Сбловью Рахматову
 А къ Рахматову разбойнику,
 Какъ отдѣрнетъ да отъ стремены,
 Какъ ударить о кирпичень мость, —
 Повернулись тутъ глаза-ты вопъ косицами,
 На четыре части голова тутъ лопнула;
 А рострясъ князѣ съ княгиною,
 Что ли солнышка Владиміра
 А п князя стольнѣ-кѣвска.
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-Кѣвской:
 — Благодарствуйшь Илья да сынъ Ивановичъ,
 — Эбавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
 — Нареку тебѣ я имя да по новому:
 — Быдъ-ко ты казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 — А живи-тко ты у насъ во Кіевѣ,
 — А отишиъ ты живи вѣкъ по вѣку! —

Записано тамъ же, 24 июля.

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганинъ,
 Чтоль Идолищо великое,
 Набралъ силы онъ татарскін,
 Набралъ силы много тысящей,
 Онъ поѣхалъ нушь татаринъ да поганинъ,
 А Идолищо великое,
 А великое да страшное,
 А ѣ ко солнышку Владиміру
 А ѣ ко князю стольнѣ-кѣвску.
 Приѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганинъ,
 А Идолищо великое,
 А великое да страшное,
 Ставить силушку вкругъ Кіева,
 Ставить силушку на много вѣреть,
 Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
 Уболяся нашъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Что ль татарина да онъ было поганинаго,
 Что ль Идолища да онъ было великаго.
 Не случилось да у Владиміра
 Дома русьскінхъ могучінхъ богатырей, —
 Уѣхали богатыри въ чисто поле,
 Во чисто поле уѣхали поляковать:
 А ѣ ни стараго казака Ильи Муромца,
 А ѣ ни мѡлода Добрынюшки Никитича,
 Ни Михайлы было Пѡтыка Иванова.
 Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
 Хоть бы смѣли Алешка — не удалыи.
 А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
 А протівъ было поганинаго татарина
 А протівъ того Идолища великаго.
 Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Что ль татарину да кланялся,
 Звалъ онъ тутъ въ великое гостебнищо,
 На свое было велико ириваньищо
 Во свои было палаты бѣлокаменны.
 Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
 Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаетъ.
 Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
 Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
 Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле
 А подъ тую было силу подъ татарскую.
 Понадасть ему старецъ pereгримнищо,
 Pereгримнищо да тутъ могучін Иванищо;
 Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Ты Иванищо да е могучін!
 «Не очистиши что же нушьчу града Кіева,

«Ты не убьешь нунь поганыихъ татаровей?»
 Говорилъ ему Иваннцо могучее:
 — Тамъ татаринъ е великин,
 — А великин Идолицо да страшныи,
 — Онъ по кулю да хлѣба къ выти ѣсть,
 — По ведру вина да онъ на разъ-то пьеть,
 — Такъ не смію я итти туды къ татарину. —
 Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Ай же ты Иваннцо могучее!
 «Дай-ко миѣ-ка платницевъ нунь старческихъ
 «Да лаптѣвъ же миѣ-ка нуичу старческихъ,
 «Своей шляпы нунь же миѣ-ка-ва да старческой,
 «Да й клюки же миѣ-ка сорока пудовъ, —
 «Не узналъ бы нунь татаринъ да поганыи,
 «Что меня же нунь казѣка Ильи Муромца,
 «А Ильи сына Иванова.»
 — А не даль бы я ти платницевъ да старческихъ,
 — А не смію не дать платницевъ тутъ старческихъ:
 — Съ чести ти не дать, такъ возъмешь не съ чести,
 — Не съ честивозъмешь, ужъ миѣ-ка бокъ набьешь!
 Отдавае ему платница-ты старческии,
 Лапти тутъ давае онъ же старческии,
 Шляпу онъ давае тутъ же старческу,
 А клюку-ту онъ давае сорока пудовъ.
 Принимаетъ тутъ же платяа богатырскии
 А садился на коня да богатырскаго,
 Онъ поѣхалъ Илей Муромцомъ.
 А идеть тутъ Илья Муромецъ,
 Что идеть же къ солнышку Владиміру,
 Что идеть Иваннцо могучее
 Въ платьяхъ тутъ же старческихъ,
 Онъ идеть мимо палаты бѣлокаменны
 Мимо ты косевчаты окошечка,
 Гди сидитъ было Идолицо поганое,
 Гди татаринъ да девѣрныи.
 А взглянулъ было татаринъ во окошечко,
 Самъ татаринъ испрогѣворитъ,
 Говоритъ же тутъ татаринъ да поганыи:
 — А по платицамъ да иде старчицо,
 — По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —
 Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 А въ тинъ въ полаты бѣлокаменны
 И во тыхъ было во платьяхъ да во старческихъ
 Того старца перегримнца,
 Перегримнца да тутъ Иваннца.
 Говоритъ же тутъ Идолицо поганое:
 — Ай же старчицо да перегримнцо!
 — А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ?
 Отвѣчае ему старецъ перегримнцо:
 «Не огромный пашъ казакъ да Илья Муромецъ,

«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть.»
 — А по многу ли вашъ ѣсть да Илья Муромецъ?—
 Отвѣчае ему старецъ перегримнцо:
 «Не по многу ѣсть казакъ да Илья Муромецъ:
 «По три онъ калайника круливчатыхъ.»
 — Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьеть?—
 Отвѣчае ему старецъ перегримнцо:
 «Онъ одинъ же пьеть да нунь стаканецъ ли.»
 Отвѣчае тутъ Идолицо поганое:
 — Это что же есть да нуичу за богатырь ли!
 — Какъ нашн татарскии богатыри
 — По кулю да хлѣба къ выти кушаютъ,
 — На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли.—
 Отвѣчае тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Какъ у нашего попа да у Левонтыя у Ростовскаго
 «Какъ бывала тутъ коровница обжорица,
 «По кубочѣ *) соломы да на разъ ѣла,
 «По лохани да пштыя е да на разъ пила,
 «Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»
 Тутъ Идолицу поганому не кажется, —
 Какъ ухватитъ онъ ножицо да кинжалнцо
 Да какъ махне онъ въ казѣка Илью Муромца,
 Во того было Илью Иванова.
 А казакъ тотъ былъ на ножки еще повертокъ,
 А на печку Илья Муромецъ выскакнвалъ,
 На лету онъ ножнчокъ подхватывалъ,
 А назадъ да къ нему носомъ поворачнвалъ, —
 Какъ подскочитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 Со своей было клюхою сорочинскою,
 Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову, —
 Отлетѣла голова да будто пугвица.
 А какъ вскочитъ онъ да на шірокъ дворъ,
 Взялъ же онъ клюхой было помахивать
 А поганыихъ татаровей охаживать,
 А прибилъ же вснхъ поганыихъ татаровей,
 А очистиъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
 Збавилъ онъ же солнышка Владиміра
 Изъ того же было полону великаго.
 Тутъ же Ильѣ Муромцу да-е славу поють.

Записано тамъ же, 24 іюля.

*) Кубоча — тукачъ или снопъ соломы.

5.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ *).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
 Никитичу-то роденька наказывала:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитичъ!
 «Ты походишь пунь гулять да е во Кіевъ градъ,
 «Подъ ты пунь гуляй да по всемъ улличкамъ,
 «И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
 «Только нѣ ходи ко суиной Маринушки,
 «Къ той Маринушки Кайдаловной,
 «А Кайдалевной да королевичной,
 «Въ тую ли во частую во улличку,
 «Да во тотъ ли нунь во мелкій переулочекъ.
 «Сука блядъ Маринка та Кайдалевна,
 «А Кайдалевна да королевична,
 «Королевична да и волшебница,
 «Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
 «Много королей да королевичевъ,
 «Девять русьскіихъ могучіихъ богатырей,
 «А безъ счету тутъ народушку да черняди.
 «Зайдешъ ты, Добрынюшка Никитичъ,
 «Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
 «Тамъ тебѣ Добрынь живу нѣ бывать!»
 Отираляется Добрыня сынъ Никитичъ
 Онъ ходитъ гулять во городу по Кіеву,
 Да по тымъ же нунь по частымъ по улличкамъ,
 Тутъ по мелкимъ Добрыня переулочкамъ,
 Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитичъ,
 А не шоль же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.
 Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
 А сидитъ же голубъ со голубушкой
 А во той же нунь Маринки во Кайдалевны
 Въ ей же онъ сидитъ голубъ во уллички,
 Сидятъ что ли голубъ со голубкою
 Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
 А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
 Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
 Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
 Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи,
 Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки калѣныи,
 Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голуба съ голубушкой.
 Не понала тая стрѣлочка каленая
 А й во голуба да со голубкою,
 А летѣла тая стрѣлочка прямо во высокъ теремъ,

*) Калининъ пѣлъ подъ-рядъ всю былинну о Добрынь Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говорилъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдѣльную былинну.

Въ то было окошечко косевчато
 Къ сукѣ ко Маринушки Кайдалевной,
 А й Кайдалевной да королевичной.
 Тутъ скорешенько Добрыня шоль да широкѣмъ
 дворомъ,
 Поскорѣ тутъ Добрыня по крылечку,
 Вѣжливѣ же Добрыня по новѣмъ сніямъ,
 А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
 А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
 Говоритъ ему Маринка да Кайдалевна,
 А й Кайдалевна да королевична:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитичъ!
 «Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь.»
 Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Ахъ ты душенька Маринушка Кайдалевна!
 — Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
 Обвернулся тутъ Добрыня съ новой горници
 И выходитъ тутъ Добрынюшка на широкъ дворъ.
 Тутъ скочила же Маринушка Кайдаловна,
 Брала тутъ пожицо да княжалицо,
 А стругаетъ тутъ слѣдочки да Добрынны
 Рыла *) тутъ во печку во муравлену
 И сама же тутъ къ слѣдочкамъ приговаривать:
 «Горите вы слѣдочки да Добрынны
 «Во той было во печки во муравленой,
 «Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
 Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
 А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдалевной,
 А й къ Кайдалевной да королевичной:
 — Ахъ ты душенька Маринушка Кайдалевна,
 — А й Кайдалевна да королевична!
 — Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
 — Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Ники-
 тичемъ. —
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
 «Что же надо мной да надсмѣхаешься?
 «Давень тебя звала въ полюбовнички,—
 «Ты въ меня топерь **) Добрыня не влюблялся ли;
 «Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
 Воротила тутъ она было богатыря
 Тымъ было турдѣмъ да златорогѣмъ,
 А спустила тутъ богатыря въ чисто поле;
 А пошоль же тутъ богатырь по чистой полю,
 А пошоль же онъ турдѣмъ да златорогѣмъ.
 Увидае онъ тутъ стадо да гусинѣ
 Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
 А желанной онъ своей да было тѣтушки,—
 Пригонталъ же всѣхъ гусей да до единого,

*) т. е. бросала.

**) т. е. въ то время.

Не оставилъ онъ гусениша на сімена.
 Тутъ приходя пастухи было гусиный
 А приходя пастухи да жалобу творять:
 «Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
 «А приходитъ къ намъ же туръ да златорогін,
 «Притопталъ же всѣхъ гусей да до одинаго,
 «Не оставилъ намъ гусениша на сімена.»
 Приходилъ же къ стаду къ лебедному,
 Притопталъ же лебедей всѣхъ до единоѣ,
 Не оставилъ онъ лебѣдушки на сімена.
 Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
 А приходятъ пастухи да лебедный,
 Тынъ жъ пастухи да жалобу творять:
 «Молода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ къ намъ туръ да златорогін,
 «Притопталъ же лебедей всѣхъ до единоѣ,
 «Не оставилъ онъ лебѣдушки на сімена.»
 Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьѣѣ,
 Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единою,
 Не оставилъ онъ овечки имъ на сімена.
 Не поспѣли пастухи да тынъ взадъ сойти,
 А приходя пастухи было овечий:
 «Молода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ къ намъ туръ да златорогін,
 «Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единоѣ,
 «Не оставилъ онъ овечки намъ на сімена.»
 Шолъ же туръ да златорогін
 А во то было во стадо во скотинное,
 Ко тому было ко скоту ко рогатому,
 Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,
 Не оставилъ имъ коровушки на сімена.
 Не поспѣли пастухи да тынъ взадъ сойти,
 А приходя пастухи же къ ей коровий,
 Тынъ пастухи да жалобу творять:
 «Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ ко стаду ко скотинному
 «Приходилъ же туръ да златорогін,
 «Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,
 «Не оставилъ намъ коровушки на сімена.»
 Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
 → А не быть же нунъ туръ да златорогому,
 — Быть же нунъ любимому племяннику,
 — Молоду Добрынюшки Никитичу.
 — Онъ обернуть у Маринки у Кайдальевой
 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 — А повернуть онъ туромъ да златорогінмъ.—
 Находилъ же стадо онъ конное
 Тотъ же туръ да златорогін,
 Разгонялъ же всѣхъ коней да по чисту полю,
 Не оставилъ имъ лошадушки на сімена.
 А й приходятъ пастухи да къ ей конный,

Сами пастухи да жалобу творять:
 «Молода Авдотья ты Ивановна!
 «Приходилъ же къ намъ тутъ туръ да златорогін,
 «Разгонялъ же всѣхъ коней да по чисту полю,
 «Не оставилъ намъ лошадушки на сімена.»
 Молода Авдотья да Ивановна
 Повернулась тутъ она было сорокою,
 А летѣла къ суку ко Маринушкѣ Кайдальевой,
 А садилась на окошечко косевчато.
 Стала тутъ сорока выщекатывать,
 Стала тутъ сорока выговаривать:
 — Ахъ ты сука нунъ Маринушка Кайдальевна,
 — Ай Кайдальевна да королевична!
 — А зачѣмъ же повернула ты Добрынюшку,
 — А Добрынюшку да ты Никитича,
 — Тымъ же нунъ туромъ да златорогінмъ,
 — А спустила тутъ Добрыню во чисто поле?
 — Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
 — Отъ того же нунъ тура да златорогаго:
 — Не отворотнишь ты Добрынюшки Никитича
 — Отъ того же отъ тура да златорогаго, —
 — Верну тебя, Маринушка, сорокою,
 — Я спущу тебя, Маринка, во чисто полѣ, —
 — Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою!—
 Обвернулась тутъ Маринка да сорокою,
 А летѣла тутъ сорока во чисто поле,
 А садилася кътуру да на злати рога.
 Стала тутъ сорока выщекатывать,
 Взѣла тутъ сорока выговаривать:
 «Ай же туръ да златорогін,
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
 «А принять со мной съ Маринкой по злату вѣнцу,—
 «Отвращу я отъ тура ты златорогаго».
 Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ахъ ты душенька Маринуша Кайдальевна,
 — А й Кайдальевна да королевична!
 — Отврати-тко отъ тура да златорогаго,
 — Сдѣлаю я заповѣдь великую,
 — Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу.
 Отвернула отъ тура да златорогаго
 Молода Добрынюшку Никитича.
 Приходили тутъ ко городу ко Киеву
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
 А проводить онъ свою да было свадебку,
 Отправляется во ложни да во теплыи
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Самъ же онъ служаночкамъ нагазывать:
 — Ай же слуги мои вѣрныи!
 — Попрошу у васъ же чару зеленá вина,

— Вы попрежде миѣ подайте саблю вострую. —
 Пождъ же онъ во ложни да во теплыи;
 Обвернула тутъ его да горностапушкомъ,
 Взѣла горностапнина поуживать,
 Взѣла горностапнина покышкивать,
 Приломаль же горностапль да свои пѣкти прочь.
 Обвернула тутъ она его соколикомъ,
 Взѣла тутъ соколика поуживать,
 Взѣла тутъ соколика покышкивать,
 Примахаль соколъ да свои крыльнца.
 Тутъ смолнлся онъ Маринуши Кайдальевной,
 Ай Кайдальевной да королевичной:
 — Не могу летать я нушечку соколикомъ,
 — Примахаль свои я нушечку крыльнца,
 — Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
 Молода Мариника да Кайдальевна,
 Ай Кайдальевна да королевична,
 Отвернула тутъ Добрыню добрымъ молодцемъ;
 А скрычалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Ай же слуги мои вѣрныи,
 — Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
 Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
 Поскорешенько тутъ подавали саблю вострую.
 Нѣ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
 Смѣхне онъ Добрыня саблей вострою
 И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
 А за ей было поступки неумильнии.
 Поутру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
 Идутъ же было князи тутъ да бояра:
 «Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитичъ,
 «Со своею да съ любимойъ семей,
 «Съ той было Маринишкой Кайдальевной,
 «А й Кайдальевной да королевичной!»
 — А й же нушъ вы князи еще бояра,
 — Все же вы Владимірови дворяна!
 — Я вечеръ же братци былъ женать нѣ хлостъ,
 — А нынечу я сталъ братци холостъ нѣ жѣнать!
 — Я отсѣкъ же нушъ Маринѣ буйну голову
 — За ейны было поступки неумильнии. —
 «Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитичъ,
 «Что отсѣкъ же ты Маринки буйну голову
 «За ейны поступки неумильнии!
 «Много тутъ казнила да народу она русьскаго,
 «Много тутъ князей она князевичевъ,
 «Много королей да королевичевъ,
 «Девять русьскѣхъ могучѣхъ богатырей,
 «А безъ счету тутъ народушку да черняди!»

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
 Матушка Никитичу показывала:

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитичъ!
 «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
 «Не топчи-тко тамъ ты малыхъ зміенишовъ,
 «Не выручай же полону тамъ русьскаго,
 «Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
 «Тая рѣка свирная,
 «Свирная рѣка сама сердитая:
 «Изъ-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 «Изъ-за другою же струйки некра сыплется,
 «Изъ-за третьей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
 «Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ
 Опъ не слушалъ да родители тутъ матушки
 Честной вдови Офимьи Олександровной,
 Ыздилъ онъ на гору сорочинскую,
 Топталъ онъ тутъ малыхъ зміенишковиъ,
 Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
 Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
 Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
 — Матушка Добрынюшки говаривала,
 — Родная Никитичу наказывала:
 — «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
 — «Не топчи-тко тамъ ты малыхъ зміенишовъ,
 — «Не куплись Добрыня во Пучай-рѣки,
 — «Тая рѣка свирная,
 — «Свирная рѣка да е сердитая:
 — «Изъ-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 — «Изъ-за другою же струйки некра сыплется,
 — «Изъ-за третьей же струйки дымъ столбомъ
 валитъ,
 — «Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
 — Эта матушка Пучай-рѣка
 — Какъ ложнишка дождѣвая. —
 Не носилъ тутъ же Добрыня словца молвити, —
 Изъ-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 Изъ-за другою же струйки некра сыплется,
 Изъ-за третьей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
 Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
 Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
 О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
 «Захочу я пишь Добрынюшку пѣло сожру,
 «Захочу Добрыню въ хобота возьму,
 «Захочу Добрынюшку въ полонъ спесу».
 Испроговорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Ай же ты змѣя было проклятая!
 — Ты носила бы Добрынюшку да захватить,
 — Въ ты пору Добрынюшкой похвастати, —
 — А нушечу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
 Нѣрнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
 Выпрынулъ Добрынюшка на другою, —

Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
 Нѣту у Добрыни ко́ня востраго,
 Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
 Самъ же тутъ Добрыня приужа́хнется,
 Самъ Добрыня испрогóворить:
 — Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
 Лежить тутъ колпакъ да земли греческой,
 А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
 Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
 Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
 Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
 Выхватилъ ножницю да кивжалницю,
 Хоче онъ змѣю было порóспластать.
 Змѣя ему да тутъ смолиласи:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Быдь-ка ты Добрынюшка да большой братъ,
 «Я теби да сѣстра меньшая.
 «Сдѣлаемъ мы же заповѣдь великую:
 «Тебѣ-ка-ва не ѣздить нынѣ на гору сорочинскую,
 «Не топтать же здѣ-ка маленькихъ змѣишниковъ,
 «Не вырúчать плóну да русьскаго;
 «А я теби сестра да буду меньшая, —
 «Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
 «А не братъ же больше плóну да русьскаго,
 «Не носить же мнѣ народу христiаньскаго».
 Отслабилъ онъ колѣны да богатырскихъ,
 Змѣя была да тутъ лукавая, —
 Сподъ колѣны да тутъ змѣя сверпуласи,
 Улетѣла тутъ змѣя да во кувиль-траву.
 И мóлодий Добрыня сынъ Никитиничъ
 Пошолъ же онъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласковому князю ко Владиміру,
 Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
 Къ честной вдовы Офимѣ Александровной.
 И самъ Добрыня порасхвастался:
 — Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
 — Какъ нѣту у Добрыни ко́ня востраго,
 — Не на комъ по́хвать нынѣ Добрынѣ во чисто
 поле! —

Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кiевской:
 «Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
 «Почестный ширъ идетъ у насъ на весели,
 «А мнѣ-ка-ва Владиміру не весело.
 «Одна у мня любимая племянничка,
 «И мóлода Забава дочь Потятинча;
 «Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
 «Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
 «Ходила пунь Забава дочь Потятинча
 «Она съ мамками да съ няньками
 «Въ зеленомъ саду гуляться.
 «Подпадала тутъ змѣя было проклятая

«Ко той матушки да ко сирой земли,
 «Ухватила тутъ Забаву дочь Потятинчу
 «Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
 «Во свои было во хобота змѣиши,
 «Унесла она въ пещерушку змѣишную».
 Сидять же тутъ два русьскихъ могучихъ богатыря:
 Сидить же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
 Во другинхъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кiевской:
 «Вы русьскiи могучiи богатыри,
 «Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
 «Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятинчу,
 «Изь той было пещеры изъ змѣишою?»
 Испроговорить Алешенька Левонтьевичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кiевской!
 — Я слыхалъ было на семь свѣти,
 — Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитинча:
 — Добрынюшка змѣи было крестовой братъ.
 — Отдасть же тутъ змѣя проклятая
 — Мóлоду Добрынюшки Никитинчу
 — Безъ бою безъ драки кроволитiя
 — Тую же пунь Забаву дочь Потятинчу. —
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кiевской:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты достань-ко пунь Забаву дочь Потятинчу
 «Да изъ той было пещерушки змѣишою.
 «Не достанешь ты Забавы дочь Потятинной,
 «Прикажу теби Добрыня голову рубить».
 Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
 Утопилъ же очи ясныи
 А во тотъ ли во кирпиченъ мость,
 Ничего ему Добрыня не отвѣствуетъ.
 Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвыи ноги,
 Отдасть ему великое почтеніе
 Ему пунь за весело пированіе.
 И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
 И къ честной вдовы Офимьи Александровной.
 Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
 Сама же тутъ Добрынѣ испроговорить:
 «Что же ты рожою не весело,
 «Буйну голову рожою повѣсило?
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Али ѣствы-ты были не ибó уму?
 «Али питица-ты были не по разуму?
 «Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
 «Али пьяница ли тамъ тебя прибóзвалъ?
 «Али чарою тебя да тамъ прибóзнесли?»
 Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
 А честной вдовы Офимьи Александровной:

— Ай честна вдова Офимья Александровна!
 — Ъствы-ты же были мнѣ-ка по уму
 — А и пшгыца-ты были мнѣ по разуму,
 — Чарою меня тамъ не приоббесли
 — А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же
 — А и пьяница меня да не приоббозвалъ;
 — А накиннулъ на насъ службу да великую
 — Солнышко Владиміръ стольцѣ-кїевской:
 — А достать было Забаву дочь Потятинчу
 — А изъ той было пещеры изъ змѣиноу,—
 — А нувъ нѣту у Добрыни коня добраго
 — А нувъ нѣту у Добрыни кѣпья востраго,
 — Не съ чѣмъ мни поѣхати на гору сорочинскую
 — Къ той было змѣи нынѣ ко проклятоу. —
 Говорила тутъ родитель ёму матушка
 А честна вдова Офимья Александровна:
 «А рожное моѣ ты нынѣ же дитячко,
 «Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
 «Богу ты молись да спать ложись,
 «Буде утро мудро мудренѣе буде вечера —
 «День у насъ же буде тамъ прибыточѣнъ.
 «Ты поди-ко на конюшню на стоялюю,
 «Ты бери коня съ конюшенки стоялїя, —
 «Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
 «А стоитъ буркѣ пятнадцать лѣтъ,
 «По колѣнъ въ наземъ же ноги призарѣнены,
 «Дверь по поясу въ наземъ зарѣчена.»
 Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
 А ко той ли ко конюшенькѣ стоялїя,
 Повыдернулъ же дверь онъ вонъ изъ назму,
 Конь же ноги изъ назму да вонъ видѣргивать,
 А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ
 Беретъ Добрынюшка добра коня
 На ту же на узду да на тесмянную,
 Выводитъ изъ конюшенки стоялїя,
 Кормилъ коня ишеноу бѣлояровой,
 Поилъ питьями медвяными.
 Ложился тутъ Добрыня на великъ одѣръ.
 Ставае онъ по утрушку ранехонько,
 Умывается онъ да и бѣлехонько,
 Снаряжается да хорошохонько,
 А сѣдае своего да онъ добра коня,
 Кладывае онъ же потнички на потнички,
 А на потнички онъ кладѣ войлочки,
 А на войлочки черкальское сѣдельшко,
 И садился тутъ Добрыня на добра коня.
 Провожаеъ тутъ родитель его матушка
 А честна вдова Офимья Александровна,
 На поѣздѣ ему плѣточку нувъ подала,
 Подала тутъ плѣтку шамахинскую
 А семи шелковъ да было разныхъ,

А Добрынюшкѣ она было наказывать:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Вотъ теби да плетка шамахинская:
 «Сѣдѣшь ты на гору сорочинскую,
 «Станешъ топтать маленькихъ змѣнышовъ,
 «Выручатъ тутъ полону да русьскаго,
 «Да не станеть твой же бурушко поскакивать
 «А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать, —
 «Ты хлыщи бурка да нувъ промѣжъ уши,
 «Ты промѣжъ ушї хлыщи да ты промѣжъ ноги,
 «Ты промѣжъ ногї да промѣжъ задїи,
 «Самъ бурку да приговаривай:
 ««Бурушка ты нувъ поскакивай,
 ««А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»»
 Тутъ простиласи да воротиласи.
 Видли тутъ Добрынюшку да садучи,
 А не видли тутъ удѣлаго поѣдучи.
 Не дорожками поѣхалъ не воротами,
 Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,
 Черезъ тую было башню наугольнїую,
 Онъ на тую гору сорочинскую.
 Сталь топтать да маленькихъ змѣнышовъ,
 Выручатъ да полону нувъ русьскаго.
 Подточили тутъ змѣныши бурку да щоточки,
 А не сталь же его бурушко поскакивать.
 На кони же тутъ Добрыня приужахнется, —
 Нунечку Добрынюшки кончинушка!
 Спомнилъ онъ наказъ да было матушкинъ,
 Сунулъ онъ же руку во глубокъ карманъ,
 Выдернулъ же плѣтку шамахинскую
 А семи шелковъ да шамахинскїихъ,
 Сталь хлыстать бурка да онъ промѣжъ уши,
 Промѣжъ ушї да онъ промѣжъ ноги,
 А промѣжъ ногї да промѣжъ задїи,
 Самъ бурку да приговаривать:
 — Ахъ ты бурушко, да нувъ поскакивай,
 — А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!
 Сталь же ёго бурушко поскакивать
 А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,
 Притопталъ же вспхонъ маленькихъ змѣнышковъ,
 Выручалъ онъ полону да русьскаго.
 И выходитъ тутъ змѣя было проклятая
 Да изъ той было пещеры изъ змѣиноу
 И сама же тутъ Добрыня испроговѣорить:
 «Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!
 «Ты порушилъ свою заповѣдь великую,
 «Ты приѣхалъ нувъ на гору сорочинскую
 «А топтать же мѣнхъ маленькихъ змѣнышовъ.»
 Говорить же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:
 — Ай же ты змїя проклятая!
 — Я ли нувъ порушилъ свою заповѣдь,

— Али ты змѣя проклятая порушила?
 — Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
 — Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
 — Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
 — Безъ бою безъ драки кроволитія. —
 Не отдавала она безъ бою безъ драки кроволитія,
 Заводила она бой драку великую
 Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіе.
 Бился тутъ Добрыня со змѣей трои сутки
 А не може онъ побить змѣи проклятою.
 Наконецъ хотѣлъ Добрынюшка отѣхати, —
 Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласить:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитичъ!»
 «Бился со змѣей ты да трои сутки,
 «А побейся-ко съ змѣей да еще тріи часу».
 Тутъ побился онъ Добрыня еще тріи часу,
 А побилъ змѣю да онъ проклятую.
 Попустила кровь свою змѣиную,
 Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
 А не прижре матушка да тутъ сыра земля
 Этой крови да змѣиною. {
 А стоитъ же тутъ Добрыня во крови трои сутки,
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется,
 Хочетъ тутъ Добрыня прочь отѣхати.
 Зъ-за небесей Добрыня снова гласъ гласить:
 «Ай ты молодой Добрыня сынъ Никитичъ!»
 «Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкимъ
 «Да во ту же матушку сыру землю,
 «Самъ къ земли да приговаривай.»
 Сталь же бить да во сыру землю,
 Самъ къ земли да приговаривать:
 — Розступсь-ко ты же матушка сыра земля
 — На четыре на вси стороны,
 — Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
 Розступилась было матушка сыра земля
 На всихъ на четыре да на стороны,
 Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
 Опускается Добрынюшка съ добра коня
 И пошоль же по пещерамъ по змѣинымъ,
 Изъ тыхъ же изъ пещеры изъ змѣиною
 Сталь же выводитъ да полоу онъ русьскаго,
 Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
 Много королей да королевичевъ,
 Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
 Много нунь дѣвицъ да князевичныхъ
 А изъ той было пещеры изъ змѣиною, —
 А не може онъ пайти Забавы дочь Потятичной.
 Много онъ прошолъ пещерь змѣиныхъ
 И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
 Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
 Въ той послѣднею пещеры во змѣиною.

А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
 А изъ той было пещерушки змѣиною,
 Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
 Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
 Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
 И дѣвицамъ королевичнымъ
 И дѣвицамъ онъ да нунь князевичнымъ:
 — Кто откулъ вы да упесены,
 — Всякъ ступайте въ свою сторону
 — А сбрайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
 — И не троне васъ змѣя болѣ проклятая.
 — А убита е змѣя да та проклятая
 — А пропущена да кровь она змѣиная
 — Отъ востока кровь да внизъ до запада,
 — Не унесетъ нунь болѣ полоу да русьскаго
 — И народу христіанскаго,
 — А убита е змѣя да у Добрынюшки
 — И прикопчена да жизнь нуньчу змѣиная. —
 А садился тутъ Добрыня на добра коня,
 Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
 А садилъ же онъ Забаву на право стегно
 А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.
 Испроговоритъ Забава дочь Потятична:
 «За твою было великую за вѣслугу
 «Назвала тебя бы я нунь батюшкомъ, —
 «И назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!»
 «За твою великую за вѣслугу
 «Я бы назвала нунь братцемъ да родимымъ, —
 «А назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!
 «За твою великую за вѣслугу
 «Я бы назвала нунь другомъ да любимымъ, —
 «Въ насъ же вы Добрынюшка не влюбитесь!»
 Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитичъ
 Молодой Забавы дочь Потятичной:
 — Ахъ ты молода Забава дочь Потятична!
 — Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
 — Я есть роду христіанскаго:
 — Насъ пельзя назвать же другомъ да любимымъ.
 А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
 Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да ископять,
 Ископять да лошадиную,
 А какъ ступьями земля да проворочена.
 Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитичъ
 Той же ископятью лошадиною,
 Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
 — Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
 — Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
 — Везъ же я Забаву да во честности,
 — Да отъ насъ прими Алешенька во честности,
 — Не стыди-тко ей да личка бѣлаго, —
 — Ты пристѣдишь ей да личко бѣлое,

— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
 — Я те завтра тутъ Олешка голову срублю!
 — А снези-ко ты къ Владиміру во честности,
 — Къ солнышку ко князю стольнѣ-кіевску. —
 Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
 Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
 Самъ поѣхалъ ископнѣтью лошадиною.
 Наѣзжае опѣ богатыря въ чистомъ поли, —
 А сидитъ богатырь на добромъ кони,
 А сидитъ богатырь въ платяхъ женскіихъ.
 Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Е же не богатыря на добромъ кони,
 — Есть же поляница звать удалая
 — А какá ни тутъ дѣвица либо женщина! —
 И поѣхалъ тутъ Добрыня на богатыря,
 Опѣ ударилъ поляницу въ буйцу голову.
 А сидитъ же поляница — не сворохнется
 А назадъ тутъ поляница не оглянется.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется,
 Отѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря
 А отъ той же поляницы отъ удалыя:
 — Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
 — Видно сила у Добрыни не по прежнему! —
 А стоитъ же во чистомъ поли да сірою дубъ
 Да въ обнѣмъ же опѣ стоитъ да человѣческій.
 Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сірою дубъ
 А попробывать да силы богатырскіи.
 Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сірою дубъ,
 Опѣ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется:
 — Видно сила у Добрынюшки по старому,
 — Видно смѣлость у Добрыни не по прежнему!
 Разѣзжается Добрыня сынъ Никитичъ
 На своѣмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
 А на ту же поляницу на удалую,
 Чѣсне поляницу въ буйцу голову.
 На кони сидитъ же поляница — не сворохнется
 И назадъ же поляница не оглянется.
 На кони сидитъ Добрыня — самъ ужахнется:
 — Смѣлость у Добрынюшки по прежнему,
 — Видно сила у Добрыни не по старому!
 — Со змѣю же Добрыня нынѣ повыбился! —
 Отѣзжаетъ прочь отъ поляницы отъ удалыи,
 А стоитъ тутъ во чистомъ поли да сірою дубъ,
 Опѣ стоитъ да въ два обнѣма человѣческіихъ.
 Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сірою дубъ,
 Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сірою дубъ,
 А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется:
 — Видно сила у Добрынюшки по старому,
 — Видно смѣлость у Добрыни не по прежнему!

Розгорѣлся тутъ Добрыня на добріи кони
 И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
 А на ту же поляницу на удалую,
 Да ударить поляницу въ буйцу голову.
 На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе
 И назадъ же поляница оглянуласе,
 Говоритъ же поляница да удалая:
 «Думала же, русскіи комарики покусывають, —
 «Ажно русскіи богатыри пощальиваютъ!»
 Ухватила тутъ Добрыню за желтыя кудри,
 Сдернула Добрынюшку съ коня долой
 А спустила тутъ Добрыню во глубоку мѣшокъ,
 А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
 А повезъ же ейный было добрый конь,
 А повезъ же опѣ да по чисту полю,
 Испровѣщитсе же ейный добрый конь:
 — Ай же поляница ты удалая,
 — Молодá Настасья дочь Никулична!
 — Не могу везти да двухъ богатырей:
 — Силою богатырь суиротивъ тебя,
 — Смѣлостью богатырь да взвоѣмъ тебя. —
 Молода Настасья дочь Никулична
 Здымала тутъ богатыря съ мѣшка да вонъ же съ
 кожаньца,
 Сама къ богатырю да испроговоритъ:
 «Старын богатырь да матѣрын —
 «Назову я нунѣ себѣ-ка-ва да батюшкой;
 «Ежели богатырь да молодын,
 «Ежели богатырь намѣ прилюбится,
 «Назову я себѣ другомъ да любимымъ;
 «Ежели богатырь не прилюбится, —
 «На долонь кладу, другой прижму
 «И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
 Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
 «Здравствуй душенька Добрыня сынъ Никити-
 ничъ!»
 Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Ахъ ты поляница да удалая!
 — Что же ты меня да пуньчу знаешь ли?
 — Я тебя да нунѣ не знаю ли. —
 «А бывала я во городи во Кіеви,
 «Я видала тя Добрынюшку Никитича,
 «А тебѣ же меня пуньчу негдѣ зпать.
 «Я того же короля дочь ляховицкаго,
 «Молода Настасья дочь Никулична,
 «А поѣхала въ чистѣ поле поляковать
 «А нехать же я себѣ-ка суиротивничка.
 «Возьмешь ли Добрыня во замужество, —
 «Я сиущу тебя Добрынюшка во живности,
 «Сдѣлай со мной заповѣдъ великую.
 «А не сдѣлаешь ты заповѣди да великия, —

«На долонь кладу, другой сверху прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулчична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу.
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь побѣхали ко городу ко Киеву
Да ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честной вдовы Офимьи Александровной,
А стрѣляетъ тутъ родитель ёго матушка
А честна вдова Офимья Александровна,
И сама же у Добрынюшки да спрашивать:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Александровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никулчичну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату
вѣнцу.—

Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крестъ-то клалъ да по писаному,
Бьетъ челомъ Добрыня покланяется
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинушкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣв-
ской! —
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Я привезъ же нынъ себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату
вѣнцу.—

Сдѣлали объ ихъ же публикацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ корѣтати.

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ рѣдненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго спорѣдил! —
— Спорѣдила бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,

— А спустила бы во черное-то море во турецкое, —
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во морі лежалъ,
— Я отпимѣ бы Добрыня вѣкъ да по вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нунъ Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей матерей,
— Неспускалъ бы спротать да малыхъ дѣтушокъ! —
Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада ты спорѣдити
«А талапомъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нунъ богатыря,
«Красотою было въ Осина прекраснаго,
«Славою было въ Вольгу Всеславьева,
«А ѣ богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А ѣ богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою щанливою
«Во того было Чурилушку Пленковича, —
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Ты стѣтъи есть да другихъ Богъ не даль,
«Другихъ Богъ теби не даль да не пожаловалъ».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ
А сдѣлаетъ тутъ Добрынюшка добра копя,
Кладывѣе онъ же потнички на потнички
Да на потнички онъ клѣде войлочки
А на войлочки черкальское сдѣлашко,
А подтягивать двѣнадцать тугихъ подиругозъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь пзъ-подъ сдѣла не высочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не вырощилъ.
А у той ли у правын у стрѣмены
Провожала ёго тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стрѣмены
Провожала-то его да любимѣ семья,
Молодѣ Настасья да Никулчична.
А тутъ честна вдова Офимья Александровна
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стрѣмены
Иде молода Настасья дочь Никулчична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунъ, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждаты ты нуньчу со чистѣ поля
«А когда ты сожидаться въ свѣю сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты мѣлода Настасья дочь Никулчична!

— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
 — Стала у Никитича вывѣдывать,
 — Я ти стану пунь высказывать:
 — Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,—
 — Я по три годы не буду, жди по друго три,
 — А какъ прѣйде тому времени да шесть годовъ,
 — Я не буту тутъ Добрыня изъ чиста поля,—
 — Хотъ вдовой живи да хотъ замужъ поди,
 — Поди за князя хотъ за боярина,
 — Хотъ за русьскаго могучаго богатыря,
 — Только не ходи за брата за названаго,
 — За того было Олешеньку Поповича.—
 Тутъ простилаши да воротилаши
 А домой пошла, сама заплакала.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
 А прошло-то тому времечки да три годы,
 Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Стала ждаты Добрынюшку по друго три.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
 А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
 Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Приѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
 Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
 А побить лежить Добрыня во чистомъ поли,
 А плеча его да испрострѣяны,
 Голова его да испроломана,
 Головой лежить да въ часть ракивовъ кустъ.
 А честна вдова Офимья Александровна
 Она взяла по полатамъ-то похаживать,
 Своимъ гѣлоскомъ поваживать:
 «А лежить въ чистомъ поли Добрынюшка убитыи!»
 Тутъ стала солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
 А Настасью-ту Никуличну засватывать:
 «Поди за князя хотъ за боярина,
 «Хотъ за русьскаго могучаго богатыря.»
 А побольше тутъ зовуть-то за Олешеньку,
 За того было Олешку за Поповича.
 Не пошла она не за князя не за боярина,
 Не за русьскаго могучаго богатыря,
 Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
 «Справила я заповѣдь-то мужнюю,
 «Справлю свою заповѣдь-то женскую.»
 Стала ждаты Добрынюшку по друго шесть.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ.
 Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,

Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Приѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
 Приѣзжаетъ тутъ Олешка да во друго разъ,
 А привозитъ было вѣсточку въ друго разъ,
 Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
 А побить лежить Добрыня во чистомъ поли,
 А плеча его да испрострѣяны,
 Голова его да испроломана,
 Головой лежить да въ часть ракивовъ кустъ.
 Тутъ стала солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
 А Настасью-ту Никуличну засватывать:
 «Поди хотъ за князя, хотъ за боярина,
 «Хотъ за русьскаго могучаго богатыря.»
 А побольше стали звать да за Олешеньку,
 За того было Олешеньку Поповича.
 Не пошла она не за князя, не за боярина,
 Не за русьскаго могучаго богатыря,
 А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
 Что ли свадебка у нихъ была по третій день
 А севодня-то итти да ко Божьей церкви.
 Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
 Конь-то тутъ Добрынищъ подтыкается
 А къ сырой земли да приклоняется:
 — Ахъ ты волчья смѣть, медвѣжья выть!
 — Что же ты да пуньчу подтыкаешься?
 — Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
 — Надъ собой ли вѣдаешь, аль надо мной,
 — Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ? —
 Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласить:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитичичъ!
 «А твоя-та любимая семья за мужъ пошла
 «А за смѣлаго Олешку за Поповича,
 «Свадебка у нихъ было по третій день,
 «А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
 Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитичичъ,
 Какъ приправилъ коня добраго
 Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
 Не дорожками поѣхалъ не воротами,
 Рѣки-ты озера перескакивалъ,
 Широки раздолья промезъ погъ нуцалъ,
 А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
 А приѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру.
 Черезъ ту стѣну наѣхалъ городовую,
 Черезъ тую башню наугольную,
 А къ тому было подворьнцу вдовинному,
 А къ честной вдови Офимьи Александровной,
 Со чиста поля наѣхалъ онъ скоримъ говьцѣмъ,
 А не спрашивалъ у двѣрей онъ придверничковъ,
 У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 Всихъ же прочъ взашей да и отталкивалъ,

А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
 Всѣ придвернички да приворотнички
 Вслѣдъ идуть да жалобу творять:
 «А честна вдова Офимья Александровна!
 «Этотъ-то удалый добрый молодецъ
 «Со чиста поля наѣхалъ онъ скорымъ гоньцѣмъ,
 «Ко подворьцу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
 «Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 «Всѣхъ же насъ тутъ взашей прочь отталкивалъ!»
 А честна вдова Офимья Александровна
 Она взяла по полатамъ-то похаживать,
 Своимъ женскимъ тутъ голоскомъ поваживать:
 «А прошло-то времени двѣнадцать дѣтъ,
 «Закатилось у меня да красно солнышко,
 «Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «А уѣхалъ тутъ Добрыня далече далече во чистое
 поле, —
 «А лежитъ же тутъ Добрыня во чистомъ поли,
 «А плеча его да испрострѣяны,
 «Голова его да испроломана,
 «Головой лежитъ да въ часть раптовъ кустъ!
 «А какъ нунечку было теперечку
 «Закатается да младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ!»
 Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ай честна вдова Офимья Александровна!
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ —
 — А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 — Я-то нунь поѣхалъ да ко Киеву —
 — А не слѣчить ли ти Богъ же быть во Киеви,
 — А велѣлъ спросить про мѣлоду Настасью про
 Микулчну,
 — Про Добрыню да любимую семью. —
 Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна:
 «А какъ нунечу Добрынюшка да любимая семья
 «А какъ нунечу Настасья да замужъ пошла
 «За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
 «Свадебка у нихъ было по третій день,
 «А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
 Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
 — Слѣчить Богъ же быть теби во Киеви
 — У того было подворьца вдовиного,
 — А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскіи
 — Въ новой горенки да тутъ на стопочки,
 — А въ глубокіихъ своихъ во погребѣхъ
 — Взять дубинку сорока пудовъ,
 — А на свадьбѣ меня бы не обидѣли,

— Да велѣлъ же взять гусельшка яровчаты,
 — Да во томъ же во глубокомъ во погребѣ. —
 А честна вдова Офимья Александровна
 Тутъ скорѣшенько бѣжала въ нову горенку,
 Притащила ему платья скоморовскіи,
 Отмыкала она погребѣ глубокіи,
 Подавала тутъ гусельшка яровчаты,
 Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
 А пошолъ же скоморошиной на свадьбу.
 А приходитъ скоморошиной на свадьбу
 А ѣ къ тому двору да княженецкому,
 А не спрашивать у дверей да придверничковъ,
 У воротъ не спрашивать да приворотничковъ,
 Онъ всѣхъ взашей прочь отталкивалъ.
 Всѣ придвернички да приворотнички
 Они вслѣдъ идуть да жалобу творять:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Этотъ-то удалый добрый молодецъ
 «Со чиста поля онъ давень ѣхалъ да скорымъ гонь-
 цѣмъ
 «Ко тому было подворью ко вдовиному,
 «Тамъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 «Онъ всѣхъ взашей прочь отталкивалъ;
 «Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
 «Нунь идетъ да скоморошиной,
 «А не спрашивать у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ насъ приворотничковъ,
 «Взашей прочь насъ всѣхъ отталкивалъ.»
 Говоритъ ему Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ай же ты удѣла скоморошина!
 «Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьцу,
 «А къ тому подворьцу вдовиному,
 «Тамъ не спрашивашъ ты у дверей придверничковъ.
 «У воротъ не спрашивашъ да приворотничковъ,
 «Взашей прочь ты всѣхъ отталкивалъ?
 «Нунь идешь на княженецкій дворъ
 «И не спрашивашъ ты у дверей придверничковъ,
 «У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
 «Взашей прочь ты всѣхъ отталкивалъ?»
 Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
 Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не приметя,
 Говоритъ же тутъ удѣла скоморошина:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
 Отвѣчае князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ваше мѣсто скоморовское
 «Что ль на печи да на занечки». Скоморошина тутъ мѣстомъ не избрѣзовалъ
 А скочилъ на печку на муравлену,
 Заграстъ тутъ въ гусельшка яровчаты

А на той было на печки на муравленой,
 А играетъ-то Добрынюшка во Киеви
 А на вінгрышъ беретъ да во Цари-гради,
 А отъ стараго да венхъ до малаго
 А повиыгралъ поименно.
 Все же за столомъ да призадумались,
 Все же тутъ игры да прислушались,
 Все же за столомъ да испроговорять:
 «А не быть же нунь удалой скоморошины,
 «Быть же нунь дородню добру молодцу,
 «Свято-русьскому могучему богатырю!»
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ай же ты удала скоморошина,
 «А дородній добрый молодець!
 «Опускайся-ко изъ печки да изъ запечка,
 «Дамъ теби три мѣста три любимыхъхъ:
 «Одно мѣсто нунь возлі меня,
 «Друго мѣсто супротивъ меня,
 «Третье мѣсто куда самъ захошь.»
 Говорить же тутъ удала скоморошина:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Дай-ко мнѣ-ка мѣсто па скамеечкѣ
 — Супротивъ было княгнушки молóдыи,
 — Молодой Настаси да Никуличной. —
 Говоритъ ему Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ай же ты удала скоморошина!
 «Дано ти три мѣста три любимыхъхъ,—
 «Куды знаешь ты туды садись,
 «Что ты задумаешь такъ тó дѣлай,
 «Что захочешь такъ ты тó твори!»
 — А позволь-ко мнѣ, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 — Налить чару зеленá вина. —
 Наливае было чару зелена вина
 А опуститъ въ чару свой злаченъ перетень
 А подоситъ онъ Настаси да Никуличной,
 Той княгнушки молóдыи:
 — Ахъ ты мóлода Настася дочь Никулична!
 — Ужь ты хошь добра—такъ нуньчу џьешь до дна,
 — А не хошь добра—такъ ты не пьешь до дна.
 Мóлода Настася дочь Никулична,
 Взйла она чару единой рукой,
 Вышла ту чару единымъ духомъ,
 Тутъ увида въ чары свой злаченъ перетень,
 Да которимъ съ Добрыней обручаласи,
 Сама же она князю поклониласи:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «А не тотъ мой мужъ, который нунь возлі меня,
 «Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
 «Тутъ пріѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,
 «Онъ напомялъ тутъ Добрыня отца матушку,
 «Отыскалъ Добрыня молоду жену».

Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за дубовыхъ,
 Пала тутъ Добрыни во рѣзвй поги:
 «Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «А во той вини прости меня во глупости,
 «Что не по твоему наказу я нунь сдѣлала,
 «А пошла за мѣжъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
 «А во той вини прости меня во глупости!»
 Говорить же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Не дивую я тутъ разуму да женскому:
 — У ней волосъ дологъ џмъ кóрѣтѣтъ, —
 — А я дивую нунь же солнышку Владиміру
 — Со своей было княгиною:
 — Онъ же солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 — Онъ же былъ да сватомъ ли,
 — А княгнушка да свахою,—
 — Отъ живаго мужа жонушку за мѣжъ берутъ,
 просватають! —
 Тутъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ новѣсилъ буйну голову
 А въ тотъ же во кирпичень мостъ
 Со своей было княгиною.
 Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
 Зъ-за тынхъ столовъ да бѣлодубовыхъ,
 Паль же тутъ Добрыни во рѣзвй ноги:
 «Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «Что я посидѣлъ возлі твоей княгнушки молóдыи,
 «Мóлодой Настаси дочь Никуличной!»
 — Ай же братецъ ты названнй,
 — Ай Олешенька Левонтьевичъ!
 — А во той-то вини братецъ тебя Богъ проститъ,
 — А во дрóгой вини братецъ тебя не прошу:
 — А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чистá поля,
 — Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
 — Что лежитъ побить Добрыня во чистомъ поли,
 — А плеча его да испрострѣяны,
 — Голова его да испроломана,
 — Головой лежитъ да въ часть рапковъ кустъ?
 — Ты слезилъ же нунь родитель мою матушку
 — А честнѣ вдову Офирью Олександровну.
 — Тяжелешенько тутъ она по мнѣ плакала
 — А слезла тутъ она да очи ясныи,
 — А скорбила тутъ она да личко бѣлоѣ,
 — Тяжелешенько она да по мнѣ плакала! —
 Какъ ухватитъ онъ Алешку за желты кудри,
 Взйалъ же онъ Алешеньку охаживать,
 А не слышно было въ буханьи да оханья!
 Хотя и всякой-то на свѣти женится,
 Да не всякому женитьба удавется,
 А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
 Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
 Только тутъ Алешка да съ женой сыналъ.

Синему морю да на тишину,
Всѣмъ добрымъ же людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 22 и 23 юля.

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ

(См. Рыбвкова, т. IV № 12).

А ѿ у солнышка да у Владиміра
Пироваѣнцо было по третій день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почестный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивались,
Вси же на честномъ да наѣдались,
Вси же на пиру и поросхвастались.
Испроговоритъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣв-
ской:

«Нечѣмъ солнышку Владиміру похвастати.
«Не повиправленѣ дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Сидятъ же тутъ три русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«Ай же вы три русьскіихъ могучіихъ богатыря!
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитѣ-тко въ Каменнѣу Орду,
«Въ Каменнѣу-то Орду въ большу землю,
«Повиправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитѣ-тко вы да нѣ въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повиправтѣ-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Третій могучій богатырь да Михайло Пóтыкъ
сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣздѣ-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повиправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богатыри они да призадумались

И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во кирпичень мостъ.
Испроговоритъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы богатыри задумались?
— А держите-тко богатыри отвѣтъ-же нынѣ. —
Испроговоритъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменнѣу Орду,
«Тамъ повиправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повиправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владиміру да испроговоритъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
«Я повиправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Первый русьскій могучій богатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утришку ранѣхонько,
Умывается онъ да и бѣлѣхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдае своего добра копя,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладѣ войлочки,
А на войлочки черкальское сѣдельшко,
Подтягивать двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый-тотъ клать да ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли доброй конь же съ-подъ
сѣдла не выскочплъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхаль, не воротамы,
Черезъ ту стѣнѣу поѣхаль городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхаль Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держаль.
Другій русьскій могучій богатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утришку ранѣхонько,

Умывается было бѣлѣхонько,
 Снаряжается да хорошохоцько,
 Сѣдае своего добра коня,
 Кладывае было потнички на потнички,
 А на потнички онъ кладе войлочки,
 А на войлочки черкальское сѣделишко,
 Подтягивать двѣнадцать тугихъ подруговъ,
 Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
 Чтобы въ чистомъ поли добрый конь же съ-подъ
 сѣдла не выскочилъ,

Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.

Видли добра молодца-то сядучи,

А не видли да удалаго поѣдучи.

Не дорожки поѣхалъ, не воротамы,

Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,

Черезъ тую было башню наугольную,

Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.

Тутъ богатырь опочивъ держалъ.

А третин же русьскн могучій богатырь,

Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,

Онъ ставае по утрышку ранѣхонько,

Умывается было бѣлѣхонько,

Снаряжается да хорошохоцько,

Сѣдае своего добра коня,

Кладывае было потнички на потнички,

А на потнички онъ кладе войлочки,

А на войлочки черкальское сѣделишко,

Подтягивать двѣнадцать тугихъ подруговъ,

Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,

Чтобы въ чистомъ поли добрый конь же съ-подъ

сѣдла не выскочилъ,

Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.

Видли добра молодца-то сядучи,

А не видли да удалаго поѣдучи.

Не дорожки поѣхалъ, не воротамы,

Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,

Черезъ тую было башню наугольную,

Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.

Тутъ богатырь опочивъ держалъ.

Тутъ крестами да богатыри побратались,

Назвались да братьями крестовыми.

Испроговоритъ казакъ да Илья Муромецъ:

— Кто попрежде насъ тутъ е повиправитъ,

— Къ другому на стрѣту братцы поспѣвать. —

Тутъ простились да оны братьица.

Старин казакъ да Илья Муромецъ

Онъ поѣхалъ во большу землю,

Во большую ту землю да въ Каменну Орду

Онъ повиправлять да даней выходовъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Мужички же вдругъ да скашевались*),

А не стали отдавать да даней выходовъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Тутъ старин казакъ да Илья Муромецъ

По своему онъ съ мужичками распоряжается,

Мужички же перепались,

Отъ его да растулялись**),

Стали отдавать да данн выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ

Сѣхалъ онъ же не въ большу-землю,

Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,

Сталъ же выправлять да даней выходовъ,

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Мужички же вдругъ да скашевались,

А не стали отдавать да даней выходовъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Молодой Добрынюшка Никитиничъ

По своему онъ съ мужичками распорядился,

Мужички же перепались,

Отъ его да растулялись,

Стали отдавать да данн выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

Сѣхалъ въ землю во Подольскую,

Сталъ же выправлять да даней выходовъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Мужички же вси да скашевались,

А не стали отдавать да даней выходовъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Распорядился тутъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ива-

новичъ,

Распорядился онъ по богатырскому.

Мужички же перепались,

Отъ его да растулялись,

Стали отдавать да данн выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Онъ повиправилъ да данн выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

*) т. е. взбунтовались.

**) Попратались.

Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ пошолъ было ходить гулять по заводамъ,
 Стрѣлять же онъ да бѣлыхъ лебѣдушокъ.
 Ходилъ гулялъ по заводамъ,
 Стрѣлялъ же онъ да бѣлыхъ лебѣдушокъ,
 Находилъ же онъ да бѣлую лебѣдушку,
 Плаваеъ лебѣдушка на заводи.
 Онъ натягивалъ же было тѣгой лукъ,
 Накладывать онъ стрѣлочку каленую,
 Хочетъ стрѣлить бѣлую лебѣдушку,
 Лебѣдушка ему да испроговорить:
 «Ай Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не стрѣлай-ко ты же бѣлоу лебѣдушки.
 «Я есть же нонь не бѣлая лебѣдушка,
 «Есть же я да красна дѣвушка,
 «Марья лебедь бѣлая да королевична,
 «Королевична да я подолянка.
 «Не убей-ко ты меня же нувъ подолянки,
 «Ты возьми меня нувъ во замужество,
 «Ты свези-тко нувъ меня во Кіевъ градъ,
 «Проведи-тко мѣня въ вѣрушку крещоную,
 «Примемъ мы съ тобою но злату вѣнцу,
 «Станемъ мы же вѣкъ съ тобою корóтати».
 Задалася тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Бралъ же Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну да онъ подолянку,
 Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
 Получаетъ тутъ же дани выходы
 Со того же короля да со подольскаго,
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
 Ко тому было ко солнышку Владиміру
 А ѣ ко князю стольнѣ-кіевску.
 Пріѣзжаетъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 А ко стольнѣму ко городу ко Кіеву
 А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру.
 Привозитъ онъ да дани выходы
 Изъ той было изъ зѣмли изъ подольскіи,
 Отъ того же короля да отъ подольскаго.
 Отдавае онъ Владиміру да князю стольнѣ-кіевску,
 Князь же тутъ да зрадовался ли.
 Получае онъ съ Михайлы Пóтыка Иванова,
 Получае онъ да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Благодарилъ его Владиміръ стольнѣ-кіевской,
 Что повиравилъ ты дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною,

Изъ той ли зѣмли изъ подольскія.
 Марью лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну да онъ подолянку,
 Онъ привѣлъ же было въ вѣрушку крещоную,
 Сдѣлалъ съ ею заповѣдъ великую:
 Кто изъ насъ да нувъ попереди,
 Кто пойдетъ да во сырѣ землю,
 Другому итти да на три мѣсяца,
 Итти же во сыру земаю.
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 — Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Что ты дѣласи да заповѣдъ великую,
 — Заповѣдъ да неподольную,
 — Да на долго тутъ итти да во сыру земаю? —
 Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Самъ Михайло испроговорить:
 «Видно надо сдѣлатъ мнѣ-ка заповѣдъ великую
 «Съ Марьей лебедь бѣлоу,
 «Что она-то мнѣ-ка прилюбиласи.»
 А пріиалъ-то же съ ей да по злату вѣнцу,
 Сталъ же съ ею вѣкъ корóтати.
 Въ тую пору да во то время
 Наѣзжае было царь Бухарь заморскіи,
 Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
 Правитъ онъ да дани выходы
 Что ли съ солнышка Владиміра,
 Что ль со князя стольнѣ-кіевска:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Ты пожалуй-ко нувъ дани выходы
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 — За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской
 Призываетъ онъ Михайлу Пóтыка Иванова:
 «Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Пріѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскіи,
 «Правитъ онъ же съ насъ да дани выходы
 «За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 «За тринадцать лѣтъ да съ половиною.»
 Испроговоритъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Ты садись-ко нувъ Владиміръ на ременьчатъ
 стулъ,
 — Пиши-тко было ерлычкѣ да скоронсчати:
 — Отправлены да дани выходы
 — За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 — За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 — Я поѣду нынечу безъ даней выходовъ. —
 Онъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Поѣзжаетъ онъ къ царю Бухарю да заморскому,
 Повозитъ ерлычки да скоронсчати

Къ тому же онъ къ царю ко Бухарію да ко за-
морскому,

Что отправлены да дани выходи
За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Пріѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,
Подаваетъ ёрлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимаетъ было царь Бухарь заморскій
Тыи ёрлычки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатывать,
Поскорѣ того да онъ прочитывать,
Самъ же царь Бухарь да тутъ зрадѣется:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же ѱ васъ выходи осталиси?»
— У насъ си да въ телѣжкахъ приломилиси,
— Да телѣжки у насъ поломалиси.
— Тамъ починищички да въ поли пріосталиси,
— А телѣжкѣ во чистомъ поли починивать.»
Испроговоритъ царь Бухарь заморскій:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ же нынѣ у васъ да на Россіи забавляютеся?»
— У насъ же на Россіи забавляютеся, —
— Нынѣ играють да во шашечки дубовыи,
— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —
Доставали тутъ дощечку да кленовую,
Что же ставили тутъ шашечки дубовыи
На туѡ тутъ на дощечку на кленовую;
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Ставилъ же онъ своего добра коня,
Ставилъ же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскій
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ же дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ онъ своего добра коня,
Проигралъ же онъ свою да буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю онъ царю заморскому.
Тутъ царь Бухарь было заморскій,
Тутъ же царь да онъ зрадѣется.
Ставили дощечку да во дрúгой разъ,
Ставили тутъ шашечки дубовыи

На тую же на дощечку на кленовую.
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну подоланку;
Въ дрúгихъ ставилъ онъ родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскій
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ тутъ Михайлина добра коня,
Ставилъ тутъ его да буйну голову,
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли да дощечку да во дрúгой разъ.
Сыграли было дощечку въ дрúгой разъ,
Повыигралъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Своего повыигралъ добра коня,
Повыигралъ свою да буйну голову
И повыигралъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Ставили дощечку они въ третій разъ.
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставилъ своего добра коня,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскій
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ поль-царства поль-имянства онъ за-
морскаго.
Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,
Играли тутъ дощечку да во третій разъ.
Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,
Повыигралъ поль-царства поль-имянства онъ
заморскаго
Со царя Бухаря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскій,
Ставили дощечку во четвертій разъ.
Ставилъ онъ все царство все бухарское заморское,
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ поль-царства поль-имянства онъ за-
морскаго,
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Вухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ бухарско да за-
морское.

Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскін,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятаю.
Стали тутъ играть да они въ шашечки.....
На пятау-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пихается,
Прѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Молодой ты Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собою же ты незгодущи не вѣдаёшь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же нынчу было нóмерла.»
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,
Ухватитъ онъ дощечку да кленовую
Съ тима шашками съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободверепьемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со лѣвиной.
Перепался было царь Бухарь заморскін,
Смолился онъ Михайла Пóтыку Иванову:
— Михайла Пóтыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нуль во живности,—
— Получай же нуль ты царство все бухарское
заморское! —

А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъisperговорить:
«Ай вы братыица мои было крестовыи!
«Получайте-тко нуль съ царя со Вухаря со за-
морскаго
«Вы царство нуль бухарско все заморское,
«Оставьте-ко царя да послѣдльщичкомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нуль уладиться
(такъ).

«Я поѣду нуль ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владиміру.»
Тутъ уѣхалъ да Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
вичъ.

А русьскін могучін богатыри
Получали тутъ съ царя да данн выходы,

Получали тутъ же царство да бухарско все за-
морское,

Оставили царя да послѣдльщичкомъ.
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владиміру.
Князь же тутъ его да было спрашивать:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты отгулъ да понь новѣхалъ? —
Пероговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
«Повыиграли у насъ данн выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
«Съ того царя Вухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграли царство все бухарско все за-
морское
«И съ того царя съ Вухаря да съ заморскаго,
«Все царство все нмянство все бухарское.
«Остались получать же тамъ богатыри,
«Мои братыица крестовыи,
«Старши казакъ да Илья Муромецъ
«И молодой Добрыня сынъ Никитиничъ.»
— Да чимъ же понь тебя мнѣ насбори пожертво-
вать?

— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ понь не надо съ пригородками,
«Что ли селъ не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыхъ на кабакахъ,
«Дай-ко мнѣ поволечку великую
«Пить же мнѣ вино да понь безденежно,
«Гдѣ кружкой да полукружкой,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.»
Солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской
Далъ ему поволечку великую
На тихъ же на царевыхъ на кабакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкой да полукружкой,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
Пероговорить Владиміръ стольнѣ-кїевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нульчу заповѣдъ ве-
ликую. —

Пероговорить Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!

«И тоё-то да нунычу сдѣлано, —
 «Надо нунь итти да во сыру землю,
 «Во сыру землю итти да на три мѣсяца.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
 Чтобы мошно мнѣ-ка стóя стоять,
 Стоя стоять да сѣдя сидѣть,
 При времечки да чтобы лёжа лечь.
 Бралъ же онъ запасъ туды великинъ:
 Бралъ свѣчи туды и ладоны,
 Береть хлѣба на три мѣсяца,
 Воды бѣреть на три мѣсяца.
 Ходилъ же онъ было ко кузницамъ,
 Велѣлъ ковать же клещи да желѣзныи,
 Бралъ же прутья онъ да троинъ,
 Первы прутья оловяныи,
 Вторѣи было прутья онъ желѣзныи,
 Третьи прутья онъ беретъ да туды мѣдныи.
 Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
 Отправляется онъ да на три мѣсяца.
 Прожилъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Прожилъ въ матушкѣ сырой земли первы сутки,
 Начинаеть жить же онъ тутъ сутки другѣи,
 Принимавать къ ему змѣище да проклятое,
 О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
 Пролізала ему гробъ было желѣзныи.
 А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
 Тымъ было клещами да желѣзныма.
 Съѣлъ же онъ ю прутьями да оловяныи,
 Другѣи съѣлъ же прутьями желѣзныи,
 Третьимъ онъ съѣлъ ю прутьями да мѣдныи.
 Змѣя ему да тутъ смолласи:
 — Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не убей меня змѣи было проклятою,
 — Дамъ тебѣ я заповидь великую
 — Оживить-то нунь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
 — Лебедь бѣлую да королевичну,
 — Королевичну было подолянку,
 — Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
 Испроговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Ой же ты змѣя было проклятая,
 «Ты змѣя было лукавая,
 «Дай-ко ты змѣёныша въ великъ залогъ!»
 Дала тутъ змѣя лукавая,
 Дала тутъ змѣёныша въ великъ залогъ.
 Рубилъ же онъ змѣёныша на мелкии на часточки.
 Отправляется змѣя было проклятая,
 Доставаетъ тутъ она было живу воду.
 Складывалъ же онъ змѣёныша во мѣсто ли,
 Мочилъ же того малаго змѣёныша, —

Засвивался было маленькѣи змѣёнышокъ.
 Брызгалъ же Марью лебедь бѣлую,
 Брызгалъ онъ ю во три же разъ:
 Первый разъ она продрогнула,
 Другой разъ она зашевелиласи,
 Третьй разъ она да проглаголила:
 — Фу фу фу я долго нунь попрóспала! —
 Испроговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Кабъ не я, такъ ты отвынь до вѣкъ би прóспала».
 Скричалъ же тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
 вичъ
 Своимъ голосомъ да богатырскииъ.
 Теремки да пошатилиси,
 Околенки у нихъ да повалилиси,
 Все же во градѣ да приужахнулись,
 Все сами же тутъ въ городѣ сирóговорятъ:
 — И нашему уродищу въ сырой земли не пожи-
 лось.
 — Отправлялся онъ въ сыру землю да на три
 мѣсяца, —
 — Наступаютъ нунь на насъ трои сутки,
 — Изъ сырой земли уродище дается. —
 И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
 Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
 Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ пошолъ гулять да по царевныиъ по кабакамъ,
 Пить вино да онъ безденежно,
 Гдѣ кружкою да полукружкою,
 Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
 А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
 Марья лебедь бѣлая,
 Королевична было подолянка,
 Посылала она вѣдомъ королю да политовскому,
 Что наѣхалъ бы король да политовскѣи,
 Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
 А ѣ подолянку да королевичну,
 Въ тую землю во литовскую.
 Приѣзжаетъ тутъ король да политовскѣи,
 Приѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
 Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну онъ да подолянку.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаеть,
 Что увезъ же да король да политовскѣи
 Его же Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну онъ да подолянку.
 Прискакала было вѣсточка нерадостна
 Михайлы Пóтыку Иванову:

«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Ты пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
 «Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
 «Лебедь бѣлая да королевична,
 «Королевична было подолянка,
 «Уѣхала съ королемъ да политовскімъ
 «Во матушку да въ земляну Литву».
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Одѣвае онъ же платица-ты женскіи,
 Накручается же онъ да было женщиной
 И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погоною
 За тымъ же королемъ да политовскімъ.
 Не узналъ бы да король да политовскіи,
 Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонушки.
 Подѣзжаетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
 вичъ

Вслѣдъ же онъ было погоною
 За тымъ же королемъ да политовскімъ.
 Увидала Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да тутъ подолянка,
 Сама ему да испроговорить:
 — Ай же ты король да политовскіи!
 — Ъде нунь за нами вслѣдъ погонушка,
 — Ъдетъ тутъ за нами женщина, —
 — Хоть и женщиной да тѣда-ка сокрученось,
 — Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонушка,
 — Ъдетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
 — Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
 — И давай же мнѣ папитковъ еще сонныхъ.
 — Онъ же до вина да есте спадельный.
 — Поднесу ему я чару зелена вина, —
 — Гди вышье, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ. —
 Подѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
 Тяжелешенько да она плаче ли:
 «Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Увезъ меня король да политовскіи,
 «Что ли силою увезъ меня изъ Кіева».
 Подпоситъ ему чару зелена вина:
 «Выпей още чару зелена вина».
 Гди выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 Подскочила тутъ къ коню да къ богатырскому,
 Припимасть на плечо да на волшебное,
 Спустила тутъ его было черезъ плечо,
 Сама же тутъ Михайлы приговаривать:
 «Гди былъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ,
 «Стань-ко нынѣ горячій бѣлой камешокъ.
 «Будь-ко ты Михайло нынѣ во камени».
 Отправляется съ королемъ да политовскімъ

Въ ту было да въ земляну Литву,
 И уѣхала да въ земляну Литву
 Къ тому же королю да политовскому.
 Жила съ королемъ да политовскімъ,
 Жила она много тамъ же времени.
 Стосковалось было братьямъ же крестованымъ:
 Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 Молоду Добрынюшку Никитичу.
 Крутилиси было они каликамы,
 Обували они лапти было липовы,
 Надѣвали они платица пестрѣтныи,
 Пошли они да тѣда-ка каликамы
 Отъ солнышка Владимира отъ князя стольнѣ-кїевска
 Къ тому же королю да къ политовскому
 Пекать же тутъ Михайла Пóтыка Иванова,
 Своего же было брата да крестоваго.
 Въ день они идутъ было по солнышку,
 А въ ночь они идутъ было по камешку.
 Приходятъ тутъ ко бѣлому ко камению.
 Выходитъ тутъ изъ другою изъ рѣстани,
 Выходитъ тутъ калика было старая,
 И старая калика да сѣдтая,
 Хотя сѣдтая калика да и плѣштая.
 — Здравствуйте, калики перехожіе! —
 «Ты здравствуешь калика было старая,
 «Старая калика ты матѣрая,
 «Ты матѣрая калика да сѣдтая,
 «Ты сѣдтая калика да плѣштая».
 — Куда же вы калики нунѣ направилесь? —
 Испроговорятъ тутъ русскіи могучіи богатыри:
 «Ай же ты калика было старая!
 «Хоть нынѣ у насъ накрученось каликамы,
 «Е мы не калики перехожіи,
 «Е мы русскіи могучіи богатыри:
 «Старый казакъ да Ильѣ Муромецъ,
 «Молодой Добрынюшка Никитичъ.
 «Пошли пекать Михайлы Пóтыка Иванова,
 «Своего же брата мы крестоваго,
 «Святорусьскаго богатыря».
 Испроговорятъ же русскіи могучіи богатыри:
 «Ты откудова калика есть же старая?»
 — Я дальняя калика есть же старая,
 — И дальняя калика я не здѣшняя, —
 — Пошолъ пекать Михайлы Пóтыка Иванова. —
 Приходили тутъ калики перехожіи
 А къ тому же королю да политовскому,
 Ставились калики срѣди города,
 Супротивъ того двора да королевскаго.
 Тутъ скрипали да калики перехожіи, —
 Теремки у нихъ да пошатилиси,
 Околенки у нихъ да повалилиси,

Всн же во гради да приужахнулись:
 Что же нунь да чюдо е случилось,
 Какй же намь калки появились?
 Испроговорить король да полнтоvesкйн:
 «Это е три чюда объявилосн:
 Говорила Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да туть подоянка:
 — Туть не чюдо къ намь же нуньчю объявилосн,
 — Два богатыря да къ намь же нунь явилосн:
 — Старый казакъ да Илья Муромецъ,
 — Мѳлодой Добрынюшка Никитиничъ.
 — А третья калка незнакома,
 — Незнакома калка да сѣдата,
 — Сѣдата калка да плѣшата,
 — Тая е калка да незнаема.
 — Зови-тко ты король да во гостѣбнищю
 — Этыихъ каликъ да переходихъ.
 — Не пойдуть оны къ намь да въ гостѣбнищю,
 — Розорятъ оны же нашу землю Литву
 — Два русьскйн могучйн богатыря. —
 Выходилъ же туть король да полнтоvesкйн,
 Скорешейкю же выходилъ на широкъ дворъ
 Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
 Лебедь бѣлою да онъ подоянкой,
 А подоянкой да королевичной.
 Подходила она къ братьецамъ крестовымъ
 Своего же она мужа да названого,
 Звала туть себѣ-ка-ва въ гостѣбнищю,
 Тяжелешенькю по нѣмъ да она плакала.
 Спрашивали русьскйн могучйн богатыри,
 Старый казакъ да Илья Муромецъ,
 Что ли мѳлодой Добрынюшка Никитиничъ:
 «Не видала ли Михайла Потякѣ да ты Иванова?»
 — Не видала я Михайла Потякѣ Иванова.
 — Тяжелешенькю по нѣмъ да я же плачу есть,
 — Вспомню я его да въ каждый день. —
 И зовѣтъ она себѣ-ка-ва въ гостѣбнищю
 Къ тому же королю да полнтоvesкому.
 Туть приходитъ же король да полнтоvesкйн
 И зовѣтъ же онъ богатырей къ соби въ гости.
 Приходить туть калки переходжйн
 Къ тому же королю да къ полнтоvesкому,
 Гостили у того же короля да полнтоvesкаго.
 Дарили имъ же честныи туть дѣрева,
 Дарили имъ же злато что ли серебро,
 И мелкйн имъ туть же жемчуги,
 И каменья дарили драгоцѣнныи.
 Откланялись туть же калки переходжйн,
 Отправились калки со гостѣбнища,
 Ничего же туть калки не провѣдали

Про русьскаго могучаго богатыря,
 Про Михайлу Потякѣ Иванова.
 Отправились же въ путь они дороженькю,
 Въ день они идуть было по соннышкю,
 Въ ночь они идуть было по камешкю.
 Приходятъ тутъ ко бѣлому горячему ко камению.
 Испроговорить калка было старая,
 Еще старая калка да матерая:
 «Вамъ же нунь, калки переходжйн,
 «Вамъ же нунь пойти же надо въ сторону,
 «Мгѣ-ка-ва пойти надѣ же въ другую.
 «Будемъ на прощенье животовъ дѣлнить».
 Испроговорить тутъ русьскйн могучйн богатыри:
 — Ай же ты калка нуньчю старая,
 — Ты старая калка да матерая,
 — Матерая калка да сѣдата,
 — Сѣдата калка да плѣшата!
 — Ты дѣли-тко нуньчю дѣрева. —
 Дѣлила-то калка было старая,
 Старая калка да матерая,
 И дѣлила тутъ великйн подарочки,
 И дѣлнить она да на четыре да на часточки.
 Испроговорить тутъ русьскйн могучйн богатыри:
 «Что же ты, калка было старая,
 «Старая калка ты матерая,
 «Что дѣлишь ты нынѣ подарочки.
 «На четыре ты дѣлишь на часточки?
 «Трое насъ же нуньчю находится,
 «А кому же эта часть нунь остается?»
 Говорить же имъ калка было старая:
 — Ай же вы калки переходжйн!
 — Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
 — Кто изъ насъ же здиме этотъ камешокъ че-
 рѣзъ плечо,
 — А тому же часть четвертая достанется. —
 Думаютъ же русьскйн могучйн богатыри
 Своимъ же тутъ умомъ да богатырскимъ:
 Неужтѣ не здимемъ мы да камеша?
 Часть эта да намъ же нынѣ достанется.
 Испроговорить калка имъ же старая,
 Старая калка да матерая:
 — Ай вы русьскйн могучйн богатыри!
 — А здимайте-тко горячий бѣлый камешокъ. —
 Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
 Здимать же нынѣ горячий бѣлый камешокъ,
 Здимать же этотъ камень да черѣзъ плечо.
 Выздывуль Добрынюшка до пояса, —
 По колѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
 Не могъ же онъ здинуть да было камешка
 Черезъ тѣс нунь плечо да богатырское.

Принимался тутъ же старын казаць да Ильѣ Муромецъ.
 Онъ здымае этотъ бѣлыи горючій камешокъ,
 Онъ здымае себѣ камешокъ на груди ли,
 А по стегнамъ Ильѣ Муромецъ да въ землю сѣлъ.
 Приходитъ тутъ калика эта старая,
 Эта старая калика да сѣдтая,
 Сѣдтая калика да плѣшатая,
 Налагаетъ еще руки на бѣлыи горючій камешокъ
 И здымае камешокъ черѣзъ плечо,
 Спуститъ этотъ камешокъ черѣзъ плечо,
 Спуститъ камень о сыру землю,
 Сама же къ камению да приговаривать:
 — Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,
 — Иди-ко ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —
 Кололся этотъ камешокъ нунь на двое,
 Выходитъ тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Увидае онъ же братьевъ крестовыхъ.
 «Здравствуйте вы братьеца крестовыхъ!»
 — Здравствуй ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Отъ чего попалъ въ горючій бѣлый камешокъ? —
 «Отъ своей же я нунь Марыи лебедь бѣлыи,
 «Лебедь бѣлыи да я подолянки,
 «А ѣ подолянки да королевичной.
 «Подносила она зелья мѣ-ка соннаго,
 «Подносила она зѣленѣмъ виномъ, —
 «А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,
 «И самъ себе я понечу не вѣдаю».
 Говоритъ же тутъ калика ему старая,
 Старая калика да матерая:
 — Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Будешь ты у города у Кіева
 — А у ласковаго князя у Владиміра,
 — Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныхъ,
 — Одну церковь нуньче дѣлай ты Спасителю,
 — Другу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,
 — Въ той же нунь Микола да свѣтителю.
 — Упросила матушка да пресвятая Богородица
 — А сходить меня для васъ да на сыру землю,
 — Избавитъ нунь отъ смерти отъ напрасноу,
 — Отъ напрасноу отъ смерти отъ волшебною.—
 Простиласи калика было старая,
 Старая калика да матерая,
 Отправилася калика въ свою сторону.
 Испроговарятъ тутъ русьскіи могучіи богатыри:
 «Ай ты братецъ да названни,
 «Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,

«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
 «Ко ласковому князю ко Владиміру».
 Говоритъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же мѣи братьница крестовыхъ!
 — Мѣ-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
 — А къ тому же королю ко политовскому.
 — Угнать онъ да моего добра коня,
 — И увезъ же Марью лебедь бѣлую,
 — Лебедь бѣлую да королевичну,
 — Королевичну онъ да подолянку. —
 Испроговарятъ тутъ братьница крестовыхъ:
 «Ай ты братецъ да названни,
 «Михайла Пѣтыкъ да Ивановичъ!
 «Не жена теби она, да есть волшебница,
 «Скопаетъ твою голову да богатырскую,
 «Ты получиши отъ ей смерть напрасноу».
 Тутъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ братьниковъ крестовыхъ не слушаетъ,
 Приказалъ же братъ имъ этии подарочки
 И отправляться имъ ко городу ко Кіеву.
 Самъ пошолъ же къ королю да политовскому,
 Политовскому да земли-польскому (*такъ*),
 Въ туу онъ пошолъ во земляну Литву.
 Приходитъ онъ каликою перехожеей,
 Ставился же онъ тутъ среди города,
 Противу тутъ двора да королевскаго,
 Кричалъ же онъ да во всю голову.
 Теремъ же тутъ да пошатился,
 Что околени у нихъ вси повалилися,
 Всеи уродища оны да прижухнулись,
 Самн же оны тутъ испроговарятъ:
 — Недавно чюда здѣ-ка были объявилися,
 — А нунь оная да чюдо появилося. —
 Испроговаритъ тутъ Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да и подолянка:
 «Не калика это есть да перехожая,
 «А Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.»
 Скорешенько наливаетъ чару зелья соннаго,
 Выбѣгаетъ тутъ скорешенько да на широкъ дворъ,
 Стрѣгаетъ тутъ Михайла Пѣтыка
 Съ чарой зелена вина.
 Выпилъ онъ же чару зелена вина, —
 Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,
 Гдѣ выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.
 Тащила тутъ во сѣни во челядинны.
 Увидала тутъ Настасья королевична,
 Что тащатъ си (*такъ*) богатыря во сѣни во челядинны,
 По немъ она да сжаловалася.
 Приходила тутъ во сѣни во челядинны

Эта Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Прибивала тутъ богатыря да на стѣну,
 Была ему въ руки въ ноги еще гвѣздища.
 Не хватило тутъ гвозда да ў ней пятаго,
 Пятаго гвозда ему середняго,
 Средняго гвозда ему сердечнаго.
 Побѣгала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
 Побѣгала за гвоздомъ она да пятимъ.
 Молода Настасья королевична
 Вытаскивала гвѣздя вонъ да со стѣны,
 Прибила тутъ на мѣсто да татарина,
 Прибила тутъ татарина да мертваго,
 Мертваго татарина да мерзлаго.
 Уводила тутъ Настасья королевична
 Того было богатыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
 Прибѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична она подолянка,
 Не смотрѣла тутъ она да на стѣну,
 Забила тутъ татарина мѣсто богатыря.
 Отправляется къ королю да литовскому,
 Сама же тутъ ему да еще хвастаетъ:
 — Перевела я нынчу своего да ненавистничка,
 — Михайла Пѣтыка сынъ Иванова. —
 Прожилъ у Настасьи онъ потай да трѣхъ сутокъ,
 Проситъ онъ коня да богатырскаго,
 Да у той было Настасьи королевичной:
 «Ахъ ты мѣлада Настасья королевична!
 «Проси-тко у родителя у батюшка,
 «Нѣтъ ли нунъ коня да богатырскаго
 «Съѣздить въ чисто поле да поляковать.»
 Молода Настасья королевична
 Тутъ приходитъ къ королю да литовскому,
 Къ своему она къ родителю да батюшку:
 — Ахъ ты старинъ король да литовскій,
 — Ай же ты родитель мой да батюшко!
 — Дай-ко мнѣ коня да богатырскаго
 — Съѣздить въ чисто поле да поляковать,
 — Простудить лицо свое, да женское. —
 Испроговоритъ король же литовскій:
 «Поди-ко на конюшни на стоялыи,
 «Выбирай-ко ты коня да нынъ по разуму.»
 Приходила на конюшни на стоялыи,
 Выбрала тутъ коня да богатырскаго
 Михайлы Пѣтыка Иванова.
 Пригоняетъ тутъ коня да богатырскаго
 А Михайлы Пѣтыка Иванова
 Къ своему крыльцу да королевскому.
 Одѣвается богатырь да по женскому,
 Уѣзжае онъ богатырь было женщиной,

Уѣзжаетъ тутъ богатырь во чисто поле,
 Изъ чиста поля паѣхалъ онъ богатыремъ,
 Ставился же онъ тутъ среди двора,
 У того же короля да литовскаго,
 Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
 Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да тутъ подолянка.
 Скорѣшенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
 Налпвааетъ она чару зелепымъ виномъ
 И подноситъ ему зелье было сонное.
 Мѣлада Настасья королевична
 По поясу бросилася въ окошечко:
 — Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Выпьешь чару нунъ же ты да зелена вина,
 — Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
 — Будетъ ти отѣчь она твоя да буйна гѣлова,
 — А твоей же тутъ да саблей вострою. —
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Не пилъ же чары зелена вина;
 Смѣхне онъ да саблей вострою, —
 Отнесъ же ейну буйну голову
 За ейны поступки неумильны.
 Розсердѣлся тутъ богатырь святоруескій:
 «Отнесу же королю я буйну голову,
 «Розорю же я тутъ землю всю литовскую!»
 Упросила тутъ Настасья королевична:
 — Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не руби-тко ты родителю да буйной головы
 — За его было поступки неумильны,
 — Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
 Укротилъ же свое сердце богатырскаго;
 Бралъ одну Настасью королевичну
 Отъ того же короля да литовскаго,
 Бралъ мѣладу Настасью онъ во честности.
 Увезъ къ городу было ко Кіеву,
 А къ ласковому князю ко Владиміру,
 И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крещоную.
 Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
 Сталь же съ ней да вѣкъ корѣтати.
 Сталь же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныхъ,
 Перву церковь онъ соборную
 Строилъ онъ Спасителю,
 Другу церковь онъ же строилъ да соборную
 Матушки да пресвятою Богородици
 И Николы онъ было святителю.
 Тутъ Михайлы Пѣтыку сыну Иванову славу поютъ,
 Синему морю на тишину,
 Всимъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 июля.

7.

СТАВЕРЬ.

А у солнышка да у Владиміра
 Пированьицо было на третій день.
 А вси-то на пиру да напшвалнен,
 Всѣ же на честноемъ наѣдалнен,
 Всѣ же на пиру да порасхвасталнен.
 И ный хвалить города да съ пригородками,
 И ный хвалить тутъ же села со приселками,
 И ный хвастаетъ тутъ золотой казной,
 Золотой казной да тутъ безмѣтною,
 И ный хвалится да добрымъ тутъ комонымъ,
 Разумный хвастаетъ да родной матушкой,
 Безумный хвалится да молодой женой.
 Сидитъ молодой Ставеръ да сынъ Годнповичъ,
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
 Его бѣлою лебѣдушки не рушаетъ,
 Да ничѣмъ Ставеръ не хвастаетъ.
 Ходитъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской,
 Самъ солнышко да испроговорить:
 «Ахъ ты молодой Ставеръ да сынъ Годнповичъ!
 «Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не кушаешь,
 «Моей бѣлою лебѣдушки не рушаешь,
 «Самъ же нуль Ставеръ да е не хвастаешь.
 «У васъ нѣту городовъ да съ пригородками,
 «Видно нѣтъ у васъ да сель и со приселками,
 «Нѣту золотой казны по надобью,
 «Нѣту добрыхъ комопей по надобью,
 «А не хороша Ставрова рѣдна матушка,
 «Да не похвальна Ставрова молода жена?»
 Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ да сынъ Годнповичъ:
 — У насъ есть тутъ города да съ пригородками, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Есть у насъ и села со приселками, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Золота казна у молодца не держится *), —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Добры комони у молодца не ѣзятся, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Хоть и хороша моя да рѣдна матушка, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Хоть бы похвальна моя да молода жена, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба:
 — Она всѣхъ князей бояръ повыманить **),
 — Она солнышка Владиміра съ ума сведеть. —

*) г. е. не издерживается, не переводится.

**) г. е. обманеть.

А вси князи тутъ бояра призадумалнен.
 «А похвасталь нуль Ставеръ да сынъ Годнповичъ,
 «Ай похвасталь онъ своей да молодой женой:
 «Всѣхъ князей бояръ да нуль она повыманить,
 «Она солнышка Владиміра съ ума сведеть!
 «Засадимте-тко Ставра да въ погребѣ,
 «А во тыи было погребѣ глубокѣи.
 «Пусть-ко нынѣ Ставрова молода жена
 «Всѣхъ князей бояръ да насъ повыманить,
 «Солнышка Владиміра съ ума сведеть»,
 Быть же у Ставра да было свѣи чѣловѣкъ,
 А садился на Ставрова на добра коня,
 Онъ поѣхаль тутъ во землю ляховитскую,
 Къ той же Василсты ко Никуличной, *)
 Да къ Ставровой молодой жены.
 Приѣзжае къ Василсты ко Никуличной,
 Къ той же ко Ставровой молодой жены.
 Говоритъ же Василсты да Никуличной:
 — Ай же Василста дочь Никулична,
 — Ай же ты Ставрова молода жена!
 — А похвасталь нуль Ставеръ да сынъ Годнповичъ.
 — А тобой да молодой женой,
 — Василстой да Никуличной,
 — Что же всѣхъ князей бояръ да ты повыманить,
 — Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —
 Говоритъ тутъ Василста дочь Никулична:
 «Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
 «Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
 «Могу ли нѣтъ догадкамы да женскимъ». —
 А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ (такъ),
 Подрубила волосѣ да по мужичьему,
 Набрала дружинишки хороброу,
 Сорѣкъ молодцѣвъ, молодыхъ борцѣвъ,
 Сорѣкъ молодцѣвъ, молодыхъ стрѣльцѣвъ,
 А сама она поѣхала посланинкомъ,
 А ко солнышку Владиміру,
 А ко князю стольнѣ-кїевску.
 Оставляетъ тутъ дружину во чистѣмъ полн,
 А сама тутъ приѣзжаетъ да посланинкомъ.
 — Здравствуй солнышко Владиміръ стольнѣ-кїев-
 ской! —
 «Ты откудава, удалый добрый молодецъ,
 «Ты коѣй земли, коѣй орды,
 «Какъ ты нуль зовуть по имечки,
 «Нарекають по изотчнны?»
 — Я изъ зѣмли ляховинскѣи,
 — Того кброды сынъ ляховитскаго,

*) По объясненію Калинина, эта Василста была сестра Насасы Никуличны, жены Добрыниной.

— Молодой Василій да Никулчъ ли.
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Я прѣхалъ нунъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ свѣтовствѣ
 — На твоей было любимыи на дочери. —
 «Я пойду къ дочѣри нунъ подумаю».
 Приходитъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 А своей дочѣри еще спрашивать:
 — Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
 — Прѣзжае короля сынъ ляховитскаго,
 — Молодой Василій да Никулчъ ли,
 — На теби любимыи на дочери да свататься. —
 Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нунъчу на умѣ,
 «Что у тебя нунъчу да на разумѣ?
 «Выдаваешъ ты дѣвчѣину самъ за женщицу:
 «Пельки *) мякѣнны все по женьскому,
 «Ричъ поговори все по женьскому,
 «Гди жуковинья-ты**) были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бѣрѣжетъ».
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
 Приходитъ тутъ къ послу да ляховитскому,
 Къ мѣлоду Василью да Никулчу.
 — Молодой Василій да Никулчъ ли!
 — Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку?—
 «Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
 «А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
 Приказалъ Владиміръ стопитъ баенку,
 А приходитъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Къ мѣлоду Василью да Никулчу:
 — А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
 А докѣ Владиміръ въ домѣ гладился***),
 Той порой посоль въ байнѣ отпарился,
 Стрѣту-ту идетъ, да ему чѣсть воздаеть:
 «Благодарствуешъ, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «Да на тепло-парною вашей на баенки».
 Владиміръ тутъ ему да отвѣчаегъ ли:
 — Что же скоро въ баенкѣ отпарилсъ? —
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Ваше дѣло е хозяйское,
 «Наше дѣло е посольное,
 «Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,
 «Въ тепло-парною тамъ париться.
 «Я прѣхалъ вамъ о добромъ дѣлѣ да объ свѣто-
 ствѣ

«На твоей любимыи на дочери».
 — Я пойду еще къ дочѣри тамъ подумаю. —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ приходитъ тутъ, дочѣри самъ же спрашивать:
 — Ай ты дочь моя возлюбленна!
 — Того короля сынъ ляховитскаго,
 — Молодой Василій да Никулчъ ли,
 — Онъ прѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о свѣтов-
 ствѣ
 — На тебѣ было любимыи на дочерн. —
 Отвѣчае дочь ему любимая:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нунъчу на умѣ,
 «Что у тебя нунъчу да на разумѣ?
 «Выдаваешъ ты дѣвчѣину самъ за женщицу:
 «Пельки мякѣнны все по женьскому,
 «Ричъ поговори все по женьскому,
 «Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бережетъ».
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
 Тутъ приходитъ да къ Василью ко Никулчу;
 — Ахъ ты мѣлодой Василій да Никулчъ ли!
 — Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
 — Тамъ ты хлѣба соли да откушаешъ,
 — А отдохнешъ послѣ тепло-парной баенки. —
 А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
 Тамъ же онъ да хлѣба кушаеть.
 А выходитъ онъ изъ-за столовъ
 И Владиміру да чѣсть воздаеть.
 А отводитъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 А во тын нунъ да ложни да во теплыи.
 Молодой Василій да Никулчъ ли,
 Гдѣ головой-то быть, да тутъ же жоной легъ.
 Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
 «Благодарствуешъ, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
 «Я прѣхалъ нонъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свѣ-
 товствѣ
 «На твоей любимыи на дочери».
 Отвѣчаегъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду еще къ дочѣри, тамъ подумаю. —
 Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
 Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,—
 А широкіи плеча да богатырскіи.
 И приходитъ онъ къ дочѣри, самъ же спрашивать:
 «Ай ты дочь моя возлюбленна!
 «Того короля сынъ ляховитскаго,
 «Мѣлодой Василій да Никулчъ ли,
 «А прѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о свѣтов-
 ствѣ

*) Груан.

**) Мѣста подъ кольцами.

***) т. е. ладился, собирался.

«На тебѣ было любимыи на дочери». Отвѣчае дочь ему любимая:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Что у тя Владиміръ нуьчу на умѣ,
 — Что у теби нуьчу да на разумѣ?
 — Выдаваешь ты дѣвчѣну самъ за женщину:
 — Пельки мякѣньки все по женьскому,
 — Ричь поговори все по женьскому,
 — Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 — Она стѣгна жметъ добра бережетъ. —
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
 Приходитъ тутъ къ Василю ко Никуличу:
 «Ахъ ты молодой Василій да Никуличъ ли!»
 «Неудбно ли съ дворянами потѣшиться,
 «Пострѣлять въ колечко золоченое?»
 Отвѣчасть тутъ Василій да Никуличъ ли:
 — Оставлены стрѣльци да во чистомъ поли.
 — Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
 — А стрѣлять въ колечко золоченое. —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ поставилъ молодá стрѣльця.
 Первой разъ стрѣлилъ да онъ не дострѣлилъ,
 А другой же разъ стрѣлилъ перестрѣлилъ,
 Третій разъ стрѣлилъ да туды нѣ попалъ. —
 Молодой Василій да Никуличъ ли
 А натягивалъ тетивочки шелкъвыи,
 А накладывалъ онъ стрѣлочку калѣную,
 А стрѣляетъ тутъ въ колечко золоченое,
 Попадаетъ тутъ въ колечко золоченое,
 Коле стрѣлочку да на двое,
 Мѣрою однаки да вѣсомъ равны.
 Самъ Василій испроговорить:
 «Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Я прѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свá-
 товствѣ
 «На твоей любимыи на дочери». —
 — Я пойду къ дочѣри, тамъ подумаю. —
 Приходитъ онъ къ дочѣри, самъ же спрашивать.
 Говорить ему да дочь любимая:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нуьчу на умѣ,
 «Что у теби нуьчу да на разумѣ?
 «Выдаваешь ты дѣвчѣну самъ за женщину:
 «Пельки мякѣньки все по женьскому,
 «Ричь поговори все по женьскому,
 «Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бережетъ». —
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
 А приходитъ тутъ къ Василю ко Никуличу,

къ мѣлоду Василю да Никуличу:
 «Молодой Василій да Никуличъ ли!»
 «Неудбно ль съ моимá дворянами потѣшиться,
 «А ѣ потѣшиться да поборотиться?»
 — Да оставлены борьци да во чистомъ поли,
 — Самому же нуьчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
 Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
 Онъ выходитъ да на шірокъ дворъ,
 Сталъ съ дворянами онъ тѣшиться,
 Сталъ онъ тѣшиться да онъ боротиться.
 Одного захватить въ руку, дрúтаго да въ дрúгую,
 Третьяго онъ смáхнеть во серѣдочку.
 По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
 А которыхъ положить, больше ты не выстатутъ.
 А выходитъ тутъ Владиміръ да на шірокъ дворъ:
 «Ахъ ты молодой Василій да Никуличъ ли!
 «Укротн-тко свое сердце богатырское». —
 Испроговорить мѣлодый Василій да Никуличъ ли:
 — Я прѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о
 сватовствѣ
 — На твоей любимыи на дочери, —
 — А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ вѣзму нѣ
 съ чести,
 — Нѣ съ чести вѣзмú, да теби бока набью. —
 Не пошоль же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
 Сталъ свою тутъ дочь просватывать,
 За того было Василья за Никулича,
 За туѣ было Ставрову молодú жену.
 А свадьба у нихъ была по третій день,
 А Василій да Никуличъ закручинился,
 Онъ повѣсилъ своѣю да буйну голову,
 Утопилъ же очи ясны о кирниченъ мостъ,
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Что же ты Василій закручинился?»
 — Что же мнѣ-ка стало нуьч не весело:
 — Батюшка ли дома у насъ померъ ли,
 — Али матушка у насъ да дома померла,
 — Алъ надъ дружиной во чистомъ поли не ладно
 есть.
 — Нѣтъ ли у васъ мѣлдыхъ загусельщичковъ,
 — Понграть да во гусельшка яровчаты,
 — Звеселить мое сердечико? —
 Доставали что ли мѣлдыхъ загусельщичковъ.
 Все играютъ да не весело,
 Не могли же звеселить Василя да Никулича.
 Говорить было Василій да Никуличъ ли:
 — Нѣтъ ли у тя мѣлдыхъ затюремщичковъ,
 — Понграть въ гусельшка яровчаты? —
 Повыпустили мѣлдыхъ затюремщичковъ,
 Стали тутъ играть въ гусельшка яровчаты,
 Все играютъ да не весело.

Говорить было Василій да Никуличъ ли:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
 — Нѣтъ ли здѣсь Ставра Годинова,
 — Онъ гораздъ играть въ гусельшка яровчаты.—
 Тутъ выводятъ Ставра съ погребовъ глубокнхъ,
 Запгралъ въ гусельшка яровчаты,
 Звеселлся тутъ Василій да Никуличъ ли.
 — Здравствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — Ты меня Ставеръ да нунъ же знаешь ли? —
 Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
 «Я тебя топеричку не знаю ли».
 — А помнишь ли, Ставеръ да сынъ Годиновичъ,
 — Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
 — А моя была чернильница серебряна,
 — А твое было перо да подзолочено,
 — Ты тутъ помакивалъ всегда, всегда,
 — А я помакивалъ тогда сегды? —
 «Я съ тобою въ грамотѣ не учивался».
 — А не помнишь ли, Ставеръ да сынъ Годиновичъ,
 — А мы съ тобою свачкою погрѣивали,
 — А мое было колечко золоченое,
 — Твоя-то была свачка серебряна,
 — Ты тутъ попадавалъ всегда, всегда,
 — А я попадавалъ тогда сегды? —
 «Я-то съ тобой свачкою не пгривалъ».
 Говорить же тутъ Василій да Никуличъ ли:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Ты спусти-ко со мной Ставра съѣздить во чисто
 поле,
 — Посмотрѣть дружинишки хороброу. —
 Говорятъ тутъ князи бѣяра:
 «Какъ спустить Ставра, такъ не видать Ставра,
 «Не спустить Ставра, такъ розгрѣвить посла».
 А не смѣли тутъ посла порозгрѣвить,
 Отпустили Ставра съѣздить во чисто поле.
 Приѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
 Ко своей было дружинишки хороброу.
 Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотвяны,
 Одѣвае платья было женскнн,
 Сокручается Василій было женщиной.
 — Здравствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
 Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
 «Здравствуй, молодая Василица дочь Никулична,
 «Нунечу Ставрова молода жена!»
 Спрашивать да Василица дочь Никулична
 У того Ставра Годинова:
 — Молодой же ты Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — Ты за что же засажень да былъ во погребѣ? —
 «Я похвасталъ нунъ тобой да молодой женой,

«Что ты всехъ князей бояръ теперь повыманишь,
 «Что ли солнышка Владиміра съ ума сведешь.
 «А поѣдемъ, Василица дочь Никулична,
 «Мы поѣдемъ въ свою сторону».
 Говорила Василица дочь Никулична:
 — Намъ не честь хвала да молодецкая,
 — Что ли вѣровски уѣхать намъ со Кіева.
 — А поѣдемъ-ко мы свадебки догрывать.
 — Все князи да бояра нунъ повѣманены,
 — Солнышко Владиміръ да съ ума сведешь. —
 Накрутилась тутъ она да е посланишкомъ,
 Приѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру,
 Что ли свадебки она догрывать,
 А сама же у Владиміра тутъ спрашивать:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — А за что же засажень Ставеръ Годиновичъ
 — А во погребѣ глубокн? —
 «А за то же засажень Ставеръ Годиновичъ
 «А во погребѣ глубокн:
 «Онъ похвасталъ нунъ своей да молодой женой:
 «Вснхъ князей бояръ она повыманишь,
 «Она солнышка Владиміра съ ума сведеть».
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Что у ты Владиміръ нунъче нѣ умѣ,
 — Что у ты Владиміръ е на разумѣ,
 — Выдаваешь ты дѣвчину самъ за женщину,
 — А за тую за Ставрову молодѣ жену,
 — А за тую Василицу за Никуличну? —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ повѣсилъ буйну голову,
 Утонилъ же очи ясны во киршченъ мость.
 Все же князи тутъ бояра призадумались,
 Все же князи тутъ бояра испроговорять:
 «Она вснхъ князей бояръ да насъ повѣманила,
 «Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
 «Благодарствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 «Зналъ похвастать молодой женой!
 «Ты торгуй-ко нунъ Ставеръ да здѣ во Кіевѣ,
 «Ты отнынѣ же торгуй, да вѣтъ же по вѣку,
 «Здѣ во Кіевѣ безошлннно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

8.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ *).

А справляется Чурилка убирается,
 Обувае сапожки зеленъ сафьянъ,
 Кругъ носочка носочка янчко кати,
 Пятка о пятку — туды воробей летѣлъ,
 Туды воробей летѣлъ самъ крыломъ не задѣлъ.
 Одѣвае онъ платница цвѣтныи,
 Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
 А ѣ ушнесту, пушисту, завѣсисту,
 И спереди не видно личка бѣлаго,
 И озади не видно кудерь жолтыныхъ.
 Справляется Чурилка убирается,
 Убирае Чурилка добра кона,
 Кладывалъ онъ потнички на потнички,
 На потнички кладе войлочки,
 А на войлочки кладѣтъ да онъ сѣделышко.
 Подтягивалъ двѣнадцать тугиныхъ подируговъ,
 Чтобы сподъ сѣдла же добрый конь не выскочилъ,
 Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
 Видли Чурилушку садучи,
 А не видли удала поѣдучи.
 Уѣхалъ Чурила въ чисто полѣ,
 Приѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
 Подъ ей же окошко косевчато,
 Ко той ли Катерины Микуличной.
 Увидала Катерилушка Микулична,
 По поясу бросилась въ кошечко,
 Говорила Чурилушки Пленкову:
 «Молодой Чурила сынъ Пленковичъ!
 «Поѣзжай-ко Чурила въ гостѣбнищю.
 «Нѣту Безмѣра Васильевича,
 «Ушоль у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
 «Ушоль же Безмѣръ ко заутренки
 «И буде стоять тамъ обѣденку.»
 Подѣзжае Чурила сынъ Пленковичъ
 Ко той же Катеринѣ Микуличной,
 Заѣзжае Чурила на широкъ дворъ.
 Выбѣжала Катерина Микулична,
 Стрѣтала Чурилушку Пленкова,
 Брала за ручки за бѣлыи,
 За тыи перстыи за злаченыи,
 Цѣловала въ уста его въ сахарнии.
 Брала Чурилина добра коня,
 Вела на конюшни стоялыи,
 И сынала пшену бѣлоярову.
 Отошла отъ коня, поклонилася:

*) Размѣръ дактилическiй.

«Ѣшь-ко конь лошадь добрая!
 «Не для тебя я, конь, кланяюсь,
 «Для твоя (такъ) любимого хозяина,
 «Для того Чурилушки Пленковича.»
 Взяла тутъ Чурилушку Пленковича,
 Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
 Садила его было на стульчики,
 Подносила дощечку дубовую.
 Стали играть они въ шашечки;
 Сама же Чурила испроговорить:
 «Чорта-то да не за игра
 «А во тыи во шашки во шахманки!
 «Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
 «На туѣ кроватку тисовую,
 »На туѣ перинку пуховую,
 «Тамъ же Чурила позабавимся.»
 Увидала дѣвчоночка черная,
 Хотъ бы черна дѣвчоночка челядинка,
 Тую же Катерину Микуличну
 Съ тымъ же Чурилушкой Пленковичемъ
 На той же кроватки тисовыи,
 На той же перинки пуховыи.
 Выскочилъ Чурилушка Пленковичъ
 Изъ тон кроватки съ тисовою,
 Съ тон же периночки пуховыи,
 Говорилъ же дѣвчоночку чорному:
 — Ужъ ты черна дѣвчоночка чиганочка!
 — Вотъ ти полтина на бѣлилишка,
 — И друга полтина на румянишка,
 — А третью полтину куды хощь клади.
 — Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублѣвъ,
 — Ушнеста, пушиста, завѣсеста, —
 — И спереди не видно личка чорнаго,
 — И сзади не видно пучка вшиваго. —
 Говорила Катерина Микулична:
 «Ай же Чурилушка Пленковичъ!
 «Эти полтиннушки мпи отдай,
 «Этую шапоньку самъ держи.»
 Обвернула дѣвчоночка черная
 Изъ той же полаты бѣлокаменной,
 Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
 Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
 — Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 — Ты стоишь же здѣ, Богу молишься,
 — У тебя же е тамъ нуль гость въ гостяхъ,
 — У твоей же Катерины Микуличной
 — Е же Чурилушка Пленковичъ —
 — Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
 — Что ли мужъ съ женой забавляются. —
 Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Скорешенько пошолъ со Божья храму

Къ той же полаты бѣлокаменной.
 Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
 Выбѣгала Катеринуша Микулчична,
 Ростренила волоса свои женскіи,
 Стрѣтала Безмѣра Васильевича:
 «Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
 «Одва безъ тебя я не умерла,
 «Заболѣло сердечко ретливое.»
 Говорилъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Той же дѣвчонки челядинной:
 — Завела же ты дѣвчонка доказывать,
 — А пунечу дѣвчонка показывай. —
 «Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
 «Поди-ко на конюшню стоялую,
 «Во твоей же конюшнѣ стояли
 «Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
 «И зобле пшену бѣлоярову.»
 Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Онъ на тую конюшню стоялую,
 Увидѣлъ Чурилина добра коня,
 Отсѣкъ же Чурилину добру коню,
 Отсѣкъ же ему буйну голову.
 Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
 Самъ же дѣвчонку испроговорилъ:
 — Завела же ты дѣвчонка доказывать,
 — Пунечу дѣвчонка показывай. —
 Говорила дѣвчоночка черная,
 Черна дѣвчонка челядинка:
 «Бери-тко ларці окованнии,
 «А здымай ларци выше головы.»
 Тянулъ ларци окованнии,
 Ломалъ же ларци окованнии,
 Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
 Отсѣкъ же Чурилу буйну голову
 За его же поступки неумильни.
 Говорила Катерина Микулчична:
 — Гди палá головка коншная,
 — Тутъ палá головка Чурилинна,
 — Тутъ палá головка Катеринина! —
 Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
 Отсѣкъ же Катерини буйну голову
 А за ей да поступки неумильни.
 Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
 «Гди палá головка коншная,
 «Тутъ палá головка Чурилинна,
 «Тутъ палá головка Катеринина,
 «Тутъ палá головка дѣвки червою!
 «Черна дѣвчонка челядинка,
 «Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
 «Не доказывала бы она мужнихъ женъ.»
 Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.

Самъ же Безмѣръ приужахнется, —
 Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано та же, 22 юля.

—
 9.

Д Ю К Ъ.

А во той было Индѣюшки богатыи,
 Да во той было Корелы во проклятии,
 А былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 А севодня день да былъ суботнии.
 Онъ ходилъ гуляя да по всимъ заводямъ,
 Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей, —
 Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
 А севодня день братцы суботнии,
 Завтра намъ ити да ко Божьей церкви.
 Онъ ставае тутъ по утрышку рашенько,
 Отправляется онъ до къ Божьей церкви.
 Онъ стоялъ же тамъ великодѣнную заутреню,
 Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
 А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
 А къ честной вдовы Мамельфи Тимофеевной,
 Онъ отъ той великодѣнныи заутрени:
 «Ты родитель моя матушка,
 «Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 «Дай прощенье съ благословенькомъ
 «ѣхать къ стольѣму ко городу ко Кіеву
 «А ко ласковому князю ко Владимиру
 «Посмотритъ же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
 «Скажутъ: Кіевъ градъ въ честі въ добри.»
 Матушка ему да испроговоритъ,
 А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
 — Ай рожоно мѣе дитятко,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — А ѣ окольною дорожкой туды дальнею
 — А гонци гоняють по три мѣсяца,
 — Съ коня на конь, съ лошади тутъ на лошадь.
 — Пройде времени въ дороги да три мѣсяца.
 — А прямой дорожкой не окольною
 — Е три заставы великиихъ:
 — Перва застава великая
 — Что ли горушки толкучи.
 — Какъ ростѣлнута да гора вмѣсто стѣлнута,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу не бывать.
 — Друга застава великая
 — Что ли птичюшки клеучи.

— А росправи птици крыльица,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу нѣ бывать.
 — Третья застава великая —
 — А лежитъ змѣя проклятая,
 — О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 — А росправитъ змѣя хоботы,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу нѣ бывать. —
 Испроговоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
 А родители тутъ матушки,
 А честной вдовы Мамельфы Тимофеевной:
 «Ты родитель моя матушка,
 «Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 «Дай прощеньице съ благословеньицомъ
 «Ѣхать къ стольнѣму ко городу ко Киеву
 «А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру:
 «Дашь прощеньице съ благословеньицомъ — по-
 ѣду ли,
 «Хоть не дашь прощеньица съ благословеньи-
 цемъ —
 «Все равно поѣду я.»
 Дала тутъ прощенье съ благословеньицомъ
 Ѣхать къ стольнѣму ко городу ко Киеву
 А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру.
 Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
 Понлъ питьями медвяными,
 Онъ сѣдлаетъ тутъ добра коня,
 Гладывае онъ же потнички на потнички,
 А на потнички да кладѣ войлочки
 А на войлочки червальское сѣдлышко.
 Онъ подтягивать двѣнадцать тугихъ подруговъ
 А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради крѣпости,
 Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ
 сѣда не выскочилъ,
 Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
 Провожаетъ-то его да родна матушка,
 Та было Мамельфа Тимофеевна,
 А сама ему показывать:
 — А рожино мѣе дитяtko,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
 — Не будь-ко ты рожиное захвастливо,
 — Такъ не будешь ты рожиное захвачено. —
 Роспростилася да воротилася.
 Видли добра молодца-то сядучи,
 А не видли тутъ удалого поѣдучи.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пуцать.
 Къ первой заставы прискакивать,

А ростолнутся-то горы, вмѣсто столпятся.
 Тыи горушки ростолнулись,
 Не поспѣли вмѣсто столпиться, —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій провертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Къ другой заставы прискакивалъ.
 Не поспѣли птици крыльицовъ росправити, —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій провертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Рѣки-ты озера перескакивалъ,
 Широки раздолья промежъ ногъ пуцать.
 Къ третьей заставы прискакивалъ.
 Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити! —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій провертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Рѣки взялъ озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пуцать,
 Онъ ко городу ко Киеву прискакивалъ.
 Приѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
 А ко князю стольнѣ-киевску.
 Привязать же онъ добра коня
 У того столба да у точѣнаго,
 У того кольца да золочѣнаго,
 А ѣ заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменные,
 Крестъ кладетъ да по писаному,
 А поклонъ ведетъ да по учѣному,
 Бьетъ челомъ да поклоняется
 А на венхъ же па четыре стороны,
 Князю со княгиною въ особину.
 «Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнѣ-киев-
 ской
 «Со своей было княгиною Апраксией!»
 Говорилъ ему Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
 — И какъ тебя зовутъ нунчу по имени,
 — Нарекаютъ по отчеству? —
 «Я изъ той же нунъ Индѣи да богатою,
 «А изъ той было Корелы я проклятою,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
 — А давно ли ты бояринъ да повиѣхалъ? —
 «Аѣ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской!
 «Дома я стоялъ же тамъ заутренку,
 «А сюды поспѣлъ же я нунъ ко-обѣденкѣ
 «А вотъ было во Киевѣ градъ.»
 А справляется тутъ солнышко къ обѣденкѣ
 Съ тымъ же молодымъ боярниномъ,
 Съ Дюкомъ нунъ Степановымъ.
 А пошли они по улочкамъ,

Пали дождички великіи,
 Сдѣлали тутъ улички да грязныи.
 Шоль же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Измараль же онъ сапожки да зелёнъ сафьянъ.
 Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
 На сапожки тутъ бояринъ да поглядывать:
 — А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
 — Ай же въ Кіевѣ да не по нашему,
 — Постланы мосты да все кирпичныи,
 — Сыпаны пески да все рудожолтыи,
 — Пали дождички великіи,
 — Измочили тутъ пески да рудожолтыи,
 — Измараль-то я сапожки да зелёнъ сафьянъ.
 — А у насъ было въ Индѣи во богатыхъ,
 — А у насъ было въ Корелы во проклятыи,
 — Все же стланы мостыи дубовыи,
 — Поверху было да сукна одинцовыи. —
 А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Плѣнковичъ,
 Говорилъ же тутъ Чурила сынъ же Плѣнковичъ:
 «Ай же ты мужикъ да деревенщина,
 «А пустымъ ты мужикъ да нуньчу хвастаешь!
 «Ты убилъ кунца либо боярина,
 «Снять же тутъ сапожки да зелёнъ сафьянъ,
 «Самъ же ты сапожковъ знать не держиваль,
 «Все же на сапожки ты поглядывашъ.
 «А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
 «Ѣздить-то же намъ да е по три годы,
 «А по три годы-то намъ же Ѣздить по три дни, —
 «Въ каждый день да платица-ты смѣнныи,
 «Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи.»
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Былъ же тутъ съ Чурилой о великъ залогъ,
 Ѣздить имъ же нунь по три годы,
 А по три годы то намъ же Ѣздить по три дни,
 А который же изъ насъ лучше повыступить,
 Другому изъ насъ да голова рубить.
 А по Чурилушкии по Плѣнкови
 А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
 А по томъ было по Дюкъ по Степановъ
 Да ручался одинъ отче да черниговской,
 А крестовой его батюшко:
 Ѣздить-то имъ да по три годы,
 А по три годы-то имъ же Ѣздить по три дни,
 А который же изъ нихъ лучше повыступить,
 Другому изъ нихъ да голова рубить.
 Тутъ выходятъ отъ великодѣнныи обѣденки.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Прѣшоль къ солнышку Владимиру
 А ѣ ко князю стольнѣ-кіевску,
 Тутъ пришоль да хлѣба кунати
 А во тыи грядни во столовыи.

Тутъ садилси за столыи дубовыи,
 Приносили тутъ колачички крупничаты
 Что ли Дюку да Степанову.
 Сталь же онъ колачичковъ тутъ кунати,
 Мякишокъ-тотъ ѣсть да корочку подъ столь ме-
 четъ:
 — А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
 — А все въ Кіевѣ да не по нашему.
 — Этыи колачички крупничаты
 — Пахнутъ-то на глипушку дожджовую,
 — А на то же на помялушко сосновое.
 — У моей было родители у матушки
 — Есть же печки тамъ муравлены,
 — Тамъ помялушка шелковыи,
 — А не пахнутъ тамъ колачички на глину на
 дожджовую,
 — А колачичъ съѣшь, другога хочется,
 — Другой съѣшь, третей съ ума не идетъ. —
 Вонъ неходитъ зъ-за столовъ да за дубовыиъ,
 Крестъ владеть да по писаному,
 А поклонъ ведеть да по учёному:
 — Благодарствуешь, Владиміръ стольнѣ-кіевской,
 — За твои было колачички крупничаты. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Сталь справляться во Индѣюшку,
 А во ту было Индѣю во богатую,
 А во ту было Корелу во проклятую.
 Не спустили тутъ боярина
 Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
 А во ту было Корелу во проклятую.
 Тутъ садилси да бояринъ на ремѣнчатъ стулъ,
 Пише ёруки да скоронисчати,
 Кладывае опъ же въ сумки перемѣтныи,
 Отпускае онъ добра коня
 Съ тима сумками да перемѣтныма
 Ко своей было къ родители ко матушки,
 Ко честной было Мамельфы Тимофеевной.
 — Ай родитель моя матушка,
 — Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 — Посылай-ко ты миѣ-ка-ва нынъ платицовъ
 — А на три годы пошли да ты же на три дни,
 — Въ каждый день да платица-ты смѣнныи;
 — Ты пошли-ко злата сѣребра,
 — Ты пошли-ко миѣ на три годы,
 — Ты на три годы пошли да на три дни,
 — А не спусти меня съѢздить во Индѣюшку,
 — А во ту было въ Индѣю во богатую,
 — А во ту было въ Корелу во проклятую.
 — Я ударилъ нуньчу здѣ-ка о великъ залогъ,
 — Я похвасталъ знать Индѣей да богатою,
 — Да похвасталъ я Корелой да проклятою:

— У насъ было во Индѣи во богатии, —
 — А стоять у насъ полаты бѣлокаменны,
 — Что ли столбики у насъ да тамъ точеныи,
 — Крышки тамъ у насъ да золоченыи,
 — А за то же я захвачень Дюкъ Степановичъ.—
 Отправляетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Отправляетъ тутъ добра коня
 Ко родители ко матушки
 А къ честной вдовы Мамельфы Тимофеевной.
 Сталь же его бурушко поскакивать,
 Съ горы на гору да съ холмы на холму,
 Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пуцать.
 Къ первой заставы прискакиваль.
 Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,—
 Тую заставу проскакиваль.
 Къ другой заставы прискакиваль,
 Не успѣли птицы крыльцовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль.
 Къ третьей заставы прискакиваль.
 Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Ко Индѣюшки прискакиваль,
 Среди двора да ставился,
 Заржалъ лошадинимъ тутъ йсакомъ.
 Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
 Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
 Увидала тутъ боярина добра коня:
 «Видно тутъ рожоное убитое!»
 Выбѣгала тутъ на широкъ дворъ,
 Увидала она сумки перемѣтныя,
 Брала она сумки перемѣтныя,
 Выпосила сумки перемѣтныя,
 Роспечатывать тутъ ёрлуки да скоропсчаты,
 Сама же тутъ да испроговорить:
 «Видно тутъ рожоное захвастливо,
 «Тамъ мое рожоное захвачено.»
 Сбирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныхъ,
 Отправляе ему платицовъ на три годы,
 А на три годы да на три дни,
 Въ каждый день да трижды днѣмъ
 Ему платица-ты смѣтныи.
 Отпускае еще злата ему сѣребра,
 А на три годы да на три дни,
 Чтобъ хватило да боярину
 Дюку да Степанову.
 Пше ёрмычки да скоропсчаты
 Молоду боярину а Дюку да Степанову:
 Да не хватилъ буде злата сѣребра,
 А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
 Рыла она сумки перемѣтныи,

Отправляла тутъ его добра коня
 Къ молоду боярину а къ Дюку да Степанову
 Тутъ было во Кіевъ градъ.
 А й пошоль же его бурушко поскакивать
 Съ горы на гору да съ холмы на холму,
 Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пуцать.
 Къ первой заставы прискакиваль.
 Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Къ другой заставы прискакиваль.
 Не успѣли птицы крыльцовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Къ третьей заставы прискакиваль.
 Не успѣла змѣя хоботовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Тутъ ко городу ко Кіеву прискакиваль.
 Онъ приноситъ было сумки перемѣтныи,
 Молоду боярину а Дюку да Степанову,
 А привозитъ ему цвѣтныи да платица,
 Онъ на три годы привозитъ на три дни.
 Все Кіевомъ платицовъ ужახнулись,
 Стали выбирать оны общинщиковъ
 А во ту было Индѣю во богатую:
 Молода Добрынюшку Никитича,
 Въ другихъ тутъ Михайлу Пѣтыка Иванова,
 А въ третынхъ Олешеньку Поповича.
 Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольпѣ-кїевской!
 — Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
 — А во ту было Индѣю во богатую
 — Нашихъ животовъ общинивать.
 — Наши животы спротскіи,
 — Его глазуска поповскіи,
 — Его глазуска озарятся,
 — А не вытти вѣкъ съ Индѣюшки.
 — Вы пошлите-тко казака Плью Муромца,
 — Молода Добрынюшку Никитича,
 — Въ третынхъ Михайлу Пѣтыка Иванова,
 — А трехъ русьскіихъ могучіихъ богатырей,—
 — А не вѣкъ же имъ тамъ животы общинивать:
 — Не какіе наши животы, спротскіи. —
 А отправились богатыри,
 А отправились въ Индѣю во богатую
 А во ту было въ Корелу во проклятую,
 Дюковынхъ животовъ общинивать.
 Сталь же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Сталь же со Чурилушкой поѣзживать.
 Въ каждый день Чурилушки да конюшкы-ты
 смѣтныи
 Наставляютъ ему Кіевомъ.

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 На росы бурка да перека́тывать,
 Шерсть же на бурки да пере́мѣнится,
 Въ каждый день-то шерсть да на емь смѣнная.
 Одѣвае въ каждый день-то платица онъ смѣнный,
 Да не то бояринъ и по трижды въ день.
 Стале ѣздить со Чурилой было Плѣнковымъ
 А гулять да во чистомъ поли.
 А пошли туди да русьскіи могучиі богатыри
 А во ту было Индѣю во богатую
 Его животовъ обцѣнивать,
 Старин казакъ да Илья Муромецъ,
 Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
 Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.
 Коротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
 А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
 А подъ ту было Корелушку проклятую.
 Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
 Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.
 Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
 Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?
 А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
 А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
 Думали Индѣя перепаласи,—
 Ажно ихъ Индѣя не спугаласи,
 Вся Индѣя тутъ стоить да у нихъ въ золотѣ,
 А ѣ полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,
 Столбикъ у нихъ были точеныи,
 Крышки-ты у нихъ да золоченыи.
 Выходятъ тутъ они да средѣ города
 А къ той было Мамельфы Тимофеевной
 Къ ей же цунь полатамъ бѣлокаменнымъ.
 Тутъ идуть же отъ обѣдни жены старо-матеры.
 «Ужь вы здравствуйте артель да жоны старо-матеры!»
 Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-матеры:
 — Вы откуда добры молодцы? —
 Отвѣчаютъ имъ удали добры молодцы,
 Святорусьскіи богатыри:
 «Есть мы города цунь Кіева
 «А ѣ отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
 «А ѣ обцѣнишки же Дюковимъ животамъ.
 «Мы пришли обцѣнивать да Дюковинхъ животовъ.
 «Есть ли этта Дюковая матушка?»
 — Нѣту этта Дюковин матушки,
 — Этта Дюковы коровници. —
 А приходитъ тутъ артель да ихъ же другая:
 «Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
 «Есть ли этта Дюковая матушка?»
 Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-матеры:
 «Нѣту этта Дюковин матушки,

«Этта Дюковы да портомойници.»
 А идѣтъ же тутъ артель да было третьяя:
 — Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
 — Есть ли этта Дюковая матушка? —
 «Нѣту этта Дюковин матушки,
 «Этта Дюковы постельници.»
 А идѣтъ же тутъ артель четвертая:
 — Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
 — Есть ли этта Дюковая матушка? —
 «Нѣту этта Дюковин матушки,
 «Этта Дюковы колачници.»
 А идѣтъ же тутъ артель да пятая:
 — Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
 — Есть ли этта Дюковая матушка? —
 «Нѣту этта Дюковин матушки,
 «Этта Дюковы да горничны.»
 А идѣтъ же тутъ артель да шѣстая,
 Тутъ идетъ женá да старо-матера,
 Вся она идетъ да было въ золотѣ:
 — Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
 — Есть ли этта Дюковая матушка? —
 Говорятъ тутъ жоны старо-матеры:
 «Есть же этта Дюковая матушка.»
 Тутъ выходитъ Дюковая матушка,
 А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
 — А вы здравствуйте удали добры молодцы!
 — Вы коей земли, коей орды,
 — Какъ васъ именѣмъ зовуть,
 — Какъ васъ нарекають по отечеству? —
 «Есть же мы тутъ города-е Кіева
 «А ѣ отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
 «Посланы у Дюка у Степанова
 «Своинхъ животовъ обцѣнивать.
 «Я есть старин казакъ да Илья Муромецъ,
 «Другой молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «Въ третѣинхъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 «А ѣ удали добры молодцы,
 «Святорусьскіи богатыри.»
 — Ужь ты старин казакъ да Илья Муромецъ,
 — Ужь ты молодой Добрынюшка Никитиничъ,
 — А Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — А подите къ намъ да хлѣба соли цуньчу кушати,
 — Бѣлою лебѣдушки порушати.
 — Не какіе наши животы, спротскіи,
 — Наши животы бобыльскіи,
 — А не долго прѣйде животѣ обцѣнивать. —
 Отправлялися богатыри
 А ѣ во ты было полаты бѣлокаменны,
 Къ той было Мамельфы Тимофеевной,
 Тутъ же хлѣба кушати.
 Тутъ приходятъ да во гридни во столовин,

Крестъ кладуть да по писаному
 И поклонъ ведутъ да по ученому,
 Бьютъ челомъ да поклапаются
 На всѣ на четыре стороны,
 Ей Мамельфы да въ особину.
 Тутъ садилсь они хлѣба было кушати,
 Ей же бѣлоу лебѣдушки порушати.
 А колачникъ съѣли, другаго тутъ хочется,
 А по третеемъ душа горитъ.
 Наѣдались они да было дѣ сити,
 Напивались они да было дѣ пьяна.
 Стали тутъ богатыри отдохъ держать,
 Спали тутъ богатыри трой сутки.
 А по той же по Индѣи по богатой,
 А по той же по Корелы по проклятой
 Потекла рѣка да было съ золотомъ.
 Прокватились тутъ же русьскіи могучіи богатыри,
 Старый казакъ да Илья Муромецъ,
 Молодой Добрынюшка Никитичъ,
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
 Узнавать было Индѣюшки богатый,
 Узнавать было Корелушки проклятый,
 Что обцѣнивать Индѣя-та богатая,
 А какіе есть тутъ Дюковыи животы.
 А во той было Индѣи во богатый,
 А во той было Корелушки проклятый
 Стланы тамъ же мостыи дубовыи,
 На верѣхъ-то у нихъ сукна одницовыи.
 Проходили тутъ богатыри
 А по той было Индѣи по богатый,
 А узнали тутъ же Дюковыи животы,
 Увидали тутъ рѣку да золоченую,
 И самы себи они да испроговорятъ:
 «Какъ намъ эта Дюковыи животы обцѣнивать,
 «Тутъ же вѣкъ свой намъ скорѣтати.»
 Стали тутъ же обцѣнивать да животовъ,
 Да обцѣнивали сбрую лошадиную.
 Пршло времечки безъ мала да три годы есть,
 И самы себи богатыри спроговорятъ:
 «Ай же мы да братьица крестовыи!
 «А не нужно намъ всихъ животовъ обцѣнивать,
 «А какъ вси намъ животы обцѣнивать
 «Такъ намъ вѣкъ же тѣда-ка скорѣтати.»
 Отправляются три русьскіихъ могучіихъ богатыря
 А изъ той же изъ Индѣи изъ богатый,
 Да изъ той же изъ Корелы вонъ съ проклятыи
 А ко стольному ко городу ко Кіеву
 А й ко ласковому князю ко Владиміру.
 Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
 А приходя къ городу ко Кіеву

А ко ласковому князю ко Владиміру.
 Говорили что ли солнышку Владиміру,
 Что ли князю стольнѣ-кіевску:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ приоб-
 цѣнить.
 «Обцѣнять же тамъ намъ Дюковыи животы, —
 «Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скорѣтати.»
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Въздилъ со Чурилушкой по три года,
 А по три года, да по три дня.
 А приходитъ имъ было послѣдній день,
 Кто у нихъ лучше да повыступитъ,
 Другому изъ ихъ да голова рубить.
 Сегодня день братцы у насъ суботній,
 Завтра у насъ день да воскресеньцо,
 А ити-то имъ да ко Божьей церкви.
 Да который-то изъ нихъ лучше повыступитъ,
 Другому изъ ихъ да голова рубить.
 Тутъ приходятъ да они да ко заутренки,
 А Чурилушко тотъ Пленковичъ
 Ставится на крылоса на правое,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ставится на крылоса на лѣвое.
 Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
 Сталь же свою славушку показывать,
 Сталь же онъ тутъ плеточкой поваживать,
 Онъ отъ пуговки да сталь было до пуговки,
 А й отъ петелки до петелки;
 Тутъ отъ пуговки да пуговки
 А й пошли вранѣ, стали прогуркивать,
 А й отъ петелки до петелки
 Поилыла змѣя, стала просвистывать.
 Кіевомъ было Черниговомъ
 Все они да приужахнулись,
 Все они да тутъ же призадумались
 А самы ему да испроговорятъ:
 — Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
 — Некуда боярину да Дюку да Степанову,
 — Некуда да лучше нынѣ повыступитъ. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ повѣсилъ буйну голову,
 Утопилъ онъ очи ясны во кирпиченъ мостъ,
 Самъ бояринъ призадумался.
 Сталь же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Сталь онъ плеточкой поваживать,
 А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
 Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
 А й отъ пуговки было до пуговки
 Пошли итицунки пѣвущи,
 А й отъ петелки до петелки

Пошли звѣрюшки крыкуціи,
 Вдругъ запѣли тии птицушки пѣвучіи,
 Закрычали вдругъ же звѣри вси крыкуціи.
 Все во церквы пали, обмерли.
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Ахъ ты мѳолодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Ай уйми-тко ты же птиценекъ пѣвучіихъ,
 «Да уйми-тко всихъ же звѣрюшковъ крыкуціихъ,
 «Ты оставь-ко намъ людей да хотъ на сімена».
 Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Не у васъ я хлѣба соли пуньчу кушаю,
 — Я не васъ-то хѳочу пуньчу слухати. —
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Ай же отче ты черниговской!
 «Ты молнсь-ко да крестовому пунь дитятѣи,
 «Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
 «Унялъ чтобы птиценекъ пѣвучіихъ,
 «Чтобы унялъ звѣрюшковъ крыкуціихъ».
 Говорилъ же ѳму отче да черниговской,
 А крестовый его батюшка:
 — Ахъ ты мѳолодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты уйми-тко пуньчу птиценекъ пѣвучіихъ,
 — А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крыкуціихъ. —
 Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Я у васъ же хлѣба соли пуньчу кушаю,
 «Да я васъ же хѳочу слухати».
 Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучіихъ,
 Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крыкуціихъ.
 Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «Кто у насъ лучше да повьступилъ?»
 Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
 Утопилъ да очи ясны во кирпичень мостъ,
 Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
 Испрогѳоворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
 — Это молодцамъ да намъ съ тобой не похвальба, —
 — А поѳдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣки,
 — Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
 — Кто изъ насъ тутъ лучше да повьступитъ? —
 Не хотѣлось бы Чурилушки ѳхатъ къ матушки
 Пучай-рѣки,

Его похвальба да напередъ зашла.
 Поѳзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Что ли съ молодымъ бояриномъ
 Да со Дюкомъ со Степановымъ
 Къ тою матушки Пучай-рѣки.
 Прѣзжаютъ тутъ же къ матушки Пучай-рѣки
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
 Говоритъ ему бояринъ Дюкъ Степановичъ:

«Ай ты мѳолодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
 «Твоя нѳхвальба-та напередъ зашла.
 «Скочп-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
 «На своемъ-то на добромъ конѣ».
 Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Розсердилъ же тутъ онъ своего добра коня,
 Скочить черезъ матушку Пучай-рѣку,
 Осередь рѣки Чурилушка въ водѣ пошолъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ приправитъ своего тутъ бурушка
 Черезъ матушку Пучай-рѣку.
 Съ бережка бояринъ да выскакивать,
 Къ другому бояринъ да прискакивать,
 Поскорешенько назадъ копя да поворачивать,
 Осередь рѣки бояринъ да припадывать,
 За волосы онъ Чурилушку захватывать,
 Да съ воды съ конемъ выздимливать,
 Къ солнышку къ Владиміру пригаскивать.
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Кто у насъ лучше да повьступилъ? —
 Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Ахъ ты мѳолодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Не сруби-тко ты Чурилу буйной головы
 «За его теперъ поступки неумильніи,
 «За его было да ложное-то хвѣстанье».
 Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Кабы лучше насъ Чурилушка повьступилъ,
 — Миѳ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
 — А пусть-ко ти, Чурилушка ты Пленковичъ,
 — А не срублена твоя да буйна голова
 — За твои поступки неумильніи,
 — За твое за ложное за хвѣстанье.
 — Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
 — Кіевскимъ да черниговскимъ,
 — А й черниговскимъ бабамъ умоленный.
 — Ты не ѳзди-тко пунь съ нами со бурлаками,
 — А ты ѳзди-тко пунь въ Кіевн,
 — Въ Кіевн въ Чернигови межъ бабамъ,
 — А вѣкъ же тамъ ты ѳзди по вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКІЙ.

Былъ же славный князь да Карамышевской,
 Жилъ онъ покрай матушки Вятлі рѣкѣ,
 Ѣздилъ онъ по матушки Вятлі рѣкѣ,
 Прибиралъ же себи мѣсто да любимое,
 А прибралъ себи мѣсто да любимое
 Покрай матушки было Вятли рѣки;
 Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
 Признали тутъ же князи было бояра
 Его мѣсто да любимое,
 Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысячу.
 И тотъ же князь да Карамышевской
 Заводилъ же онъ тутъ да почетный пиръ,
 На князей пиръ да онъ на бояръ пиръ
 И на всѣхъ гостей да званыхъ бранныхъ.
 Приѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же темный,
 Илья да кумъ же темный розбойничекъ,
 Со своей было дружинишкой хороброю,
 И съ Гришкой нынѣ съ Олешкой со Баскаковымъ,
 На то же на велико пированіе
 А на тотъ же на почетный пиръ.
 Росадила же было князь да Карамышевской,
 Всѣхъ же росадила по своимъ мѣстамъ,
 Всѣ же ѣли, всѣ же пили тутъ да кушали,
 Его бѣлюю лебѣдушку тутъ рушали.
 А сидитъ Илья да кумъ же темный,
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
 Его бѣлюю лебѣдушки не рушаетъ.
 Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
 По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
 И самъ же князь да испроговоритъ:
 «Ай же ты Илья да кумъ же темный,
 «А кумъ же темный розбойничекъ!
 «Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаешь,
 «Моей бѣлюю лебѣдушки не рушаешь?
 «Ѣствы-ты мои теби не по уму,
 «Али питыца мои ти не по разуму?
 «Али чарою тебя да нуль приобнесли,
 «Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,
 «Али пьяница тебя да нуль приобозвалъ?»
 — Ѣствы-ты твои да были по уму,
 — Питыца твои были по разуму,
 — Чарою меня тамъ не приобнесли,
 — Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
 — И пьяница меня да не приобозвалъ. —
 Ходитъ было князь да Карамышевской
 И по тимъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
 Говорилъ же князь да Карамышевской:

«Твое сердце знать розбойничко,
 «На кой день же ты головушки не убьешь ли,
 «На тотъ же день не можь ты живъ же быть.»
 Тутъ мутно его око помутилось,
 Розбойническое сердце розгорѣлось
 И съ кровью тутъ глаза да повернулись,
 Повыглянулъ на князя онъ же съ подлостью.
 Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
 Своему же было князю Карамышевску:
 — Ай же князь да Карамышевской!
 — Ты роздрѣжилъ нуль Илью да кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойничка.
 — Его мутное тутъ око помутилось,
 — А розбойничко тутъ сердце розгорѣлось,
 — А съ подлостью на васъ да онъ повѣглянулъ.—
 Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
 «Зналъ же я розбойничка роздрѣжити,
 «Знаю я розбойничка утѣшити.»
 Шолъ же во глубокіи во погребѣ,
 На мисѣ онъ клалъ да красна золота,
 А на другу кладывае чистаго тутъ серебра,
 А на третью каменьевъ драгоцѣнныхъ.
 Тутъ подноситъ онъ Илью да куму темному,
 Куму темному, розбойнику,
 Эти честныи да дѣрева.
 Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темный
 Эти честныи подарочки,
 Самъ ему да кланялся:
 — Благодарствуешь да князь же Карамышевской
 — За твои великии подарочки.
 — Ты не бойся-тко Ильи да кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойничка,
 — Со дружинишкой меня да со хороброю,
 — Съ Гришкой нуль съ Олешкой со Баскаковымъ.
 — Бойся-тко ты ноченьки нуль темныи,
 — Темныи ты почепки осенни. —
 Князь же Карамышевской зрадѣется:
 Я зналъ же нуль розбойничка роздрѣжити,
 Я умѣлъ же нуль розбойничка утѣшити.
 Съ той же со великою со радости,
 Что утѣшилъ онъ да нунечку розбойничка,
 А того же нуль Илью да кума темнаго,
 Тутъ дѣбяна же князь да напивается,
 И дѣсыти же князь да наѣдается,
 И самъ же тутъ же князь да порохвастался
 Своимъ тутъ мѣстомъ да любимымъ:
 «Я ѣздилъ нуль по матушки Вятлі рѣкѣ,
 «Прибиралъ же себи мѣсто я любимое,
 «Далъ же я за мѣсто нуль пятьсотъ рублѣвъ,
 «Князи же бояра мои давали цѣлу тысячу,
 «Я не продалъ нуль да мѣста да любимаго.»

Вси тутъ на пиру да наѣдались,
 Вси же на честномъ да напивались,
 Вси со пиру по домамъ да разбирались.
 Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да темный,
 А Илья же кумъ да темный розбойничекъ,
 Со своей было дружиной со хороброу.
 Дождается онъ ноченьки тутъ темный,
 Хоть бы темный тутъ ноченьки осенній,
 И дождался тутъ онъ ноченьки да темный,
 Хоть бы темный тутъ ноченьки осенній.
 Говорилъ же онъ дружинушки хороброу:
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
 «Ай же вы дружиношка хоробрая!
 «А поѣдете-тко къ князю Карамышнску,
 «Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое.»
 Собирались тутъ Гришка да Олешка нунь Баска-

ковы

Съ тымъ же нунь Ильей да кумомъ темнымъ,
 Кумомъ темнымъ розбойникомъ.
 Садилсь они въ лодочку коломенку,
 Поѣзжали тутъ по матушки Вятль рѣки,
 Подъѣзжали тутъ подъ мѣсто подъ любимое.
 Прогрѣла было лодочка коломенка
 Да проскринули весельшка яровчаты
 А подъ то было село да подъ любимое,
 Подъ того ли было князя Карамышенска.
 Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
 — Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
 — А подъ нашей село любимое
 — Прогрѣла было лодочка коломенка
 — А проскринули весельшка яровчаты,
 — Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да

темный,

— Кумъ же темный, розбойничекъ. —
 Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
 «Не напился бы теперечку я допяна,
 «Не боялся бы Ильи да кума темнаго.
 «Кабы могъ я нунь ходить да на рѣвѣхъ ногахъ,
 «Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
 «Не боялся бы Ильи да кума темнаго,
 «Кума темнаго розбойника!»
 Подъ окномъ же тутъ Илья все да повслушать,
 Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскако-
 вымъ:
 — Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 — Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
 — И выставьте-тко двери вонъ со лпниньемъ. —
 Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
 Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
 Ударили тутъ въ двери да со лпниньемъ
 И выставили двери съ ободвереньей.

Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темный,
 Кумъ же темный, розбойничекъ,
 Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
 Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темный,
 Кумъ же темный, розбойничекъ:
 «Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы берите-тко копые да бурзамецкое,
 «Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
 «А во той было во ложни да во теплыи.»
 Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баска-

ковы:

— Ай не посять насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
 — Что сколотъ же нунь намъ князя Карамышенска
 — А во той было во теплыи во ложеньки.
 — Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
 — Его бѣлую лебедушку тутъ рунали,
 — Мы приняи да честныи подарочки, —
 — Не можемъ мы сколотъ нунь князя Карамы-

шенска. —

Его мутное тутъ око помутилоси,
 А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
 Какъ тянне онъ копые да бурзамецкое,
 И скололъ же тутъ онъ князя Карамышенска
 А во той было во ложни да во теплыи.
 Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же темный,
 Кумъ же темный, розбойничекъ:
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы сколите-тко княгиню нунь за люечкой.»
 Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
 — Ай не посять насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутся да ручки наши бѣлыи
 — Да сколотъ же намъ княгиню да за люечкой!
 — Она мѣжа тутъ да не учила ли *)
 — Что роздрѣжитъ Илью кума темнаго. —
 Его мутное тутъ око помутилоси,
 А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
 И скололъ же онъ княгиню да за люечкой.
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы возьмите-тко младенчика изъ люечки,
 «Рвите-тко младенчика да на двое.»
 Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
 Отвѣчали тутъ Ильи да куму темному:
 — Ай не посять насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
 — Что его нунь душенка безвинная,
 — Не училъ же онъ да отца матери! —

*) Ли не имѣть здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

Мутное тутъ око помутилось,
 Хоть розбойничко же сердце розгорѣлось,
 Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
 На ногу ступилъ, за дрѹгую да дернулъ ли,
 На двое младенчика порозорвалъ.
 Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
 Сбѣгалъ тутъ же мѣсто да любимое,
 И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темный
 Со своей было дружинишкой хороброю.
 Сѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
 Со своей было дружинишкой хороброю.
 Мутно его око тутъ же мутится,
 Розбойническое сердце раздѣляется:
 Ъхать мнѣ ко городу ко Киеву
 А ѣ ко ласковому князю ко Владимиру,
 А ѣ убить же тамъ Василя сына Карамышинска.
 Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
 Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
 А ѣ ко солнышку къ Владимиру,
 А ѣ ко князю стольнѣ-киевску.
 Приѣзжае со дружинишкой хороброю,
 Половицу оставляетъ во чистомъ поли,
 А съ другою приѣзжае въ Киевъ градъ.
 Просить у Владимира да войска безпощаднаго,
 Онъ большаго просить кроволитїа *).
 Убояся нашъ Владимиръ стольнѣ-киевской
 Тутъ Илья да кума темнаго розбойника,
 Онъ просилъ къ себѣ во гриднѣ во столовнѣ,
 Во великое себѣ-ка во гостѣбнѣ.
 Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же темный,
 Кумъ же темный, розбойничекъ,
 Что ли къ солнышку къ Владимиру,
 Что ль ко князю стольнѣ-киевску,
 А во ты ли въ гриднѣ во столовнѣ
 Во великое гостѣбнѣ
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
 Тутъ солнышко Владимиръ стольнѣ-киевской
 Ставилъ онъ же столики дубовыи
 И угащивалъ великимъ гостебищемъ,
 А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
 А садилъ во мѣсто да во бблшее.
 Да развощикъ былъ Василїй да Ивановичъ,
 Что ль любимыи его племянничокъ,
 Племянничокъ да ѣ крестничокъ,
 Того князя Карамышевска его-то рѣдпой сынъ.
 Розносилъ онъ чару зелена вина

*) По объясненїю пѣвца, это значить, что онъ объявляетъ Владимиру войну.

На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
 Перву чару нѣсь онъ, нѣ донесъ,
 А другу нѣсь же, перенесъ,
 А третьей чары Илья нѣ подалъ,
 А нѣ подалъ розбойничку.
 Мутно его око помутилось,
 А розбойничко тутъ сердце загорѣлось,
 Съ кровью тутъ глаза да повернулися,
 Съ подлѣбья да онъ повѣглянулъ
 На того было Василя на Иванова.
 Самъ же тутъ Илья да спроговорить:
 «Аѣ ты солнышко Владимиръ стольнѣ-киевской!
 «И какой у ты поставленъ да рознощичокъ,—
 «Перву чару нѣсь да къ намъ же нѣ донесъ,
 «А другу чару нѣсь да насъ онъ перенесъ,
 «И третью-то чары намъ же нѣ подалъ?
 «А заводитъ онъ же бой дракѹ великую,
 «А большое онъ же съ вами кроволитїе.»
 Говорить же тутъ Владимиръ стольнѣ-киевской:
 — Аѣ же ты любимыи племянничокъ,
 — Аѣ Василей да Ивановичъ,
 — Ты крестовое мое да было дитятко!
 — А зачѣмъ же ты роздрѣжилъ нунъ Илью да
 кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойника?
 — За твои поступки неумильни
 — Прикажу ти голову рубить! —
 Тяжелѣшенько тутъ онъ да поросплакался:
 «Ахъ ты солнышко Владимиръ стольнѣ-киевской,
 «Ты родитель мой же дѣдушка,
 «Да крестовый мой же батюшко!
 «Ты не носяты да меня же ножки рѣзвыи,
 «Да не здынуты мои же ручки бѣлыи
 «Подать чары зелена вина.
 «А ѣ убилъ же онъ родителя нунъ батюшка,
 «Что ли князя Карамышевска,
 «Твоего ли зятя да любимаго,
 «А во той было во ложнѣ да во тѣплыи,
 «А мою было родитель тутъ же матушку
 «А твою было сестрицу да родимую,
 «А скололъ же онъ за люлечкой,
 «Моего же было братца да родимаго
 «А нѣ выюноша тутъ малаго,
 «А онъ выдернулъ изъ люлечки,
 «На ногу ступилъ, за дрѹгую тутъ дернулъ ли,—
 «И на двое его порозорвалъ!
 «И видѣлъ бы Илью да я на ножницѣ,
 «А не то же поднести да ему чару зелена вина,
 «А тому Ильѣ да куму темному,
 «Куму темному, розбойнику!»
 Говорить ему Владимиръ стольнѣ-киевской:

— Ай же ты крестово мое дитятко,
 — Ай Василей да Ивановичъ!
 — Буде мошь отлить ты кровь родительську,
 — Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
 — Ты убей-ко нунь Илью да кума тёмнаго,
 — Кума темнаго, розбойника. —
 Мутно ёго око помутилоси,
 Богатырско сердце загорѣлоси,
 Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовымъ,
 Какъ ухватить онъ Илью да за желты кудри,
 Здынетъ тутъ Илью да выше головы,
 Топнулъ онъ Илью да о кирпичень мость,
 Повернулся тутъ глаза да вонъ косицами.
 Какъ ухватить онъ его да тутъ же за ноги,
 Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
 Выскочилъ Василей да на широкъ дворъ,
 Добирается до оси до телѣжныи,
 До телѣжныи до оси до желѣзныи,
 А тай-то ёму мѣра по плечу пришла.
 Взялъ же по той силушки помахивать, —
 Вся же сила тутъ его да разбѣжаласи,
 Малыи да разбѣжалиси,
 Старыи тутъ растулялси,
 Вся та силушка пазадъ ушла,
 Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
 Забирается во гридни во столовыи
 Что ль ко солнышку ко князю ко Владимиру.
 — Благодарствуй ты любимии племянничокъ,
 — Ты племянничокъ да крестничокъ,
 — Да Василей ты Ивановичъ!
 — Отлилъ ты ему да кровь родительську
 — Да тому было розбойничку,
 — Да тому Ильи да куму тёмному. —

Записано тамъ же, 22 іюля.

41.

РАХТА РАГНОЗЕРСКИЙ*).

Проѣзжалъ борець было невѣрный,
 Много городовъ прошолъ,

*) Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ предаше, что въ этой деревнѣ ибкогда жилъ знаменитый борець. Когда Калининъ

Много онъ борцовъ побѣдилъ,
 Ивыихъ онъ до смѣрти убилъ.
 Приѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
 Самъ же князю похваляется:
 «Ай же князь ты московскіи!
 «Дай мнѣ нуньчу поединничка.
 «Ты не даденъ намъ да поединничка, —
 «Я вашею Москву да всю огнѣмъ прижгу.»
 Много находилоси младыхъ борцовъ,
 А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
 А й борець противъ его да не находится.
 Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонущи
 А стоятъ же мужики да балахонники,
 А й самы они да испроговорятъ:
 — Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи,
 — Этого борца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
 Подходить человекъ да незнакомыи,
 У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашивать:
 «Вы откуда мужички да балахонники,
 «А какой же ў васъ Рахта рагнозерскіи?»
 Отвѣчали мужики да балахонники:
 — Нашъ бы Рахта рагнозерскіи
 — Этого борца да онъ бы въ кучку склалъ. —
 Подхватили мужиковъ да балахонничковъ
 А держали ихъ-то въ крѣности,
 Отправляли тутъ скорá гонца
 Въ ту деревню Рагнозерскую,
 За тѣмъ Рахтой рагнозерскіимъ.
 Приѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскіи
 Въ ту деревню Рагнозерскую.
 Не случилось было Рахты дома-ли,
 При тоёмъ гонци да при московскоемъ,
 Находился Рахта въ лесяхъ е.
 Спрашивать гонецъ было московскіи:
 «Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?»
 Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
 — Тутъ живеть же Рахта рагнозерскіи.
 — Ты откудова удалый добрый молодець?
 «Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
 «Тотъ гонецъ да было скорыи
 «А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ.
 «Требуе тутъ было князь московскіи

пропѣлъ эту былинку. бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мсреходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василюемъ, но какъ по отчеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно что Рахтъ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

«Съ тымъ борцемъ да поборотися,
«А съ невѣрнымъ поратиться.»
Отвѣчаетъ ему женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскій!
— Какъ изъ лѣсу приде Рахта рагнозерскій,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго ёго да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно *) ты его да нуньчу спрашивай. —
Туть приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскій.
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ туть хлѣба кушати,
А поѣлъ же туть нунь Рахта рагнозерскій.
Ты ставае да гонецъ было московскій
А й ему же туть нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскій?
«Требуеъ ты князь нуньчѹ московскій
«Съ тымъ борцемъ да поборотиться,
«Что ль съ невѣрнымъ да понытатися.»
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскій,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.
— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да московскаго? —
«Ты прибудеши нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросиши же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли.»
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта туть на лыжи было ставится,
Что ли Рахта туть въ Москву да отправляется,
Да попрежде туть гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же туть онъ князя да московскаго,
А кормил туть его да было досыти,
А поил туть его да было допьяна.
Тоть гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае туть да князь было московскій:
— Здѣсь-ко Рахта чтоль въ Москвы даобъявляется;
— Именѣмъ своимъ да Рахта называеъся. —
Говоритъ гонецъ быто московскій
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борцу да на бореніе
«А. къ невѣрному на показаніе.»
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили туть его да на бореніе.
Говоритъ туть Рахта рагнозерскій:

*) Тогда.

— Я боротся князь да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борцомъ да не умѣю ли,—
— Да привычка нунь у насъ да была женская.—
Какъ ухватитъ онъ борца за плечи ли
Да топнетъ туть борца да о кирпичемъ мость,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскій!
«Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.
— Дай-ко мнѣ-ка благословенцо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволенница. —
Даль ему да князь было московскій,
Даль ему да князь туть дозволенцо,
Чтобъ не ловили безъ его благословенница.

Записано на Мариаволокѣ, 26 іюля.

12.

НАЪЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да политовскаго
Прованьцо было на третій день.
Всѣ же на пиру да наивалиси,
Всѣ же на честномъ паѣдалиси,
Всѣ же на пиру да поросхвасталси.
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганиихъ татарина,
Два тыихъ любимыхъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебѣдушки не рушаютъ.
Ходитъ старыи да ихъ же дядюшка,
Тоть же нунь король да политовскій,
Политовскій король да земли польскій.
«Что же вы два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыхъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не кушали,
«Моей бѣлою лебѣдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не по уму,
«Али питыца-ты вамъ да не по разуму,
«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали туть любимыи племяннички,
Тыи нунь погании татарова,
А любезному туть дядюшки,
Старому же королю да политовскому:

— Политовскіи король да земли польскіи!
 — Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
 — Крѣпкую мы думу заединую,
 — Ъхать намъ во матушку во каменнѹ Москву,
 — Въ каменнѹ Москву да въ Золоту Орду. —
 Говорить же имъ тутъ старши нунь дядюшка,
 Тотъ же нунь король да политовскіи,
 Политовскіи король да земли польскіи:
 «Ай вы два тынхъ два малынхъ два Витвичка,
 «Два тынхъ любимынхъ племянничка!
 «Вы не ѣдьте-тко да въ каменнѹ Москву,
 «Въ каменнѹ-ту Москву да въ Золоту Орду.
 «Я колько пи нунь туды-ка-ва да ѣживаль,
 «А во цѣлости назадъ да не пріѣзживаль.
 «Силушку свою да поростратарю (*такѣ*),
 «Самъ же я король да на уходъ уйду.
 «Ай совѣтуеть намъ старши нунь дядюшка,
 «Политовскіи король да земли польскіи:
 «Поѣзжайте-тко въ Индѹю во богатую,
 «А во ту Корелушку проклятую,
 «Розорите тамъ Индѹюшку богатую,
 «Розорите всю Корелу тамъ проклятую». —
 Два тынхъ два малынхъ два Витвичка,
 Два тынхъ любимынхъ племянничка,
 Два тынхъ поганынхъ татарина
 А послухали тутъ дядюшки да старого,
 Старого тутъ дядюшки матерого,
 А того же короля да политовскаго.
 А поѣхали они да во Индѹюшку,
 А въ ту было Индѹю во богатую,
 А въ ту было Корелу во проклятую.
 Подѣзжали тутъ они да подѣ Индѹюшку,
 А подѣ ту было Индѹю подѣ богатую,
 А подѣ ту было Корелу подѣ проклятую.
 Розорили тутъ Индѹю всю богатую,
 Розорили всю Корелушку проклятую,
 Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли.
 А приходя ко кресту да Леванидову,
 Стали тутъ татары опочивъ держать,
 И саміи себѣ да испроговорятъ:
 — Ай же этымъ намъ разомъ да поладилося,
 — А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменнѹ Москву,
 — Въ каменнѹ Москву да въ Золоту Орду! —
 Пріѣзжали тутъ они да въ каменнѹ Москву,
 Въ каменнѹ-ту Москву да въ Золоту Орду.
 Розорили тутъ они да каменнѹ Москву,
 Каменнѹ Москву да Золоту Орду,
 Первое они тутъ село Ярославское,
 Другое тутъ село Переславское,
 Третье-то село Косы-Улицы *).

*) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначальную Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

Стали тутъ татары опочивъ держать,
 Стали тутъ татары хлѣба кушати.
 А на той было на горочки на Вшивын
 Старши Никитушка Романовичъ
 А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку *):
 Розорили тутъ они да каменнѹ Москву,
 Первое-то село Ярославское,
 Другое-то село Переславское,
 Третье розорили село Косы-Улицы.
 Сталь онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
 Самъ себи Микита испроговорить:
 «Ахъ ты молодость ты молодецкая!
 «Улетѣла моя молодость въ чистѹ поле,
 «Во чистѹ поле да яснымъ соколомъ,
 «Прилетѣла ко мнѣ старость со чистѹ поля,
 «Со чистѹ поля да чернымъ ворономъ,
 «А садилась за плеча да богатырскіи!»
 Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
 Своей силушки **) Микитушка наказывать:
 «Ай ты силушка моя было безсмѣтная,
 «А безсмѣтная ты силушка безсмертная!
 «Улечу же нуньчу я въ чистѹ поле,
 «Во чистѹ поле да чернымъ ворономъ». —
 Обернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
 Улетѣлъ же тутъ Микита во чистѹ поле.
 Вся же сила у татаръ да спать порѣзлегла.
 Обернулся тутъ Микитушка сѣрымъ волкомъ,
 А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
 Обернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
 Все замочилъ въ оружьцахъ повыщербилъ,
 Сабелен у нихъ да все повитупилъ,
 Тесачики у нихъ да все повылломаль.
 Обернулся онъ да горностальшкомъ
 А приходитъ во полаты бѣлокаменны
 Ко своей было любимой племянничкѣ,
 Къ той было Авдотѣ ко Ивановной.
 А сидитъ его племянничка за плечкой,
 Молода Авдотѣ да Ивановна.
 — Бай люді дѣтищю да велико!
 — Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,
 — Старши Микитушка Романовичъ,
 — Моего бы нуньчу мужа не потребили
 — А меня бы нуньчю молодой не обезчестили! —
 Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
 Самъ младенчикъ испроговорить:
 «А родитель моя матушка,

*) т. е. бѣду.

**) Сила здѣсь въ смыслѣ войска.

«Молода Авдотья да Ивановна!
 «Нашъ-то старин тутъ дядюшка,
 «Что Миентушка Романовичъ,
 «А въ избушкѣ онъ у насъ нунъ горностапушкомъ».
 Тымъ же двумъ нунъ малыымъ двумъ Витвичкамъ,
 Тымъ же двумъ поганымъ татаровамъ
 Недосугъ жѣ имъ было-то хлѣба кушати.
 А скочили тутъ татара на рѣзвѣ ноги,
 Тянули тутъ шубу соболнну
 А накиннули они на горностапушка.
 Горностапу же былъ тотъ повертокъ,
 Да въ рукавъ-то горностапу да вонъ выскакнвалъ,
 Что ль въ окошечко да вонъ вымахнвалъ.
 Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
 Улетѣлъ же онъ да во чисто поле
 А заграялъ онъ же чернымъ ворономъ, —
 Стала тутъ Миентина да силушка коней сѣдлатъ.
 Другой разъ заграялъ чернымъ ворономъ, —
 Силушка тутъ да поѣхала.
 Третій разъ заграялъ чернымъ ворономъ, —
 Вся Микитина тутъ силушка при ѣмъ стала.
 Тыхъ два тыхъ два малыихъ два Витвичка,
 Два тыхъ поганыхъ татарина
 Тутъ бросились они да за оружища, —
 Тутъ въ оружищахъ замочки повѣщерблены.
 А бросились они было за сабелки, —
 Сабелки у нихъ да вси повѣтуплены.
 А бросились они да за тесачки, —
 Вси тесачки у нихъ да нунъ повѣломаны.
 А бросились они да за добрыхъ коней, —
 Конюшки у нихъ да вси задавлены.
 Некуда уйти было поганымъ татаровамъ.
 Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
 А того было Микитини Романова.
 Старин Миентушка Романовичъ
 Онъ забралъ же ихъ поганыхъ татаровеи,
 А забралъ же онъ великій плѣнъ,
 Поплѣнилъ же силу всю татарскую,
 Захватилъ же двухъ поганыхъ татариновъ.
 Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
 Другому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
 А садилъ же брату кошелемъ *) его:
 Одинъ поди тащи его за плѣчами,
 Другой поди дорогу да показывай.
 «Вы подьте-тко нунъ къ старому да дядюшкѣ,
 «Къ тому же королю да политовскому,
 «А подьте-тко вы къ дядюшкѣ да хвастайте :
 «Розорили мы нунъчу каменну Москву,
 «Каменную-ту Москву да Золоту Орду,

*) т. е. на спину, какъ носить кошель.

«Первое-то село Ярославское,
 «Другое-то село Переславское,
 «Третье село Косы-Улицы, —
 «Подьте-тко вы къ дядюшкѣ да хвастайте!»

Записано въ дер. Римъ
 на Пудоожской Горѣ, 23 июля.

—
 13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А ѣ когда-жде (такъ) возсіало солнце красное
 А на томъ было па небушкѣ на ясноемъ,
 Какъ въ тѣ пору теперичку
 Воцарился нашъ прегрозный царь,
 Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
 Онъ повывель тутъ измѣну изъ Казань-града,
 Онъ повывель тутъ измѣну изъ Рязань-града,
 Онъ повывель-то измѣнушку изъ Пскова,
 А ѣ повывесь онъ царенье изъ Царя-града,
 А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
 А царицы-то Елены голову срубилъ,
 Царскую перфилу на себя одѣлъ,
 Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
 Заводилъ же онъ почетный пиръ,
 А на князей пиръ, на бояръ пиръ
 А на всѣхъ гостей да званныхъ бранныхъ.
 Вси же на пиру да наивались,
 Вси же на пиру да поросхвастались.
 Поросхвастался прегрозный царь,
 Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
 «Я повывель тутъ измѣну изъ Казань-града,
 «Я повывель тутъ измѣну изъ Рязань-града,
 «Я повывель-то измѣнушку изъ Пскова,
 «А ѣ повывесь я царенье изъ Царя-града,
 «А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
 «А царицы-то Елены голову срубилъ,
 «Царскую перфилу на себя одѣлъ,
 «Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
 «Я повыведу нунъ измѣну съ Новгородчины,
 «Я повыведу измѣну съ каменнои Москвы».
 Ходить тутъ Иванушко царевичъ гоусдѣрь,
 Самъ же испроговорить:
 — А ѣ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не повывести измѣны съ каменнои Москвы.
 — За однимъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
 — Платица-ты носить однодѣтныи
 — А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —

Мутно ёго око помутилоеи,
 Царско его сердце загорѣлои.
 «Ай же ты Иванушко царевичъ гѣсѣдѣрь!
 «А подай-ко мнѣ измѣнщика да на очи,
 «Я теперичку измѣнщику да голову срублю!»
 Ходитъ тутъ Иванушко царевичъ гѣсѣдѣрь,
 Самъ Иванушко да испроговоритъ:
 — Я же глупымъ да разумомъ промолвился.
 — На себя сказать, такъ живу нѣ бывать,
 — А й на братца скѣзать — братца жаль,
 — А н жаль братца не такъ какъ себя...
 — Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
 — Ай родитель нашъ же батюшко!
 — Ты-то ѣхаль уличкой, —
 — Иныхъ билъ казнить да иныхъ вѣшалъ ли,
 — Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ.
 — Я-то ѣхаль уличкой, —
 — Иныхъ билъ казнить да иныхъ вѣшалъ ли,
 — Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ;
 — А середечкой да ѣхаль Оѣдора да Ивановичъ,
 — Билъ казнить да иныхъ вѣшалъ ли,
 — Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ,
 — Напередъ же онъ указы да порѣссылалъ,
 — Чтобы малыи да порѣзбѣгались,
 — Чтобы старии да растулялись...
 — А нунечку теперечку
 — Вся измѣнушка у насъ да вдругъ новыстала.—
 Мутно ёго око помутилосьи,
 Его царско сердце розгорѣлои.
 «Ай же палачи вы немилѣсливы!
 «Вы возьмите-тко нунъ Оѣдора Иванова
 «За тый за рученьки за бѣзны,
 «За тый перстнй да за злачении,
 «Вы сведите Оѣдора да во чистѣ поле
 «На тоѣ болотце да на житное,
 «На туѣ на плаху да на липову,
 «А срубите Оѣдору да буйну голову
 «За его поступки неумильнии».
 Сидятъ тутъ палачи да немилѣсливы,
 Большеи тулится за средняго,
 Среднй тулится за меньшаго,
 А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
 Сидитъ маленький Малютка воръ Шкурлатовъ сыгъ:
 — Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Много я казнилъ князей князевичевъ,
 — Много королей да королевичевъ,
 — Нунъ да Оѣдору я нѣ спущу.—
 Брать тутъ Оѣдора Иванова
 За тый за рученьки за бѣзны,
 За тый перстнй да за злачении,
 Вель же Оѣдора въ чистѣ поле

На тоѣ болотце да на житное,
 На туѣ на плаху да на липову.
 А н Марѣа-та Романовна
 Кинулась она въ одной рубашки бѣзъ костью *)
 А въ однихъ чулочникахъ бѣзъ чоботовъ,
 А накинута тутъ шубку соболонную,
 Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
 А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вишную
 Къ тому братцу ко родимому,
 Ко Микитишкѣ Романову.
 Прибѣгала тутъ на горочку на Вишную
 Къ тому братцу ко родимому,
 Ко Микитишкѣ Романову.
 Не спрашивать тутъ у дверей придверничковъ,
 У воротъ да приворотничковъ,
 А прочъ взашей она да вспѣхъ отталкивать.
 А й придвернички да приворотнички
 Они велѣдъ идуть да жалобу творять:
 «Ай Микитишка Романовичъ!
 «Да твоя-то есть сестрица да родимая,
 «Что ли Марѣа-та Романовна,
 «А й бѣжитъ она не въ покрути,
 «Надъ тобою она да надсмѣхаеся,
 «Вспѣхъ же насъ да взашей прочъ отталкивать».
 Говоритъ же тутъ Никитишка Романовичъ:
 — Что же ты, сестрица да родимая,
 — Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
 — Нашихъ взашей прочъ отталкиваешь?—
 Тяжелешенько она да поросплакалась
 А Микитишкѣ Романову розжалилась.
 «Ай ты братецъ ты родимый
 «Да Никитишка Романовичъ!
 «Я ли надъ тобою да надсмѣхаюся,
 «Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
 «Али надъ собою незгодушки великии не вѣдаешь,
 «Али надъ собою да нунъ надо мной,
 «Надъ сестрицей да родимовою?
 «Твоего-то племянника,
 «Племянника да крестника,
 «Али Оѣдора Иванова,
 «Увели его да во чистѣ поле
 «На тоѣ болотце да на житное,
 «На туѣ на плаху да на липову,
 «Срубить Оѣдору да буйну голову
 «За него поступки неумильнии».
 Старии Никита да Романовичъ
 Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
 Кинулъ шляпу на одно ухо,
 Тяпнуть въ руки саблю вострую,

*) Костьючъ — родъ сарафана.

Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
 Не на сѣдлана коня да не на уздана,
 Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
 Городомъ-то ѣде голосомъ кричить,
 Голосомъ кричить да самъ шляпобой машеть:
 — Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ
 сынъ!

— Не клони-тко нунь же Оѣдора Иванова
 — На ту было на плаху да на липову,
 — Не руби-тко Оѣдору да буйной головы
 — За его поступки неумильни.
 — Срубилъ же ты Оѣдору да буйну голову, —
 — Не тотъ же кусокъ съѣшь а самъ подавишься,
 — Не тотъ же стѣбанъ выпнешь самъ заклѣ-
 чешься! —

А не спрашивать Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
 Клонить Оѣдора Иванова.

А скричалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:

— Ай ты Оѣдоръ да Ивановичъ!
 — Не клони-тко своей буйныи ты головы,
 — Царскій родъ на казенн не казнится. —
 А не сталъ же Оѣдоръ да сдаватися,
 А не сталъ клонить своей да буйной головы
 А на тую онъ на плаху да на липову.
 А розѣбался Микитушка Романовичъ
 А къ тому же палачу да немилослнву,
 Къ малому Малюткѣ да Шкурлатову.
 Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
 На тую на плаху да на липову, —
 Какъ смѣхне онъ да саблей вострою,
 Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
 За него поступки неумильни,
 Что зачмъ везе на казенъ царскій родъ

А срубить-то ему буйну голову.
 Опъ бралъ Оѣдора было Иванова
 За тий за рученьки за бѣзын,
 Цѣловалъ въ уста его сахарни,
 Посадилъ его да на добра коня,
 На свое садилъ было да на правѣ стегно,
 Пѣвезъ Оѣдора Иванова

А на ту было на горочку на Вишнюю
 А къ тому было къ подворьницу Микитицу.
 Севодни братцы день суботни,
 Завтра день да воскресеньцо,
 Имъ идти-то ко Божьей церкви.

А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ

Онъ по утришку ранехонько,
 Умывается онъ да бѣлехонько,
 Снаряжается онъ хорошоохонько,
 Одѣвае платя опалѣнны,

Кѣней подпругаютъ воронѣнныихъ.

А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Василье-
 вичъ,

Онъ поѣхалъ ко заутрени.

А ставае тутъ Микитушка Романовичъ

А й по утришку ранехонько,

Умывается онъ да бѣлехонько,

Снаряжается онъ хорошоохонько,

Одѣвае платя красныи,

Кѣней подпругаютъ все же рыжннхъ,

Кареты подпругаютъ золоченыи.

Приѣжае онъ да тутъ же ко заутренки.

Испроговорить Микитушка Романовичъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марѣей-то Романовной,

— Да со Оѣдоромъ Ивановымъ,

— Со Ивановомъ-то Ивановымъ! —

Говорить же тутъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,

«Ай ты шуринъ да любимый!

«Ты незгодушки не вѣдаешъ,

«Надо мной великою незгодушки:

«Твоего-то племянника,

«Племянника да крестничка,

«Что ли Оѣдора Иванова, —

«Нѣту Оѣдора во живности».

Старыи Микитушка Романовичъ

Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марѣей-то Романовной,

— Да со Оѣдоромъ Ивановымъ,

— Со Ивановомъ-то Ивановымъ. —

Говорить же нашъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!

«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,

«Самъ ты къ рѣчамъ да не примнешься?

«Твоего то племянника,

«Племянника да крестничка,

«Нѣту Оѣдора во живности».

Говорить же тутъ Микитушка да въ третій разъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марѣей то Романовной,

— Да со Оѣдоромъ Ивановымъ,

— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —

Мутно ёго око помутилось,

Царско ёго сердце розгорѣлось.

Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старый пестъ Микитушка Романовичъ!

«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?

«Выдемъ отъ великодѣнный заутрени,

«Прикажу теби Микита голову срубить».

Тяжелешенько тутъ царь да порослакался:

«По ворахъ да по разбойничкахъ

«Е заступнички да забороничиен.

«По моему рожоноёмъ по дигятии

»Не было нунь да заступушки,

«Ни заступушки ни заборонушки!»

Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:

— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньцо? —

«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньцо,

«Того грѣшнаго да негдѣ взять».

Говоритъ было Микитушка во дрѹгой разъ:

— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньцо? —

«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньцо,

«Того грѣшнаго да негдѣ взять».

Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:

— А прости-тко того грѣшнаго. —

«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,

«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»

Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:

— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!

— Не отрублена да Оѣдору да буйна голова,

— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову

— За него постуники неумильни,

— Да зачимъ же иде казнить царскій родъ:

— Царскій родъ на казени не казнится. —

Говоритъ же нашъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старин Микитушка Романовичъ,

«Ай да шурищъ да любимыи!

«Что теби Микитушка пожаловать?

«Города ли теби дать да съ пригородками,

«Али села дать да со приселками,

«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,

«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,

«Али добрыхъ комоной тобѣ-ка-ва по надобью?»

Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:

— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,

— Не надо мнѣ-ка сель да со приселками,

— Мнѣ-ка силушки по надобью,

— Золотой казны по надобью,

— Добрыхъ комоной по надобью:

— Золота казна у мѡлодца не держится *),

— Добра комоны у мѡлодца не ѣдятся.

— Дай-ко мнѣ Микитищу да отчину.

— Хоть коня утопи, хоть жену ѡведѣй,

— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,

— Да въ Микитищу да отчину уйди,

— Того добраго же мѡлодца да Богъ проститъ. —

А ѣ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ

Дать Микитищу да отчину.

Записано тамъ же. 24 юля.

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ **).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,

Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,

Захотѣлъ воръ собака женитися,

Не у князей бойръ въ каменной Москвы,

У того короля въ земляной Литвы.

Взялъ Гришка Маринку королевичну,

Заводилъ законъ по своему:

Князи бояра къ обѣдн шли,

А ѣ Гришка съ Маринкою въ байну шоль.

Князи бояра отъ обѣдн шли,

А ѣ Гришка съ Маринкой изъ байни идѣтъ.

У Иоанна Великаго,

У Софѣи премудрой

Приказалъ звонитъ въ набольшій колоколь,

Въ самый огромный:

«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдъ дальшій гость,

«Дальшій гость ѣде любѣмый тещъ,

«Еще тотъ же король политовскѣи,

«Политовскѣи король земли польскѣи,

«Ко мнѣ-ка во гостѣбнищю.»

Михайла князь Скопиннъ москѡвскѣи

Видитъ измѣнника,

Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,

Писалъ ѣруки скоронпечатъ ***)

Ко тому королю политовскому,

Политовскому королю ли польскому:

*) т. е. не издерживается.

**) Размѣръ дактилическѣи.

***) Калининъ объяснилъ, что Скопиннъ писалъ въ Польщу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы повлеченіемъ подьяковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

— Политовскін король земли польскін,
— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошил-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменнѣ Москва. —

Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю политовскому.
Политовскін король земли польскін
Посилае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальнаго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуетъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка пунь три года,
«Простою я тридцать лѣтъ.»
Зглянуть въ окошко косевчато,
Обступила сила кругомъ вокругъ,
Все сила съ коньями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскимъ:
«Подѣлаю крыльца дьявольскн,
«Улечу нунь я дьяволомъ.»
Не посиѣлъ Гришка сдѣлать крыльцовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдъ царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 июля.

—

II.

АКСИНЬЯ ОМИНА.

Аксинья Кузминична Омина, близкая соседка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду, большая мастерица пѣть былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она нерѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частицамъ, вмѣсто того превращаетъ букву *ъ* въ гласный звукъ и произноситъ его какъ *ы*. Былны свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже пѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинь, она пѣла еще про отѣздъ Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно съ Калиничимъ, отъ котораго замѣтовала эту былнну, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

—

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтѣль мѣсяць,
Тогда зарождался Вольгѣ богатѣрь.
Отъ его отъ славы богатырскою
Оргн-ты *) вси да приумолкнули,
Птица улетѣла вся подъ оболоку,
Рыба ушла да въ глубокий станѣ,
Звѣри ушли да во темнѣ лѣса,
Царь Санталъ да въ Вольгу **) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевной.
Сталъ Вольгѣ да лѣтъ десятки-то,
А ѣи задался онъ Вольга да во мудрости,
А ѣи во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подъ оболоку,
Рыбою ходитъ да въ глубокн станѣ,
Звѣрями ходитъ да во темнѣ лѣса.
Овернулся Вольгѣ да малой птичиной,
Улетѣлъ-то Вольгѣ да онъ подъ оболоку,
А ѣи птицу всю да онъ порбзгонялъ.
Овернулся Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружиннушка хоробрая!
«Ставьте-тко пѣсточки ***) дубовын,
«Спышка вы ладьте-тко шелковын,
«Птица не улетѣла бѣ подъ оболоку.»
Овернулся Вольгѣ да свѣжей рыбиной,
А ѣи пошоль-то Вольгѣ да въ глубокий станѣ
Рыбу-то всю да онъ порбзгонялъ.
Овернулся Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружиннушка хоробрая!
«Ладьте-тко нѣвода шелковын,
«Проволокн вы кладите да золочонын,
«Рыба не ушла бѣ въ глубокий станѣ.»
Овернулся Вольга да лютымъ звѣрѣмъ,
А ѣи ушоль-то Вольгѣ да во темнѣ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ порбзгонялъ.
Овернулся Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружиннушка хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки выптовын,
«Закатите-тко пулечки калѣнын,
«Звѣри не ушли бѣ да во темнѣ лѣса.»
Поѣзжае Вольгѣ въ Вольгу-городъ.
Видла царица нехорошіи сонъ:

*) Что значить «орги», пѣвица не умѣла объяснить, увѣряя только, что такъ поется.

**) Омина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что это значить: «въ Вольгу сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

***) Западин для ловли птицъ.

Бьется соко́ль да съ чернѣмъ воронѣмъ,
 Пѣребилъ соко́ль да черна́ воронѣ:
 Ясный тотъ соко́ль — Вольга́ богаты́рь,
 Черный тотъ воронъ — то самъ Санта́ль.

Записано въ дер. Римъ
 на Пудожекой Горѣ, 24 июля.

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ *).

У стольнято у князя у Влади́мира
 Заводился у него да почестный ширь.
 Все на пиру да напивались,
 Все на пиру да поросхвастались.
 Единый тотъ хвастать золотой казной,
 Единый тотъ хвастать цвѣтнымъ плати́номъ,
 Единый тотъ хвастать добрымъ конемъ;
 Умный тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
 А ѣй безумный тотъ хвастать молодой женой.
 А ѣй сидитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А ѣй сидитъ да ничимъ онъ не хвастаетъ.
 Стольней князь да Влади́мира (такъ)
 Зговори́тъ да таково слово:
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 «Что же ты сидишь ничимъ не хвастаешь?»
 — Платя у мѣня да есть на вѣзлюдѣ (такъ)
 — Золотой казны у мни да есть цо надобью,
 — Добрыхъ коней да на выѣздъ есть,
 — Отца матушки да живого нѣтъ.
 — Есть у мни да молода жена,
 — Офимья у мѣня да Олександровна:
 — Оманула у мѣня да девять царей,
 — Десять русьскѣихъ могучѣихъ богатырѣвъ,
 — А ѣй оманеть тебя стольнѣ-князя Влади́мира. —
 А ѣй посадилъ ёго въ крѣнь во тѣмную,
 Самъ посмалъ скорѣихъ гонцевъ
 А ѣй къ его-то молодой жены,
 А ѣй ко той Офимѣ Олександровной:
 — Ай же молода жена Офимья Олександровна!
 — Наказывалъ да теби Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 — Обмануть тебѣ стольнѣ-князя Влади́мира. —
 Говоритъ Офимья Олександровна:

*) Здѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставу Годовичу.

«Какъ мой мужъ да напивается,
 «Такъ онъ пуцай да прохмѣляется.»
 Сама повинустила скорѣихъ пословъ,
 Садилась-то на стулья на дубовыи,
 Подрубилась-то волосы по мужескому,
 Сокрутилась да въ платица во мужескии,
 Обѣдлала она да вѣдь добра коня,
 Брала она стрѣлочку каленую,
 Палцу да во сорокъ пудъ,
 Приѣзжала ко стольнѣму ко князю ко Влади́миру,
 Сваталась на его на родной дочери,
 На Катерины она да Милуловной (такъ).
 «Ай ты чей земли да чей орды?
 «Ты чьего отца да чей матушки?»
 — Я есть посолъ скорый земли русьскѣи. —
 Зговори́тъ Катерина Влади́мира:
 «Ай же ты да родной татенька!
 «Глунымъ разумомъ вольничаетъ,
 «Выдаваешь ты дѣвчину а за женщину:
 «У ей жонка крутенька какъ по женскому,
 «У ей пѣленьки *) миконьки какъ по женскому,
 «Гдѣ жуковныи лежали тутъ и мѣста знать.»
 — Молчи-тко ты дочѣ, ми попытаемъ-тко,
 — Можеть ли натянуть да тугой лукъ,
 — А ѣй выстрѣлять да съ каленой стрѣлы.
 — Пошлемъ съ Чурилушкой Щиленковымъ
 — А ѣй на далечо чистѣ полѣ. —
 А ѣй Чурилушка да Щиленковичъ
 А ѣй не могъ да натянуть онъ тугой лукъ,
 А ѣй выстрѣлить да съ каленой стрѣлы.
 Побѣли **) скорыи да зѣмки русьскѣи
 А натянула она да вѣдь тугой лукъ.
 И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
 Говоритъ Катерина Влади́мира:
 «Ай же ты родной мой татенька!
 «Глунымъ ты разумомъ вольничаетъ,
 «Выдаваешь ты дѣвчину за женщину:
 «У ей жонка крутенька какъ по женскому,
 «У ей пѣлечки миконьки какъ по женскому,
 «Гдѣ жуковныи лежали, тутъ и мѣста знать.»
 — Молчи ты дочѣ, да попытаемъ-ко,
 — Положимъ во спальню во теплую,
 — На перина положимъ на пуховую.
 — Если она да буде женщина,
 — Буде яма на постели-то.
 — Если она мужница-то,
 — Буде яма на зголовьци. —
 Проснала да темну ноченьку

*) т. е. груди.

**) т. е. посолъ.

Ногами да на зголовицо
 А ѿ плечами она да на постелю-то.
 А ѿ тутъ повѣрилъ стольный князь Владиміры,
 А ѿ просватывалъ свою рѣдну дочь.
 Водили ихъ во церкву во Божію,
 Витыма перстнями обручили-то,
 Златыма вѣнцами обложили-то.
 Заводили они да почостный ипръ.
 А ѿ сидить-то послы скорын,
 Послы скорын земли русьскіи,
 Повѣшена сидить да буйна голова.
 А ѿ згѣворить стольный князь да Владиміры:
 «Ай же послы скорын земли русьскіи,
 «Зять молодын да послы скорын!
 «Ай зачѣмъ же ты вѣсншь буйну голову?»
 Згѣворилъ да таково слово:
 — Стольный князь да Владиміры!
 — Есть у тебя да во темной крѣни
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
 — Нельзя ли его да повиусугить,
 — Со мною-то на почостный ипръ?
 — Мы въ одномъ поли съ нимъ поѣзживали,
 — Съ одной стрѣлочкы мы выстрѣливали,
 — Въ одно колечечко попадавали. —
 Стольный князь да Владиміры
 Онъ повиусугилъ да Илью Муромца,
 А ѿ на зятиниъ его да на почостный ипръ.
 Згѣворить послы скорын земли русьскіи
 Послы скорын да зять молодын:
 «Ужъ ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
 «Ужъ я чья жена?»
 Згѣворить да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 — Эй же ты стольный князь да Владиміры!
 — Оманула тя да моя жена,
 — Выдать ты дѣвчи́ну а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 іюля.

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три году Добрынюшка стольничалъ,
 Три году Добрынюшка чашичалъ,
 Три году Добрыня у воротъ простоялъ,
 На десятый годъ еще гулять ушолъ.
 Наказывала Добрыни рѣдна матушка:
 «Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,

«Ты по городу гуляй по Кіеву,
 «Только не ходи во улочки Маринкины,
 «Въ переулки не ходи да во Пгнатьевски.
 «Тамъ е дѣвушка да зельчица,
 «Зельчица дѣвушка кореньщица.
 «Извела-то она девѣтъ молодцѣвъ,
 «Девять русьскіихъ могучіихъ богатырѣвъ,
 «Тебя же изведеть да во десятиныхъ.»
 Забылъ-то наказанье родной матушки,
 Запольш-то ояъ во улочки Маринкины.
 У Маринюшки да на окошечки
 Сидятъ голубы да со голубушками,
 Носочки съ носочками цѣлуются,
 Они правыма крылами обнимаются.
 Тутъ Добрыни въ запретѣ пришло,
 Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
 Направлявалъ Добрыня каленѣ стрѣлу,
 Убилъ у Маринюшку мила дружка,
 А Ивана убилъ царевича,
 По прозваніицу убилъ Туга-змѣевича.
 Бросилась Маринюшка по плечъ во окно:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитичиъ!
 — Ходость ты ходишь не женѣтъ поньку,
 — Я красна дѣвица на выдѣванѣтъ:
 — Возь-ко меня да за себя замужь. —
 Не съ ума Добрыня слово спрѣговорилъ:
 «Ай же ты дѣвушка зельчица,
 «Зельчица ты кореньщица!
 «Извела ты девѣтъ молодцѣвъ,
 «Девять русьскіихъ могучіихъ богатырѣвъ,
 «Меня же изведешь да во десятиныхъ.»
 Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
 Она брала-то ножички булатнии,
 Она-то рѣзала Добрынины слѣдочкии,
 Приговори приговаривала крѣпичи:
 — Такъ бы рѣзало у Добрыни рѣтливо сердце по
 мни. —
 Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
 Повернула Добрыню стрѣмъ волкомъ,
 Отпустила Добрыню ко синю морю.
 Добрынина матушка
 Ена день ждала, да другой ждала,
 Недѣлю ждала, да другой ждала,
 Ена годъ еще ждала, другой ждала,
 Не слыхать Добрынюшки Микитича.
 Накинула шубу на одно плечо,
 Приходила къ Маринѣ подъ оконечко:
 «Эй же ты дѣвушка зельчица!
 «Отверни у мни Добрынюшку по старому,
 «По старому Добрынюшку по прежнему.
 «Не отвернешь ты Добрынюшки по старому,—

«Я тя поверну собакою,
«Собакой поверну ты подоконою.
«Еще тебя потѣшу я сорокою,
«Сорокою тебя да я коловою» *).
Отвернула Добрынюшку по старому.
Онъ бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
Розвязалъ ю на скамеечку дубовую,
Розстрѣлялъ ёнъ Марину по чисту полюю.

Записано тамъ же. 22 іюля

—
18.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлой березки кудревестой
Выходила турница золоторога
Со своимъ турамы со дѣтушками.
Розошлась турница, роспростилась:
«Вы прости-тко туры да малы дѣтушки.»
Случилось турамъ мимо Кіевъ градъ итти,
Мимо тую стѣну да городовую.
А ѿ сподъ той стѣны сподъ городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
Въ рукахъ носитъ святу книгу евангельё,
А не только **) чтае—вдвоемъ она плачѣтъ
Не дѣвица ходитъ душа красная,
Плаче стѣна да городовая,—
Ёна свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.

Сподъ восточною да сподъ сторонунки
А ѿ наѣде Батыга Батыговичъ
Со своимъ со сыномъ со Батыгушкою,
А ѿ со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
А ѿ со тымъ со дьячкомъ со выдумщичкомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А ѿ у сына-то силы сорокъ тысячей,
У дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
А ѿ у зятя-то силы сорокъ тысячей.
Обступае Батыга околъ Кіевъ кругомъ,
А ѿ Кіевъ градъ да не малъ не великъ,
Соколу же летѣтъ да на меженный день,
А ѿ маленькой птиченкѣ не пролетѣтъ.
А ѿ во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

*) Сорока называется коловою, потому что сидитъ по коль-
нямъ на заборахъ (объясненіе пѣвицы).

**) т. е. столько.

«А ѿ не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А ѿ некому съ Батыгой супротвиться.
«Косогоры (такъ) богатырь во Святыхъ во горяхъ,
«А ѿ Самсонъ да Илья у синій у морѣ,
«А ѿ молодой Добрыня во чистомъ во полѣ,
«А ѿ молодой Олена въ богомольной сторонѣ.»
По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
По прозванью Василиі сынъ Игнатъевичъ.
А ѿ приходитъ Василиі ко Батыги на лицѣ,
Убилъ лучшихъ головушекъ хороненькихъ:
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
А ѿ убилъ дьячка онъ выдумщичка.
А ѿ посылае Батыга скорыхъ гонцевъ,
А ѿ скорыхъ гонцевъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А ѿ во Кіевъ славенъ градъ да виноватаго исгати.
А ѿ во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:
«А ѿ не знаю я да виноватаго найтѣ.»
Приходили солдаты коравульнии:
— Бласлови-тко Владиміръ слово спрѣговоритъ.
— А ѿ знаёмъ мы да виноватаго найтѣ:
— По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
— По прозванью Василиі сыяъ Игнатъевичъ.—
Находили Василия въ кабаки на печѣ,
Приводили Василия ко царю на лицѣ.
«Онохмѣлъ меня Владиміръ чарой хмѣльною»
Наливае онъ чару зеленá вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А ѿ третью рюму да сладкаго медѣ.
А ѿ сливалцъ питъё во единѣ судно,
А ѿ мѣрой питъя поль-пятá ведра,
А ѿ вѣсомъ питъя поль-пятá нуда.
Принимается Василей единѣй рукой,
Выпивае Василей на единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердце,
Розмахалась у Василья ручка правая:
А ѿ нуѣ поиду да ко Батыги на лицѣ.
«Онохмѣлъ меня Батыга чарой хмѣльною,
«А ѿ пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ
взять.»
А ѿ на ты рѣчи Батыга ирѣкинулся.
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А ѿ третью рюму да сладкаго медѣ.
А ѿ сливали питъё во единѣ судно,
А ѿ мѣрой питъя поль-пятá ведра,
А ѿ вѣсомъ питъя поль-пятá нуда.
Принимается Василей единѣй рукой,
Выпивае Василей во единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердце,
Розмахалась у Василья ручка правая.

А и сталь онъ по силушкѣ поѣзживати,
 А и сталь-то онъ силушки порубливати.
 А и были у Батыги кони добрыи,
 Кони добрыи да изнаряженный.
 Поѣзжае Батыга, заклинается:
 «Не дай Господи ни мни да ни дѣтямъ ни моймъ,
 «А ѿ ни дѣтямъ ни моимъ ни внучатамъ,
 «А не внучатамъ ни правнучатамъ!
 «Видно есте во Києви богатыри.»

Церковно пѣтѣ въ каменной Москвы,
 Колокольный звонъ во Новѣ-городѣ,
 Щелье камень въ сѣверной сторонѣ,
 Мхи да болота въ поморской сторонѣ.

Записано тамъ же, 23 июля.

19.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владиміра
 Заводился у него да почестный ширъ.
 Было на ширѣ да двѣ вдовы:
 Одна Маринка Часова вдова,
 Друга Авдотья Блудова вдова.
 Наливае Авдотья Блудова вдова,
 Наливала она чару зелена вина,
 Не только вина что сладкаго меду,
 Подносила Маринки Часовой вдовы,
 За чарою она вѣдь да посваталася
 На Чайной дѣвицы на Часовичной.
 Ена вылила чару во ясны очи,
 Измочила шубу черныхъ соболей.
 Ушла-то Авдотья Блудова вдова,
 Идетъ она домой, да прикручинивши,
 Прикручинивши она да запечаливши.
 Стрѣчаетъ ю молодой Котѣнко Блудовъ сынъ:
 «Ай же рѣдна ты да моя матушка!
 «Что же ты идешь да закручинивши?
 «Мѣстомъ ли тебя да приоблизилн,
 «Пьяница ли городовая тебя віругала,
 «Аль чарою ли тебя да приобнесли?»
 — Чарою меня да не приобнесли,
 — Пьяница городовая не віругала,
 — Мѣстомъ меня да не облизилн.
 — Наливала я вѣдь чару зелена вина,
 — А ѿ не только вина что сладкаго меду,

— Подносила Маринки Часовой вдовы,
 — А ѿ за чарою я да посваталася
 — А ѿ на Чайной дѣвицы на Часовичной.
 — Ена вылила чару во ясны очи,
 — Измочила у мня шубу черныхъ соболей, —
 «Ай же рѣдна ты да моя матушка!
 «Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
 «Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
 «Я не захочу, — за службу за нанютушку.»
 Справлялся онъ да скорешенько,
 Убирался онъ да хоропошенько.
 Видли добра молодца сидучи,
 А ѿ не видли добра молодца поѣдучи.
 А ѿ повиѣхалъ да на чисто полѣ,
 Ыхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
 Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
 Всѣ-ты терема да пошаталися,
 Веревъ же всѣ да розвалилися,
 Терема унесъ да во чисто полѣ.
 Чайная дѣвица Часовична
 А ѿ бросалася да что ль поплечъ въ окно.
 — Ай же молодой Котѣнко ты Блудовъ сынъ!
 — Отца-то у ти звали видѣ Блудищомъ,
 — А ѿ тебя же будутъ звать да уродищомъ!
 — Что же ѣдшишь по городу уродуешь?—
 Енъ згѣворитъ да таково слово:
 «Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
 «У тебя-то есть да девять братцѣвъ,
 «У твоей-то матушки девять сынковъ:
 «Пусть-ко выѣдутъ на чисто поле
 «Съ молодымъ Котѣнкомъ перевидѣться.»
 Насынае Марина Часова вдова,
 Насынала она мису злата серебра,
 Другу насынае скачна жемчугу,
 Жертвуе стольнѣму князю Владиміру,
 Своему братцѣ родимому:
 — Стольній князь да Владиміры!
 — Упроси-тѣбъ молада Котѣнка Блудовъ сынъ
 (такъ),
 — Чтобы взять бы Чайную дѣвицу Часовичну
 за себя замужъ,
 — Не за службу бы онъ за нанютушку. —
 Згѣворитъ стольній князь да Владиміры:
 «Ай же сестрица родимая!
 «Какъ же ты да наивалася,
 «Такъ же нунъ да прохмѣляйся-тѣ.»
 Згѣворитъ молодой Котѣнко Блудовъ сынъ:
 «Кто же отъ бѣды да откунается, —
 «Стольній князь да накунается?»
 Прирубилъ онъ, пригубилъ да до единой головѣ
 У Маринки да Часовой вдовы,

А ѿ сплѣпиль-то онъ девѣтъ сыновѣ,
Побориль-то стольнѣго князя Владимѣра,
Взялъ Чайцу дѣвѣцу Часовичну
Замужъ за службу за панютушку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—
20.

Д Ю К Ъ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжае онъ на далече чистѣ полѣ,
Хоче пострѣлѣть да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не збей моей туши о сырѣ землю,
«А ѿ не рушай моихъ неревѣвъ по чистѣ полю,
«Не пролей-ко крови по сырѣ дубу!
«Слава тая по Русѣ носитѣя:
«Старца убить не спасенѣе добыть,
«Ворона убить не корѣсть получить.
«А ѿ поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
«Есте во Кіевѣ богатыри,
«Е кому да тамъ понравитѣся,
«Е кому съ тобой да супротивитѣся.»
Богатырское сердечко розгорѣлось,
Ворона убить не захотѣлось.
А ѿ прѣѣзжае онъ да домой-то видѣ
Со далеча со чиста поля:
— Ай же родна моя да вѣдь матушка,
— Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
— Дай прощеньице мнѣ съ благословеньицомъ,
— Я поѣду-то да во Кіевъ градъ. —
«Ай же чадо ты да мое милѣ,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Уродилось мое дитятко захвастливо,
«Росхватаешься животѣшками сиротскимъ.»
— А ѿ какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
— А ѿ не дашь-то, я все поѣду ли. —
«Поѣзжаешь ты чадо мое милѣ,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ѿ, надѣжь на себя платѣи не цвѣтныи,
«А ѿ сапожки на ноги да не зеленѣ сафьянъ,
«А ѿ возьми конѣика да мала шахманка.»
Платѣица надѣлъ на себѣ цвѣтныи,
А сапожки обулъ да зеленѣ сафьянъ,
Брать конѣика да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,

А не видли добра молодца поѣдучи.
А ѿ бѣжалъ конѣкъ да малый шахманокъ,
Горы онъ доли промежь ногъ пуцалъ,
Маленьки озерка перепрыгивалъ,
А ѿ быстрыи рѣчки хвостомъ застилалъ.
Во ихной во Индѣи въ богатѣей,
Во ихной во Корелы во проклятойей,
Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили отъ заутрени отъ раннейей, —
А ѿ прѣѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
Зазвонили ко обѣднѣ ко столовою,
А ѿ приходитъ во черковъ присвященную,
Богу онъ да низко молитѣся,
На вси стороны да онъ вѣдь клонитѣся,
Крѣсть онъ кладѣтъ да по писаному,
А ѿ поклонъ онъ ведѣтъ да по ученому,
Съ ножки на ножку поступливатъ,
Съ плѣча онъ на плѣче поглядыватъ,
Онъ цвѣтныимъ платѣицемъ подрачиватъ,
Стольнѣго онъ князя подрачиватъ.
Згѣворитъ стольнѣй князь да Владимѣръ-тотъ:
— Какал-то наѣхала холопѣнна боярская,
— Убилъ князя либо боярина,
— Нѣтъ дакъ сильнѣго могучаго богатыри,
— А ѿ съ того онъ содралъ платѣя цвѣтныи,
— А ѿ сапожковъ зеленѣ сафьянъ не держиватъ,
— Цвѣтныихъ-то платѣицовъ не нашиватъ. —
Отходя-то отъ обѣднѣ отъ столовою.
Згѣворитъ стольнѣй князь да Владимѣри:
— Люди есть да вы вѣдь зашлии,
— Хлѣба кушатъ я милѣости прошу. —
Згѣворитъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«А ѿ въ чужомъ-то мѣстѣ да въ обѣду радъ.»
А ѿ самъ згѣворитъ да таково слово:
«Ай сказали что во Кіевѣ хорѣшо да хорѣшо!
«Здѣ-ка мостѣики да все вѣдь каменны
«А дороженьки да здѣсь вѣдь глиняныи,
«А ѿ зеленѣ сафьянъ сапожки мараютѣся.
«Какъ у насъ-то во Индѣи во богатѣей,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятойей,
«Во деревенькѣ у насъ да въ Галичи,
«Мостѣики у насъ-то все калиновы,
«Сукла-то у насъ да одинцовыи,
«А ѿ зеленѣ сафьянъ сапожки иди чистятѣся,
«Во чернѣю грязь да не мараютѣся.»
Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменны,
А ѿ сидитъ ѣнъ за столомъ да за дубовымъ,
Мякишокъ онъ ѣтъ, корочки подъ столъ роѣтъ,
Самъ въ окошечко сидитъ да поглядыватъ:
«Ай сказали что въ Кіевѣ хорѣшо да хорѣшо!
«Здѣ-ка печѣики все да вѣдь глиняныи,

«А ѿ помялушка-то все да вѣдь сослови,
 «А ѿ пахнутъ пирожки да на помялушка.
 «Какъ у моеи-то у родной у матушки
 «У Наперны да Тимофеевны
 «А ѿ печки у ней да все хрустальныи,
 «Помялушка у ней да семи шелковъ, —
 «Пирожокъ-тогъ ѣшь — другой въ рѣки берѣшь,
 «По третей да душа горитъ.
 «Здѣ-ка домики да все каменныи,
 «Крышечки да все желѣзныи.
 «У насъ какъ во Индѣи во богатой,
 «Во Корели-то у насъ да во проклятой,
 «Въ нашей во деревеньки во Галичи,
 «Домики у насъ да стои мѣдныи,
 «Крыши у насъ да все серебряныи,
 «Шоломы, потоки *) золоченыи,
 «Шарики самоцвѣтныи камешки,
 «Домики стоятъ да быдто жаръ горять.»
 — Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — А ѿ можешь ли да намъ сказать:
 — Колько писаревъ могутъ имѣнье описать? —
 «Ай же стольней князь да Владиміръ!
 «Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
 «Шести писарямъ да во двѣнадцать годъ.»
 Отправляе стольней князь да Владиміръ
 Трехъ писарей да трехъ молодыхъ,
 Ужь какъ мастеровъ да онъ ученыхъ,
 А ѿ посадилъ его въ крѣпъ да во тѣмную.
 А ѿ приходять писари-то молодые,
 Мастеры приходять что ль ученые
 А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
 А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
 Во деревеньку его да вѣдь во Галичу,
 Къ родной его да вѣдь къ матушки
 А ѿ къ Наперны они къ Тимофеевной:
 — Здравствуйшь Наперна Тимофеевна,
 — Молода боярина Дюка Степанова матушка!
 — Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ
 Владиміра
 — Описывать ваме что ль имѣнцо. —
 Она зговориць да таково слово:
 «Уродилось моѣ дитятко захвастливо,
 «Росхвасталси животинками сиротекима.»
 Отворила она погребъ глубокіи,
 Показала она сбрую лошадиную.
 А ѿ сидѣли три писаря молодыхъ,
 А ѿ пнеали-то мастера ученые,
 Шестъ годовъ описали шестую частиночку
 Этой сбруи лошадиной.

*) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

Самы зговораць да таково слово:

— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
 — Ай же родна его матушка,
 — Наперна ты да Тимофеевна!
 — Мы не будемъ описывать имѣнцо,
 — Только отвори-тко погребы глубокіи. —
 Отворила она погребы глубокіи.
 А ѿ всять-то во погребѣ три бочечки,
 А ѿ бочечки всять да серебряныи
 На цѣпочкахъ да золоченыихъ
 А ѿ въ одно мѣсто да пошакниваѣтъ,
 Будто бѣлыи лебѣдушки разговариваѣтъ.
 Они зговораць да таково слово:
 — Ты прощай-ко Наперна Тимофеевна!
 — Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
 — Ко стольнему князю ко Владиміру. —
 Идутъ-то мастера молодые,
 Писари идутъ да вѣдь ученые.
 Зговориць стольней князь Владиміръ:
 — Срубимъ мы вѣдь буйну голову
 — Молоду боярину Дюку Степановичу.
 — Описали три писаря молодыхъ
 — А имѣнье его во шесть годовъ. —
 А ѿ приходя ко стольнему ко князю ко Владиміру.
 — Стольней князь да Владиміръ-то,
 — А ѿ тебѣ рубить да буйна голова,
 — Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
 А ѿ новыпустили молода боярина Дюка Степановича
 А ѿ съ темной крѣпю.
 Онъ новыѣхалъ на чистѣ поле
 А ѿ побилъ молода Чурилушку Щапленкова,
 Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любвиичѣвъ,
 А ѿ покорилъ онъ стольняго князя Владиміра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено нянчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, по-

тому что она, шамкая, выговаривает слишком невнятно. Она часто путает и сбивается на прозаическій ладъ сказки. Здѣсь помѣщается одна ея «старинка», какъ образчикъ былинны, получившей назначеніе колыбельной пѣсни. Въ такомъ же родѣ она пѣла отрывки былинъ про Плью Муромца и Дюка Степановича.

21.

СТАВЕРЬ.

Солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской
 Задержулъ онъ почестный пиръ
 На всѣхъ князей, на бѣара,
 На всѣхъ могучихъ богатырей,
 На всѣхъ поляницъ на удалыхъ.
 Соѣзжались на почестный пиръ
 Всѣ князи и всѣ бѣара,
 Всѣ могучіи богатыри,
 Всѣ поляницы удалыи.
 Отъ города Чернїи-города
 Прїѣзжае молодой Ставерь сынъ Гординовичъ.
 По ступенькамъ ставится тихошенько,
 По сѣнечкамъ иде легошенько,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ веде по ученому
 На всѣ на четыре на стороны,
 Солнышку Владиміру въ особину:
 «Здравствуй солнышко Владиміръ князь,
 «Со своей любимой племянничкой,
 «Со Анной со Владиміровной!»
 Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
 — Поди-тко дородній добрый молодець!
 — Ты коѣй земли, коѣй орды,
 — Коего отца, коѣй матери,
 — Какъ тебя именьмъ зовуть,
 — Какъ величаютъ по отечеству? —
 «Я изъ города Чернїи-города
 «Молодой Ставерь сынъ Гординовичъ.»
 Садился за дубовый столъ.
 Они пили, веселились,
 Всѣ стали пьяны-веселы,
 Всѣ на пиру порохвастались.
 Сильный хвастаетъ своей силою,
 Богатый хвастаетъ богатствомъ,
 Нищій хвастаетъ добрымъ конемъ,
 А разумный хвастаетъ отцомъ матерью,

А безумный хвастать молодой женой.
 Молодой Ставерь сынъ Гординовичъ
 Сидитъ, не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
 Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
 Говоритъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
 кѣвской:
 — Что же ты, дородній добрый молодець,
 — Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 — Ничимъ же ты молодець не хвастаешь? —
 Говоритъ молодой Ставерь сынъ Гординовичъ:
 «Ай ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣв-
 ской!
 «Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
 «Силою я вышель не сильныи,
 «А богатствомъ не богатыи,
 «А добра коня не случилоси.
 «Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой
 женой,
 «Молодой женой Настасьей Микулничной:
 «Есть у меня молода жена,
 «Вашъ Кіевъ градъ купишь-продашь,
 «Самого царя съ ума выведеть.»
 Тыи рѣчи ему не слюбилоси,
 Онъ згворитъ своимъ слугамъ вѣрнымъ:
 — Вы возьмите Ставра, сведите Ставра,
 — Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
 — За его за рѣчи неумильнии,
 — Заприте рѣшеточки желѣзныи,
 — Кладите накладки булатныи. —
 Взяли слуги вѣрныи,
 Повели Ставра во глубокъ погребъ.
 Былъ у него грозѣнь посѣлъ,
 Служка Микулка Селягновичъ.
 Садился онъ на добра коня,
 Былъ во городи во Кіеви —
 Объявился въ городи въ Чернїи-городи,
 Приходитъ къ молодой женѣ,
 Къ молодой Настасьѣ Микулничной:
 «Здравствуй молода жена,
 «Молода Настасья Микулнична!
 «Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
 «Засаженъ Ставерь во глубокъ погребъ
 «За свои за рѣчи неумильнии:
 «Ухвасталъ тобой молодой женой,
 «Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
 «Самого царя съ ума выведешь.»
 А скорешенько ставала на рѣзвїи поги,
 Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
 Садилась на ремешчатъ стулъ,
 Подбривала волоса свои женскїи по мужичьему,

Надѣвала она платица мужичѣи,
 Сѣдала она добра коня.
 Какъ видли Настасьюшку сядучи,
 А не видли Настасьюшки поѣдучи.
 Была въ городи Чернѣ-городи —
 Объявиласи во городи во Києви.
 По ступенцамъ иде тихошенько,
 По сѣнечкамъ иде полегошенько,
 Крестъ кладе по писаному,
 Поклонъ веде по ученому
 На вси на три на четыре на стороны,
 Солнышку Владиміру въ особину:
 — Здравствуешь Владиміръ стольнѣ-кіевской,
 — Со своѣй Анной со Владиміровной! —
 «Поди-тко ты пожалуй добрый молодець!
 «Ты кобѣи земли, кобѣи орды,
 «Коего отца, кобѣи матерц,
 «Какъ тебя именѣмъ зовуть,
 «Какъ величаютъ по отечеству?»
 — Я отъ города отъ Чернѣ-города,
 — А зовуть Василій Микуллинничъ.
 — У тебя есть племянница любимая
 — А по имени Анна Владиміровна,
 — Хочу взять за себя, ты хоти-тко дати за меня—
 — Честнымъ ширкомъ да за свадебку. —
 Говорить Анна Владиміровна:
 «Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ *) буде съ тоски пропасть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Истоплю я парну баенку,
 — Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
 Истопили парну баенку,
 Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
 А молодой носолъ иде изъ баенки.
 Говорить Владиміръ князь стольнѣ-кіевской:
 «Что же грозѣнъ посѣлъ скоро попарился?»
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Ваше дѣло е хозяйское,
 — Наше дѣло е дорожное. —
 Говорить Анна Володиміровна:
 «Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ буде съ тоски пропасть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Постелимъ ему постельку пуховую. —
 Онъ поль-ночи спалъ головой на зголовницѣ,
 А поль-ночи спалъ ногами на зголовницѣ.
 Не могъ посла отвѣдати,
 Хочетъ выдать Анну Володиміровну.
 Анна Володиміровна тутъ змолгласи:

*) т. е. обумъ.

«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ буде съ тоски пропасть.
 «На лавочки сидить, ногами вмѣстѣ жметъ,
 «Съ проволочкою глаза поваживаесть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Дамъ ему стрѣлочку каленую,
 — Пускай росколетъ во чистомъ поли,
 — Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровны,
 — А тамъ честнымъ ширкомъ да за свадебку. —

Расколомъ Василій Микуллинничъ; потомъ онъ
 потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спра-
 шиваетъ, кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ:
 есть у тебя въ погребу Ставеръ Гордннвичъ;
 дай мнѣ его въ поединщики. Тутъ они въ чи-
 стомъ полѣ сѣхались и разѣхались; разъ сѣх-
 хались,—шккой никого не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставеръ, памятуешь ли Ставеръ,
 Когда я колечко поставливала,
 Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадаивалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; сѣхались въ
 другой разъ, опять шккой никого не ранили. Она
 говоритъ:

Помнишь ли Ставеръ, памятуешь ли Ставеръ,
 Когда я колечко поставливала,
 Ты сваечкой въ колечко попадаивалъ?

Въ третій разъ сѣхались, опять другъ друга
 не ранили. Тутъ она размахнула груди свои жен-
 скіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлмы,
 Цѣловалъ въ уста сахаринъ,
 Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнѣ-кіевской ему про-
 стилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Еодоръ Александровичъ Корсаковъ, крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости (сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей къ Пудоожскому уѣзду), парень 26 лѣтъ, выучившись портняжному мастерству, ходилъ работать по деревнямъ и въ это время научился пѣть былины. Потомъ, бросивъ это занятіе, ходилъ бурлачить на каналъ, работалъ въ каменщикахъ въ Гатчинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петербургѣ, поступилъ въ услуженіе къ одному купцу; наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и похабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ служить запѣвалой и жожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ; онъ забылъ большую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЦЕ.

Тѣни-изъ-подъ-тѣни изъ подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявыя,
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру
И со своей ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ туръ со турятами,
А ѣ со глупыма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ-чудно,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ-дивно.
Выходили-то нунь нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золоченыма.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговица,

Просить Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идѣть-то Одолице поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посмалъ онъ новѣсточку
Къ старому казакѣ къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чисто полѣ,
Поспѣвалъ бы онъ да на боишо.
Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталь-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатыр-
скимъ,
Сталь-то успѣвать со чиста поля да во Кіевъ градъ.
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунь одежду соби стариковскую,
Кладываеъ собѣ шляпошку пуховую,
А беретъ въ руки клюху нунь горбатую,
А идетъ онъ нунь въ полату бѣлокаменну,
Ко тому ли-то къ Одолицу поганому.
А сидитъ-то Одолицо поганое
За почетнымъ столомъ да у князя у Владиміра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолицо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«Видалъ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика перехожая:
— А ѣ такой же нашъ богатырь Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолицо поганое:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ
выти хлѣба кушаеъ?»
— Малую часть нашій кушаеъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А ѣ по маленькой-то чашечкѣ воды-то пьетъ. —
Отвѣчаетъ Одолицо поганое:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю.»
Говоритъ тутъ калика перехожая
А ѣ тому ли-то Одолицу поганому:
— Была-то у моего же родна нунь батюшка,
— Была же лошадь халстная (*такъ*),
— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолицу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да пожомъ собѣ длин-
нымъ, —
Этотъ-то пожь да стоѣмъ же сталь.

Обвернулся нашъ калика перехожая,
 А подвинулся къ Одолицу поганому, —
 Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
 А й прогрязла голова тутъ у Одолица поганого.
 Старин казакъ Илья Муромецъ
 Выходилъ-то онъ во дворовую,
 Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
 Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
 Въ другу-ту руку копые длинное.
 Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
 На великую, на татарскую.
 Сталъ-то но силушки посякывать,
 Онъ прибилъ нунъ всю силу-то великую.
 Приѣзжаетъ-то ко князю ко Владиміру.
 Сдѣлали весельицо почестный пирь,
 Стали тутъ жить оны по прежному.
 Ничего-то князь нунъ не опасается,
 Никого ли-то нунъ не сумяется.
 Отправлялся нашъ старин казакъ Илья Муромецъ
 Ко тому ли-то ко королю литомскому
 Посмотрить его дочери любимой,
 Той ли-то Марьи Митріевичной.
 А женить ему нужно брата нунъ крестоваго,
 А й брата того ли названаго,
 А того ли то Иванушка могучаго.
 Приѣзжали тутъ ко королю литомскому,
 А ко его ли-то ко доченки любимия,
 А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
 Взяли-то ю и въ замужество
 За того ли-то Иванушка могучаго,
 Сдѣлали оны да почестный пирь,
 На пиру-то вси наливались,
 На пиру-то вси похвалялися.
 Говорить-то нашъ князь стольнѣ-кѣвской:
 «Вы вѣрныи мои да служителии!
 «Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
 «А живите-тко вы да по старому,
 «Живите-тко по старому по прежному.»

Записано въ дер. Римъ
 на Пудожекой Горѣ, 23 іюня.

—
 23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
 А й села-тко да Качегарова,
 А й у ласковаго князя у Владиміра,

Быль у нихъ да есть почестный пирь.
 На пиру да былъ слуга вѣрныи,
 Старин казакъ да Илья Муромецъ,
 Во другихъ-то молодой Дюкъ Степановичъ,
 А Чурилушка же Плѣнковичъ,
 А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
 А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
 Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
 Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ
 Владиміра,
 И приходилъ-то къ государыни къ своей да род-
 ной маменьки
 И вопроговорилъ же ей да таково слово:
 «Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
 «А Ефимья ты же Олександровна!
 «И ты когда меня спородила,
 «Завернула бы въ камочки во крушатя,
 «Ты выдала бы меня да во сине море!
 «Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу свѣту,
 «Не ругѣлъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ
 слезь.»

— Ай же ты мое да чадо милое,
 — А дитя мое любимое,
 — Ты Добрыня сынъ Микитиничъ!
 — Ужъ я рада бы тебя спородить,
 — А я силою въ богатыри да въ Илью Муромца,
 — Я богатствомъ во Дюка во Степанова,
 — А я удалю въ Чурилушку е Плѣнкова,
 — А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича.—
 Какъ во пору же е во то время
 Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Микити-
 ничъ,
 Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
 А онъ добра коня да богатырскаго,
 А сдѣлалъ ему сдѣлушко черкальское,
 А стремена кладеть да золоченыя,
 Онъ подтязечки подтягивалъ шелковыя.
 Одѣвае собѣ латы богатырскія,
 Онъ беретъ соби копые-то въ руки длинное,
 Онъ-ка палицу да стопудовую.
 Онъ садился на своего добра коня
 И хочеть выѣхать онъ съ широка двора,
 А съ широка двора да онъ въ чисто полѣ.
 И наказывае на поѣздѣ таково слово
 Государыни своей да родной маменькѣ,
 Онъ Офимѣ Олександровной,
 И во другихъ онъ наказывалъ своей да молодой
 женѣ,
 Молодой-то е Настасіи Микулчиной:
 «Я ѣду въ чисто поле,
 «Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,

«Проживи же ты нульчу шесть годовъ,
 «А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть замужъ
 поди,
 «Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста
 поля,
 «А поди хоть за богатыря, хоть за крестьянина,
 «Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,
 «За Алешеньку ты Поповича,
 «А ѿ за бабьяго ты надсмѣшника.»
 Ужь какъ видѣли богатыря-то садучи,
 Не видѣли богатыря поѣдучи.
 Онъ какъ выѣхалъ Добрыня съ широка двора,
 Онъ какъ ѣхалъ не воротами широкима,
 Онъ скочилъ да черезъ стѣну городовую,
 Сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
 Широки раздолья между ногъ пустилъ,
 Онъ какъ рѣки пунь озера перескакивалъ.
 Отъ него поѣздки богатырскія,
 Отъ него поступики лошадинныя
 Времечко идетъ да какъ вода течеть,
 А день за день какъ и дождь дождить.
 А прошло-то тому времечки е шесть годовъ,
 Не видать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
 Сталъ Олешенька жекоролевскій сынъ похаживать,
 Въ другихъ съ нимъ князь стольнѣ-кѣвской.
 Они стали-то да е подсватывать
 А ѿ Добрынюшку его да молодую жену,
 А ѿ Настасьюшку да е Микулчичну,
 За того ли-то за братца за крестоваго,
 За Алешеньку Поповича.
 И положила она заповѣдъ на друго шесть годовъ:
 Если не буде нуль Добрыня сынъ Микитичичъ,
 Какъ не буде онъ да со чиста поля,
 А ѿ потомъ я за тебя замужъ пойду.
 Отъ него ли-то поѣздки богатырскія,
 Отъ него ли-то поступики лошадинныя
 Время (такъ) идетъ да какъ вода течеть,
 А день за день какъ и дождь дождить.
 А прошло-то тому времечки двѣнадцать годъ,
 Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
 И приходилъ Олеша королевскій сынъ,
 Въ другихъ съ нимъ князь стольнѣ-кѣвской,
 Приходили на ей теперь свататься.
 Тутъ Добрынина да молодая жена,
 И молодая-то е Настасья да Микулчична,
 Еще тѣда-ка она да е замужъ пошла
 За того ли-то за братца за крестоваго,
 За Олешеньку она да за Поповича.
 Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да сва-
 дебка,
 Повелась-то свадебка двѣнадцать дѣнь,

На пиру-то вси да напивались,
 На пиру-то вси да наѣдались.
 Очень строго е приказано
 Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
 Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на сва-
 дебкѣ
 А ѿ Добрынюшки его да нуль Микитича,
 Еще прямо нуль сади того во крѣпости,
 А не спрашивать ни роду и ни племени,
 Нивакого его теперь да отзиву.
 Они крѣпости все да повѣладили,
 А столбы-то вси оны е повѣставили,
 А для всякою опасности,
 Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
 Чтобы въ ту пору да въ то время
 Не прѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ.
 Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
 И послѣдній день да е двѣнадцатой,
 Какъ во ту пору во то время
 Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
 Онъ прѣхалъ осерѣдъ двора широкаго,
 Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
 И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
 И приходилъ онъ къ государыни къ своей род-
 ной маменькѣ.
 Ужь онъ крѣсть-огъ да кладетъ тамъ по инсаному,
 Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведеть да по ученому,
 А ѿ на вси да на четыре на сторонущи,
 Онъ какъ матушки своей да е въ особину.
 Воспроговоритъ же самъ да таково слово
 А своей да родной маменькѣ,
 Онъ Офимѣ Олександровной:
 «Ужь ты здравствуй государыни Добрынюшкина
 матушка!
 «Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
 «Ми съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
 «А съ дѣтѣмъ твоимъ да е любимымъ,
 «А ѿ съ Добрынюшкой Микитичомъ
 «Вѣстѣ были во чистомъ поли.
 «Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольною,
 «Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣжею.
 «Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
 «А ко ласковому князю ко Владиміру,
 «А ко своему-то братцу ко названому,
 «А къ тому ли-то къ Олешенькѣ Поповичу.»
 — А ѿ же ты молодая скоморошина,
 — Ты кабацкая кака ни е подпѣрипа!
 — Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
 — Закатилоси мое да красно солнышко двѣнад-
 цать годъ,
 — Закачается теперь да младъ свѣтѣль мѣсяцъ,

— А й Добрынина да молода жена,
 — Молода-то с Настасья да Мнѣулична,
 — А й тутъ она замужъ ушла
 — А й за братца за названого крестового,
 — За Олешеньку да е Поповича.
 — А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да
 свадебка,
 — А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
 Воспрогѣворитъ Добрыня таково слово:
 «Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
 «Привезти-то онъ гусельшка яровчаты,
 «А которы находятся въ него во ложняхъ тамъ
 во теплыхъ
 «На кроваточки кисовыя
 «А на стопочки да на точёныя,
 «И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на
 свадебку,
 «Звеселить свое сердечко богатырскою.»
 Только стала понѣ смекатися,
 По рѣчамъ его да догадатися,
 Кинула ему руку на голову,
 Увидала у него да е примѣточку:
 — Не моё ли ты да чадо милоё,
 — Не моё ли ты дитя было любимое,
 — А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
 — Извини-ко ты да нунъ пожалуста,
 — Что обругала я тебя да обезчестила,
 — А удаленькаго храбраго же воина. —
 Цѣловала тутъ его въ бѣлыя уста,
 Нарекала своимъ сыномъ милымъ
 А дѣтёмъ она его любимымъ.
 Ухватила-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Онъ свои-то тамъ гусельшки яровчаты,
 Поскакаль-то онъ на гридню на столовую
 А ко ласковому князю ко Владиміру
 Да къ названому ко братцу ко крестовому,
 А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
 Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
 Приѣзжалъ-то онъ ко каменной стѣны,
 Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
 Какъ у ласковаго князя у Владиміра
 А приставлены-то всё да заключевнички
 А всё главные свои да дворнички
 А ко той ли къ высокой да каменной стѣны
 А къ воротамъ да ко широкимъ.
 Очень строго имъ наказано:
 А й у князя у Владиміра
 Не пуцать-то на почестный пиръ на свадебку
 Никакого-то безъ званія,
 Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Вла-
 диміра.

Высыпаетъ имъ онъ злата поньку сѣребра,
 А всемъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
 Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
 Очень крѣпко имъ да здоложается,
 На почестный пиръ дается:
 «Выпустите-ко меня вы нунъ пожалуста,
 «А вси дворнички вы заключевнички,
 «А ко ласковому князю ко Владиміру.»
 Не пуцають нунъ Добрынюшки Микитича,
 Не берутъ съ него ни злата нунъ ни сѣребра,
 А ни скачнаго-то жемчуга,
 Не пуцають на почестный пиръ на свадебку
 А ко братцу названому крестовому,
 А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
 И молодой жены къ Настасьи да къ Мнѣуличной:
 «Вы подите-ко пожалуста,
 «А вси дворнички вы заключевнички,
 «Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
 «Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ.»
 Отошли отъ воротъ вси дворнички
 А вси главные его да заключевнички.
 Розгорѣлоси его сердечко ретливое,
 Онъ столбы-то всё повышаталя
 И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
 Онъ зашоль-то на почестный пиръ на свадебку
 И высталъ тамъ на печеньку муравую,
 И сталъ онъ струночки потягивать,
 Сталъ гусельшка подлаживать.
 Заигралъ какъ онъ въ гусельшка яровчаты,
 На почестноемъ пиру да на свадьбѣ,
 На пиру-то вси да призамолкнули.
 Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Вла-
 диміра,
 Воспрогѣворитъ ему да таково слово:
 — Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой
 орды?
 — Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
 — Опушайся-ко со печки со муравы,
 — Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на
 золотъ стулъ
 — А въ особину гдѣ мѣсто е поправится. —
 Наливаетъ ёму чару зелена вина,
 Еще медамы настоялыми,
 Подносилъ-то тутъ Добрыня е Микитицу:
 — Ай же ты да молодой игрокъ!
 — Ужъ ты ней-ко отъ меня да чару зелена вина. —
 А й другую чару-то подноситъ братецъ да назва-
 ньенькой,
 Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королев-
 сый сынъ.
 Еще третью чару наливаетъ молода жена,

Молодая Настасѣя-га Микулична:

«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.

«Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,

«А Добрыня сынъ Микитиничъ.»

И взялъ положила Добрынюшка Микитиничъ

А свой перстень-то злаченныя,

А которымъ съ ней да поручался,

Онъ во чару зелена вина,

Подносилъ возвратно молодой жены:

— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару
зелена вина.

— Ужь ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,

— А не пьешь до дна, не видашь добра. —

Вышивала Настасѣя тутъ Микулична,

Вышивала она чару зелена вина,

Увидала тамъ свой перстень-то злачонныя,

А которымъ же съ Добрыней поручалася.

Воспрогôворить она за почестнымъ пиромъ за
свадебкой,

Воспрогôворить она да таково слово:

«По Русѣи пословица та водится:

«А мужъ въ лѣсъ по дрова, жена замужъ пошла.

«Ай ты Добрынюшка Микитиничъ,

«Ты возьми-ко пупьку плѣточку шелковую,

«Ужь ты бей меня-то жонушку по пагузку!»

Воспрогôворить Добрыня таково слово

За почестнымъ пиромъ онъ да за свадебкой:

— Не дивую я теби да молода жена,

— А Настасья ты Микулична!

— Я дивую-то названому же братцу е крестовому,

— А тому ли Олешеньки Поповичу, —

— Отъ жива мужа жену беретъ;

— А въ другихъ-то я дивую ласковому князю е
Владимиру, —

— Отъ жива мужа да жону сватаѣтъ. —

Розгорѣлося его да сердце богатырскоѣ,

Возсерчалъ-то онъ на брата на крестоваго,

На Олешеньку Поповича.

Ухватилъ его за желты кудри,

Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,

Выводилъ его на гридню на столовую,

Ужь какъ сталь-то онъ по гридни да поваживать,

А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,

А въ другой рукѣ держитъ гусельшка яровчаты,

И сталь за желты кудри поваживать,

А гусельшками тутъ Олешеньку охаживать.

Воспрогôворить Олеша таково слово:

«По Русѣи-то пословица та водится:

«Ужь какъ всякій, братцы, женится,

«А не всякому женидба задавается.

«Не дай Господи на сѣмъ свѣти

«Какъ Олешеньки Поповичу!»

А какъ взять-то онъ свою да молоду жену,

Молоду-то е Настасью Микуличну,

Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.

Еще тѹда-ка Олешеньки славі поють,

А тому ли-то пиру да вѣкъ по вѣку,

А вѣкъ по вѣку отнынѣ до вѣку.

Записано тамъ же, 23 юля.

—
24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было стоничѣ,

Въ дальнею границѣ,

Была поляница-та крымская,

Царица татарская,

Съ Кострюкомъ приумилася,

Съ молодымъ стоворилася

Ѣхать въ царство русѣйское,

Государство московскоѣ.

До Москвы-то не доѣдучи

И до горы до Исавулова,

Все шатры-то тутъ роздернули,

Ербучки-то все повьстали (*такъ*),

Посылали скороносѣннаго посланничка

Ко тому ли царю къ Ивану Васильевичу,

Заказать да поотвѣдати,

Чтобы полаты онъ розглаживалъ

А ѣнь ѣтвы-ты налаживалъ

А ѣнь нитя-ты да принаставливалъ.

Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,

Поляница было крымская

А царица та удалая:

«Есть ли у ты Богъ на стѣны,

«Есть ли у ты хлѣбъ на столы,

«Есть ли борцы на дворци,

«Да удалы добры молодци

«Съ Кострюкомъ-то ноборотися,

«Со удалымъ понытатися

«А плеча да богатырскаго,

«А личя-то молодецкаго?»

Воспрогôворитъ нунъ грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,

Воспрогôворитъ ему да таково слово:

— Еще есть-то у мя Богъ на стѣны,

— Еще есть у мя же хлѣбъ на столы,

— Еще есть у мя борцы на дворци, —

— Ай удады добры молодци,
 — Съ Кострюкомъ-то попытатися,
 — Съ молодымъ поотвѣдати
 — А й плеча да богатырскаго,
 — А лица его да молодецкаго.
 — А й два братца есть крестовеньки,
 — Они родиною же съ Вологды:
 — Одного-то зовуть Оедькою,
 — А другаго есть Михалкою,
 — И не бьются есть не борются,
 — Одной кашки есть нанорются,
 — Какъ живутъ у мня въ прислужнигахъ. —
 Нунь въ ту пору да во то время
 Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
 Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
 Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
 Онъ своимъ да богатырскимъ,
 Онъ по всей землѣ, по всей орды,
 Онъ по всей да подселенною:
 «Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
 «Если ты не дашь да супротивника,
 «И все царство нунь пройду да головнѣю прокачу!»
 А несеть-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Онъ несеть же ему нунь подарочокъ,
 Ему злата было сѣребра.
 Онъ же проситъ нунь въ свои полаты бѣлокаменны
 Хлѣбца соли есть покусати
 И колачиковъ порумати.
 Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
 А й одно кричитъ: давай же супротивника.
 Какъ во ту пору, во то время
 Какъ скамья случилось двуногая
 Вблизи сильнаго богатыря.
 Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
 Онъ скамью да есть двуногую.
 Онъ-ка билъ да всѣхъ богатырей
 Безъ разбору государскихъ.
 Какъ убилъ же тридцать есть богатырей,
 Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
 А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ илѣнншихъ.
 Еще вси они лежать какъ мѣши пища,
 Еще моля Кострюку да Темнюку,
 Сильному богатырю:
 — Еще дай бы теби Господи
 — А й на дворъ итти да скокою,
 — А й со двора да окоракою! —
 Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
 По мосткамъ-то бѣжалъ да деревяннымъ,
 А мостинья-то вси да зыблются,
 А тининья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
 И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ

Онъ ко братцамъ ко крестовымъ,
 Онъ съ нимъ да поборотися,
 Съ молодыма попытатися.
 Ужъ какъ Оетенку-то разъ тоннѣлъ,
 А й онъ Оетенку другой тоннѣлъ,
 И стоить нашъ-то Оетенка не шатнется,
 На головушкѣ волосушка не стрѣхнется.
 Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
 Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
 Самъ съ собою похваляется:
 «Что жъ ты братъ да подаваешься?»
 Тутъ припадывали они понѣже себя,
 А подхватывали Кострюка да крѣико на руки,
 Его на руки свои да богатырскія,
 И выкидывали повыше креста да Левандова.
 До зені-то не доидаючи,
 А летма въ верѣхъ да скоро лѣтячи,
 На немъ кожа вся же перелопала,
 А отъ рукъ ихъ богатырскихъ,
 А отъ двухъ же братцевъ есть крестовинхъ.
 А рука нога ломилася,
 Глаза вонъ да воротилися.
 Еще смотреть поляница та же крымская,
 Богатырша нунь сама есте удалая,
 На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
 А па двухъ на братцевъ на крестовинхъ,
 Ушибили Кострюка да сильна богатыря.
 Ухватила конь свое длинное,
 Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
 Она ѣде заклинается:
 — А не дай мнѣ-ка-ва болѣ Господи,
 — Болѣ вѣкъ въ Москвы да не бывать,
 — И московскихъ борцевъ да въ глаза не впа-
 дать! —
 А Кострюку да Темнюку да сильному да вонну
 Еще тѣда-ка ему да все славі поють,
 А вѣкъ по вѣку отнынѣ до вѣку.
 А живѣтъ-то нашъ да грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 А живѣтъ-то онъ да звеселяется,
 Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
 Онъ своимъ-то же воинами защищается,
 А живѣтъ-то онъ безъ всяког опасости,
 А вѣкъ по вѣку отнынѣ до вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 іюля.

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Масельгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старообрядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на масельскомъ перевалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но рассказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, долька одну, про грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ рассказывалъ, что въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянинъ Адріанъ Кширинъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перелялъ.

—

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Косю улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Туть куря не поеть;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Туть куря не поеть;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурнатовичъ,
Туть куря не поеть;
Коею улицей ѣхалъ Оѣдоръ Ивановичъ. —
Сказывалъ онъ улицы казненны,
А вси ты улицы не казненны,
Стаповилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался туть почестень пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру рохвасталися.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешеть бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изъ Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ-за того стола бѣлодубова,

Изъ-за тья скамейки кленовыя
Пероговорить Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Танерича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣсть да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на очи!
«Отѣку я ему буйную голову!»
Ему на друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на брата родимаго,
На того на Оѣдора Ивановича:
— Коею улицей ѣхалъ Оѣдоръ Ивановичъ, —
— Сказывалъ онъ улицы казненны,
— Вси ты улицы не казненны,
— Стаповилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Туть его царско сердце возгорѣлося:
«Ай же вы палачи немилосливы!
«Возьмите-тко вы Оѣдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за значенны,
«Отѣкните ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Пероговорить Малюта Скурнатовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Оѣдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за значенны.
Справилась туть Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу, —
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочковъ.
Пероговорить Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилось —
«Незваная та гостя иѣна пришла?»
— Оѣдора царевича жива нѣтъ,
— Твоего любимаго племянничка! —
Туть Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машеть и голосомъ кричитъ:
«Ай же палачи немилосливы!
«Сѣдните вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кобакъ,
«Прибирайте молодца лицѣ въ лицѣ,
«Лицѣ въ лицѣ и плечо въ плечо,

«Отѣкните ему буйную голову.»
 Тутъ палачи немилосливы
 Прибрали молодца лицѣ въ лицѣ,
 Лицѣ въ лицѣ и плечо въ плечо,
 Отѣкли ему буйную голову.
 Тутъ Микита Романовичъ
 Надѣваетъ платье что ни лучшее.
 Приѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
 Вѣтъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
 Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
 Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ужъ ты старая собака сѣдатыи несъ!
 «Али ты надо мною насмѣхасься,
 «Аль не знаешь моей незгодушки великой?
 «Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю.»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Какъ твоя незгодушка великая?
 «Ѳѣдора царевича жива нѣту,
 «Твоего любимого племянничка.»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ѳѣдоръ царевичъ въ зеленѣмъ саду гуляетъ
 — И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
 — А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —

Тутъ испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ай же ты Никита Романовичъ!
 «Города ль возьмешь съ пригородками,
 «Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
 — И не надъ мнѣ-ка золотой казны.
 — Наниши ты тое слово: кто въ Микитицу отчину ушелъ,
 — Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 июля.

VI.

КОТОВА.

Марѳа Трофимовна Кото́ва, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Масельгѣ. Научилась кое-какимъ былиннамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же скла-

домъ и побасенку про шѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
 У честной вдовы Офимьи Александровны,
 А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
 А спроговоритъ своей матушкѣ,
 Молодой честной вдовы Офимьи Александровны
 А й да таковы слова:
 «Ужъ ты матушка моя, честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты на что меня безсчастнаго спородила,
 «Ты на что меня да безталаннаго отродила?
 «Ты бы силушкой спородила
 «Что во стараго казѣка Илью Муромца;
 «Ты бы могушкой спородила
 «Во Самсона во богатыря;
 «Ты бы смѣлостью спородила
 «Во Олешенку Поповича,
 «Красотой меня свородила
 «Да во Осипа во прекраснаго.»
 Какъ спроговоритъ да его матушка,
 Молода честна вдова Офимья Александровна
 Таковы слова:
 — Ужъ ты дитятко мое Добрынюшка Микитичъ!
 — Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
 — Я спородила бы тебя
 — Силушкой да во стараго казѣка Илью Муромца,
 — Я могушкой бы спородила
 — Во Самсона во богатыря,
 — И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
 — Красотою бы спородила
 — Во Осипа бы во прекраснаго. —
 Какъ спроговоритъ Добрынюшка Микитичъ своей матушкѣ:

«Ужъ ты матушка моя,
 «Молода честна вдова Офимья Александровна!
 «Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеньице,
 «Прощеньице да благословеньице
 «Есть новѣхъ мнѣ-ка дѣлаю,
 «Дѣлаю, дѣлаю во чисто поле,
 «Мнѣ попробоватъ есть свой силушки,
 «Силушки есть тебененку богатырской.»

«И дашь ты прощеньице поѣду,
«Не дашь благословеньица поѣду.»
Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.

— Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
— Ты куды поѣзжаешь,
— На кого меня молодую, несчастную,
— Нынче оставляешь? —

Какъ спрогворить Добрынюшка Микитичъ таковы слова:

«Ай же ты Настасья Викулична!
«Иди-тко ты меня три году.
«Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
«Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
«Какъ минуется девять лѣтъ,
«Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
«Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«За купца поди, за боярина поди,
«За хрестьянина поди, за мѣщанина поди,
«За Олешенку Поповича только не поди.
«Вѣдь Олешенька Поповичъ мнѣ крестовой братъ.»
Видли Добрынюшку садючи,
А не видли Добрынюшки поѣдучи.
Первый скокъ нашли за стѣной городовою,
Другой скокъ нашли черезъ три вѣрсты,
Третьею скоку что найти не могли.
Ждала Настасья Викулична,
Дожидала Добрынюшку ровно три году.
Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Ждала она ровно девять лѣтъ.
Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Стали-то кievски бабы подговаривать,
Подговаривать стали, уманивать
Молоду Настасью Викуличну
А за этого да Олешенку Поповича,
За Олешенку да за Поповича.
Въ тую порушку да въ тое времячко
А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
И ставалъ-то Добрынюшка Микитичъ есть,
А онъ есть поутру ранѣшенько,
Умывается Добрынюшка бѣлѣшенько,
Утирался въ тонко бѣло полатно.
Выходить-то Добрынюшка Микитичъ е
На широкую на улличку,
Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
А одна сторона помиліе всѣхъ.
Садился Добрынюшка Микитичъ на добра коня,
А и отправился Добрынюшка да въ тую сторону.

Попадае Добрынюшкѣ Микитичу
Есть калика перехожая.
Какъ спрогворить Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Отвѣчать ему калика перехожая:
— Я иду-то со города со Киева. —
Что ль еще того помиліе Добрынюшкѣ Микитичу?

Сталь онъ спрашивать калика перехожаю:
«Ай же ты калика перехожая!
«Что добро дѣтается во городѣ во Киевѣ?»
Отвѣчать ему калика перехожая:
— Все добро дѣтается во городѣ во Киевѣ.
— Есть-то молодая Настасья Викулична а за
мужъ пошла,
— А за мужъ пошла а за Олешенку,
— За Олешенку пошла за Поповича. —
Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ
есть:

«Ай же ты калика перехожая!
«Ужь ты дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
«Платицо черноѣ да дай каличьеѣ,
«А и каличьеѣ да клюху желѣзную.»
— Я не далъ бы тебѣ платьевъ каличьихъ,
— Платьевъ каличьихъ, клюхѣ желѣзной,
— Ты возмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
Солѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добра коня,
Надѣваетъ на себя платья каличьинъ,
Береть въ руки клюху желѣзную.
И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы
на гору,
Онъ клюшенкой да поднирается,
Съ горы на гору да перескакиваетъ.
Приходитъ ко городу ко Киеву,
А стучаетъ подъ окошечко
У старой вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
«А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко
кланялся,
«А велѣлъ подать гусельника,
«Есть во темномъ чуланчикѣ на полочкѣ.»
Есть стяхнулаась Офимья Олександровна да своей старостью,
Подавала гусельника муравчаты (такъ).
Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на честной пиръ,
Онъ на честный пиръ идѣ на свадебку
Ко Олешенки да ко Поповичу.
Онъ не спрашиваетъ ни у дверей ни придверничковъ,

Онъ не спрашиваётъ ни у воротъ ни приворот-
ничковъ,

Онъ становился есть о линнику,

Онъ играетъ во муравчаты гусельника.

Еще спрашиваётъ е Олешенка Поповичъ:

— Ты скажи есть чей да откуленной,

— Ты коёй орды, ты коёй земли,

— Ты чьего есть отца, чьей матери? —

Что ль отвѣтъ-отъ держаль есть Добрынюшка
Микитичъ:

«Есть-то я теперь заводска скоморошина.»

Туть сироговорить молода Настасья Викулична
да таковы слова:

— И есть-то теперь не заводска скоморошина,

— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ. —

Наливаётъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена
вина,

Вѣсомъ чара полтора нуда,

Мѣрой чара полтора ведра,

Ужъ подноситъ ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.

Онъ беретъ ту чару единымъ перстомъ,

Единымъ перстомъ беретъ мизѣнышкомъ.

Выпилъ онъ чару на единый здухъ.

Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена
вина,

Подноситъ молодой Настасьи Викуличной:

«Выпьешь до дна, увидишь добра.»

Выпивала ту чару зелена вина.

Какъ поглядить — въ чарѣ золотой перстень,

Что ль которимъ перстнемъ обручались е съ До-
кюшкой Микитичемъ.

Какъ подходитъ Добрынюшка Микитичъ есть

Ко смирюму ко Олешенкѣ Поповичу,

Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Попо-
вича за желты кудри,

Бросилъ Олешенку да о кирпичный полъ.

Тольки Олешенка живъ бываль,

Съ молодой Настасьей Викуличной живаль.

Браль-то онъ мѣлоду Настасью Викуличну е за
праву за рученку,

Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,

Ко своей-то родной матушкѣ,

Ко старей вдовѣ Офимѣ Александровны.

Туть-то ёго матушка приросплакалась,

Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ. 14 юля.

27.

ЧУРИЛО.

Во славноемъ городѣ во Кіевѣ

Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,

А не Пленковичъ Чурило, добрый молодець.

Справляется Чурило, снаряжается Чурило,

Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,

Умываетъ Чурило личко бѣленькое,

Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,

Надѣваетъ сапожки на ножки зеленого сафьяна,

Сапожки сафьяну были турецкаго,

Шитъя нѣмецкаго.

Подъ пяты, подъ пяты воробей пролетѣлъ,

Около носочка личко прокатило.

На себя кафтанъ васняковаго сукна,

На головушку шапочку ушнесту пушисту завѣснесту,

Пятьсотъ-то рублей серебромъ,

А сѣдлатъ убирать коня шахманка.

Были подложки шелковши,

Прияжки застежки золоченыи,

Прияжки застежки что шелкъ-то тлѣть,

Золото не трется, серебро не ржавѣтъ.

Видли Чурилушку сядучи,

А не видли Чурилушки поѣдучи.

Приѣзжаетъ Чурило ко городу ко Кіеву

Да ко славному царю ко Владимиру.

Увидѣла Катерина Викулична

Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.

Она по поясъ кидалась въ косивчато огню,

Поскорѣ того на широкой дворъ,

Отворяла широки ворота,

Еще звала Чурилушку Пленковича

Ко себѣ на широкой дворъ,

Убирала коня его шахманка,

Проводила коня во конюшеньку,

А во тую во конюшню во кониную,

А во эту во стойлу лошадиную.

Наливала коню ключевой воды въ тазъ,

Насынала коню бѣлояровой пшены,

Пойдучи отъ коня да поклониласи:

«Ужъ ней мой конь да нечистой духъ!

«Я не ради тебя кланяюси,

«Ради Чурилушки Пленковича.

«А не Пленковичъ Чурило, добрый молодець.» —

«Станемъ-ко Чурило въ шашечки играть.»

Разъ-то играли проигрывались,

Другой разъ играли проигрывались.

«Бросимъ-ка Чурилушка шашочную игру,

«Сядемъ-ко Чурилушка на тисову кровать.»

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушейла духовное дитя во бере-
зонькѣ,

Какъ пришла тутъ лисица ко березонькѣ,

Стала она пѣтуха есть оманывати,

Ай оманывати да подговаривати:

«А ѿ же пѣтушейло е духовное дитя!

«Опустись теперъ на землю.»

Сталъ пѣтушокъ опущатися,

Съ ивники на ивнику да перепурхивать,

А съ пруточка на пруточикъ перескакивати.

Поймала лисица пѣтуха въ когти,

Стала держать ёго плотно.

Какъ спротоговоритъ пѣтушейло духовное дитяти

(такъ):

— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!

— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просви-
рѣвъ печѣ. —

Тутъ у лисици отслабли нѣгти,

Отпустила она пѣтуха.

Тутъ-то пошла лисица ко боярину на дворъ,

Думала себи она куру изловить.

Тутъ-то пѣтухъ заплѣлъ зарычать,

Тутъ-то лисица перенала есть,

Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокотамы,

Бабы съ помяламы,

Тутъ-то едва меня лисици не убили.

Тутъ-то думаетъ лисица: уловлю я пѣтуха.

Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣдало.

Надо той лисици пѣтуха изловить,

Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.

Какъ пришла тутъ лисица опять,

Опять стала пѣтуха оманывати,

А обманывати да подговаривати:

«Ай ты пѣтушейла духовной дитя!

«Опустись теперъ на землю.»

Смотрить пѣтушейла на лисини слова,

Отвѣчать онъ лисици:

— Ты оманешь теперъ, задавишь пѣтуха. —

«Ты не бойся теперъ, духовной сынъ,

«Не оману теперъ, не задавлю.»

Тутъ-то лисица обаяла да обсовѣтовала.

Опустился пѣтухъ на сырѣ землю.

Згребла пѣтуха она въ когти,

Стала держать его плотно:

— Ай же ты есть духовная мати лисица,

— Спусти ты пѣтуха. —

«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:

«Ты жилъ былъ у господина на дворѣ,

«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,

«Ты затрѣснулъ, заплѣлъ, зарычалъ.

«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокотамы,

«Бабы съ помяламы,

«Такъ едва меня лисици не убили въ ты норы.

«Вы блудники, беззаконники,

«По девяти, по десяти жонѣ держите,

«А на улицу сходите да деретесь,

«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную
кровь проливаете.»

Крылушка обломала,

Перышка общипала,

Стала съ бочка теревить,—

Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 юля.

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аванасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слышала былины отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василия Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтихievымъ старинку про девять братьевъ разбойниковъ и сестру ими полоненную.

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,

Съ каменной Москвой состарѣлся *),

Съ Новымъ-городомъ спору не было.

Одно у Буслава было отилоднице

*) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,

Съ каменной Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменной Москвой состарѣлся.»

Молодой Василий сынъ Буславьевичъ.
 Стало ему бытьъ пятнадцать лѣтъ,
 Сталъ онъ на улицы похаживать,
 Съ робятми шутки пошучивать:
 Кого за ногу — нога-та прочь,
 Кого за руку — рука-та прочь.
 Стали приходять мужики да новгородскіи
 Къ его матушкѣ честной вдовы Омельфы Тимо-
 феевнѣ:

«Ай же ты матушка честна вдова Омельфа Тимо-
 феевна!

«Ты уйми-тко свое чадо одинакое,
 «Молода Василия Буслаевича,
 «Не оставитъ-то людей на сімена!»
 А во ту-то пору во то время
 Выбиралъ себѣ княгиню *) хоробрую,
 Поставилъ эту чару полтора ведра:
 Кто подыне эту чару единой рукой
 Кто выпьетъ эту чару единымъ духомъ —
 Биться, драться, ратиться;
 Кто кого побѣдетъ, съ того брать пошлина:
 Со дѣвокъ брать повѣнчальное,
 Со старіицъ брать постригальное,
 Съ гѣстей торговыхъ посуконное.
 Взяла Василия Буслаевича;
 Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,
 Взяла его за бѣлыя руки,
 Приводила его на широкій дворъ,
 Бросила Василья во глубокъ погребъ,
 Пеньемъ колодемъ заворочала,
 Бѣлодубовыма дверми перезаперла,
 Булатнима замочками перезамнула:
 — Ай ты спи Василий, высыпайся тамъ! —
 А выходитъ новарная дѣвушка
 А чернавушка съ вѣдромъ по воду,
 Коромыселкомъ убилъ тридцать душъ,
 А приходитъ да ко погребу,
 Ко широкому да ко глубокому
 И спроговорить она да таково слово:
 «А ты спишь, Василей, высыпашься,
 «Надъ собою незгоды не вѣдаешь,
 «А твоя княгиня въ кровіи бьется,
 «Булавами у ей голова поломана,
 «Кушаками у ей голова оверчена.»
 А высказивать Василей со погребя,
 А со погребя со широкаго,
 Со широкаго со глубокаго, —

*) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недо-
 разумію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла,
 что «такъ поется».

Не подержали Василья Буславьевича
 Ни пѣнья ни колоды ни двери бѣлодубовы
 Ни замочки булатни,
 Подержала Василия Буслаевича слягъ сарайная,
 Слягъ сарайная восьмьи сажень.
 А онъ сталъ слягѣи помахивать,
 Куды махветъ — туды улнца,
 Переулками пародъ валится.
 Стали приходять мужики да новгородскіи
 Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимо-
 феевнѣ:

«Ты уйми-тко свое чадо одинакое,
 «Млада млада Василия Буславьевича,
 «Не оставитъ и людей на сѣмена!»
 — Ай же вы, мужики да новгородскіи,
 — Вы какую же надо мною бѣду знаете,
 — А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?
 — Ради васъ я Василия потребила,
 — Во глубокъ погребъ я Василья бросила,
 — Пеньемъ колодемъ заворочала,
 — Бѣлодубовыма дверма перезаперла,
 — Булатнима замочками перезамнула. —
 А выходитъ его матушка,
 Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
 А выходитъ она да на широкій дворъ,
 Приходитъ она ко погребу широкому,
 Широкому да глубокому, —
 Нѣтъ Василія во погребу,
 Пенья колоды всѣ розворочены
 А булатни замочки порозломаны,
 Бѣлодубовы двери поростворены.
 Запрягала она въ однуколочку,
 Выѣзжала она по Нову-городу,
 Его матушка ѣдѣ а рукой машетъ,
 А рукой машетъ да головѣи качать:
 — Ай же Василий Буслаевичъ,
 — Ты уйми-тко свое сердце богатырское,
 — Не оставишь и людей на сѣмена! —
 Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь прошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 юли.

—
 31.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Жило-то было девять дочерей,
 Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
 Всѣ онѣ молились по лѣстовочкѣ,

Всѣ онѣ сказали, что «Господи свѣтъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься
сюда».

Взялъ онъ Салфею за бѣлыя руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золотыя вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зеленая вѣнка несетъ,
А во лѣвой зеленое ярово.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай.»
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Оны къ утру ко свѣту преставились.

Васильюшка крутили въ голевую *) во парчѣ,
Салфеюшку крутили во толстую простилю.
Васильюшка несли на бѣлыхъ на рукахъ,
Салфеюшку несли на буйныхъ на головахъ.
Васильюшка ложили по правую сторону,
Салфеюшку ложили на лѣвую сторону.
На Васильюшкѣ повыросъ часть ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно древо.
Уже во-мѣсто дрѣва совивался,
А цвѣточки съ цвѣточками соплетались.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 14 юнѣ.

*) т. е. чистаго золота.

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Загубья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, но старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былины, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и опъ отъ нихъ перенялъ.

—

32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молодѣ Вольѣ Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городамъ его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.
Забиралъ тутъ молодой Вольѣ Всеславьевичъ
Дружину онъ хоробрую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человекъ,
Еще самъ Вольѣ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ молодыхъ,
Молодыхъ жеребчиковъ бухарскихъ,
Бухарскихъ жеребчиковъ темнокарихъ,
Темнокарихъ жеребчиковъ пелѣгченыхъ.

Садилась она на добрыхъ коней
Поѣхали по далечу-далечу по чистой поля.
Услыхали они въ чистомъ поли пахаря,
Пахаря-пахарюшка.
Они по дѣнь ѣхали въ чистомъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по дрúгой дѣнь ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря не наѣхали,
И по трѣтій дѣнь ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипываетъ,
А у ратая омешки прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его вѣлжаная,
А во сошки были плотки кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омешки на сошки были булатнии,
А присомечикъ на омешичкахъ былъ красназолота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Виряжена была кобылушка соловая;
У этой у кобылы-то у соловой
Хвостъ-отъ до земли розстиается,
А грива-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возгворить молодой Вольѣ ему Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья помочь, пахарь е пахарюшко?»
Тутъ возгворить пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья помочь, молодой Вольѣ-то е
Всеславьевичъ. —

Туть возгворитъ молодой Волья-то е Всеславье-
вичъ:

«Ай же ты пахарь е пахарюшко!

«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,

«Какъ тебя зовуть е по имени,

«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»

Туть возгворитъ пахарь ему пахарюшко:

— Знать-то молодца е по выѣзду,

— Сильнаго могучаго богатыря по храбрости.—

Туть возгворитъ молодой Волья ему Всеславье-
вичъ:

«Ай же ты пахарь е пахарюшко!

«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,

«Какъ тебя зовуть е по имени,

«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»

Туть возгворитъ пахарь ему пахарюшко:

— Ай же ты молодой Волья Всеславьевичъ!

— Я какъ драги-то надеру и жита-то насѣю,

— Жито выростетъ, я и домой выволочу,

— Домой выволочу, я дома выколочу.

— Я какъ пива наварю да гостей какъ заберу,

— Гости стануть они пить да стапуть кшати,

— И стапуть они да меня здравствовать:

— Ахъ ты здравствуешь, Викула е Селянничъ!—

Туть возгворитъ молодой Волья ему Всеславье-
вичъ:

«Ай же ты Викула е Селянничъ!

«Какъ жаловаль крестовый меня батюшко

«А какъ двумя городами меня онъ лучшима,

«Еще Курцовцомъ да онъ Орѣховцомъ.»

Туть возгворитъ Викула-то Селянничъ:

— Ай же ты молодой ты Волья е Всеславьевичъ!

— Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,

— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,

— Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,

— Закунилъ я соли ровно три мѣха,

— Въ котормъ же мѣху было по сту пудъ,

— Положилъ я на кобылу е на соловую

— Да самъ-то молодець я садился ровно сорокъ
пудъ,

— Поѣхаль я по Курцовцу да по Орѣховцу;

— Туть стали мужики меня захватывать,

— Еще Курцовцы да Орѣховцы,

— И стали съ меня туть они грошовъ просить,

— Я зачалъ имъ туть кулакомъ грозить,

— Положилъ я мужиковъ туть больше тысячи.—

Туть возгворитъ молодой Волья ему Всеславье-
вичъ:

«Ай же ты Викула е Селянничъ!

«Пондемъ отводить да мнѣ-ка вотчины.»

Туть обрѣжился-то Викула Селянничъ

На эту кобылу онъ на соловую

И поѣхали по далечу-далечу по чисту полю.

Викулы-то Селянничъ кобыла какъ ступкомъ
идеть,

А Вольичъ-то конь во всю мѣть бѣжать.

Туть возгворитъ Викула-то Селянничъ:

— Ай же молодой Волья-то е Всеславьевичъ!

— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:

— Не ради вора, не ради розбойника,

— А ради пропою я кабацкаго».

Туть молодой Волья-то е Всеславьевичъ

Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,

Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человекъ.

Видили къ этой сошки они къ волжаныя

И не могли сошки съ земли они подняти;

Приѣзжали отгуль удали добры молодцы,

Сами говорятъ да таково слово:

«Мы не могли-то сошки съ земли подняти.»

Туть воротился самъ Викула-то Селянничъ,

Подѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко волжаныя,

Подхватилъ онъ сошку е на плетовицу

Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ *).

Записано въ Чолмужахъ, 19 июля.

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говариваль:

«Ахъ ты свѣтъ моя родна матушка,

«Ты честна вдова Офимья Олександровна!

«Начто же ты матушка спородила,

«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ поустила?

«Ты бы лучше матушка меня спородила

«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,

«Брала бы ты валучий камешокъ

«Во свои во бѣлыи рученки,—

«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ по вѣку въ
спнѣмъ мори.»

Туть возгворитъ ему да родна матушка,

Честна вдова Офимья Олександровна:

*) Слупая эту быльню, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснялъ, что онъ слышалъ, что Викула Селянничъ былъ отецъ той Настасьи Микулничы, поляницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тогда, что его сосѣдъ Иуда Егоровъ, старообрядческій паставникъ на Космо-зерѣ, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Викулу.

— Ай ты мой есть чадо милое,
 — Ты Добрынюшка Микитинец!
 — Я бы рада была тебя спородити
 — Во, казѣку Илью Муромца,
 — Я бы рада была тебя спородити
 — Силою во Собора во богатыря,
 — Смѣлостью спородити въ смѣлаго Олешу во
 Поповича,
 — Еще Богъ-то дитятко мнѣ надалъ тебя спородити. —

Тутъ пошолъ онъ по конюшнямъ по стоялымъ,
 Выбралъ себѣ коня добраго
 На свонхъ-то на конюшняхъ на стоялыхъ,
 Сталь-то онъ тутъ латиться да сталь кольчужиться;
 На этого-то онъ коня на добраго
 Потнички-то онъ владеть на потнички
 И на потнички покладываетъ все войлочки,
 На войлочки накладываетъ онъ сѣдельшко,
 А сѣдельшко накладываетъ онъ е черкальское,
 Онъ подтягиваетъ, подлаживаетъ тугихъ двѣнадцать подруговъ.

Садился тутъ удалый добрый молодецъ
 На это сѣдельшко черкальское.
 Выходитъ его да рѣдна матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна,
 Выходитъ она да на широкій бѣлый дворъ,
 Приходитъ къ ему стрѣмену она булатному,
 Еще ко его ножкѣ богатырской.
 Сама она горящица поросплакалась,
 Сама говоритъ она таково слово:
 — Ай же ты мой есть любимой сынъ,
 — Еще молодой Добрынюшка Микитинец!
 — Куда же ты Добрынюшка сряжаешься,
 — Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,
 — Когда-то мнѣ горящицѣ обжидать домой? —
 Тутъ возговорить ей, Добрынюшка Микитинецъ:
 «Ай же ты моя есть рѣдна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Посылаетъ меня князь Владиміръ стольнѣ-кѣв-
 ской
 «Сѣздитъ-то за море мнѣ есть за Кіевъ
 «Ко тому-то королю да ко Бухардову,
 «Свезти туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.»
 Выходитъ тутъ его есть молодá семья,
 Еще молода Настасьюшка Микулична,
 Приходитъ ко его ко стрѣмену булатному,
 Еще ко его къ ножкѣ богатырскія,
 Сама она горящица поросплакалась,
 Сама-то говоритъ таково слово:
 — Ай ты мой вѣдь есть законный молодой,
 — Еще молодой Добрынюшка е Микитинец!

— Когда-то мнѣ горящицѣ обжидать домой? —
 Тутъ возговорить Добрынюшка ей Микитинецъ:
 «Ай же ты есть моя любимá семья,
 «Еще молода Настасьюшка Микулична!
 «Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
 «Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворотится,
 «Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не памятуй,
 «То что поди хоть за князя, хоть за боярина,
 «Хоть за русскаго поди ты, за татарина,
 «Стольки не ходи за смѣлаго за Олешу за Поповича,
 «Какъ за моего за братца за крестоваго,
 «Еще за того за женскаго насмѣшника.»
 Они видли тутъ молодца-то сядучнсь,
 А не видли его молодца поѣдучнсь.
 Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
 А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
 Лише столько во чистомъ поли пыль пошла.
 Съ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
 Съ холмы на холму онъ ли перепрыгивалъ,
 Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
 Куды надали копыта лошадинныя,
 Туды ставились колодецы глубокія,
 А глубокіи колодецы е кипячія.
 Какъ дѣничокъ за дѣничкомъ какъ дождь идетъ,
 А недѣлька за недѣлкою бывъ трава растетъ,
 А какъ годышекъ за годышкомъ какъ сокѣлъ летитъ.
 Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
 Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, нѣтъ ни повѣсти.
 Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Ко той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
 И сталь-то Настасьюшку подговаривать
 За того за смѣлаго Олешенку Поповича,
 Еще за его за братца за крестоваго,
 За того за женскаго насмѣшника.
 Тутъ возговорить Настасьюшка Микулична:
 «Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Я мужнюю-ту заповѣдь повиполнила,
 «Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
 «Положу я теперько свою заповѣдь,
 «Прожду я мужа друго шесть лѣтъ;
 «Ежели Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не отворотится,
 «То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
 «Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
 «А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
 «Еще за его за братца за крестоваго.»
 Какъ дѣничокъ за дѣничкомъ какъ дождь идетъ,

Недѣлка за недѣлкой бывъ трава растетъ,
А какъ годишекъ за годишкомъ какъ соколъ летитъ.

Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни повѣсти.
Сталь-то тутъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
Сталь-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталь-то Настасьюшку онъ подговаривать
За того за смѣлаго Олешу за Поповича,
За его за брата за крестоваго.

Пошла тутъ она сама да во Божью церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они пошли да по злату вѣнцу.

Посли этой поры да этой времечки

Честна вдова Офимья Александровна
Садиласи въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилася она нодъ окошечко косевчатое
И сама она горюша поросплакалась,
И сама-то она говоритъ таково слово:

— Ахъ двѣнадцать-то годишковъ назадъ закатилось у мепя-то красно солнышко,

— Теперь повикался у меня да е свѣтѣль мѣсяцъ! —

Изъ далеча-далеча изъ чиста поля

Не бѣлая пороша снѣжку выпала,

По этой порошокъ по бѣлу снѣжку

Не бѣлъ зайушко ли онъ проскакивалъ,

Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,

Наѣзжалъ удамый добрый молодецъ,

Прямо онъ ѣдетъ на Добрынигъ дворъ,

Привязаль-то коня онъ ко столбику,

Ко тому столбу онъ точеному,

Къ этому колецку онъ золоченому,

Привязаль-то онъ коня своего тутъ добраго

И самъ идѣ въ полаты бѣлокамены,

Крестъ-то онъ кладѣтъ по писаному,

Поклоны все ведеть онъ по учѣному

На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,

Честной вдовы Офимьи Александровной онъ е въ особину:

— Приказаль-то тебѣ, Офимья Александровна,

— Добрынюшка приказаль тебѣ низко кланяться.

— Оставлялся твой Добрынюшка во чистомъ поли

— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;

— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка показаль,

— Велѣль-то взять гусельшка его ярвчатые,

— Да еще-то мнѣ Добрынюшка показаль,

— Велѣль-то взять его кунью его шубоньку,

— Кунью шубоньку велѣль онъ взять соболнью. —

Тутъ брала-то честна вдова Офимья Александровна,

Брала-то она тутъ золоты ключи

И сходил-то она во глубоку погрѣбъ,

Приносила ему кунью шубоньку,

Кунью шубоньку его соболнью,

Приносила ему гусельшка она ярвчатые.

Снарядился тутъ удамый добрый молодецъ

И во эту кунью онъ шубоньку,

И браль-то онъ эти гусельшка ярвчатые,

Самъ говоритъ онъ таково слово:

— Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!

— Гдѣ жъ его естъ любима семья,

— Еще мѣлода Настасьюшка Микулчна? —

Тутъ возгворить честна вдова Офимья Александровна:

«А ушла-то Настасьюшка Микулчна,

«Ушла-то она да во Божью церковь,

«Принимать оны со Олешей со Поповичемъ,

«Принимать ушли по злату вѣнцу.»

Пошолъ тутъ удамой доброй молодецъ

Къ Олешѣ ко Поповичу на ширваньцо.

Крестъ онъ кладеть по писаному,

Поклоны все ведеть по учѣному

На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,

Князю-то Владиміру онъ въ особину.

Самъ говоритъ тутъ таково слово:

— Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!

— Дай ко упѣлому *) добру молодцу зайзjemu

— Мѣстечко мнѣ-ка скромное. —

Отводили они мѣстечко ему скромное

На этой на печкѣ на муравленой.

Садился тутъ удамый добрый молодецъ

На эту на печку на муравленую,

Играль онъ во гусельшка тутъ ярвчатые,

А все пангрища приводить онъ Добрыниги.

Тутъ стоить княгиня за дубовымъ столомъ,

А стоить она, сама подумливаѣтъ:

«Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!

«Прикличь-ко ты удала добра молодца ко дубову столу,

«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина.»

Прикликали его удала добра молодца къ дубову столу:

— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —

Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,

И браль-то онъ какъ чару одной рукой,

Выпиваль ту чару единимъ духомъ,

Положилъ въ ту чару свой значень перстень,

Самъ говоритъ таково слово:

*) Упѣлый то же, что у другихъ сказителей упавый — хороший, красивый.

«Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
 «Наливай-ко эту чару зелена вина,
 «Выпивай-ко эту чару единымъ духомъ:
 «То что ты увидишь въ этой чары себѣ добра.»
 Налила эту чару полтора ведра,
 Подымала какъ эту чару одной рукой,
 Выпивала эту чару единымъ духомъ
 И увидла въ этой чарѣ свой злаченъ перстень,
 Которымъ перстнемъ съ имъ да обручавши была.
 Тутъ возговоритъ Настасьюшка Микулична:
 — Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Не то мнѣ-ка мужъ, который подліи меня,
 — А то мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня.»
 Тутъ возговоритъ Настасьюшка Микулична:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
 — У жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ.—
 Тутъ возговоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
 «Я не дивую женскому глупому разуму, —
 «Точно у жонки волосъ дологъ да умъ коротокъ,—
 «Я дивую вашему царскому разуму,
 «Что отъ живаго мужа вы берете за дрúгаго.
 «А ты, смѣлый Олешенка Поповичъ-е,
 «А ты братецъ мой крестовинъ,
 «Не даль я тебѣ ячка о Христовѣ днѣ,
 «Теперько дамъ тебѣ ячко о Петровѣ днѣ!»
 Хватилъ тутъ Олешенку онъ за бѣліи груди,
 Да вытащилъ Олешенку онъ черезъ дубовъ столъ,
 Да какъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
 Шалыгой подорожною зачалъ поцалкивати.
 И тутъ вси князи, вси бѣяра
 Съ этого пиру да забросался,
 И всѣ-то по домамъ они разѣзжался.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

—
34.

ДУНАЙ.

Забѣралъ себѣ дружини онъ хоробрія
 Князь Владиміръ стольнѣ-кїевской,
 И вси на пиру-то наѣдался,
 И вси на пиру-то напивался,
 И всѣ-то на пиру они поросхвастались.
 Тотъ хвастатъ тымъ, да иной-то инымъ,
 Иной-отъ похвасталъ золотой казной,
 Иной-отъ похвасталъ своей силою,
 Иной-отъ похвасталъ своей смѣлостью,
 Разумный-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,

А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
 Самъ государь онъ свѣщепъ радошентъ,
 И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаетъ,
 И балмачіеками-то онъ самъ вѣдь носкрипливаетъ:
 «Ай же вы князи, вси моѣ бѣяра,
 «Ай же вы поляшци вси моѣ удаляя!
 «И вси-то у меня во Кїевѣ вы поженены,
 «И всѣ-то дѣвѣшки боярѣшки замужъ даны,
 «А одинъ у васъ во Кїевѣ я холостъ не женать
 «Еще князь Владиміръ стольнѣ-кїевской.
 «Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
 Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
 Супротивъ-то государя становился онъ:
 — Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
 — Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
 — И есть какъ во той земли во лячкїя,
 — У того-то есть короля у ляховинскаго,
 — Есте у него тамъ двѣ дочери:
 — Первая дочь е Марья королевична, —
 — Тою тебѣ государь не владати;
 — И дрúгая е дочь Опраксѣя королевична, —
 — Было бы кому намъ поклонитися
 — Всимъ городомъ намъ да всимъ Кїевомъ. —
 Тутъ возговоритъ государь ему батюшко:
 «Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
 «Ты берн-тко ты моей казни е безчестныя,
 «Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
 «Поѣзжай-то ты во землю во лячкую,
 «Ко тому ли королю да ляховинскому,
 «О доброемъ дѣлѣ есть о свѣтовствѣ
 «На молодой Опраксїн королевичной.»
 Тутъ возговоритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же ты государь и нашъ батюшко!
 — Не надоть мнѣ казни твоей е безсметныя,
 — Не надоть мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
 — Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Попо-
 вича:
 — Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на пожку
 храмъ да на походку скоръ;
 — Да въ дрúгихъ дай Добрынюшку Микитича.—
 Видѣли они молодцевъ тутъ садучись
 И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
 Не воротами они поѣхали, черезъ стѣпу,
 А черезъ стѣпу они махнули городовую,
 А стольки во чистомъ полѣ пылъ пошла.
 Приѣзжаютъ они въ землю есть во лячкую,
 Ко тому-то королю они къ ляховинскому
 О доброемъ дѣлѣ они о свѣтовствѣ.
 Заѣхали они безъ слова на широкій дворъ,
 Привязали тутъ оны коней ко столбику,
 Ко этому ко столбику они точеному,

Ко этому колечку оны золоченому.
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названья,
«Еще смѣлыя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-косъ ты, Олешенька, самъ подогадывайся.»

Самъ пде въ полаты въ бѣлокаменны,
Высталъ на крылечко на перёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названья,
«Еще мóлодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкиихъ сѣняхъ,
«Еще стой-косъ ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся.»

И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладеть онъ по писаному,
Поклоны всѣ ведеть онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е ляховинскія!
«Мы приѣхали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о свѣтовствѣ
«На мóлодой Опраксин королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра.»

Тутъ возгóворитъ ему король тотъ ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такій ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такій ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана
— Во ту есть она во Золоту орду,
— За того-то короля да и за Канны. —
Тутъ возгóворитъ Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксин въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксин въ нашемъ Кіеву,
«За ласковымъ за княземъ за Владиміромъ.»

Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ тутъ Дуная по бѣлу лицу.
Обвернулся тутъ Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по чернѣ лицу;
Уналь тутъ король е о кирпиченъ полѣ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвіи ноги,
Зачалъ королемъ-то онъ помахивати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Добрынюшка къ ободверепѣ,
Вывалъ тутъ Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ тутъ Добрынюшка помахивати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.

Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣлыя Олешенька е Поповичъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Олеша ко телѣги ко ордынскія,
Вывалъ онъ оснице телѣжное,
Телѣжное оснице окованое,
Окованое оснице ровно сорокъ пудъ;
Началъ тутъ Олешенька помахивати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названья,
Выбрались оны да на широкій бѣлый дворъ;
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!
«Попало мнѣ Дунаю есть побивало доброе, —
«А плотень король на жилия есть, самъ не побрвется.»

Выходить-то Опраксія королевична
Она на широкій бѣлый дворъ,
Захватила Дуная за могучии плеча,
Еще говоритъ она таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-косъ ты татаръ хоть и на сѣмена!
— Ъду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садилнесь оны тутъ на добрыхъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по далечу далечу по чистѣ полю.
Ѣхали по далечу далечу по чистѣ полю,
Во чистомъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и съ добрѣ коня,
Скакала-то ему она да на бѣліи груди,
Выдернула она пожищо е вижжалищо,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Такій ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибокъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукою да по лѣлькамъ *) билъ,
«А лѣвою ногою бы подъ гузно пихнуть.»
Онъ правою рукою ю по лѣлькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подъ гузно пихнуть,
И слетѣла эта Марья за три поприща.
Тутъ скакаль-то ей Дунай на бѣліи груди,
Хотѣлъ онъ ей пороть-то бѣлу грудь;
Тутъ смодиласи Марья королевична:
«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣлой груди!
«Ѣду я ко городу ко Кіеву,

*) т. е. по грудямъ.

«Отлавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владимира...»

(Дальше не помнит).

Записано въ Толвуи, 12 юля.

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздили-то Чурилушка онъ Пленковичъ,
Ѣздили онъ по далечу далечу по чистой поля;
На своемъ-то Ѣздили на добромъ конѣ,
Во своемъ онъ Ѣздили кованомъ сѣдлѣ.
Сѣделишко было его черкальское,
Подстѣнуто было двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Подпруги были да все шелковыя,
Пряжечки были да золоченныя,
А шпенѣчки были булатныя.
Еще шелье не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣтъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрыгнулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Киеву,
Забиралъ себѣ дружину на почестень пирь,
И заѣхалъ онъ къ Пермюту ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчато.
Бьется-то онъ тутъ колотится
Сквозь тую блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,
Выскакаетъ оттуль дѣвушка поваренная
И сама-то говоритъ да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ домѣ-то хозяйна,
«Онъ уѣхалъ во Божью церковь
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образомъ онъ да поклоняется.»
Услышала Катерина тутъ Микулична,
Она бѣгъ-то дѣвку по лѣвѣ лицу,
Сама-то говоритъ ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти кашу варить,
— Шти кашу варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей отъказывать. —
Тутъ выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя
И на ты переходечки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она на широкій дворъ

И встрѣчаетъ удача добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстни да за значенныя,
И цѣловала въ уста его сахарныя,
Провела его коня добраго
На свою копыню на стоялую,
И провела его въ свою бѣлую во ковати.
Садилсь они играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ игралъ да ю поигралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю поигралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возговорить Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодець,
— Еще молодой Чурилушка ты Пленковичъ!
— А знать-то миѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то миѣ да на тебя смотрѣть,
— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходуномъ ходить,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка льпеть!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть новелѣное,
— Скидывалъ бы ты шапочку, клалъ на стоночку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зеленъ сафьянъ сапожки снялъ бы, клалъ
подъ лавочку
— Да ложился спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисовую,
— На эту па перину на пуховую
— Да па тое па круто складно на зголовыицо
— Да подъ тое теплое ты одѣляишко подъ со-
болинное. —
Скидывался тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зеленъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложился спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовыицо
Да подъ тое одѣляишко онъ соболинное.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидывалася она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложилася тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И па тую перину на пуховую,
На тое на круто складно зголовыицо
И подъ тое тепло одѣляишко соболинное.
Услышала тамъ дѣвушка поваренная,
Поваренная дѣвка все челядинна,
Выходитъ-то дѣвка на бѣлыя сѣни,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«Я пойду-то, дѣвка, на Божью церковь,
«Скажу-то Пермюту сыну Васильевичу.»

Услышала тут Чурилушка Плёнковичъ:
 — Ай же ты дѣвка е страдница!
 — Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью церковь,
 — Не сказывай Пермю сыну Васильевичу,
 — А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
 — А когда ты, дѣвушка, замужъ пойдешь,
 — Подарю я те косякъ камки,
 — Еще дорогой камочки заморскія. —
 Ничего того дѣвушка не послушалась,
 Пошла-то она да во Божью церковь.
 Пришла-то она да во Божью церковь,
 Крестъ-то кладетъ во исаиому,
 А поклонны-то ведеть по учёному,
 На всѣ ли четыре на стороны,
 Пермю сыну Васильевичу въ особину:
 «Ай же ты Пермь сынъ Васильевичъ!
 «Ты стоншь-то здѣсь да Богу молишься,
 «Чуднымъ образамъ ты да поклоняешься,
 «Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаешь!
 «Еще есть у ти въ домѣ нелюбимый гость,
 «Еще молодой Чурилушка е Плёнковичъ,
 «И гудяеть онъ со Катериною Микуличной.»
 Это слово-то ему не въ любовь пришло,
 Самъ онъ говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты, дѣвка, если бѣль говоришь,
 — Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
 — А если ты мнѣ, дѣвка, ложь говоришь,
 — Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
 — Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
 Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
 И садился-то онъ на добра коня.
 Приѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
 И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны,
 Самъ онъ говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты Катерина е Микулична!
 — Что же ты не зашла е во Божью церковь,
 — Богу-то тамъ е молитися,
 — Чуднымъ образамъ ты да поклоняешься тамъ? —
 Тутъ возгворитъ Катерина-та Микулична:
 «Ай же ты Пермь сынъ Васильевичъ!
 «Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскихъ?
 «Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью церковь»
 — Ай же ты, дѣвка е страдница,
 — Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
 — Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
 — Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ! —
 Жалобнѣшенько дѣвушка заплакала,
 Сама-то говоритъ она таково слово:
 «Ай же ты Пермь сынъ Васильевичъ!
 «Сходи-ко на свою конюшню на стоялую:
 «А какъ на твоей конюшнѣ на стоялой

«Стоитъ-то тамъ Чурилушка добрый конь.»
 Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
 Увидѣлъ тамъ коня добраго Чурилушкаго
 И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
 Тутъ возговоритъ Катерина-та Микулична:
 «Ай же Пермь сынъ Васильевичъ!
 «А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимый
 «И по дѣлечу ѣздилъ онъ по чисту полю,
 «Со Чурилушкой они да соѣзжались
 «Да конямы-то они тамъ вѣдъ е помѣнялися,
 «Да приѣхалъ-то братецъ ко мнѣ родимый
 «Да на Чурилушкѣ приѣхалъ на добромъ конѣ.»
 Тутъ возгворитъ Пермь сынъ Васильевичъ:
 — Ай же ты, дѣвка е страдница,
 — Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
 — Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
 Жалобнѣшенько дѣвушка заплакала,
 Сама-то говоритъ она таково слово:
 «Ай же ты Пермь сынъ Васильевичъ!
 «Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
 «А спать-то тамъ Чурилушка, онъ не прохва-

тится.»
 Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложню-ту,
 Онъ увидѣлъ Чурилу-то Пленковича,
 Заздынулъ онъ мечъ-то выше головы,
 Срубилъ онъ Чурилу буйну голову.
 Тутъ-то е Чурилушкѣ славу поють.
 Тутъ-то е Катерина Микулична
 Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
 На тмя переходечки на частыя:
 «Ахъ ты старый песь, ты сѣдая борода,
 «А срубилъ ты удаля добра молодца,
 «Еще мблада Чурилушку е Пленковича!»

Записано въ Чолмузяхъ, 19 юля.

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

Изъ-подъ дуба, дуба было сѣраго
 Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черлѣнаго,
 Изъ-подъ кустышка да сподъ рапнтова,
 Сподъ ты березы сподъ кудрявья,
 Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
 Пала, выпалада мать Нѣпрѣ рѣка,
 Выпадада она въ море, море Чѣрное;
 Съ по морю, по морю, морю Чѣрному
 Выходила она да во Турецкоѣ

По Турецкому морю, морю Чёрному
 Выплавало оттуда тридцать караблей.
 Едний-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
 Онъ напередъ бѣжитъ да бывъ соколъ летитъ.
 Еще пось-корма въ ёмъ по звѣриному,
 А какъ хоботы-ты мечеть по змѣиному,
 Боковѣ выведены въ ёмъ да по туриному, —
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Мѣсто хвоста было повѣшено
 По тому волку да по заморскому;
 Мѣсто ушей было повѣшено
 По ты кунницы по сибирскія, —
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Мѣсто бровь было продернуто
 Какъ по черному по соболу заморскому, —
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Шеймы *) канаты были шёлковыи, —
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Явори на карабли булатнія,
 Еще лапочки были всѣ золочѣныя, —
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 И парусы на карабли рущатой камки,
 Еще дѣрога камѣчка е заморская.
 Хорошо, братці, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Еще рубка на карабли была рѣбьящета.
 Въ этой бесѣдкѣ рѣбьящетою
 Сидѣлъ молодой Соловей Будиміровичъ
 Еще со своей родителью матушкой,
 На имя со Ульяной со Васильевной.
 Игралъ онъ во гусельшка яровчаты,
 Снѣтъшалъ свою родитель матушку,
 Еще на имя Ульяну Васильевну.
 Прѣзжали оны ко городу ко Кіеву,
 Еще ко тому оны ко бережку ко крутому,
 Ко тому песочнику оны розсѣичатому.
 Выходитъ самъ Соловей Будиміровичъ
 И самъ говоритъ да таково слово:
 «Ай же вы моя дружинуска хоробрая,
 «А васъ триста молодцовъ е безъ единого!
 «Скидывайте-ко вы кожѣшки лосинныя,
 «Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурлѣнь-сукна,
 «Одѣвайте-ко вы пляпоньки пуховыя,
 «Берите кушаки-то все шелковыя
 «Да выметывайте сходенку вы луженую,
 «Луженую сходню, мѣдью луженую,
 «Да насыпьте эту сходню чиста сѣребра;
 «Да выметывайте сходенку вы луженую,
 «Луженую сходню себрѣлуженую (такъ),
 «Да насыпьте эту сходню чиста золота;

*) Шеймы по объясненію пѣвца значить «обнастка».

«И третью сходенку выметывайте,
 «Выметывайте вы сходенку вы луженую.
 «Луженую сходню себрѣлуженую,
 «Себрѣлуженую сходню позолоченую.»
 Выходитъ самъ Соловей Будиміровичъ
 Еще со своей съ родителью со матушкой,
 Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
 «Ай же вы дружинуска хоробрая,
 «Васъ триста молодцовъ е безъ единого!
 «Подите-тко на горку вы на конную,
 «На этой на горкѣ и на конныя,
 «Гдѣ пироги и гдѣ блины продаютъ
 «И малыя ребята тамъ барышничаютъ, —
 «Поставьте къ утру свѣту мѣ-то три терема,
 «Еще три терема да златоверхинхъ,
 «Что верхи бы со верхами совивалися,
 «Молода Забава и Путятична
 «На этия верхи бы оглядѣлася . . .»

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдь государь нашъ по день,
 Выкликаетъ надежда онъ по другой,
 Выкликаетъ насъ надежда царь по третей:
 «Еще всѣ же вы князи, вси боири
 «А всѣ думскіе цареви генерала!
 «Пособите государю думы думать,
 «Государю чтобы дума не продумать,
 «Какъ бы взять бы мѣ Азовъ горѣдъ безъ бою,
 «Безъ бою, безъ драки кроволитья.»
 Еще большій тулится за середняго,
 А середній тулится за меньшого,
 А отъ меньшого государю ни отвѣта пѣтъ.
 Выходитъ тутъ казакъ е доискій,
 Еще онъ же молодецъ е удалій,
 Супротивъ онъ государя становился,
 Понизешенько надеждѣ поклонился:
 — Охъ ты батюшко надежда государь царь,
 — Олексій сударь Михайловичъ московскій!
 — Бласловите, государь, мѣ слова молвить.
 — Еще возьмемъ мы Азовъ горѣдъ безъ бою,
 — Еще безъ бою возьмемъ безъ драки,
 — Еще безъ больша велика кроволитья. —

По головушкѣ казаченка погладили:
 «Благодарствуешь казакъ тебѣ донскій,
 «Еще ты же молодецъ е удалій,
 «Еще ты же молодецъ-то есть смѣліе!
 «Еще смѣль-то съ государемъ говорити:
 «А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
 «Я пожалую по дѳрогу кафтану
 «А какъ со тима съ клипами золотыма
 «И со обвѣщамы со тима дорожна.»
 Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
 По пяти туды казачковъ положили,
 Они черныма юхтѳамы накрывали,
 Какъ булатнима гвозданима обивали.
 Еще они другіе пятьсотъ туть снарядили,
 Мякотнишмъ-то товаромъ нагрузили
 А туды же къ Азову пропустили.
 Они стали туть къ Азову подѣзжати.
 Еще туть-то казану ему не спится,
 Еще брать-то оупъ подарки дорогин,
 Къ самому-то оупъ Сапталу относился:
 — Ахъ ты здравствуешь Сапталъ ты е турецкій,
 — Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
 — Еще во теби подарки дорогин
 — Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
 — Да просиль-то вѣдъ нашъ царь тебя бѣлый,
 — Да просплъ-то оупъ въ Азовѣ торговати,
 — Какъ русійскихъ товаровъ продавати
 — А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати. —
 А какъ эти ему подарки прилюбилсь,
 Приказаль-то оупъ въ Азовѣ горѳдѣ вѣзжати,
 Велѣлъ кажини телѣжки осмотрити.
 Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
 Еще другіихъ телѣжекъ не суситили,
 Они вѣхъ они возовъ-то запуситили.
 Они зачали въ Азовѣ торговати
 А своихъ они товаровъ продавати
 А заморскіихъ они стали закупати,
 А булатніихъ возовъ тыхъ отдивати,
 Еще черныихъ юхтѳовъ тыхъ откривати
 Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
 Еще зачали казачки-то туть гуляти,
 Они вачали въ Азови шурмовати,
 Да вачали турчановъ убивати,
 Много множество турчановъ туть прибили.
 А одва-то туть Сапталъ и самъ уѣхаль
 Еще во свою столицу въ городѳву.
 Еще туть казачкамъ имъ не спится,
 Они валь-то земляной туть завалили
 Какъ повыше стѣны они городѳовой.
 Туть Сапталъ-то оупъ турецкой
 Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,

Подѣзжаетъ оупъ къ Азову туть ко городу,
 Еще вачаль оупъ въ Азовѣ горѳдѣ ломиться.
 Еще валь-то земляной оупъ розсыпѳали,
 Стѣну каменну оупи да проломили,
 Еще туть оупи въ Азовѣ горѳдѣ забилсь,
 Еще вачали въ Азовѣ шурмовати,
 Оупи стали казачковъ туть убивати.
 Туть немножко казачковъ туть оставлялось.
 Собирались казачки туть въ Бѳжью церковь,
 Отслужили туть молебень со обѣдней:
 — Еще ай же ты Микола Чудотворецъ,
 — Не придай-ко намъ напрасно умерети!
 — Пострижемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
 — Веѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи,
 — Веѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи. —
 Напустилъ туть Микола Чудотворецъ,
 Напустилъ туть на турчанъ оупъ темну темень,
 Они дружка дружку прирубили,
 Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. Загорья у Толвуй. Выучился нѣтъ былинны у мѣстныхъ старожилѳовъ; земледѣлецъ.

38.

ДОБРЫНИ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говариваль:
 «Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
 «Ты бѣ меня Добрыни не спорѳдила,
 «Спорѳдила бы Добрыню, да на бѣлый свѣтъ не
 попустила,
 «Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полот-
 нище,
 «Выносила бы Добрыню на гору да на Сіопскую!
 «Кидала бы Добрыню во синіе море,
 «Катался бы, валялся Добрыня я по вѣку,
 «По вѣку и по скопчанію»
 Пспроговоритъ его да родна матушка:

— Рада бы я, дитяtko, спородити
 — Во того во смѣрнаго казака Пльо Муромца,
 — Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
 Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
 Сокрутился тутъ Добрыня въ платъе цвѣтное,
 Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлодубову,
 Бралъ да своего-то сиза бурушка,
 Сиза бурушка косматаго,
 Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана.
 Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
 Кладывалъ онъ потнички на потнички,
 Войлочки на войлочки,
 Сѣделышко черкальсато (*такъ*),
 Двѣнадцать подиружекъ шелковинхъ,
 Нѣ ради красы нѣ ради басы,
 Ради крѣпости богатырскія.
 Выходитъ его да любимá семья,
 Мѡлода Настасьяшка Микулична:
 — Ты куда поѣзжашь, да куды нуть держишь,
 — На кого ты покидаешъ молоду жену? —
 Испрогѡворитъ Добрынюшка Микитиничъ:
 «Ай же ты моя да любима семья!
 «Когда стала ты у меня спрашивать,
 «Тогда я буду теби сказывать.
 «Поѣду я, добрый молодець,
 «Во чистѡ поле поликовать, казаковать;
 «Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
 «Порублю я вѣдь поганыхъ татаровей.
 «Сожидай-ко ты Добрыню со чистá поля ровно
 три года,
 «Три годы пройдетъ, да до шести годовъ, —
 «Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
 «Хошь вдовой живи да хошь замужъ поди,
 «Зá князя поди, хошь за боярина,
 «За могучаго поди богатыря,
 «Только нѣ ходи за того за смѣлаго,
 «Только нѣ ходи за Олешенку Поповича.
 «Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ.»
 День тутъ за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
 Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростеть;
 Проходитъ тому времечки ровно три годы.
 Приходитъ солнце Владиміръ свататься,
 Свататься да низко кланяться
 Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
 — Ты поди-ко вѣдь теперь да во замужество. —
 Испрогѡворитъ Настасья таково слово:
 «Сожидала я Добрыню ровно три годы,
 «Сожидать буду Добрыню до шести годовъ.»
 День тотъ за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,

Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростеть;
 Проходитъ тому времечки шесть годовъ.
 Приходитъ Владиміръ стольнѣ-кїевской
 Свататься да низко кланяться
 Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
 Испрогѡворитъ Настасья таково слово:
 «Справляла я вѣдь мужей завѣтъ,
 «Справлять буду вѣдь вдовей завѣтъ,
 «Не пойду я до двѣнадцати годовъ.»
 День-то за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
 Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростеть;
 Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
 Приходитъ Владиміръ свататься,
 Свататься да низко кланяться
 Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
 Силой берѣтъ, къ ней въ думу не йдетъ.
 Заводили они тутъ да почестепъ пиръ.
 У того-то вѣдь у Добрынюшки
 Была малая служаночка;
 Обвернулаъ она да малой кѡлпнцей *),
 Слетала она да во чистѡ поле,
 Отыскала она Добрынюшку Микитича.
 Опъ снитъ да проклаждается
 Во своѣмъ да во бѣломъ шатри:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
 — Ты спишь да проклаждаешся,
 — Надъ собою незгодушки не вѣдаешъ.
 — Нѣтъ у тебѣ въ домѣ вѣдь любимой семьи,
 — Мѡлодой Настасьяшки Микуличны. —
 Пробуждался тутъ Добрыня со спу богатырскаго,
 Бралъ своего да сиза бурушка
 Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана,
 Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
 Кладывалъ онъ потнички на потнички,
 Войлочки на войлочки,
 Сѣделышко черкальсато,
 Двѣнадцать подиружекъ шелковинхъ,
 Нѣ ради красы, нѣ ради басы,
 Ради крѣпости богатырскія.
 Садился тутъ Добрыня на добра кѡпя.
 Видли добра молодца ли сядучи,
 Нѣ видли его поѣдучи.
 Приѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Во свой-то онъ да во Кїевъ градъ,
 Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
 Крестъ кладетъ онъ по писаному,
 Поклопъ ведеть да по учѣному,

*) Швецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица.
 На лужицко-сербскомъ нарѣчїи *копѣ* значить лебедь.

Клапяется онъ да на четыре вѣдъ сторонушки,
Своей матушкѣ опъ въ собицу:

«Здравствуй ты честнѣ вдова Офимья Олександровна!

«Бду я добрый молодець со чистѣ поля,
«Клапяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низкѣй по-
клонъ.»

Испроговорить его да родна матушка:

— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворама надрыгаться,
— Не отняли бы у меня да любимой семьи,
— Молодой Настасьюшки Микулчиной! —

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Бду я добрый молодець со чистѣ поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гусельника яровчаты,
«Сапоженки на ножени зелѣнь сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубоньку да соболнцую,
«Шапочку на головочку ушнестую, пушистую,
«Ушнестую, пушистую, завѣнесту.»

Видитъ тутъ честнѣ вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.

Походилъ тутъ Добрыня на почестепъ нирь.

Вси на ипру мѣста были призаваты,

Садился Добрыня покрай печенки;
Вынималъ Добрынюшка гусельника яровчаты,
Сталъ тутъ Добрынюшка погрывать
Во своп гусельника въ яровчаты,
Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельцо.

Испроговорять тутъ да таково слово:

— Какъ бы этой малой скоморошнны
— Чарочка да зелена вина,
— Зелена вина да полтора ведра. —

Приносили ему чару зелена вина,

Зелена вина да полтора ведра.

Бралъ тутъ Добрыня единой рукой,

Выпивалъ Добрыня единымъ духомъ.

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Дали мнѣ чарочку задравную,
«Дайте-тко теперь да и забавную.»

Пошолъ опъ тутъ отъ печки отъ муравлянки

Ко тому-то ко столу молодецкому;

Онъ спускалъ тутъ свой значепъ перстень

Въ тую чару зелена вина.

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Ай же ты мѣлода Настасья ты Микулчиная!

«Выпей-ко чару зелена вина, —

«Выпьешь до дна, такъ увидашъ добра,
«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра.»

Брала тутъ Настасья единой рукой,

Выпивала вѣдъ Настасья единымъ духомъ,

Увидла тамъ-то на днѣ вѣдъ значепъ перстень,
Которымъ перстепемъ съ Добрыней обручалася.

Испроговорить Настасья таково слово:

— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микитиничъ!

— Бери-тко ты меня за волосы за женскин,

— Кеди-тко (такъ) ты меня о бѣлодубовъ мость,

— Привяжи-тко меня къ жеребцамъ ко неуче-
пнымъ,

— Ростопчили бы меня да по чисту полю! —

Испроговорить Добрынюшка Микитиничъ:

«Не дивую я полу женскому,

«Дивую своему брату крестовому!

«У живѣ мужа хочеть жену отнять.»

Хваталъ опъ тутъ Олену за желтѣ кудри,

Кидалъ тутъ Олену о бѣлодубовъ мость,

Зачалъ тутъ Добрыня пощалькивать

Той-то путь-шалыгой подорожной.

Сталъ Олена тутъ поахкивать,

Въ охканьи не слыхать его лѣчкашня *).

И спустилъ его Добрыня со бѣлѣнхъ рукъ.

Садился тутъ Олена покрай лавочки,

Испроговорить Олена таково слово:

— Всякій-то чертъ на вѣку-то женится,

— Не всякому женидьба удавется. —

Только и Олешенька женать бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 юля.

—
39.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Не заюшко въ чистомъ полѣ выскакивалъ,

Не горностаюшка выплясывалъ,

Выѣзжалъ тамъ доброй молодець,

Доброй молодець Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивано-
вичъ.

Направлялъ опъ да копя своего богатырскаго,

Увидалъ опъ во чистомъ полѣ

Лань да златорогую,

Спускалъ своего да добра коня

Во всю прыть да лошадиную;

Догоняетъ опъ да эту лань да златорогую,

Хочетъ колотъ ю во бѣлую грудь.

Испроговорить эта лань да златорогая

Человѣческимъ она голосомъ:

«Ай же ты Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,

*) т. е. звука его ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

«Не коли-тко ты да моей бѣлой груди!
 «Я есть вѣдь не лань-то златорогая,
 «Я есть Марья лебедь бѣлая, королевична.
 «У меня на семь свѣтѣ положень вѣдь такой
 завѣтъ:

«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
 «За того я пойду въ замужество.»
 Повернулась эта лань да златорогая
 Въ человѣческой она образъ;
 Онъ бралъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 За бѣлыя руки да за златыя перстни,
 Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарнии,
 Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
 Принимали тутъ оны законъ да вѣдь супружеской.
 Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
 Напиваться зеленá вина онъ допьяна.
 Приходитъ онъ во свою полату бѣлокаменну,
 Стрѣбаетъ его своя да любимá семья,
 Испрогóворить Марья ему да таково слово:
 «Ай же ты моя да любимá семья!
 «Я теби скажу да таково слово:
 «Кто у насъ да напередъ помрѣтъ,
 «Тому-то съестъ да во сырú землю.
 «Ежли я да напередъ помру,
 «Тебѣ со мной сидѣтъ да ровно три мѣсяца да
 во сырой землѣ;
 «Ежли ты помрешь, я съ тобой буду сидѣтъ да
 во сырой землѣ.»

Написали они между собой вѣдь записи.
 И онъ ходитъ да на царевъ кобакъ,
 Напивается онъ да зелена вина вѣдь допьяна.
 Приѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣсть да сорокъ царей,
 Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королей да сорокъ королевичевъ.
 Оны пишуть ко Владиміру,
 Владиміру да стольнѣ-кіевскому:
 — Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
 — Бѣзъ бою, бѣзъ драки, бѣзъ великаго крово-
 литія. —

Собираетъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кіевской
 Своихъ господъ, своихъ бояръ;
 Сталъ онъ тутъ Владиміръ совѣтъ совѣтовать
 Со своимъ господамы, со своимъ боярами:
 «Ежели намъ не отдать этой Марьи лебедь бѣ-
 лой, королевичной,
 «Приведуть нашъ стольной Кіевъ градъ во ро-
 зореніе.»

На ту пору, на то времечко
 Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Въ эту полату бѣлокаменну,
 Кланяется онъ Владиміру тутъ въ собицу:

— Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Не отдамъ я своей душевкы
 — Бѣзъ бою, бѣзъ драки, бѣзъ великаго крово-
 литія. —

Бѣретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ кресто-
 выихъ,
 Бѣретъ стараго казáка Плью Муромца,
 Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
 Сокрутились они въ платьѣ женское,
 Причесали они свои кудри русыя по женскому,
 Садилсь они въ телѣжку во ордынскую,
 Приѣзжали оны да во чистó поле,
 Роздериули оны тутъ вѣдь бѣлой шатеръ.
 Приходило тутъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ:
 «Вѣрно что Владиміръ стольнѣ-кіевской
 «Не посмѣлъ съ нами воевати де,
 «Повывель онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
 «Повывель Марью во чистó поле.»
 Испрогóворять тутъ оны да таково слово:
 «Ай же ты Марья лебедь бѣлая, королевична!
 «За кого же ты за насъ замужъ идешь?»
 Испрогóворитъ Михайла самымъ тонкимъ жен-
 скимъ голосомъ:

— Кто кого изъ васъ на бою побѣтъ,
 — За того я вѣдь замужъ иду. —
 Выходили оны татарева во чистó поле,
 Тотъ того побѣтъ, другой друго́го побѣтъ, —
 Не выходили-то у нихъ поединщика единого.
 Приходятъ оны опять да ко бѣлу шатру:
 «Нѣтъ у насъ такого поединщика.
 «За кого же нынѣ ты замужъ идешь?»
 Молодецко сердечко мало стѣрпывалъ,
 Розгорѣлось его да сердце богатырское,
 Выскакивалъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Со своего онъ да бѣла шатра;
 Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
 Не увидѣлъ онъ меча клáденца,
 Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
 Выхватывалъ онъ осищѣ желѣзное,
 Зачалъ онъ осищѣмъ тутъ помахивать,
 Прибилъ онъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
 Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
 Со своимъ онъ съ братьями крестовыми.
 Подѣзжаетъ онъ да ко своей полатѣ бѣлока-
 менной,
 Испрогóворять ему да таково слово:
 — Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Нѣтъ у тебя въ доми да любимой семьи,
 — Нѣтъ у тебя да въ живности
 — Молодой-то Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —

Испроговорить Михайло таково слово:
 «Ай же вы мои плотники, работники!
 «Дѣлайте гробницу не малую,
 «Чтобы можно въ ней двоимъ лежать,
 «Двоимъ лежать и сто́я стоять.
 «Кладите-тко вы припасу съѣтнаго
 «На три мѣсяца.
 «Опустишь-то я съ ней да во сыру землю.
 «У меня съ ней сдѣлапы были записи:
 «Который у насъ да напередъ умреть,
 «Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сы-
 рой земли.»

Привозили эту гробницу немалую
 На то кладбище,
 Положили туди да Марью лебедь бѣлу, короле-
 вичну.
 Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;
 Опускали его да во сыру землю,
 Засыпали его да вѣдь желтымъ пескомъ.
 Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,
 Приплыло тутъ къ ней змѣище веретѣнище (*такъ*),
 Стало у ней сосать да вѣдь бѣлую грудь.
 Хватили тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Пвановичъ
 Свою саблю вострую,
 Хочеть отсѣчь у пей буйну голову.
 Испроговорить змѣище веретѣнище:
 — Не руби-тко ты да моей буйной головы!
 — Много я для тѣби добра сдѣлаю,
 — Оживлю я тѣби Марью лебедь бѣлу, короле-
 вичну. —

И даѣтъ ему да свой великъ залогъ,
 Своего она вѣдь дѣтища.
 Отплаваетъ отъ этой гробницы бѣлодубовой,
 Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,
 Подаваетъ она змѣя ему живу воду.
 Разъ тутъ сбрызну́ль — она и здрогнула,
 Дру́гой разъ сбрызну́ль — она сидя сѣла,
 Трѣтій разъ сбрызну́ль — она да заговорила:
 «Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Пвановичъ!
 «Гди мы теперь съ тобой находимся?»
 — Находимся да во сырôй земли! —
 Закрычалъ онъ своимъ голосомъ,
 Своимъ голосомъ да богатырскимъ.
 Услыхали его да братьица (*такъ*) крестовни:
 «Стоснулось нашему братцу крестовому во сырôй
 земли,
 «Живому тѣлу съ мертвымъ.»
 Приходили тутъ оны ко этой могилы ко кладбищу:
 Желтой песокъ оны тутъ розсыпали,
 Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь
 верхни.

Выходятъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Со сырôй земли,
 За собою ведетъ свою да любиму семью,
 Молоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.
 Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,
 Сталь онъ жить-то вѣдь по прежнему,
 Паиваться зеленá вина онъ добыяна.
 Удаляется тутъ Михайло во чисто поле,
 Поляковать онъ да и казáковать;
 Порублялъ онъ да вѣдь поганыхъ татаревей
 За свою вѣру да христіанскую.
 Приѣзжаетъ-то съ другой земли,
 Приѣзжаетъ-то король да вѣдь ляхетскін,
 Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку
 Ко Владимиру да стольнѣ-кіевскому:
 — Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, короле-
 вичну,
 — Во чисто поле,
 — Бѣзъ бою, безъ драки, безъ великаго крово-
 литія. —
 Испроговорить Владимиръ таково слово:
 «Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ, —
 «Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, короле-
 вичну,
 «Во этое да во чисто поле.»
 Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,
 Во чисто поле.
 Принималъ-то тутъ король да вѣдь ляхетскін
 Ю за рученны за бѣзын,
 Увозилъ онъ во свою землю.
 День-то за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
 Годъ-тогъ за годъ бывъ трава растеть.
 Проходило тому ровно три годы,
 Приѣзжаетъ тутъ со чистá поля
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Со своимъ онъ со братьями крестовыми.
 — Гдѣ же моя да любимá семья? —
 Испроговорятъ ему да таково слово:
 «Увезъ твою да любиму семью
 «Красивын король да вѣдь ляхетскін.»
 Испроговорить Михайла таково слово:
 — Поѣду я добрый молодецъ,
 — Во туѡ землю да во ляхетскую,
 — Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, коро-
 левичной. —
 Садился тутъ Михайла на добра коны.
 Видѣли оны Михайла тутъ садучи,
 Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.
 Приѣзжаетъ тутъ Михайло во туѡ землю,
 Во туѡ землю да во ляхетскую,

Приѣзжаетъ-то Михайла къ тимъ полатамъ бѣло-каменнымъ.

Усмотрѣла его да любимá семья
Во тоѣ окно да во косевчато,
Испроговорить она да таково слово:
«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскін!

«Приѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость.»
Наливала она чару зеленá вина,
Зеленá вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:

«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Прости меня дуру жонку стрáмницю, —

«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.

«Твоеѣ есть дѣло вѣдь дорожноѣ,

«Мое дѣло есть да понево́льней,—

«Выпей-ко чару зелена вина,

«Зелена вина да полгора ведра.»

Бралъ тутъ Михайла единойъ рукой,

Выпивалъ Михайла единымъ духомъ.

Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Свалился онъ со своего да со добра́ бона.

Испроговорить она да таково слово:

«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскін!

«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,

«Куды надоть отвози его во чистó поле.»

Испроговорить король да вѣдь ляхетскін:

— Мужъ-то твой, воля́ твоя. —

Приказала она запрячь-то пару коней богатыр-скіихъ,

Отвозила его да во чистó поле,

Хватала тутъ она да бѣлъ горючъ камень,

Колотила его да по правойъ щокл:

«Окаменѣй-ко ты Михайла ровно на три годышка,

«Какъ три годы пройдетъ, пройди да съвозъ смру́ землю!»

Повернула его бóльшимъ каменемъ.

День-то за день какъ птица́ летитъ,

Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,

Проходило тутъ время ровно годышекъ.

Стоснулось имъ, братьямъ крестовинимъ,

Старому каза́ку Илью Муромцу,

Во вторыхъ-то Добрынюше́въ Микитичу,

Сокрутились они въ платьѣ вѣдь нищѣцкое,

Надѣвали себи тронъ они пóдсумки,

Шли они путемъ дорогою.

Выходить со сторопъ калика незнакомая:

— Ай же вы калики есть незнаемы!

— Возьмите меня да вѣдь во третьихъ,

— Поверстайте меня да во ата́маны. —

Брали тутъ калику во товарища,

Поверстали калику во ата́маны.

Приходили они въ тую землю во ляхетскую,
Становились они да противъ черто́гъ они вѣдь царскіихъ,

Закричали они своимъ голосамъ зычнымъ:

«Ай же ты король да вѣдь ляхетскін!

«Насынь-ко намъ тронъ пóдсумки:

«Одни пóдсумки-то чиста сѣребра,

«Други пóдсумки-то красна золота,

«Третьи пóдсумки-то скачна жемчугу, —

«Полно намъ каликамъ волочитися,

«Было бы намъ каликамъ по́ смерть ѣсть и шить.»

Услышаль тутъ король да вѣдь ляхетскін

Голоса да очень громкіи,

Король тутъ-то приу́жхнулся.

И зглянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,

Во тое окно да во косевчато,

Узнала-то она да этиныхъ богатырей:

— Это вѣдь не калики есть, да есть богатыри,

— Моего мужа вѣдь прежнаго

— Есть они да братья вѣдь крестовин.

— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,

— Насынай имъ тронъ пóдсумки:

— Первы пóдсумки да чиста сѣребра,

— Вторы пóдсумки да красна золота,

— Третьи пóдсумки да скачна жемчугу. —

Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,

Насыпали имъ да тронъ пóдсумки:

Одни пóдсумки да чиста сѣребра,

Други пóдсумки да красна золота,

Третьи пóдсумки да скачна жемчугу.

Походятъ они да во чистó полѣ,

Приходятъ къ этому бѣлу каменю.

Испроговорить калика та незнаема:

«Ай же вы мои братцы, вы товарища!

«Взяли вы меня да во товарища,

«Поверстали вы меня да во ата́маны,

«Надоть намъ теперь да вѣдь живóть дѣлить.»

Снимали они тутъ тронъ пóдсумки

Со своихъ они тутъ плечъ да со могучіихъ,

Кладывали они да во-мѣсто.

И сталь-то тутъ калика да незнаема

Кладывать онъ да на четіре стопы.

Испроговорять тутъ его братья крестовин:

— Ай же ты калика есть незнаема!

— Взяли тебя мы во товарища,

— Поверстали тебя мы во ата́маны,

— Неправильнѣ ты вѣдь живóть дѣлншь. —

Испроговорить калика-то незнаема:

«Брали меня да во товарища,

«Поверстали меня да во ата́маны,

«И справедливо теперь живóть дѣлю:

«Который изъ насъ можетъ бѣль горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,
«Тому четвертая стопа достанется.»
Бралъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Этотъ да бѣль горючъ камень,
Во свое колѣно здымалъ да богатырское,
Самъ-то по щёточку въ землю зашелъ.
Подхватывалъ тутъ старин казакъ да Илья Му-

ромецъ,

Здымалъ-то онъ во свою во грудь во бѣлюю,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сырѹ землю.
Бралъ-то тутъ калка да незнаема
Этотъ-то да бѣль горючъ камень,
Кидаль онъ черезъ свою да буйну голову.
Испроговорила калка таково слово:
«Впередѣ стань доброй молодець,
«Лучше стань ты, лучше прежнего!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испроговорила Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовици,
— Какъ я долго спалъ! —
Испроговорила его братцы крестовици:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не быть бы теперь ты въ живности.»
Побѣждалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во ляхетскую,
Ставовица Михайла противо полать да бѣлока-

менныхъ,

Закрывалъ онъ богатырскимъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивыи король да ты ляхетскіи!
— Насыпь-ко ты мнѣ тоже трое подсумки:
— Первы подсумки-то чиста сѣребра
— Вторы подсумки-то красна золота,
— Третьи подсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испроговорила она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Приходить сюда мой прѣжшой мужъ.»
Наливала Марья чару зеленѣ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перѣное крылечко.
Испроговорила-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стрѣмницу, —
«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зеленѣ вина,
«Зелена вина да полтора ведра.»
Бралъ тутъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару единой рукой,

Выинивалъ онъ чару единымъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землю да мѣртвымъ.
Испроговорила Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Ежели ты хочешь вѣдь то мной владать,
«Куда хочешь, туди его и подѣвай.»
Испроговорила красивыи король да вѣдь ляхет-

скіи:

— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказывать его да ко стѣнѣи прибить,
Колотила ему гвоздѣи желѣзныи
Во бѣлыи руки и въ рѣзвыи поги.
И пошла она тутъ во кузницю,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлаю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помятѹшился. —
Была у этого у короля да у ляхетскаго
Единая дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому богатырю,
Испроговорила она да таково слово:
«Ай же ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Хочешь ли ты да на сѣмъ свѣтѣи еще живъ бы-

вать?»

Испроговорила Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живѹ бывать. —
Испроговорила она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сѣмъ свѣтѣи живъ бывать.»
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятіе.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрнымъ,
Приказала она да со стѣнѣи-то спять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Издѣлчивъ ему эти раны великіи.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великіи.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра коня,
— Обѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во сняхъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра коня
«Обѣдлана вѣдь и обуздана.»
Не смѣняеть (такъ) онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго

Къ ей крыльцу да ко нерёному.
 Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной,—
 Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
 Не видли добра молодца поѣдучи.
 Уѣзжаетъ Михайла во чисто поле,
 Накопляетъ силу опъ по прежнему,
 Приѣзжаетъ онъ во ту землю ляхетскую,
 Ко тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
 Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
 Со того-то со косевчата окошечка,
 Наливала Марья зеленá вина,
 Зелена вина да полтора ведра,
 Полагала туди зелья лютаго,
 Выходила она да на крылечко на перёное.
 Испроговоритъ Марья таково слово:
 — Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 — Прости мя дуру жонку стрáмщицу, —
 — Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
 — Выпей-ко чару зеленá вина!
 — Твое дѣло есть дорожное,
 — Мое дѣло есть да подневольнее. —
 Береть онъ Михайла эту чару зелена вина,
 Зелена вина да во праву руку.
 Глядитъ въ это косевчато окошечко
 Молода Нáстасья королевична:
 «Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Погляди-тко ты на рúченьку на правую,
 «Зглянь-ко ты на рученьку на лѣвую!»
 Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на правую,
 Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на лѣвую,
 Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
 Что билí у него раны превеликíи,
 Спомнилъ тутъ онъ прежнíи завѣтъ-то свой,
 Кидалъ онъ эту чару зеленá вина,
 Зелена вина да на сырú землю,
 Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
 Кидалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 юля.

Х.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшого участка земли, ему предоставленнаго миромъ, частью мирскимъ подаивемъ. Рассказывалъ, что пѣтъ

былины научился отъ захожихъ каргополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поеть довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

—
40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кíевѣ
 У ласковаго князя у Владимíра
 Были званы брани гости приходящíи
 На почестный пиръ.
 Красно солнышко на вечери,
 Почестный пиръ на весели.
 Все на пиру да наѣдался,
 Все на пиру да напивался,
 Все на пиру-то поросхвастался.
 Иный хвалится добрымá коньми,
 Иный хвалится своимъ имѣнiемъ,
 Иный хвалится золотой казной,
 Глупый хвалится молодой женой.
 А поросхвастался Владимíръ стóльнiе-кíевской:
 «А у меня-то у князя да у Владимíра
 «Есть на пиру русьскíихъ могучíихъ три богá-
 тыря:
 «Есть старóй казакъ да Илья Муромецъ,
 «Есть Добрынюшка Микитиничъ,
 «Есть Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
 «Ай же вы русьскíи могучíи богáтыри!
 «Послужите-тко мнѣ князю-то Владимíру.
 «Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 «Возьми-тко ты úздицу тесмяную
 «Да поди-тко на конюшню на стоялую,
 «Возьми тамъ сѣделишко черкаское,
 «Уздай сѣдай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Возьми-тко ты úздицу тесмяную,
 «Поди на конюшню на стоялую,
 «Тамъ возьми сѣделишко черкаское,
 «Уздай сѣдай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Возьми-тко ты уздицу тесмяную

«Да и поѣди на конюшню на стоялую,
 «Тамъ возьми сѣдельшко черкасское,
 «Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Всѣ подпруги-то шелковыи,
 «Шпеньки желѣза-то булатнаго
 «А стремена краснаго золота;
 «Красно золото не ржавѣть,
 «На конѣ добрый молодецъ не старѣть.
 «Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ!
 «Съѣзди-тко ты въ большу землѣ да въ Золоту

Орду,

«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
 «Телѣжки-ты ордынскіи,
 «Отпусти ко городу ко Кіеву.
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Съѣзди-тко ты въ большу землѣ во Большу Орду,
 «Нагрузи-тко оттудова
 «Телѣжки-ты ордынскіи,
 «Отпусти ко городу ко Кіеву.
 «Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
 «Возьми тамъ русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подѣлянку королевичну.»
 Взялъ тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Уздицу тесмяную
 Да и поѣшелъ на конюшню на стоялую;
 Онъ взялъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Добрынюшка Микитиничъ
 Взялъ тутъ уздицу тесмяную,
 Поѣшелъ на конюшню на стоялую,
 Взялъ тамъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Взялъ тутъ уздицу тесмяную,
 Поѣшелъ на конюшню на стоялую,
 Взялъ тамъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Всѣ подпруги-то шелковыи,
 Шпеньки желѣза-то булатнаго,
 Стремена краснаго золота;
 Красно золото не ржавѣть,

На конѣ доброй молодецъ не старѣть.
 Садился тутъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Пвановичъ,
 На добра коня;
 Видли добра молодца сядучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣпу,
 Черезъ стѣпу да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Добрынюшка Микитиничъ
 Садился на добра коня;
 Видли добра молодца сядучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣпу,
 Черезъ стѣпу да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Садился на добра коня;
 Видли добра молодца сядучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣпу,
 Черезъ стѣпу да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Пріѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
 Тутъ они крестами-то побратались,
 Назвались братьями-то назваными:
 Который скорѣ съѣздитъ, такъ за того Бѣга мо-
 лить,
 Который скорѣ помрѣтъ, такъ того поминать.
 Поѣхалъ тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ
 Во большу землѣ да въ Золоту Орду,
 Нагрузился-то оттудова дани выходы,
 Телѣжки-ты ордынскіи,
 Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
 Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Во большу землѣ да во Большу орду,
 Нагрузился-то оттудова дани выходы,
 Телѣжки-ты ордынскіи,
 Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
 Къ королю тому къ подольскому,
 За щитомъ онъ взялъ русскую красавицу,
 Марью лебедь бѣлую,
 Подѣлянку да королевичну,
 Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
 Пріѣзжаетъ съ другой стороны посоль да заморскіи
 Отъ царя да отъ бухарьскаго,
 Около города около Кіева колесомъ прошоль,
 Скрычалъ онъ по звѣрному,
 Засвисталъ онъ по змѣнному:

«Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 «Отдайте намъ русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подолянку да королевичну;
 «Не такъ, Кїевъ за щитомъ возьмемъ,
 «Вынесемъ святыню со Божїихъ церквей,
 «Станемъ держать добрыхъ комоной.
 «Отнустн-тко ты дани выходы,
 «Телѣжки-ты ордынскїи
 «Въ землю ту Бухарьскую,
 «Къ королю тому бухарьскому.»
 Стóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Напиши-тко ты ёрлуки,
 — Что посланы дани выходы
 — Во землю ту заморскую,
 — Къ королю да ко бухарьскому
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ.—
 Отправляется Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Въ землю ту заморскую,
 Къ королю да ко бухарьскому.
 Стóворитъ-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подóлянка да королевична:
 «Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣдешъ какъ во землю ты заморскую,
 «Къ королю да ко бухарьскому,
 «Который скорѣе помрѣтъ, такъ прожить въ землн
 мертвымъ три мѣсяца.»
 Поѣзжаетъ-то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Въ землю ту заморскую,
 Къ королю да ко бухарьскому.
 Онъ выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
 — Изволь-ко ты просматривать. —
 П онъ скоро распечатываль, скорѣй того про-
 сматриваль,
 Ужь онъ самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Гдѣ же у тебя дани выходы?»
 Говоритъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Остались дани выходы въ чистомъ поли,
 — Въ телѣжкахъ оси приломались,
 — Остались починивать. —
 Они сдѣлали дощечку на золоти.
 Михайла Пóтыкъ ступень ступилъ,
 Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
 Третей ступилъ да и третъ земли вынгралъ.
 Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
 Михайла Пóтыкъ ступень ступилъ,
 Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
 Третей ступилъ да и поль-зѣмли вынгралъ.

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
 Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
 Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
 Налетѣлъ сизъ голубчикъ дóрогой,
 Сѣлъ онъ на окошечко
 И началъ выговаривать:
 «Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 «Померла твоя русская красавица,
 «Марья лебедь бѣлая,
 «Подóлянка да королевична.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ брóсилъ дощечку изъ дверей въ двери,
 Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
 У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
 Стóворитъ царь заморскїи да и бухарскїи:
 — Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не убей-ко всѣхъ и до единого,
 — Оставь хоть и на сѣмнина,
 — Возьми всю землю заморскую
 — Отъ царя да отъ бухарьскаго. —
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ взялъ всю землю заморскую
 Отъ царя да отъ бухарьскаго,
 Поѣхалъ онъ ко городу ко Кїеву.
 Прїѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Ко городу ко Кїеву,
 Приказаль онъ сдѣлать домовнищечко,
 Чтобы можно лежа лежать,
 Лежа лежать и сїдя сидѣть,
 И стóя стоять.
 Приказаль онъ класть провизьи на три мѣсяца,
 Приказаль сковать онъ клещи-ты желѣзныи.
 Они сдѣлали домовнищечко,
 Чтобы можно лежа лежать,
 Лежа лежать и сїдя сидѣть,
 И стоя стоять.
 Клади провизьи на три мѣсяца
 И сковали клещи-ты желѣзныи.
 Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
 Съ русской красавицей,
 Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
 Съ подóлянкой да королевичной,
 Во сырú землю.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Сутки прожилъ да и другн прожилъ,
 А другїя прожилъ да и третн прожилъ.
 Подплыла змѣя да подземельная,
 Разъ лизнула гробъ, надлизнула,
 Другой лизнула, пролизнула

Третій лизнула, въ гробъ пливётъ.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Захватилъ онъ клещами-то желѣзными
 Змѣю да подземельную,
 И говоритъ змѣя да подземельная:
 «Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Спусти меня змѣю да подземельную,
 «Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
 «Схожу я къ синю морю,
 «Принесу живой воды да мертвой воды,
 «И оживлю твою русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подольянку да королевичну.»
 Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
 Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
 Сходила тутъ змѣя да подземельная
 Къ синемú морю,
 Принесла живой воды и мертвой воды.
 Приносятъ-то Михайла Потыку сыну Иванову.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ взялъ змѣёныша, рѣзорвалъ,—
 Разъ брызнулъ — и сросся весь,
 Другой брызнулъ — зашевелился,
 Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
 Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
 Разъ брызнулъ — кровь заиграла,
 Другой брызнулъ — зашевелилася,
 Третій брызнулъ — сиди сѣла,
 И говоритъ таково слово:
 — Ахъ какъ я долго спала! —
 Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала.»
 И прожили они въ землѣ три мѣсяца.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Скричалъ, слычалъ зычнымъ голосомъ;
 Земля да сколыбалася,
 Все теремъ да пошатилися,
 Съ церковей маковки да повалилися;
 Все въ города да ужахнулись:
 «Еще что это да за уродище!»
 Стóворитъ Владиміръ стольнѣ-кїевской:
 — Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.—
 Выкопали Михайлу Потыка сына Иванова
 Со сырѣй земли.
 Говоритъ Владиміръ стольнѣ-кїевской:
 «Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
 «Дать ли тебѣ города съ пригородками,
 «Али дать села со приселками,
 «Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
 Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородками,
 — Не надо мнѣ селовъ да со приселками,
 — Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
 — А дай ты мнѣ повольку-ту великую
 — Ходить по царевымъ по кабакамъ,
 — Пить зелено вино безденежно,
 — Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
 — Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро. —
 Владиміръ стольнѣ-кїевской
 Далъ-то повольку-ту великую
 Михайлу Потыку сыну Иванову,
 Ходить по царевымъ по кабакамъ,
 Пить зелено вино безденежно,
 Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
 Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
 Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 По царевымъ по кабакамъ,
 Пить зелено вино безденежно,
 Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
 Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
 Приѣхало тутъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королевей, сорокъ королевичевъ
 Ко городу ко Кїеву.
 У кажнаго у царя да у царевича,
 У кажнаго короля да королевича
 Силы по три тьмы, по три тысячи.
 И говоритъ-то вѣдь сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королевей, сорокъ королевичевъ:
 «Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 «Отдай намъ русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подольянку королевичну.
 «Нѣтъ, такъ Кїевъ да щитомъ возьмемъ,
 «Вынесемъ святиню со Божїихъ церковей,
 «Будемъ держать да добрыхъ комоной.»
 Перенала тутъ вѣсточка нерадостна
 Къ Михайлѣ Потыку сыну Иванову:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты ѣшь да пьешь да ироклаждаешься,
 — Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 — Приѣхало вѣдь ко городу ко Кїеву
 — Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
 — Сорокъ королевей, сорокъ королевичей.
 — У кажнаго царя да у царевича,
 — У кажнаго короля да королевича
 — Силы по три тьмы, по три тысячи. —
 Накрутился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Русскою красавицей,
 Марьей лебедь бѣлоей,
 Подольяночкой да королевичной.

Приходитъ-то къ сорока царямъ, къ сорока царевичамъ

И къ сорока королямъ, къ сорока королевичамъ
И самъ говоритъ таково слово:

«Ай же сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
«Ай же сóрокъ королевей, сóрокъ королевичевъ!
«А стрѣляйте-тко вы изъ тугихъ луковъ:
«Кто ближе стрѣлитъ, тотъ скорѣе придетъ,
«Кто далѣ стрѣлитъ, тотъ послѣе придетъ, —
«За того я и замужъ пойду.»

Тотъ стрѣлитъ да иной перестрѣлитъ,
А никто не можетъ нерестрѣлитъ.

«Ай же вы, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
«Сорокъ королевей, сорокъ королевичевъ!

«Бросайте-тко другъ друга:
«Кто можетъ бросить всѣхъ до одинаго,
«За того я и замужъ пойду.»

Тотъ броситъ того да иной иного,
Никто не можетъ бросить до одинаго.

Ухватилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ
Долгаго татарина,

Началъ онъ помахивать;

Куда мáхнеть — улица,

Отмáхнеть — переулками,

Прибилъ всѣхъ до одинаго,

Не оставилъ и на сѣмена.

Сталъ ходить по царевымъ по кабакамъ,
Пить зеленó вино безденежно.

Приѣхалъ тутъ король да политовскій

Ко городу ко Кіеву,

Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ,

И самъ говоритъ таково слово:

«Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кїевской!

«Отдай ты намъ русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подóлянку да королевичну.

«Нѣтъ, такъ Кіевъ за ничтогъ возьмемъ,

«Вынесемъ святиню со Божїихъ церквей,

«Будемъ держать да добрыхъ комоней.»

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна

Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Пванову:

— Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ!

— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,

— Надъ собой негодунки не вѣдаешь:

— Приѣхалъ вѣдь король да политовскій

— Ко городу ко Кіеву,

— Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ. —

Михайло Пóтыкъ сынъ Пвановичъ

Приходитъ къ королю да къ политовскому;

Онъ ухватилъ долгаго татарина,

Началъ онъ помахивать;

Куда мáхнеть — туды улица,

Отмáхнеть — переулками.

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна

Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:

— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ!

— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...

— Уѣхала твоя русская красавица,

— Марья лебедь бѣлая,

— Подóлянка да королевична,

— Съ королемъ да съ политовскимъ. —

Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ

Взялъ своего бурушка кавурушка,

Поѣхалъ онъ въ землю политовскую.

Король да политовскій

Съ Марьей лебедь бѣлою

Приѣзжали ко кресту ко Леванидову,

Раздернули они широкъ бѣлъ шатеръ,

Стали опочивъ держать.

Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ

Приѣзжаетъ ко бѣлú шатру,

И говоритъ-то русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подóлянка да королевична:

«Ай же ты король да политовскій!

«Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Пвановичъ.»

Напила ему чару зеленá вина

Зелена вина да забудущаго,

Выходитъ изъ бѣлá шатра,

Говорить-то таково слово:

— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ!

— Ты прими чару единой рукой

— Да випей чару единымъ духомъ;

— Некому съ нами теперь супротивиться,

— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —

А Михайла Пóтыкъ сынъ Пвановичъ

До вина-то онъ псначивъ былъ;

Онъ принялъ чару единой рукой

Да випилъ чару единымъ духомъ,

Какъ быто въ сонъ заснулъ.

Русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подóлянка да королевична,

Ухватила какъ Михайла Пóтыка сына Иванова,

Она бросила черѣзъ плечо,

Згóворила таково слово:

«Стань-ко бѣлой камешокъ,

«И стой-ко камень по три года,

«А нѣтъ, такъ выйди и до вѣка.»

И сталъ бѣлой камешокъ.

Русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подблянка да королевична,
 Поѣхали съ королемъ да политовскімъ
 Въ землю въ политовскую.
 А братица названн,
 Старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Добрынюшка Микитиничъ,
 Спели они лаботки,
 Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
 Днемъ идуть по солнышку,
 Ночью идуть по камешку,
 Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Выходить-то съ другой стороны
 Старая калика сѣдая:
 «Ай же вы старын калики сѣдатын,
 «Сѣдатын да перехожин!
 «Рады ль вы товарища?»
 Сгворятъ калики перехожин:
 — Ай же ты старая перехожа!
 — Неужто мы не ради товарища? —
 Пошли они въ землю политовскую,
 Къ королю да къ политовскому подь окошечко,
 Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ по кал-
 личему.

Вся земля да сколыбалася,
 Съ церевей маковки да повалилися,
 Всѣ въ городъ да ухагнулися:
 «Еще что это за уродище?»
 Сгворить-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подблянка да королевична:
 — Ай же ты король да политовскін!
 — Есть-то это деверья названн,
 — А третья калика незнаема.
 — Надо взять во покои во особыи,
 — Кормить досыти, и поить допяна,
 — И дарить долюби. —
 И взяли ихъ во покои во особыи,
 Кормили досыти, поили допяна,
 И дарили долюби.
 Пошли они во Кіевъ градъ,
 И говорятъ-то старой казакъ Илья Муромецъ:
 «Ай же ты русская красавица,
 «Марья лебедь бѣлая, подблянка да королевична!
 «Ты не знаешь ли Михайлы Пѣтыка сына Ива-
 нова?»
 Отвѣтъ держитъ русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подблянка да королевична:
 — Ай же вы деверья названн!
 — Не знаю Михайлы Пѣтыка сына Иванава

— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
 Приходятъ-то калики перехожин
 Ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Сгворить старая калика сѣдая,
 Сѣдая да перехожа:
 «Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Станѣмте-тко дѣлать мы животовъ.»
 И сгворятъ калики перехожин:
 — Ай же ты старая калика сѣдая!
 — А дѣлн-тко наши животы. —
 Онъ сталъ дѣлать ихъ животовъ
 На четыре на четверти.
 Сгворить старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «А что же ты, старая калика сѣдая,
 «А дѣлшишь животы на четыре на четверти?»
 Сгворить старая калика сѣдая:
 — Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 — Съ того я дѣлю на четыре на четверти. —
 — Кто можетъ зднѣть этотъ камень черѣзь плечо
 — И броситъ о сырѣ землю,
 — Чтобы росколося камень на двоѣ,
 — Тому четвертая четверть-то. —
 Прискочилъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Ко этому ко бѣлому ко каменю,
 Зднѣлъ камень въ колѣно, да въ колѣно въ
 землю загрязъ.
 Прискочилъ Добрынюшка Микитиничъ
 Ко этому ко бѣлому ко каменю,
 Зднѣлъ камень въ поясъ, да въ поясъ и въ землю
 загрязъ.
 Старая калика сѣдая
 Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю,
 Зднѣлъ камень черѣзь плечо, бросилъ камень о
 сырѣ землю
 И самъ сгворилъ таково слово:
 — Росколнсь-ко камень на двоѣ. —
 И росколося камень на двоѣ,
 Выскочилъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Со этого со блага со каменя.
 И сгворить тутъ старая калика сѣдая:
 — Ай же ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Придешъ какъ ко городу ко Кіеву,
 — Сострой-ко церковь-ту Миколину
 — Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
 Потерялась тутъ старая калика сѣдая,
 Сѣдая да перехожа незнаемо.

Братъца названнн пошли они ко городу ко Кіеву,
 А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Пошолъ онъ въ землю политовскую,
 Къ королю да къ политовскому.
 Приходить къ королю да подъ окошечко,
 Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
 Земля да сколыбалася,
 Съ церквей маковки да повалплиси,
 Веѣ въ городѣ ужахнулся:
 «Еще что это за уродище?»
 Стóворить-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подóлянка да королевична:
 — Ай же ты король да политовскіи!
 — Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
 Налпла ему чару зеленá вина,
 Зелена вина да забудúщаго.
 Выходить на крылечко на дубовое
 И говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Прими чару единой рукой
 — Да выше чару единымъ духомъ.
 — Некому съ нами теперь супротивиться.
 — У бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ:
 — Куда ведутъ, туды и деть,
 — Куда везуть, туды ѣдетъ. —
 Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ принялъ чару единой рукой
 Да ѣ выпилъ чару единымъ духомъ, —
 Какъ быдто въ сонѣ заснулъ.
 Ухватила гуть русская красавица
 Михайла Пóтыка сына Иванова,
 Снесла она его въ сѣни челядни-ты,
 Рóспяла его на стѣну,
 Въ руки забила по гвозду,
 Въ ноги забила по гвозду,
 Еще нѣтъ гвозда сердечнаго!
 Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
 Настасья королевична
 Отпираетъ она окошечко,
 Кричитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
 «Ай же ты мой батюшко король да политовскіи!
 «Ты спусти скорѣи меня въ сѣни челядни-ты
 «Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря.»
 Говорить король да политовскіи:
 — А сходи, Настасья королевична,
 — Въ сѣни челядни-ты,
 — А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
 Приходить-то Настасья королевична
 Въ сѣни челядни-ты.
 Нектямъ гвоздѣ со стѣны вырвала,

Рóспяла долгаго татарина,
 Михайла Пóтыка сына Иванова
 Завернула въ шубку соболинную,
 Повела его во покои во особыи.
 Говорить король да политовскіи:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Кого ты ведешь въ шубки соболинныя? —
 Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
 «Ай же ты мой батюшко король да политовскіи!
 «Была взята маленькая дѣвушка,
 «Перенала *) она русскаго могучаго богáтыря, —
 «Съ того я веду въ шубки соболинныя.»
 Настасья королевична
 Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
 Во покои во особыи.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Сутки прожилъ, другіе прожилъ,
 Другіе прожилъ, третій прожилъ,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
 — Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
 — Была бы мнѣ да сабля вострая,
 — Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
 — Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
 — Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
 — Убилъ бы я русскую красавицу,
 — Марью лебедь бѣлую,
 — Подóлянку да королевичну. —
 Стóворить Настасья королевична:
 «Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Проживи-тко ты три мѣсяца,
 «Заживи-тко ты ранки кровавыи.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Прожилъ онъ три мѣсяца,
 Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи,
 И стóворить да таково слово:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
 — Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
 — Была бы мнѣ да сабля вострая,
 — Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
 — Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
 — Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
 — Убилъ бы я русскую красавицу,
 — Марью лебедь бѣлую,
 — Подóлянку да королевичну. —
 Настасья королевична

*) т. е. испугалась.

Отшпраеть она окошечко

И кричить женскимъ голосомъ:

«Ай же ты мой батюшко король да политов-
скін!

«Не могу больше жить во покояхъ во особыхъ!»

«Быть бы мнѣ конь да богатырскія,

«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,

«Была бы мнѣ да сабля вострая,

«Было бы мнѣ конье да долгомѣрное,

«Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,

«Поѣхала бы я да обкольчужилась

«Во чистѣ поле прогуливаться.»

Говоритъ король да политовскін:

— Ай же ты Настасья королевична!

— Возьми-тко ты уздицю тесмяную

— Да поди на конюшню на стоялюю,

— Тамъ возьми сѣдельшко черкаское,

— Ты уздай сѣдай бурушка кавурушка,

— Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

— Тринадцатый ради крѣпости;

— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,

— Возьми тамъ саблю вострую,

— Возьми тамъ ты конье да долгомѣрное,

— Возьми тамъ ты штыки да молодецкіи. —

Взяла тутъ Настасья королевична

Уздицю тесмяную,

Приходитъ на конюшню на стоялюю,

Взяла тамъ сѣдельшко черкаское,

Уздала сѣдала бурушка кавурушка,

Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

Тринадцатый ради крѣпости.

Приводитъ ко крылечку ко дубовому,

Приходитъ во покои во особые,

Говоритъ да таково слово:

«Ай же ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«А убей-то русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подѡлянку да королевичну,

«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...»

«Ты примешь чару единѡй рукой,

«Ты выпьешь чару единѡмъ духомъ,

«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —

«Выхватитъ она у тебя саблю вострую,

«Отсѣчетъ тебѣ буйну голову.»

Садился тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
на добра коня,

Поѣхалъ онъ да обкольчужился;

Пріѣзжаетъ къ королю да подѡ окошечко,

Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.

Земля да сколыбалася,

Всѣ теремы да пошатилися,

Съ церковей маковки да повалилися,

Всѣ въ городѣ да ужахнулись:

«Еще что это за уродище?»

Стѡворитъ русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подѡлянка да королевична:

— Ай же ты король да политовскін!

— Есть это Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ. —

Налпла ему чару зелена вина,

Зелена вина забудѣшаго,

Выходитъ на крылечико

И говоритъ таково слово:

— Ай же ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивано-
вичъ!

— Ты ирими чару единѡй рукой

— Да выше единѡмъ духомъ.

— Некому съ нами теиерь супротивитъся;

— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —

И Настасья королевична

Отшпраеть свое окошечко,

Кричитъ, зичитъ женскимъ голосомъ:

«Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Не прими ты чару единѡй рукой

«Да не выше чару единѡмъ духомъ,

«А убей ты русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подѡлянку да королевичну.

«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву

«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу.»

Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

Занесъ саблю вострую

Да убилъ тутъ русскую красавицу,

Марью лебедь бѣлую,

Подѡлянку да королевичну.

И пошолъ онъ во покои во особые

Къ королю да къ политовскому;

Онъ хотѣлъ убить короля да политовскаго;

А выходитъ-то Настасья королевична,

Захватила Михайлу Пѣтыка сына Иванова

И начала она его да уговаривать:

«Ай же ты Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«А не убей-ко ты моего батюшка,

«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу.»

Поѣхали ко городу ко Кіеву,

Они приняли по злату вѣнцу,

Съ Настасьей королевичной

Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.

Состроилъ онъ церковь-ту Миколнну

Своему ангелу, Михаилу архангелу.

Старину спюю спнему морю на тѣпшину,
Добримъ людемъ на послушанье.

Записано въ Тамбовѣ, 10 іюля.

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподь той ли сподь березы кудреватя,
Сподь того ли сподь креста Левандова
Выходило четыре туря да златорогѣхъ,
Шли эты туря да мимо Кіевъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
Видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
А по той ли стѣны по городови
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаётъ святу книгу евангельё,
А не столько читаё, вдвоемъ она плачѣтъ.
Стрѣтилась турица ихна матушка:
— Здравствуйте туря да малы дѣтушки! —
«Здравствуйёшь турица наша матушка!
«Шли ми туря да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
«А по той ли стѣны по городови
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
«А читаё святу книгу евангельё,
«А не столько читаё, вдвоемъ она плачѣтъ.»
Говоритъ турица ихна матушка:
— Глуши туря да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городова.
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ несчастно,
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподь той ли сторонуши съ восточны
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со тымъ дячкомъ да со выдумщикомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А й у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А й у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дячка да у выдумщика
Силы сорокъ тысячей.
А не случилось во Кіевѣ богатырей:

А старой казакъ да Пля Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны;
А случилось во Кіевѣ голь кабацкая,
А Василей сынъ Игнатъевичъ.
Направляетъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдь сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдь зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдь того ли дячка да выдумщика.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай Батыга, охотѣли мою буйную головушку!
«Еще знаю во Кіевѣ воротца незаперты,
«А не заперты воротца незаложенны.»
Наливали ему чару зеленя вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью мѣду сладкаго,
А сливали эти чары въ единой мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ еди-
ною рукой,

Выпиваетъ единымъ духомъ.

Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей.»
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатъевичъ на чисто
на полѣ,

Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатъ,
Началъ онъ той силушки порубливатъ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головы.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, охотѣли-ко мою буйную го-
ловушку.»

Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью мѣду сладкаго,
А сливали эти чары въ единой мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей единой рукой,
Выпиваетъ-то Василей единымъ духомъ.
Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіевѣ воротца незаперты,
«А незаперты воротца незаложенны.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто на полѣ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатъ,
Сталъ онъ вѣдь силушку порубливатъ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головы.

Приходитъ-то Василей сынъ Пгнатъевичъ:
 «Опохмѣль-ко, Батыга, буѣну голову.»
 Наливали ему чару зелена вина,
 Наливали ему другу пива пьянаго,
 Наливали ему третью меду сладкаго,
 А сливали эти чары въ единое мѣсто;
 Мѣрой эта чара полтора ведра,
 Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 Принимаетъ-то Василей единою рукой,
 Выпиваетъ-то Василей единымъ духомъ,
 Говорить-то Василей таково слово:
 «Еще знаю я во Києвн воротця незаперты,
 «А незаперты воротця незаложенный.
 «Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»
 И далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А поѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживати,
 Сталъ онъ той силушки порубливати,
 Онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 А богатырской сердце розгорѣлось,
 Богатырская рука да размахалася,
 Пріѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдь,
 Началъ онъ по силушкѣ поѣзживати,
 Началъ онъ той силушки порубливати,
 Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головѣ.
 А поѣхалъ-то Василей въ славный Києвъ въ слав-
 ный градъ.
 А старину споемъ синему морю на тишину,
 Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 июля.

—
 42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника да королевскіихъ
 Пріѣзжали къ дядюшкѣ,
 Чолпанъ король литовскому:
 — Дядюшко Чолпанъ король литовскій!
 — Мы хотимъ ѣхать на святую Русь
 — Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ.—
 И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король литов-
 скій:
 «Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
 «Два племянника королевскіихъ!
 «Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
 «А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.

«Поѣзжайте-тко во чисто поле:
 «Во чистомъ полі есть вѣдь погребы тамъ глу-
 бокии
 «А насыпаны они золотомъ,—
 «Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдь.»
 Они съѣздили да во чисто полѣ,
 Они взяли это золото,
 Пріѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король литовскому
 И говорятъ да таково слово:
 — Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король ли-
 товскій!
 — А мы хотимъ ѣхать на святую Русь,
 — А на святую Русь да въ каменную Москву. —
 Они здумали да и поѣхали.
 Наѣзжали въ Росіи они первое село,
 Велико село да ровно три церкви;
 Они ѣли шли да и пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Наѣзжали въ Росіи они второе село,
 Велико село да вѣдь шесть церквей;
 Они ѣли шли да и пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Наѣзжали въ Росіи они третье село,
 Велико село да девять церквей;
 Они ѣли шли да и пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Перечала тутъ вѣсточка нерадостна
 Грозному царю Иванъ Васильевичу:
 «Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 «Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собою нездоушки не вѣдаешь:
 «Наѣзжало вѣдь два Ливика литовскіихъ,
 «Два племянника да королевскіихъ,
 «Наѣзжали въ Росіи первое село,
 «Велико село да ровно три церкви;
 «Они ѣли шли да и пограбили,
 «Велико село да огню придали.
 «Наѣзжали въ Росіи они второе село,
 «Велико село да вѣдь шесть церквей;
 «Они ѣли шли да и пограбили,
 «Велико село огню придали.
 «Наѣзжали въ Росіи они третье село,
 «Велико село да девять церквей;
 «Они ѣли шли да и пограбили,
 «Велико село огню придали.
 «Увелили они Настасью Митріевну
 «А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ.»
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Онъ бралъ себѣ силушки по надобью,
 Онъ бралъ силушки три дружинишки;
 Пошли они къ рѣки да къ Смородину;

Онъ сдѣлалъ тутъ да три жеребья.
 Первый жеребей бросилъ на воду,
 А тотъ жеребей да вѣдь ко дну шоль:
 «А этой дружинишкѣ убитой быть.»
 Онъ сдѣлалъ другой жеребей,
 Онъ вѣдь бросилъ его на воду,
 А пошоль тотъ жеребей въ поводъ воды:
 «А эта дружинишка въ полонъ будетъ взята.»
 Сдѣлалъ третей жеребей,
 Онъ бросилъ его вѣдь на воду,
 Пошоль жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
 «Этая дружинишка со мной будетъ.»
 И пошли они да во чисто поле.
 Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ай же вы дружинишка хоробран!
 «Я какъ первой разъ закрыву чернымъ ворономъ,
 «Вы ѣшьте пейте да вѣдь кушайте;
 «Второй разъ закрыву я чернымъ ворономъ,
 «А вы быдьте при всѣй при орудіи;
 «А третій разъ закрыву я чернымъ ворономъ,
 «А вы, дружинишка хоробрая,
 «Вы при мни быдьте.»
 И пошоль тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Онъ зашоль въ ложню въ оружейную,
 А замочки отъ оружищевъ онъ порозвертѣлъ,
 По чисто полю да вѣдь порозбросалъ,
 Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ потщипалъ,
 По чисто полю всѣ порозбросалъ;
 Зашоль онъ въ стойло лошадиное,
 А головушки у лошадушекъ онъ поотрубилъ,
 По чисто полю-то всѣ порозбросалъ.
 Обвернулся онъ да горносталечкомъ
 И началъ по бѣлу шатру онъ побѣгивать,
 А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продагивать.
 А говорилъ-то тутъ младенчикъ таково слово:
 «А не нашъ ли то дядюшка побѣгиваетъ,
 «Что бѣлъ шатеръ да продагиваетъ?»
 Этые да два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ
 Прикрыли шубой соболиною.
 Выскочилъ горносталечекъ во шубной рукавъ,
 Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ.
 Онъ вѣдь сѣлъ да на сырѣй дубъ,
 Закрывалъ онъ чернымъ ворономъ;
 А хоробрая да дружинишка
 Они ѣли пили да вѣдь кушали.
 Говорять-то два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ:
 «Не кричи-тко черной воронъ на сырѣй дубу!
 «Мы скоро тебя да позастрѣлимъ.»
 А бѣжали въ ложню въ оружейную, —

А замочки да порозверчены
 По чисто полю да порозбросаны.
 А второй разъ закрывалъ черной воронъ на сырѣй дубу;
 Вся хоробрая дружинишка обкольчужилась.
 Говорять-то два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ:
 «А не кричи-тко черной воронъ на сырѣй дубу!
 «А мы скоро тебя да й позастрѣлимъ.»
 А хватились они да за тугіи луки,—
 А тетивочки приотщипаны,
 По чисто полю да порозбросаны.
 Закрывалъ-то третей разъ черной воронъ;
 А бѣжали они въ стойлу лошадиную,—
 А у лошадушекъ головушки поотрублены,
 По чисто полю да порозбросаны.
 Поскакала тутъ дружинишка хоробрая,
 Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
 Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
 Они взяли, руки ноги имъ повязомали,
 Посадили ихъ да на лошадушки
 А отправили ихъ въ землю-ту литовскую,
 Къ дядюшкѣ Чолпанъ король литовскому.
 И такую они дали заповѣдь:
 «Не дай Богъ да не дай Господи
 «А бывать больше на святой Руси,
 «Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 іюля.

—
 XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ изъ Тилевницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица пѣтъ былныи и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она пѣвала.

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говариваль Добрынюшка матушки,
 Говариваль да самъ наказываль;
 «Свѣтъ ли государь да моя матушка,
 «И честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго рѣдила?
 «И ужъ какъ ты бы мѣня нынѣ рѣдила
 «И во синѣ бы море бѣлымъ камешкомъ бросила,
 «И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
 «И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
 «И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодецвъ
 «И не слезилъ бы Добрыня отцевъ матерей.
 «И ужъ какъ нонечку, матушка, таперечку,
 «Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
 «И прощенье дай да и благословеньице
 «Мнѣ-ка ѣхать въ дѣлече далѣче во чисто поле.
 «И ужъ ты дашь прощенье, и поѣду я,
 «А ѣ не дашь прощенье, да ѣ поѣду я.»
 И заходилъ-то ѣнъ въ конюшню бѣлодубову
 И бралъ себи коня не сѣдлана,
 А ѣ не сѣдлана бралъ да не ѣзжана,
 И ужъ ѣнъ уздицю-ту надѣвалъ тѣмяную,
 И сѣделышко полагалъ черкальское,
 Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
 И не ради красы да молодецкой,
 Ради крѣпости да богатырской.
 И ужъ какъ шелкъ-тотъ не рвется, булатъ не
 гнется,

Красно золото не ржавѣеть.

Ивыходитъ мѣлоды (*такъ*) Настасья да Миклуична,
 Она спрашивать у Добрыни у Миклуича:

— Ай же ты Добрынюшка Никлуичнъ сынъ!
 † И ужъ ты какъ же нынѣ мнѣ волю дашь:
 — А ѣ вдовой ли жить, аль замужъ пойти? —
 «Ужъ ты мѣлоды Настасья да Миклуична,
 «Ужъ какъ мужъ-то въ лѣсъ, а жена замужъ!
 «Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ, —
 «Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 «И пожди-тко Добрыню второ шесть годовъ;
 «Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
 «И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ иди.
 «Хоть ты поди нонь да князя, за боярина,
 «Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 «И только не ходи нонь за Олешу за Поповича
 «И за бабьяго да нересмѣшника.»
 И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
 Ужъ не видли Добрынюшки поѣдуци.

Только въ дѣлечи далѣчи во чисто поле
 Поднималася погода непомятая
 А ѣ отъ исконоти да лошадиной.
 И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
 Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
 Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
 кievской
 Свата посылаетъ нынѣ свататься,
 Книжницу Опраксію свакою.
 — И ужъ я ждала Добрынюшку перво шесть годовъ,
 — Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 — Ужъ я прожду Добрыню второ шесть годовъ. —
 И ужъ какъ ждала Настасья второ шесть годовъ,
 Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 И ужъ какъ тую пору да въ то времечко
 Честна вдова Офимья Александровна
 Она пошла ко честной обѣдн ко заутреней.
 Въ тую пору да въ то времечко,
 Идетъ съ дѣлеча далѣча со чисто поле
 Три калки перехожихъ.
 И ужъ какъ гунья-ты на нихъ да сорочинскіи,
 Подсумки да рыта бархату
 И лапотники на ножкахъ и семи шелковъ
 И въ носу вилегено по камешку по яфанту.
 Они въ день идутъ по красному по солнышку,
 Они въ ночь идутъ по камешку по яфанту.
 Перва калка перехожая
 Она спрашивала пути широкой дороженки
 И въ дѣлече въ далѣче во чисто поле.
 И ужъ какъ друга-та калка перехожая
 Она проситъ милостники да подъ окошечкомъ.
 Третья-та калка перехожая
 Она безъ-просѣ (*такъ*) зашла да на вдовинный дворъ,
 И ужъ крест-отъ кладеть да по писаному,
 Поклон-отъ ведеть да по ученому
 И что на вен на четыре нонь на стороны,
 И ужъ какъ молодой Настасья нонь въ особину.
 И ужъ молада Настасья да Миклуична
 Она съ лавочки не стала и поклону-то не въздала.
 И спроговориť калка перехожая:
 — А ѣ ушито было-то, уѣдено,
 — И въ краснѣ-то было похожено,
 — На добрыхъ коняхъ было поѣзжено!
 — И ужъ какъ нонечку было топеречку
 — Съ лавочки не стануть, намъ поклону-то не
 въздають. —
 И поворотъ держитъ калка перехожая
 И во дѣлече въ далѣче во чисто поле.
 И приходитъ богоданая ѣйна матушка
 И честна вдова Офимья Александровна
 И отъ честной отъ обѣдн отъ заутреней.

Какъ разсказывать молоды Настасья да Микулична:

«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Александровна!
«Ужь ты была у честной обѣдни у заутреней,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со дѣлеча съ далѣча со чистѣ поля,
«Приходило три калѣки перехожихъ,
«И ужъ какъ гувья-то на нихъ да сорочинскія,
«Подоумыи да рыта бархоту
«И лапотники на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу вылетело по камешку по яфанту.
«Ены въ день идутъ по красному по солнышку,
«Ены въ ночь идутъ по камешку по яфанту.»

И спроговорить честна вдова да Александровна:
— Ужь ты молоды Настасья да Микулична!
— Не калики-то были перехожіи,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три богатыря:
— Первый богатырь Илья Муромецъ,
— И другой богатырь Пѣтыкъ Михайла сынъ
Пвановичъ,
— И ужъ какъ третій-то богатырь Добрынюшка
Микитичъ сынъ.—

И ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской

И ужъ ѣнь свата посылалъ нынѣку свататься,
И княгиню Опраксию свахою.

А ѣ отказывать Настасья всѣхъ сватовѣй:
«Ужь я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужь я ждала Добрыню второ шесть годовъ,
«Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«То что мнѣ-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»

И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужь какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской

Свата посылалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксию свахою.
Тутъ-то вѣдь Настасья Микулична
Она спрашивать у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честна вдова Офимья Александровна!
— Какъ же мнѣ-ка нынѣку волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль замужъ пойти? —
Какъ говоритъ она да такovy слова:
«Ай же ты молоды Настасья да Микулична!
«И топеръ теби да воля вольная,

«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»

И ужъ какъ тутъ Настасьюшка замужъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересѣбшника.
И ужъ какъ тутъ у солнышка нынѣ ширъ пошоль,
Прибѣгала со далѣча съ далѣча со чистѣ поля,
Прибѣгала скоро скоморошина
Ко честной вдовы Офимьи Александровной,
Говорить она да такovy слова:
— И ты честна вдова Офимья Александровна!
— Ужь ты дай-то мнѣ Добрынины гусельничокъ,
— И поиграть у солнышка у князя на ширѣ вѣдь
все. —

Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да такovy слова:
— Ай же ты князь да стольнѣ-кѣвской!
— Дай же нынѣку мнѣ-ка мѣстыце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гусельничка. —
Говорить солнышко князь стольнѣ-кѣвской:
«Ай же ты скоро скоморошина!
«Ужь какъ мѣстыца-ты все да признаны,
«Столько мѣстыца что на печки на муравленой.»
И ужъ какъ скочитъ скоро скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Стать играть въ Добрынины гусельничка;
Ужь ѣнь также играетъ что Добрынюшка Микитичъ сынъ,

Онъ съ Кѣва игралъ все до Новѣграда,
А ѣ съ Новѣграда игралъ да все до Кѣва.
И ужъ какъ солнышку игра та прилюбилася,
Налилъ ѣму чару пива пьнаго,
Другу-ту налилъ зеленѣ вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошникѣ:
«И ты бери-тко чару единѣй рукой,
«Выпей-ко чару единѣймъ духомъ.»
Ужь какъ брать онъ чару единѣй рукой,
Выпилъ чару единѣймъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошникѣ:
«Ты бери-тко чару единѣй рукой,
«Выпей чару единѣймъ духомъ.»
И говоритъ-то скоро скоморошина:
— Ужь ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской!
— И кому знаю, эту чару поднесу. —
И подноситъ чару нонѣ молоды Настасьи да
Микуличной:
— Молоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару единѣй рукой.
— Выпей чару единѣймъ духомъ.

— Ужь ты пьешь до дна — увидишь добра,
 — А й не пьешь до дна — да не видать добра. —
 Брала она чару единой рукой,
 Пила чару единымъ духомъ;
 Тамъ на дни лежить перетень обрученн,
 Съ которыми съ Добрыней обручалася.
 И ужь какъ тутъ-то Настасья приужахнулась,
 Говорить она да таковы слова:
 «Какъ не тотъ мой мужъ, кой возлі меня,
 «А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня.»
 И ужь какъ брала его за руки за бѣлы
 Да за него за перстни за злечены,
 И цѣловала во уста-то во сахарни.
 И ужь какъ тутъ-то нынъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
 Говорить-то онъ да таковы слова:
 — Не дивую я да глупой женщины,
 — Дивую я солнишку князю стольнѣ-киевску,
 — Отъ жнва мужа жону отводитъ. —
 И ужь какъ бралъ-то онъ Олешу за желты кудри,
 Бросилъ Олешу на кирпичень мость,
 Только-то Олешенька и женать бывалъ.

Записано въ Типеницѣ, 10 юля.

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
 Девяносто лѣтъ да цѣлу тысячу,
 И за тымъ Буславъ да переставился.
 Оставлялоси да чадо милое,
 А й милое дитя да что любимое,
 Еще молодой Василій да Буславьевичъ.
 И онъ сталъ на улицу похаживать,
 Съ малыма ребятками побалывать,
 Не хоробши у него да пошли шуточки:
 И кого ѣнъ возьмѣтъ за руку, —
 У того руки да быдто не было,
 И кого ѣнъ возьмѣтъ за ногу, —
 У того ноги да быдто не было.
 Пошли мужики да новгородчана
 Къ честной вдовы Намельфы Тимофеевны,
 И творять на него жалобу великую:
 «Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
 «Уйми-тко свое да чадо милое,
 «А и милое дитя да что любимое,

«Молода Василья да Буславьева.
 «Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
 — Я теерь тебя матушка послушаю. —
 Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлывать,
 Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
 Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 На широкой дворъ да на почестень ширъ.
 И пошли мужики да новгородчана,
 Пошли старин да идутъ малыи,
 А еще къ ему да идутъ древние.
 Спрогоборить Василій да Буславьевичъ:
 «Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 «Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 «На широкой дворъ да на почестень ширъ.»
 И пошли мужики да новгородчана,
 Идутъ старин да идутъ малыи,
 Еще къ ему да идутъ древние.
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 «Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 «На широкой дворъ да на почестень ширъ.»
 И пошли мужики да новгородчана,
 И пошли старин да идутъ малыи,
 Еще къ ему да идутъ древние.
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Не наполнить буде пива пьянаго,
 «Не насытитъ буде меду сладкаго.»
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Кто истеритъ мой черленый вязъ,
 «Тотъ выпьетъ чару зеленá вина,
 «Поклонъ поставитъ да й во дворъ пойдетъ.»
 Еще какъ большій тулится на середняго,
 Средній-то тулится да на меньшаго,
 Отъ меньшаго брата отвѣта нѣтъ.
 Пошли мужики да новгородчана,
 И говорятъ они да таковы слова:
 — И не уито-то было да не уѣдено,
 — И въ краснѣ-то хорошо не было хожено,
 — На добрыхъ коняхъ не было ѣжено,
 — Безвѣчья на вѣкъ призализано *). —
 И ужь тутъ какъ нынъ Василій да Буславьевичъ
 Доньяна да ѣнъ вѣдъ напиваетъ,
 Испохмѣльница да зашолъ въ маленьку,
 Въ маленьку зашолъ да во челядинку,
 Испохмѣльница да плотно спать заснулъ.
 И провѣдала его да родна матушка,
 И заворчала дубьемъ да колодыамъ нонь,

*) т. е. найдено, получено, отъ глагола *лѣзть*, *залѣзать*.

Чтобы не можно вытти на святую Русь.
 Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка.
 На Дунай рѣку идетъ по воду,
 И сама Василью нынѣко говоритъ:
 «Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
 «Долго спишь ты, вѣдь не пробудился,
 «И твоё братѣ, дружина все хоробрая,
 «Въ далечи далечи во чистомъ поли
 «А и бьются нонь они да ратятся,
 «Главы кушакамы перевязаны,
 «И уже они да во рудѣ ходять.»
 Спрогоборить Василій да Буславьевичъ:
 — Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
 — И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
 — И сроботай-ко роботу не тяжелую,
 — И отворочай-ко все дубѣ да колоды нонь
 — И повыпусти Василья на святую Русь. —
 Послужала его вѣдь дѣвушка,
 Послужала его служаночка,
 Отворочала все дубья да колоды нонь
 И повыпуститъ Василія на святую Русь.
 И ужь какъ наскори попала тутъ телѣжна ось,
 Взялъ онъ осью той да помахивать,
 Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
 И уже мужиковъ да мало ставится.
 Пошли-то мужики да новгородчана
 Пошли къ старцищу, пошли къ Ондрѣищу
 И къ его оцищу *) таки крѣстное:
 «Ай же ты старчище, ай же Ондрѣище!
 «И уймн-тко чадо милое, дитѣ любимое,
 «Еще мѡлода Василья да Буславьева,
 «И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена.»
 И пошоль старцище, пошоль Ондрѣище,
 И на главы-то несе колоколь,
 Языкомъ подпирается.
 Что Василій здогодается:
 — Ай же ты старцище, ай же ты Ондрѣище,
 — Да мое оцищѣ таки крѣстное!
 — Не дано янчко ти христовское,
 — Вотъ теби янчко нонь петровское.
 — И ужь ты взглянь-ко на небо,
 — Что на небп-то дѣется. —
 И взглянулъ старчище, взглянулъ Ондрѣище,
 И ўперъ старчища да подъ ясны очн,
 И ўпалъ старчище да о сыру землю.
 Только старцищѣ да вѣдь ѣнъ живѣ бывалъ.
 Ужь какъ тутъ-то нонь Василій да Буславьевичъ,
 Ужь какъ сталъ онъ осью-то помахивать,

Сталъ мужиковъ доколачивать,
 И уже мужиковъ да мало ставится.
 Пошли мужики да новгородчана
 Къ честной вдовы да къ Тимофеевной,
 И говорятъ они да такovy слова:
 «И честна вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
 «И уймн-тко свое чадо милое,
 «А и милоѣ дитѣ любимое,
 «И что мѡлода ль Василья да Буславьева,
 «И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена.»
 И ужь какъ тутъ честна вдова да Тимофеевна
 И садилась ѣна да на добра коня
 И поѣхала во далече въ далече во чистѡ поле,
 А еще къ нему сзadı да призаѣхала
 И захватила ѣго за руки за бѣли
 И за него перетни что за значеные,
 И говоритъ она да такovy слова:
 — Ай же ты да мое дитятко,
 — И ужь ты мѡлодой Василій да Буславьевичъ!
 — Теби полно во поли нонь поляковать,
 — И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена. —
 И говоритъ-то нонь Василій да Буславьевичъ:
 «Ай же ты да моя матушка!
 «Кабы ты ко мнѣ да спереди зашла,
 «Я теперь бы тебѣ живой да не спустилъ. —
 «И расходилось мое сердце богатырское.
 «Я теперь тебе матушка послушаю. —
 «Ай же вы дружѣ братѣ хороброе,
 «Садитесь-ко на насады черленые,
 «Поѣдемте по славному веряжскому!»
 И ноѣхали по славному по веряжскому,
 Заѣхали на гору сорочинскую,
 И ничего-то на горы они да не нашли;
 Столько лежить-то на горы да кость суха глава,
 Кость суха глава да человѣцка.
 И ужь какъ сталъ Василей кости-то поппинывать,
 И суху главу да поталыхивать (*такъ*):
 — Ты провѣщисъ-ко да кость суха глава,
 — Кость суха глава да человѣцкиммъ голосомъ,
 — Али ты кость да е мошеницка,
 — Али ты кость да подорожницка,
 — Али ты кость да е татарская,
 — Али ты кость да е крестьянская? —
 И провѣщилась да кость суха глава
 И человѣцкиммъ голосомъ:
 «Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
 «Ты меня кости не поппинвай,
 «И сухой главы не поталыхивай.
 «Я вѣдь кость-то не мошеницка,
 «Я вѣдь кость не подорожницка,
 «Я вѣдь кость-то не татарская,

*) Отъ слова *отецъ*.

«Я вѣдь кость была крестьянская.
 «Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
 «Ужь какъ тутъ же будешь ты кататся,
 «Тутъ же будешь ты валятися.»
 Ужь какъ тутъ Василью стосконалоси:
 — Ай же вы дружѣ братьѣ хороброе!
 — И пойдете по горы по сорочинскія. —
 И пошли-то по горы по сорочинскія
 И ничого-то на горы они да не нашли;
 Есть только лежить на горы бѣлый камешокъ,
 И на камешкѣ подпись-то подписана:
 И кто заѣде на гору на сорочинскую,
 И скочить-то вдоль да бѣла камешка.
 И въ долину-то камень сорока сажень,
 А въ ширину-то камень тридцати сажень.

И ужъ тутъ-то какъ Василью призахвѣстпулось:
 — Ай же вы дружѣ братьѣ хороброе!
 — И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
 — И ужъ какъ я удалый добрый молодець
 — Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
 И самъ завѣлъ скочить, но не дѣскочилъ,
 И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смерть случилося.
 И метали они сходил-ты дубовыи,
 И ужъ какъ ставили кресты животворящии.
 Спасеть-то Богъ теби на тишины,
 И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 юля.

И.

И У Д О Г А.

ПУДОГА.

XII.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ небольшою бородкой; живетъ земледѣльческимъ трудомъ. Переялъ всѣ былины, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ разсказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сѣживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былины. Тутъ-то мальчишка-пастухъ, прислушиваясь къ пѣвнѣю старика, переялъ отъ него многія изъ былинь, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставлялъ къ этому старику, чтобы ему сѣлъ что нибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинь; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что вострогое соблюденіе имъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ. Впрочемъ, не

смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по нагѣву между былинами, сложенными хоренческимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе цѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальныхъ мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинь, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыбн. т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

43.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Пародился Миклушка Селягинновичъ,
А тотъ этотъ Вольга да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да въ глубокія станы,
А птицы улетѣли во темныя лѣса,
А звѣри-то ушли за крутыя горы.
Да тутъ этотъ Миклушка Селягинновичъ,

А тутъ Вольгѣ да Всеславьевичъ,
 Пвязали оны неводы шелковѣи,
 А ту эту рыбушку повѣловили.
 А поладили пегельи шелковыи,
 А ту эту птичущку новѣдавили.
 А поладили оружьница цильнѣи,
 А этыхъ звѣрьевъ да новѣстрѣяли.
 Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что было,
 Въ поли ратай орѣтъ, сошка наскрыпываетъ.
 Какъ тутъ этотъ Микулушка Селягиневичъ
 Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
 А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
 А наполь онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
 «А Богъ-ти помочь ратай здѣ.»
 — А ты этые Вольгѣ Всеславьевичъ,
 — А пожалуй-ко Микулушка Селягиневичъ! —
 Ино тутъ дубья да колодыя въ борозду валить.
 — Ай же ты Вольгѣ да е Всеславьевичъ *). —
 А тутъ-то оны да согласилиси,
 А тутъ-то оны да думу думали
 А ѣхать тутъ оны во Куржовець,
 А ѣхать молодцамъ да во Орѣховець
 А со своей со силушкой великою.
 А набѣ-то **) Вольгѣ да сошка обрядить.
 А подхватилъ-то своимъ чобогомъ сафьяннымъ
 А тую-то сошку да ратную,
 А улетѣла тая сошка по подоблачью,
 А пала тая сошка на сырѣ землю,
 А ушла тая сошка до рогача она
 А во тую матушку во сыру землю.
 Ино поѣхали они добры молодцы
 А ко тому ко городу ко Куржову,
 А ко Куржову городу къ Орѣхову.
 Какъ тыи мужики были куржевски
 А тыи мужики было орѣховски
 А узнали ихъ-то вѣдучи,
 Что вѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовець,
 А вѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховець;
 Подѣлали мосточки поддильнѣи,
 Поддильнѣи мосточки все калиновыи,
 Калиновы мосточки все фальшивыи.
 Да зашла эта силушка Никулушкина
 А на эти мосточки на калиновы,
 А подломилъси ты мосточки да калиновыи,
 А калиновы мосточки фальшивыи,

*) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладница, Прохоровъ не могъ лучше напомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

**) *Набѣ* — надобно.

А погнуло тутъ силушки да много той.
 Какъ тутъ-то Микулушка Селягиневичъ,
 А какъ тотъ это Вольгѣ Всеславьевичъ
 А тутъ-то оны да розсердилися,
 А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
 Да заѣхали молодцы да во Куржовець,
 А заѣхали оны да во Орѣховець,
 Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
 Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
 А нахлыстали-то ихъ всихъ до любви:
 Каково вамъ мужики да за дурачество!
 Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
 Да поѣхали тутъ по чистѣ полю.
 Да одва гонится Микулушка Селягиневичъ
 А за этимъ Вольгѣи да Всеславьевичемъ.
 Какъ говоритъ Микулушка Селягиневичъ:
 «Обожди-тко меня да братъ названный,
 «А ты эты да Вольгѣ Всеславьевичъ.»
 Обождалъ тутъ его Вольгѣ да Всеславьевичъ,
 А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
 А цѣны цѣнить кобылушки той:
 «Да эта кобыла у тебя была соловая,
 «Дать за эту кобылу нунь пятьсотъ рублей.
 «А кабы эта кобылушка конѣмъ была,
 «Дать за этого коня цѣла тысяча.»
 — Да ай же ты Микулушка Селягиневичъ!
 — А не знашь моей кобылушки цѣны ты цѣнить.
 — Кабы эта кобылушка конѣмъ-то была,
 — Дакъ за этого коня цѣны нѣ было бы.
 — А нунь эта кобылушка кобылой стала,
 — Дать за эту кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволокъ, 26 июля.

46.

ИЛЪЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на село на прекрасное,
 На стольней-отъ городъ на Кіевъ градъ
 Наѣзжай молодой младѣи Солѣвничковъ,
 А зѣ-за того за славна за синѣ моря,
 Выпращивать себѣ онъ поединщика:
 «Да ай же ты да князь стольней-кіевской!
 «А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
 «Какъ ежели какъ не даѣши какъ мнѣ,
 «А я-то вѣдь вангъ стольнѣи Кіевъ градъ

«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнѣй покачу.»
Какъ тутъ ужъ князь стольнѣ-кѣвской
А шоль-то онъ на выходы высокѣи
А закричалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучѣи богатыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнѣму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крикъ
А старин казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новѣмъ сѣнямъ,
Какъ по тыи по гридни по столовыи,
Идетъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостинки подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да на питу
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнѣ-кѣвской
«А со своей княгинѣй со Апраксѣй!
«А ты чего кричишь, насъ треложишь ли,
«А насъ русійскѣихъ могучѣихъ богатырѣвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣтъ держитъ:
— Ахъ ты старин казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не кричать, не треложитъ мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнѣй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣжа есть,
— А наѣзжать зъ-за славна за синѣ мора
— Молодой младай сюды Соловниковъ,
— Выпрашивать себѣ онъ поединщика,
— Какъ говорить-то ми онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнѣ-кѣвской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не даѣшь нуль,
— «А я вашъ стольнѣй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ коньца его зажгу,
— «Головнѣй его покачу.» —
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повислушала,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣзвѣи ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А разлетѣлся столъ на всѣ стороны:
«Да ай же ты князь стольнѣ-кѣвской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнѣй-отъ городъ я за Кіевъ градъ.»
Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ дер-
жать,
Приходитъ Ильюшенка назадъ домой,

Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдала добра коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кладывае подпруги на подпруги,
А кладывае потяички на потяички,
А кладывае войлочки на войлочки,
Сѣделка кладывае на сѣделышка,
Черкальское сѣделко на перѣхъ еще,
А ты эти подтяжечки шелковыи,
Кладывае, самъ выговариваетъ:
«А не дя-то вѣдь, братцы, красы басы,
«А не дя-то вѣдь мнѣ было убожества,
«А для укрьни мнѣ богатырскѣи.»
Какъ видѣл-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видѣл какъ удалаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чисто полѣ,
Какъ прѣѣзжать Ильюша на Соловника
Изъ далеча изъ чиста поля.
Какъ ударилъ онъ Соловника въ голову
А налицою своею богатырскою, —
Какъ сидитъ что ль Соловниковъ, не стрѣхнется,
Какъ жолтыи кудѣрка не сворохнутя.
Отѣѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумался:
«А колько ни татарь я на вѣкѣ бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разѣ я все пошибалъ,
«А этого вѣдь татарина не мѣгъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стрѣхнется,
«А жолтыи кудѣрка не сворохнутя.»
Какъ приравливалъ Ильюшенка онять онъ добра
коня

А на того на млада на Соловника.
Какъ ударилъ онъ Соловника онять ѣго въ голову
А налицою своею богатырскою, —
А сидитъ что Соловниковъ, не стрѣхнется,
Жолтыи кудѣрка не сворохнутя.
Какъ отѣѣзжалъ Ильюша на чисто полѣ,
На чисто поле далечошенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумался:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тимъ еще Соловникомъ
Рѣчиеть языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со леныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говорить Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрныи!
— А ѣдьте вы за славно за синѣ море
— А ко моей ко рѣдныи ко матушки,
— А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстницомъ.
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,

— А паѣзжать изъ далеча ко мнѣ изъ чиста поля
 — А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
 — А вуньчу у меня топерь у мѡлодца
 — Рѣчнсть языкъ топерь мѣшается,
 — Мозги въ головы потрясаются,
 — А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
 Какъ тутъ ёго слуги-ты вѣрныи
 Поѣхали туды они съ извѣстникомъ,
 Какъ со тымъ извѣстникомъ нерадостнымъ.
 Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
 Опять-то онъ приправливалъ добра коня
 На того на млада на Солѡвника.
 Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
 Палицой своей богатырскою,
 А сидить-то что Соловниковъ, не стрѣхнется,
 Опять жолтын кудерка не сворохнутъ.
 Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
 Какъ говорить тутъ Илья таково слово:
 «Да ай же ты удалой доброй молодець!
 «Да полно е намъ да битъся ратитъся,
 «А лучше мы еще, доброй молодець,
 «Опустимся мы нунь со добрыхъ коней,
 «Станемъ нунь битъся рукопашкою.»
 Какъ тутъ-то вѣдъ спускалися они съ добрыхъ
 коней
 А на тую-то матушку сырую землю,
 Пошли-то они битъся рукопашкою.
 Какъ тутъ-то розошлись, розбѣжались, —
 Ильюшенка да былъ оя свичень-то,
 А свичень-то Ильюшенка, догадливъ онъ, —
 Какъ скоро обскочилъ на окѡлъ ёго,
 Ударилъ-то вѣдъ въ сутычъ да во шею-то,
 Мѡлода ударилъ онъ Солѡвника.
 Какъ сбилъ тутъ ёго да на сыру землю,
 Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
 А сѣлъ-то къ ёму на бѣлую грудь,
 А выдернулъ ножницю самъ княжатищю,
 Занѣсь тутъ Ильюшенка праву руку
 А на того на млада на Солѡвника, —
 Тутъ рука въ плечи застоляси.
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
 «Да ай же ты удалой доброй молодець!
 «Ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
 «Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
 «А ты скажи, скажи да коей орды,
 «Ты еще скажи мнѣ да былъ коей земли?»
 Какъ говорить Солѡвникъ таково слово:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.

— Какъ былъ бы я у ты на бѣлой груди,
 — Да не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я ти бѣлую грудь. —
 Занѣсь ояте Ильюшенка вострой-отъ ножъ,
 Вострой-отъ ножъ занѣсь да праву руку,
 Да рука въ плечи тутъ застоляси.
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
 «Ай же ты удалой доброй молодець!
 «А ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Коей-то ты орды есть, коей земли,
 «А коего отца да коей матушки?
 «Царь ли ты вѣдъ былъ здѣ, царевичъ ли,
 «Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
 Говорить онъ тутъ таково слово:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Нонь ты надо мною надсмѣхаешься,
 — Сидишь ты на мой на бѣлой груди.
 — Былъ бы я у ты на бѣлой груди,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ у ты бы ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь. —
 Занѣсь ояте Ильюшенка вострой-отъ ножъ,
 Вострой-отъ ножъ занѣсь, свою праву руку,
 Да рука тутъ въ плечи да застоляси.
 А началъ тутъ Илюша онъ доспрашивать:
 «Ай же удалой доброй молодець!
 «А ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Коей-то орды есть, коей земли,
 «А коего отца да коей матушки?
 «Царь ли ты вѣдъ былъ здѣ, царевичъ ли,
 «Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
 Какъ началъ онъ затѣмъ ему высказывать:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Какъ былъ бы я у ты на бѣлой груди,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ у ты бы ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь!
 — Когда началъ ты вѣдъ нунь выспрашивать,
 — Когда началъ нунь ты вѣдъ довѣдывать,
 — Какъ я тебѣ скажу нунь порѡзкажу:
 — Есть-то я зѣ-за славна зѣ-за синя моря.
 — А есть-то молодой младой Солѡвниковъ,
 — А есть-то я отъ матушки Натальюшки,
 — А вѣдъ батюшка не знаю я какой-то былъ. —
 Скочилъ тутъ Илья на рѣзвыи ноги,
 Здымаетъ онъ за рученки за бѣлки:
 «Ахъ ты молодой младой Солѡвниковъ,
 «Да ахъ же ты вѣдъ сынъ мой любимый!
 «Какъ полно е намъ битъся ратитъся,
 «Лучше мы съ тобой поѣдимъ, поьемъ.»

Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
 Бѣли лебѣдушки порушали.
 Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,
 А спитъ онъ молодець, прокладается,
 Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
 Какъ этотъ молодой младой Соловнковъ
 Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,
 Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
 А кладывае стрѣлочку каленую,
 Какъ скоро онъ стрѣлилъ еще Илью въ бѣлую грудь.
 Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,
 Какъ былъ тутъ у Ильи да золотъ крестъ,
 А золотъ крестъ онъ былъ три пуда есть.
 Какъ ото сна богатырь пробуждается,
 Самъ на уличку онъ тутъ пометається,
 Какъ выскакалъ онъ въ тонкинъ бѣлыхъ чулоч-
 кахъ безъ чоботовъ
 А въ тонкин бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,—
 Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желты кудри,
 Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,
 Какъ выдернулъ ножицо онъ кнѣжалницю, —
 Какъ тутъ рука въ плечи не застоялася,
 Скоро онъ пласталъ ёму бѣлую грудь,
 Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,
 Рѣзѣкъ его на четыре на часточки
 А роскидалъ ёго по чисту полю.
 Только-то й Соловнику слави поють,
 А Ильинѣ-га слава не минуется,
 Огнинѣ-то вѣкъ по вѣку поють его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 іюля.

47.

ИЛІЯ ВЪ ССОРЪ СЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнѣ-кѣвской
 А й сдѣлалъ какъ задернулъ свой почестной ширъ
 Для князей, для бояръ да для богатырей,
 А для тыхъ богатырей да рускинхъ,
 Чтобы всяко званіе да шло туды
 А на тотъ, на тотъ да на почестный ширъ
 А къ стольнѣму князю ко Владиміру.
 Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
 А что лучшаго да лучшаго богатыря,
 А стараго казака Илью Муромца.
 Да тутъ-то вѣдь къ Ильишѣ не къ лицу пришло,

А не къ лицу пришло, стало похабно есть,
 И тутъ-то Илья да роззодорился,
 А тутъ-то Илья да розретивился.
 Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
 А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
 А тутъ-то самъ Ильюшенка раздумался:
 «А что мнѣ молодцу будѣ подѣлати?
 «А я нынѣ молодець е розгнѣванной,
 «А я нынѣ молодець есть роздрѣженной.»
 Какъ онъ-то за тымъ тутъ новѣдумалъ,
 А стрѣлилъ-то онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
 А по тымъ стрѣлилъ по чуднымъ крестамъ
 А по тымъ маковкамъ золоченымъ.
 Да пали тутъ тыи маковки,
 Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
 Да самъ онъ закричалъ тутъ во всю голову:
 «Да ай же вы были голи мои,
 «А голи мои вы кабацкин,
 «А доброхоты-то вы еще царскіи!
 «А собрайтесь-ко вы да сюда-то вси,
 «А обирайте маковки вси золоченыи.
 «А подѣмте-ко вы да со мной еще
 «А тотъ-то на тотъ да на царевъ кабакъ,
 «Какъ станемъ нунѣ пить да зеленѣ вина,
 «Да станемъ-то пить да заодно со мной.»
 Да какъ тутъ-то эгы да голи были,
 А голи были оны кабацкин,
 А доброхоты все были царскіи,
 Обирали маковки тыи золоченыи,
 Самы оны къ ёму да прибѣгають все:
 — А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —
 А пили тутъ оны да зеленѣ вино,
 Какъ пили тутъ оны да заодношенько.
 Да какъ видить-то князь что бѣда пришла,
 А бѣда-га пришла да неминучая,
 Да какъ тутъ-то онъ да е скорымъ-скоро,
 А скорымъ скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почостный ширъ
 А для стараго казака Ильи Муромца.
 Да тутъ-то вѣдь князь да стольнѣ-кѣвской,
 Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
 Со князьями со бояры со русійскима
 А со тьма со могучима богатырмы:
 «А думайтѣ-тко братцы вы нунѣ думушку,
 «А думайтѣ-тко братцы думу крѣпкую,
 «А думайте думу не продумайте:
 «А намъ кого будѣтъ послать да Илью позвать,
 «А позвать сюды къ намъ на почестной ширъ,
 «А стараго казака Илью Муромца?»
 А какъ тутъ-то они да думу думали:
 — А намъ-то есть кого послать Илью позвать?»

— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича.
 — Онъ ему да вѣдь братъ крестовин,
 — А крестовин-то братецъ да названнн,
 — Дакъ онъ-то, бывагь, его послушаетъ. —
 Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
 А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
 Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
 «А здравствуй-ко братецъ мой крестовин,
 «А крестовин братецъ мой названн!»
 Да какъ старин казакъ Илья Муромецъ
 Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
 — Ай здравствуй-ко братъ мой крестовин,
 — А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 — Ты зачѣмъ же пришоль да загулять сюда? —
 «А пришоль-то я, братецъ, загулять къ тебѣ,
 «А о дѣлѣ-то пришоль да не о малоемъ.
 «Да у насъ-то съ тобой было рѣньше того,
 «А рѣньше того дѣло подѣлано
 «А пониси были понисаннн,
 «А заповѣди да поположоннн,
 «А слушать-то брату да мѣньшому,
 «А мѣньшому слушать брата бѣльшого.
 «Да еще-то какъ у насъ да есте съ тобѣй
 «А слушать-то брату вѣдь бѣльшому,
 «А й бѣльшому слушать брата мѣньшого.»
 Да тутъ гѣворить Илья таково слово:
 — Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовин!
 — Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобѣй
 — А всѣ-то пописи да были вѣдь пописаны
 — А заповѣди были поположены,
 — А слушать-то брату вѣдь мѣньшому,
 — А мѣньшому слушать да бѣльшого,
 — А бѣльшому слушать брата мѣньшого.
 — Кабы не братецъ ты крестовинный былъ,
 — А нѣкого бы я не послушалъ здѣ!
 — Дакъ послушаю я братца нунъ крестоваго,
 — А крестоваго братца я названаго.
 — А тотъ ли-то князь стольнѣ-кѣвской
 — А зналъ-то послать меня кого позвать!
 — Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
 — Меня позвалъ туды да на почестной ширь,
 — Да я тебя братецъ же послушаю. —
 Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
 Да тотъ старин казакъ да Илья Муромецъ
 А со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитичемъ,
 А со братомъ со своимъ да со крестовиннымъ.
 А даютъ ему тутъ мѣсто не мѣньшое;
 А не мѣньшое мѣсто было — бѣльшое,
 А садятъ-то ихъ во бѣльшой уголь,
 А во бѣльшой уголь да за бѣльшой-отъ столъ.
 Да какъ налили тутъ чару зеленѣ вина,

А несли эту чару рѣдомъ къ ему
 А къ старому казаку къ Илье къ Муромцу.
 Да какъ припялъ онъ чару единой рукой
 А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
 А другу наливали пива пьянаго,
 А несли эту чару рѣдомъ къ ему,
 А припялъ тутъ Ильюша единой рукой,
 Еще выпилъ онъ оиатъ тутъ во единой здохъ.
 Какъ третью наливали мѣду сладкаго,
 Да припялъ молодець тутъ единой рукой,
 Еще выпилъ онъ оиатъ тутъ во единой здохъ.
 Тутъ наѣлси, напилси вси, накушалси,
 Да стали тутъ они да вси пѣнѣшенки
 А стали тутъ они вси веселѣшенки.
 Какъ гѣворить Илья тутъ таково слово:
 — Ай же ты князь стольнѣ-кѣвской!
 — А зналъ-то послать кого меня позвать,
 — А послать-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
 — А того-то мни Добрынюшка Микитича.
 — Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
 — А нѣкого-то я бы не послушалъ здѣ,
 — А скоро патянуль бы я свой тѣрой лукъ,
 — Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
 — Да стрѣлнлъ бы ты въ гридню во столовую,
 — А я убилъ бы ты князя со княгинюю.
 — За это я тебѣ-то нунъ прошу
 — А этуку вину да ту великую. —

Записано тамъ же, 26 юля.

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова. т. I, 17).

Какъ сильной мѣгучо-то Иваннцо,
 Какъ онъ Иваннцо справляется,
 Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается
 Итти къ городу еще Еросѣлму,
 Какъ Господу тамъ Богу помолнтися,
 Во Ёрданъ тамъ рѣченки купатися,
 Въ кипарисномъ деревци сушитися,
 Господнѣму да грѣбу приложнтися.
 А сильной-то мѣгучо Иваннцо,
 У его лапотци на вожкахъ семи шелковъ,
 Ключа-то у его вѣдь сорокъ нудъ.
 Какъ ино тутъ промежь-то лапотци поплѣтены
 Каменья-то были самоцвѣтннн.

Какъ межѣнн цдень да шоль онъ по красному
солнышку,
Въ осеню ночь онъ шоль по дорогомю каменю
самоцвѣтному.

Ино тутъ это сильною могучею Иваннцо
Сходилъ къ городу еще Еросѣлнму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ёрдань-то рѣченки купался онъ,
Въ кипарисномъ деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шоль мимо Царь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Царі-гради
Наѣхало погано тутъ Идолищю,
Одолѣли какъ поганы вси татарева,
Какъ скоро тутъ святин образа были покѣлоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то цервахъ онъ началъ тутъ коней
кормить.

Какъ это сильною могуче тутъ Иваннцо
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чистѣ поле
А началъ у поганана доспрашивать:
«Ай же ты татаринъ да невѣрный былъ!
«А ты скажи, татаринъ, не утай себя:
«Какой у васъ погано есть Идолищю,
«Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»
Говоритъ татаринъ таково слово:

— Какъ есть у насъ погано есть Идолищю
— Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А головнщю что вѣдь люто лохалнщю,
— А глазнщю что пивныхъ чашнщю,
— А носъ-отъ на рождъ онъ съ локоть былъ. —
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ ёго въ чистѣ полѣ,
А розлетѣлся у татарина тутъ косточки.
Пшоль-то тутъ Иваннцо впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкею,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старин казакъ Илья Муромецъ:
«Здравствуй-ко ты старин казакъ Илья Муромецъ!»

Какъ онъ ёго вѣдь тутъ еще здоровуется:
— Здравствуй сильною могучо ты Иваннцо!
— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пѣтъ держншь? —
«А я бреду, Илья еще Муромецъ,
«Отъ того я города Еросѣлнма.
«Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
Во Ердань-то рѣченки купался тамъ,
»

«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
«Шоль-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ.»
Какъ началъ тутъ Пльющенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Пльющенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царі-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Царі-гради по прежному?—
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Царі-гради-то нуньчу не по старому,
«Въ Царі-гради-то нуньчу не по прежному.
«Одолѣли есть поганы татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищю,
«Святин образа были покѣлоты,
«Въ черныи грязи были потоптаны,
«Да во Божьихъ цервахъ тамъ коней кормить.»
— Дуракъ ты сильною могучо есть Иваннцо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватен половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эти бы тебя й паказалъ
— По тому-то тѣлу по нагому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костян-
тина Боголюбова?

— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачники сафьянны.
— Сокручуся я калнкой перехожею. —
Сокрутился е калнкой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добра коня:
— На-ко сильною могучо ты Иваннцо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра коня!
— Хотя ты ѣздн ль, хоть водкомъ води,
— А столько еще, сильною могучо ты Иваннцо,
— Жнви-то ты на улѣвномъ *) этомъ мѣстечки,
— А жнви-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клншн-то мнѣ-ка сорокъ пудъ.—
Не дойдеть тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подавать ему клншу свою сорокъ пудъ,
Взнимать-то онъ отъ ёго тутъ добра коня.
Пшоль тутъ Пльющенка скорымъ скоро
Той ли-то калнкой перехожею.
Какъ приходилъ Пльющенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чистѣ полѣ,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,

*) Уловное мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-нибудь.

— Какой у вас вѣвѣжа есть поганый былъ,
 — Поганый былъ поганое Идолицо? —
 Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
 «Есть у насъ поганое Идолицо
 «А росту двѣ сажени печатныхъ,
 «Въ ширину сажень была печатная,
 «А головнищо что вѣдь лютое лохалищо,
 «Глазнища что вѣдь пивныя чѣшнища,
 «А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ.»
 Хватилъ-то онъ татарина за руку,
 Бросилъ онъ его во чисто поле,
 Розлетѣлись у его тутъ косточки.
 Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
 Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
 Закрываетъ Илья тутъ во всю голову:
 — Ахъ ты царь да Костянтинь Боголюбовичъ!
 — А дай-ка мнѣ калики перехожин
 — Злато мнѣ, милостину спасѣную. —
 Какъ ино царь-онъ Костянтинь-онъ Боголюбовичъ
 Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовѣется.
 Какъ тутъ въ Царь-гради отъ крыку еще каличьего
 Теремы-то вѣдь тутъ пошатался,
 Хрустальнии оконнички посыпался,
 Какъ у поганого сердечко тутъ ужѣхнулось.
 Какъ говоритъ поганой таково слово:
 «А царь ты Костянтинь Боголюбовъ былъ!
 «Какой это калика перехожая?»
 Говоритъ тутъ царь Костянтинь таково слово:
 — Это есте русская калика здѣ. —
 «Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
 «Корми-ко ты каликушку да пой его,
 «Надай-ко ему ты злата сѣребра,
 «Надай-ко ему злата ты дѣлюби.»
 Внималъ онъ царь Костянтинь Боголюбовичъ,
 Внималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
 Въ особой-то покой да въ потайныи,
 Кормилъ поилъ калику, зрадовѣется,
 И самъ-то онъ ему воспрогѣворить:
 «Да не красное ль то солнышко порѣспекло,
 «Не младъ ли здѣ свѣтель мѣсяцъ порѣзсвѣтить?
 «Какъ нунечку тонеречку здѣ еще
 «Какъ намъ еще сюда показался бы
 «Какъ старин казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
 «Какъ нунь-то есть было тонеречку
 «Отъ тыи бѣды онъ насъ повиручить,
 «Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи!»
 Какъ тутъ это поганое Идолицо
 Взимаеъ онъ калику на доспросъ къ себи:
 — Да ай же ты калика было русская!
 — Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
 — Какой-то на Руси у васъ богатырь есть,

— А старин казакъ есть Илья Муромецъ?
 — Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣсть,
 — По многу ль еще пьетъ зеленá вина? —
 Какъ тутъ эта калика было русская
 Началъ онъ калика тутъ высказывать:
 «Да ай же ты поганое Идолицо!
 «У насъ-то есть во Кіевн
 «Илья-то вѣдь да Муромецъ
 «А волосомъ да возрастомъ равнѣмъ съ меня,
 «А мы съ имъ были братьица крестовици,
 «А хлѣба ѣсть какъ по три-то колачка крупнв-
 чатыхъ,
 «А пьетъ-то зелена вина на три пяточка на
 мѣдныихъ.»
 — Да чортъ-то вѣдь во Кіевн-то есть, не богá-
 тырь былъ!
 — А былъ бы-то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
 — Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
 — Другой рукой опять бы сверху прижалъ,
 — А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
 — Дунуль бы его во чисто поле!
 — Какъ я-то еще вѣдь Идолицо
 — А росту двѣ сажени печатныхъ,
 — А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
 — Головищо у меня да что люто лохалищо,
 — Глазнища у меня да что пивныи чѣшнища,
 — Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
 — Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ.
 — А вѣдь по три-то печи печонныхъ,
 — Пью-то я еще зелена вина
 — А по три-то ведра я вѣдь мѣрныхъ,
 — Какъ штей-то я хлебаю — по яловницы есте
 рускин *). —
 Говоритъ Илья тутъ таково слово:
 «У насъ какъ у ноиа было ростовскаго
 «Какъ была что корова обжориста,
 «А много она ѣла, пила, тутъ и трѣснула,
 «Тебѣ-то бы поганому да также быть.»
 Какъ этии тутъ рѣчи не слюбилися,
 Поганому ему не къ лицу пришли,
 Хватилъ какъ онъ ножищо тутъ книжальнищо
 Со того стола со дѣбува,
 Какъ бросилъ онъ во Илью-то Муромца,
 Что въ эту калику перехожую.
 Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойдѣтъ сидѣть,
 Какъ скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
 Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.
 Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
 Ударилъ онъ во дверь во дубовую,

*) т. е. въ этихъ щазъ есть цѣлая тѣлка.

Какъ выскочила дверь тутъ съ ободверной,
Улетѣла тая дверь да во сѣни-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровой
На мертвѣ убило, друго ранило.
Какъ остальные татара проклинають тутъ:
— Буди трою проклять, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Пльющѣ не дойдетъ слѣтъ,
Скоро онъ къ поганому подсакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой ёго въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
Хватилъ затымъ поганого онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахивать Пльюша, выговаривать:
«Вотъ мнѣ-ка братця нульчу оружьё по плечу
пришло.»

А бѣтъ-то, самъ Пльюша выговаривать:
«Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
«А тѣнется поганый, самъ не рвется.»
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этимъ поганымъ Пдолицомъ.
Прибиль-то онъ поганыхъ всехъ въ три часу
А не оставилъ тутъ поганого на сѣмена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Плью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты старин казакъ Плья Му-
ромецъ!

— Нонь ты насъ еще да новыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да новыключилъ
— Отъ тинь отъ смерти безнарасныи.
— Ахъ ты старин казакъ да Плья Муромецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительство,
— Пожалую тебя я воеводою. —

Какъ говоритъ Плья ёму Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовичъ!
«А послужилъ у ты столькй *) я три часу,
«А выслужилъ у ты хлѣбъ соль мяккую,
«Да я у ты еще слово гладкое,
«Да еще увѣтливо да привѣтливо.
«Служилъ-то я у князи Володимера,
«Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
«Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккн,
«А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
«Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
«Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
«Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
«Оставленъ есть оставешъ (такъ) на дороженкн.»
Какъ царь-тогъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,

*) т. е. только.

А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сѣребра.
Какъ принималъ Пльюшенка, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато сѣребро,
Тотъ ли-то этогъ скачний жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Бого-
любова:

«Это вѣдь мое-то заработное.»
Какъ тутъ-то съ царѣмъ Костянтиномъ роспро-
сталися,
Тутъ скоро Пльюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это мѣстечко,
Ажно тутъ Пванищо притаскано,
Да ажно тутъ Пванищо придерзано *).
Какъ и приходитъ тутъ Плья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ себѣ платя-ты каличьин,
Розувалъ лапѣцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надѣвалъ на ся платяцца цвѣтныи,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра коня,
Садился тутъ Плья на добра копя,
Тутъ-то онъ съ Пванищомъ еще роспрощается:
«Прощай-ко нуль ты сильноё могучо Пванищо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А выручай-ко ты Русію отъ поганыхъ.»
Да поѣхалъ тутъ Пльюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиничъ
Онъ ходилъ гулять по чистѣ полю,
Приѣзжалъ Добрынюшка къ сьму дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сьромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ цѣрний вранъ.
Какъ тутъ этогъ Добрынюшка Микитиничъ
Патигивалъ скоро свой онъ тѣгой лукъ
А клѣдыае стрѣлочку каленую,
А хочеть онъ стрѣлить тутъ черна ворона.
Воронъ тутъ ему спроязычился
А тымъ этимъ язѣкомъ чоловѣческимъ:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
«А не стрѣли меня черна ворона,
«Я тебѣ скажу всё порѣскажу.

*) т. е. у него платье истаскаво и порвано.

«Какъ въ Кіевн ребята есть говорить:
 «Старца-то убить есть не спасенѣ,
 «Какъ ворона-то стрѣлнить не корысть буде по-
 лучить,
 «Сизымъ перьемъ воронинимъ не патѣшнтся,
 «Мясомъ те моимъ не наѣстися.»
 Какъ у того было да у ворона
 Полю конецъ-то крылья были бѣлыи.
 Какъ говорить-то воронъ таково слово:
 «Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 «А я тебѣ скажу все порозскажу.
 «Бѣдъ же ты на гору на высокую
 «А на тое на шоломцѣ искатнеѣ,
 «А тамъ-то есть три чудушка три чудныхихъ,
 «Тамъ-то есть три дивушка три дивныхихъ:
 «Какъ первое тамъ чудо бѣлымъ-бѣло.
 «А другое-то чудо краснымъ-красно,
 «А третее-то чудо чернымъ-черно.»
 Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Какъ скоро молодець самъ пороздумался,
 Говорить тутъ ворону: «это правда есть,
 «А старца вѣдъ убить буде не спасенѣ,
 «Ворона стрѣлнить не корысть буде получитьъ,
 «А сизымъ воронинимъ перьемъ мнѣ-ка не на-
 тѣшнтся,
 «Мясомъ мнѣ его не наѣстися.»
 Какъ отпускала Добрынюшка свой тѣгой дукъ
 А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
 Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
 — А лучше я поѣду что на гору на высокую,
 — На тое-то я шоломцѣ искатнее,
 — Гляднть-то тамъ три чуда я три чудныхихъ,
 — Гляднть-то я три дивушка три дивныхихъ. —
 Какъ скоро онъ приправливалъ добра коня,
 Тутъ скорымъ-скоро, скоро да скорѣшенько
 Бѣхалъ онъ на гору на высокую
 А на тое-то на шоломцѣ искатнее.
 Какъ смотрнть тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
 Какъ ино тутъ стоитъ шатѣръ бѣлоолотняной,
 Какъ у шатра замокъ былъ булатнн,
 На замку тутъ поднше подписана:
 «Кто во шатѣръ еще сюды заходитъ,
 «Тотъ изъ шатра живъ да не вѣходнть.»
 Какъ розгорѣлось его сердце богатырское,
 Ударнлъ кулакомъ по замку-то онъ,
 Отпалъ замокъ вѣдъ тутъ на сыру землю.
 Смотрнть тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
 А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
 Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
 Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Не столько молодець да вѣдъ бѣль-то ниль,

А сколько молодець онъ тутъ на-земь срылъ
 А сиролнлъ молодець, во ногахъ стопталь.
 А самъ молодець онъ да спать-то лѣгъ.
 А сннть онъ молодець проклаждается,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаеть.
 Изъ далеча тутъ вѣдъ изъ чиста поля
 А прнѣзжать Олена сынъ Поповнчъ былъ,
 А смотрнть тутъ Олешенька на чудо-то:
 Не столько вѣдъ да сннто, сѣѣдено,
 Сколько сиролнто да срыто, въ ногахъ иритонтано.
 А тутъ-то вѣдъ Олена розретивлся
 А розгорѣлось его сердце богатырское.
 Занесъ-то онъ востро конѣ вострымъ коньцѣмъ,
 Хочеть онъ ударнть Добрынюшку въ бѣлую грудь.
 За тымъ-то онъ Олешенька роздумался:
 «Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
 «А бнть-то мнѣ-ка сонпаго что мѣртваго.
 «А лучше сяду на добра коня Добрыннна,
 «А буду бнться, стану я драться ратнться
 «Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитнцомъ.
 «А на томъ на добромъ конн Добрыннномъ.»
 Саднлся тутъ Олена на добра коня,
 А на того добра коня Добрыннна, —
 Какъ ударнлъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцѣмъ.
 Тупымъ коньцѣмъ ударнлъ да вострымъ коньцѣмъ.
 Ото сну богатыръ иробуждается,
 На улицу тутъ скоро пометається.
 Выскакали онъ въ тонкнхъ бѣлыхъ чулочкахъ
 безъ чоботовъ
 А въ тонкнхъ бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
 Да тутъ Добрынюшка Микитиницъ
 А ухватнлъ онъ свою палнцу еще богатырскую,
 Какъ начали тутъ драться они ратнться.
 Добрынюшка носкакнвалъ пѣхотою,
 Олешенька тотъ ѣзднть на добромъ конѣ.
 А на томъ на добромъ конѣ Добрыннномъ.
 Какъ день бьются они тутъ не бѣаючн,
 Ночь бьются они да не пнваючн.
 Какъ другой день бьются они н другу ночь,
 Отдоху-то вѣдъ тутъ нмъ не давается.
 А третнй день бьются н третью ночь,
 Отъ нхъ пошоль-то тутъ еще стукъ да гремъ
 А стала мать земелюшка продрагнвать.
 Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
 А старнн казакъ тутъ Илья Муромецъ,
 Какъ тутъ снднть Пльюшенка, самъ думаетъ:
 — А й это есте русьскнхъ богатыри.
 — Гдѣ нн-то дерутся они, ратнтся? —
 Какъ скоро тутъ Пльюшенка сѣдлалъ добра коня,
 Кладывалъ онъ подпругн на подпругн,
 А кладываетъ потнчкн на потнчкн,

Кладывает войлочки на войлочки
 А кладывает сѣделка на сѣделишка,
 Черкальское сѣделко на верѣхъ еще,
 Ты эти подтяжечки шелковыи,
 Кладываетъ, самъ выговаривать:
 — А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
 — А не для-то вѣдь было для угожества,
 — Для укрѣпы мнѣ богатырскіи. —
 Какъ видни что вѣдь молодца да сядучи,
 Не видли тутъ удалаго поѣдучи,
 Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
 Какъ ѣхалъ тутъ Пльюша на круту гору,
 На тое-то шломоцѣ искатнее,
 Да ажю тутъ дерутся есть два русскіихъ богатыря,
 Молодой Добрынюшка Микитиницъ
 А смѣлой Олешенька Поповичъ-онъ.
 Какъ захватилъ Пльюшенка Добрыню во праву
 руку,
 Олѣшу захватилъ самъ во лѣвую,
 А закрычалъ Пльюша во всю голову:
 — Ай же вы русійскіе могучіе богатыри!
 — А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
 Какъ говоритъ Олеша таково слово:
 «Ахъ ты старын казакъ Илья Муромецъ!
 «Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
 «Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ роз-
 ставлены,
 «У меня-то ѣствы вси розложены, —
 «Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
 «Не столько онъ Добрынюшка да съѣлъ да спилъ,
 «А сколько онъ тутъ спролилъ да на-земь срылъ,
 «На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стояталъ,
 «А мнѣ-ка молодцу того-то жалъ.»
 Говоритъ Пльюша таково слово:
 — Спасибо ти Олеша, за своё стоишь. —
 Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
 — Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
 — Крестовый братъ ты мой да названый!
 — А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
 «Ахъ ты братъ мой крестовын названый,
 «А старын казакъ ты Илья Муромецъ!
 «Какъ-то мнѣ не драться да не ратиться?
 «Какъ у ёго у пса у розбойника
 «Фальшивая да написъ написана:
 «Какъ кто въ шатѣръ суды еще заходитъ,
 «Тотъ съ шатра да живъ тутъ не вѣхидитъ;
 «А я хочу-то живъ да повитти есть.»
 — Спасибо ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло
 поступаешь. —
 А шю вѣдь-то тутъ еще Пльюша вопроговоритъ:
 — А укротите вы да сердцѣ богатырскоѣ,

— А назовитесь вы да братьями крестовыма,
 — А лучше вы крестамы побратайтесь. —
 А ёнъ ихъ улестилъ тутъ угворилъ,
 Да тутъ они не начали больше биться ратиться,
 Укротили сердцѣ богатырское.
 Какъ тутъ они крестамы побратались,
 Назвались братьями крестовыма:
 Добрынюшка назвался да большой братъ,
 Алешенька назвался меньшей ёму.
 Какъ тутъ разошлись норозѣхались.
 Какъ тутъ-то на стольней-отъ городѣ какъ на
 Кіевѣ градѣ
 Назвала тутъ поганá Литва,
 Одолѣли что ль поганый татарева.
 На ту пору было на то времячко
 Богатырей тамъ дома не случилося,
 Стучилось только два русскіихъ два богатыря,
 А молодой Добрынюшка Микитиницъ,
 Смѣлой-то Олешенька Поповицъ былъ.
 Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Ахъ же ты Олешка сынъ Поповицъ былъ!
 «Сѣдай-ко ты своего добра коня,
 «Поѣдемъ мы съ тобой во чисто полѣ
 «А станемъ бить поганыхъ татаревей,
 «Одолимъ ли тамъ мы погану Литву.»
 Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдалъ добрыхъ
 коней,
 Гладывалъ онъ подруги на подруги
 А потнички Добрынюшка на потнички,
 Войлочки что еще на войлочки,
 Сѣделишка еще на сѣделишка,
 Черкальское сѣделко на верѣхъ еще,
 Ты эти подтяжечки шелковыи,
 А кладываетъ, самъ онъ выговаривать:
 «Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
 «А не для-то вѣдь было для угожества,
 «Для укрѣпы мнѣ богатырскіи.»
 Поѣзжать Добрыня, самъ наказывать:
 «Ахъ же ты моя молода жена,
 «Да нушь ты Василиста Микулична!
 «Уѣду я вѣдь нушь во чисто полѣ
 «А бить тамъ я поганыхъ татаревей,
 «Тую эту тамъ погану Литву.
 «Какъ пройдетъ поры времечки три году,
 «А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
 «Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
 «А хоть ли ты тутъ да замужъ поди,
 «Стольки ты не ходи-тко за Олешенку Поповица.»
 Какъ видли молодца ёго сядучи,
 Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
 Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ

А съ тымъ съ этимъ Олешенькой Поповицемъ
 Ъхали они тутъ во чистѣ полѣ.
 Приравливалъ Добрынюшка добра коня,
 Заѣхалъ въ эту силушку въ середочку,
 Какъ началъ бить ту силу татарскую, —
 Олешенька стоитъ тамъ на чистомъ поли,
 Какъ смотритъ-то онъ на брата на крестоваго,
 Какъ бѣтсѣ тамъ Добрынюшка Микитиницъ.
 Приблизъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Какъ эту онъ силу всю въ три часу.
 Какъ смотритъ онъ на брата на крестоваго,
 А на того Олешеньку Поповица,
 А смотритъ онъ, глядитъ, думу думаетъ:
 «А видно нѣтъ жива да брата-то крестоваго,
 «А смѣлаго Олешеньки Поповича.»
 Какъ оно вѣдь тутъ самъ Добрынюшка роздумался:
 «А видно есте путь моя хорошая.»
 Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ что за славно за спнѣ
 морѣ,
 Корить-то тамъ язѣки всё невѣрныи
 А прибавлять земельки свято-русскѣи.
 Прошло тутъ поры времечки три году.
 Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ смнѣ
 Приходить къ Василистѣ къ Микуличной:
 — Да ахъ ты Василиста Микулична!
 — Да я вчера гулялъ на чистомъ поли,
 — А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
 — Лежить-то онъ головушкой въ раки товъ кустъ
 — А рѣзвыи ногми да во кувиль-траву.
 — Поди ты Василиста за меня замужъ. —
 Какъ говоритъ промолвить таково слово
 А тая Василиста Микулична:
 «Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
 «Исполнила я заповѣдь мужнюю,
 «Прошло нунъ поры времечки три году;
 «Исполню я-то заповѣдь свою еще.
 «А нусть-ко станеть поры времечки шесть годовъ,
 «Точно тутъ я вѣдь замужъ пойду.»
 Опять прошло тутъ времечки три году.
 Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
 А со тымъ со княземъ со Владиміромъ:
 — Да ахъ ты Василиста Микулична!
 — А я вчера гулялъ на чистомъ поли,
 — А видѣлъ у Добрынюшки что косточки рос-
 тасканы. —
 Какъ оно тутъ тая Василиста Микулична
 Тутъ она еще пороздумалась:
 «Исполнила я заповѣдь мужнюю,
 «Исполнила я заповѣдь свою-то я,
 «А нѣтъ жива Добрынюшки Микитица,
 «А не видать сюда ёго появиться.»

Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
 Какъ тамъ это Добрынюшка Микитиницъ
 За тымъ за славнымъ за спнѣмъ моремъ,
 А тамъ онъ-то Добрыня на чистомъ поли,
 На чистомъ поли Добрынюшка, въ бѣломъ шатри
 А самъ онъ молодець забавляется,
 Играеть онъ въ доски-ты шахматны
 А въ дѣроги тавлен золоченыи,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
 Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
 А тая Василиста Микулична,
 Какъ тутъ она скорѣ да замужъ пошла,
 А за того Алешеньку Поповица.
 Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
 А ко тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
 Садился на шатѣръ на окошечко,
 Началъ голубъ по окошечку похаживать.
 А началъ онъ тутъ голубъ, погуркивать,
 Началъ онъ затимъ выговаривать,
 А звѣщевалъ язѣкомъ челоѣческимъ:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Играешъ ты въ доски во шахматы,
 — Въ дѣроги тавлен золоченыи,
 — Играшъ, самъ молодець ты проклаждаешся,
 — А надъ собой незгодушки не вѣдаешъ,
 — А я тебѣ звѣщю провѣщю естъ.
 — Какъ естъ-то вѣдь твоя молода жена,
 — Молода жена любимя семья,
 — Какъ естъ-то вѣдь ужъ нунечу замужъ пошла
 — За того Олешку за Поповича. —
 Скобчилъ тутъ Добрыня на рѣзвыи ноги,
 Со той со досады со великин
 Какъ бросилъ эту доску онъ шахматню
 О тую о матушку о сирѣ землю,
 Мать-то что земелюшка продрогнула.
 А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла шатра
 А самъ скорѣ сѣдлатъ онъ добра коня,
 Сѣдлатъ-то онъ коня и выговаривать:
 «Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
 «Какъ несъ меня сюды да ты три году,
 «Неси-тко нунъ домой меня по три-то дня
 «Во стѣльней-отъ какъ городъ во Кіевъ градъ.»
 Садился самъ скоро на добра коня,
 Скорѣмъ скорѣ, скорѣ скорешенько,
 Поѣхалъ тутъ Добрыня зъ-за спнѣ моря.
 Пошолъ тутъ, поскакалъ ёго доброй конь,
 Рѣки-ты ль озѣра перескакивалъ
 А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустнѣлъ,
 А спнѣе онъ морѣ на окѣль бѣжалъ.
 Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-
 то дни

Во стольней-отъ во городъ во Кіевъ градъ.
 Выскакалъ тутъ Добрыня со добра коня,
 Насыпалъ коню тутъ ишени бѣлоровой,
 А скоро самъ онъ шолъ по новѣмъ сѣнямъ,
 Заходилъ въ свою въ горенку во новую,
 А врёсть онъ клáдывае по писаному,
 Поклонь-то ужъ вѣлъ по учёному.
 На вси тутъ на четыре сторонушки,
 А родной своей матушки въ особину:
 «Ай здравствуй-ко моя ты родна матушка!»
 Матушка она тутъ прослезилася,
 А матушка она тутъ поросилакалась:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —
 Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Видно, матушка, ты меня не узнала есть.»
 Она опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — Какъ у моёго милаго у дитятка,
 — А у того Добрынюшки Микитица,
 — На ёмъ были платица все цвѣтныи,
 — А пунь-ка на тебѣ неё платица лоспныи,
 — А лоспныи платяя неё звѣринныи. —
 «Да ай же ты моя родна матушка!
 «Какъ видно ты меня не узнала есть.»
 Говоритъ старушка таково слово:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — Подойди къ старушки поближепекко, —
 — А у моёго у милаго у дитятка
 — Была-то вѣдь знадѣбка родимная,
 — А былъ-то на головки рубечѣкъ-то есть. —
 Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
 А ко тѣи старушки да ко древницъ,
 Какъ тутъ эта старушка да пощупала,
 Ажно было тутъ да до правды-то,
 А есть тамъ была знадѣбка родимная.
 Какъ тутъ она старушка взрадовалася,
 Сама она съ сынкомъ тутъ поздоровалася.
 Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Да ай же ты моя родна матушка!
 «А гдѣ-то есть моя молодá жона,
 «Тая Василиста Микучична?»
 Какъ говоритъ старушка таково слово:
 — Да ай же ты дитя моё милое!
 — Твоя-то нуничу есть молода жона,
 — Молода жона да замужъ пошла
 — За того Алёшу за Поневича. —
 Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Да ахъ же ты моя ль родна матушка!
 «Поди-ко есть во погребы глубокіи,
 «Неси ты мнѣ гусѣлышка яровчаты.

«Я пойду къ Олешѣ на почестный ширь,
 «На тую на свадебку великую.»
 Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скорымъ скоро
 Бѣжала какъ во погребы глубокіи,
 Взимаетъ тамъ гусѣлышка яровчаты,
 А ты эти гусѣлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
 Идѣтъ она старушка пошпрается,
 Подавать Добрынюшки гусѣлышка.
 Взимаетъ тутъ Добрынюшка Микитицицъ
 А ты эти гусѣлка все яровчаты,
 Самъ скоро Добрынюшка справляется,
 А скоро молодець наряжается
 Скорой малой смѣлой скоморошиной.
 Приходитъ Добрыня на почестный ширь
 А на-то столованье на великое.
 Становиася тутъ Добрыня ко порогу,
 Повѣлъ онъ по гусѣлышкамъ яровчатымъ,
 Запгралъ Добрыня по умилыёму,
 По умилыёму по умилыёму.
 Какъ все-то вѣдь ужъ князи и бояра-ты
 А ты эти русійскіи богатыри
 Какъ все они тутъ приослушались.
 За тымъ запгралъ Добрыня по весѣлому;
 Стало красно солнышко при вѣчери,
 А сталь-то тутъ почестный ширь при вѣсели.
 Какъ все-то они тутъ да наѣдалисе,
 А все-то они тутъ да напивалисе,
 Стали тутъ они да мянѣшеньки.
 Играть-то все Добрыня по весѣлому;
 Какъ все они затымъ тутъ розскакалисе,
 Какъ все они затымъ вѣдь росплясалисе,
 А скачуть плясуть все промежъ собой,
 А ничего они тутъ не вѣдаютъ.
 Какъ говоритъ тутъ князь стольней-кіевской:
 — Да ай же ты удалой добрый молодець!
 — Незнаёмъ мы теби да ни имени,
 — Не знаемъ мы теби ни изотчины,
 — Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
 — Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
 — Али съ тиха Донѹ ты донской казакъ,
 — Аль грозной есть посоль ляховитскіи? —
 «Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
 «А не король-то я, не королевичъ былъ,
 «Не есть съ тиха Донѹ не донской казакъ,
 «Не грозной я посоль ляховитскіи,
 «Какъ есть-то я зъ-за слава зъ-за снїи моря
 «А скоро мала смѣла скоморошина.»
 Какъ князь-то тутъ ему воспрогворить:
 — Ахъ скоро мала смѣла скоморошина!
 — А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
 — А за эту шру за умилыюю?

— Города ль теби набѣ съ пригородками,
 — Али села да ти набѣ со приселками,
 — Аль много набѣ безсчотной золотой казны?—
 Какъ онъ-то вѣдь на то имѣ отвѣтъ держитъ:
 «Да ахъ же ты да князь стольнѣ-кѣвской!
 «Не набѣ мнѣ городовъ съ пригородками,
 «Не набѣ-то мнѣ-ка сель-то съ приселками,
 «Не набѣ-то мнѣ безсчотной золотой казны, —
 «А у меня своей есте долюби.
 «А столько-то вы мнѣ позвольте-ко:
 «Надейте мнѣ-ка чару зеленá вина.»
 Какъ тутъ-то ему князь воспроизворить:
 — Скорá мала смѣла скоморошина!
 — Что угодно надо, то мы сдѣлаемъ. —
 Какъ налили тутъ чару зелена вина,
 Подносятъ тутъ Добрынюшка Микитицу.
 Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
 Спустилъ-то онъ туды свой злачонъ перстень.
 А въ эту-то чашу княженецкую,
 Конемъ перстнемъ оны обручались
 Со той съ Василистой съ Микучичной.
 Подносятъ эту чашу княженецкую
 А той да Василисты Микучичной,
 Подносятъ, самъ Добрынюшка сироговорить:
 «Ай ты Василиста Микучична!
 «А пей-ко ты чару зеленá вина
 «Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
 «А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
 «А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра.»
 Она тутъ Василиста Микучична
 Маленько же она тутъ догадаласе.
 А сколько ип-то пила, остатки на-зень лила-то,—
 Какъ взглянуть въ эту чашу княженецкую,
 Ажно тамъ лежить да злачонъ перстень.
 Какъ смотреть-то она на перстень тутъ,
 А на перстню тутъ подпись подписана,
 Конемъ перстнемъ оны обручались
 Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
 Какъ тутъ-то да Василиста-та Микучична
 А й высказала зъ-за стола княженецкаго,
 Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
 — Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подли меня,
 — А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня.—
 Клонится Добрыня поклоняется,
 Сама она ему извиняется:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитицичъ!
 — Исполнила я заповѣдь твою-то я,
 — А другую исполнила свою-то я,
 — А тожно вѣдь я тутъ замужь пошла
 — А за того Олешку за Поповича. —
 Какъ говоритъ Добрынюшка таково слово:

«Да ай же Василиста ты Микучична!
 «Когда-то ты исполнила да заповѣдь свою,—
 «За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
 «Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
 «Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
 «Пошла ты за Олешку за Поповича, —
 «Дакъ я тебѣ еще за то прощу.»
 Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитицичъ
 Хватилъ-то онъ Олешу за желты кудри,
 А выдернулъ съ кормана плеть шелковую,
 Какъ началъ онъ Олешку ёго чѣствовать
 А началъ онъ хлестать его Олешеньку,
 А бьетъ-то онъ тутъ, хлещеть, выговаривать:
 «А каково Олешка ти жениться здѣсь,
 «Отъ живого мужа жѣна отлучать!»
 Какъ клѣнется Олешка проклинается:
 — А будетъ трою проклять на вѣку тотъ былъ,
 — Кто станетъ будетъ эдакъ-то жениться,
 — Отъ живого мужа жѣна отлучать. —
 Какъ нахлыстала Добрынюшка его тутъ долюби,
 А долюби Добрыня ёго досыти,
 Какъ со стыду со страху со великого
 А тутъ этотъ Олешенька Поповичъ-онъ
 Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же. 27 июля.

—
50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнѣ-кѣвской
 А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почѣстный ширъ.
 Какъ все-то къ ему на ширъ собиравшисъ,
 Все тамъ на ширу наѣдался,
 Какъ все тамъ на ширу напивался,
 Стали тамъ оны все пьявѣшеньки
 А стали все оны веселешеньки,
 Князи все бояра-то русійскіи
 А тып-ты могучи все богатыри,
 Какъ все-то они вѣдь тамъ рохвастались.
 Какъ тутъ была еще между има
 А тая эта Нѣпра королевична.
 Какъ-то тая Нѣпра королевична
 Какъ говоритъ промовитъ таково слово:
 «А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ молодцовъ
 «Противо меня Нѣпры королевичной!

«Спаю да нѣту ухваткою
 «Противъ стараго казака Ильи Муромца,
 «А красотою еще было ужестовомъ
 «Противо вѣдь Михайлы Пѣтыка Иванова,
 «А тишиною говоромъ смиренничомъ
 «Противо-то Добрынюшки Микитица,
 «А нѣту-то видъ еще богачествомъ
 «Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
 «А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
 «Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
 «Поступкою походкою пощанкою
 «Противо-то Чурилки щана *) Плѣнкова.»
 Сама она еще не спохватила
 А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
 А своѣго-то мужа любимаго.
 Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
 А говоритъ промолвить таково слово:
 — Ай же ты да Нѣира королевична!
 — Когда же ты охвоча-то была удаляя
 — Стрѣлять-то было стрѣлочекъ каленныхъ,
 — Подѣмъ-ко мы съ тобой на чисто поле,
 — Станемъ стрѣлять стрѣлочекъ каленныхъ, —
 — Который вѣдь стрѣлитъ виднае-то? —
 Какъ тутъ-то тая Нѣира королевична
 Взираетъ тутъ-то ножничокъ булатный,
 Какъ тое-то колечушко серебряно,
 Относитъ что за версту за мѣрную,
 Натянула тутъ она свой да тугой лукъ
 А клала ѣна стрѣлочку каленую,
 Стрѣлила тутъ за версту за мѣрную,
 Попадала въ колечко-то серебряно,
 И росколола ѣна стрѣлочку равнымъ равно,
 Да равнымъ то равно стрѣлку на двое.
 А клала половинки на вѣсем они,
 Никѡя никѡей не перегибавать.
 Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
 Розгорѣлось его сердце богатырское,
 Какъ скоро натануль свой онъ тугой лукъ.
 Кладываётъ стрѣлочку каленую.
 Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
 Началь-то онъ стрѣлочкой помахивать
 А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
 — Ай же ты моя любимá каленá стрѣла!
 — Пади же ты не на воду, не на землю,
 — А ты пади ко Нѣиры королевичной,
 — А ты пади же ѣй во бѣлую грудь. —
 Какъ тутъ-то тая Нѣира королевична,
 Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезилася

А тутъ-то вѣдь она поросилакалася:
 «Ахъ тихій ты Донъ сынъ Ивановичъ!
 «А не стрѣли-тко мѣня Нѣиры королевичной.
 «Да несу я ти сына любимаго,
 «А но колѣнь-то ноженки во сѣребри,
 «А но локоть-то рúченъки во золоти,
 «А но косицамъ некуть будто звѣздышки,
 «На задн-то возсіятъ будто свѣтѣль мѣсяць,
 «Впередн-то какъ будто солнышко.»
 Какъ розгорѣлось его сердце богатырское,
 А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
 Какъ скоро онъ стрѣлилъ ю во бѣлую грудь,
 Какъ пала тутъ она на сырú землю,
 Облилася она кровью тутъ горячею.
 Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
 Взираетъ онъ ножницо тутъ книжалищо, —
 Ино ль то вѣдь еще правда ль есть?
 Пласталь-то онъ вѣдь ѣй да бѣлую грудь.
 Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
 Засіянь-то вѣдь во чреви тотъ смнъ-то бытъ,
 По колѣнь-то ноженки во сѣребри,
 А но локоть-то рúченъки во золоти,
 Назадн просвичать будто свитѣль мѣсяць,
 Впередн еще какъ тамъ солнышко.
 Какъ взялъ это ножницо онъ книжалищо.
 Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь суиротивъ себя,
 А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
 — Да куди пала головка бѣлой лебеди,
 — А тутъ пади головуйка сѣра гуся. —
 Паль онъ на ножницо тутъ книжалищо,
 Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горькая смерть.
 Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крестьянскій.
 Отъ крестьянскій крови безнапрасный,
 Какъ протекала тутъ да Нѣира рѣка.
 Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
 А въ ширину рѣка сороки сажень (такъ).
 Только-то вѣдь Донушку славу поють,
 А той ли этой Нѣиры королевичной.
 Тутъ-то ихъ да жителство рѣшилось.

Записано тамъ же, 26 июля.

*) *Щанъ* — щеголь, *пощанка* — щегольство.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ *).

(См. Рыбникова, т. 1, 33).

А ѿ Иванушко, Иванушко Годиновиць,
 А поѣзжае что Иванушко женитися,
 А къ гостю къ купцю еще Митрици,
 А за то за славное за синё море:
 «Да ахъ же ты мой родной дяюшка,
 «А стольнѣй ты князь да Владимерь нашъ!
 «А пожалуйте позволяете-то мнѣ-ка-ва,
 «Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
 «А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте,
 «А любезный ты мой еще дяюшка,
 «А друго казны ты сорокъ тысячей.»
 Какъ тутъ-то вѣдъ князь стольнѣ-кѣвской
 А давать ему силы сорокъ тысячей,
 А друго какъ денегъ сорокъ тысячей.
 А тутъ-то Иванушко Годиновиць,
 А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
 А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Митрици,
 А прѣѣзжаетъ тутъ Иванушко Годиновиць
 А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Митрици,
 А говоритъ промолвить таково слово:
 «А гость ты кунецъ да еще Митрици!
 «А есте какъ у ти да естъ любезная дочь.
 «А тая эта Марья Митриѣвична,
 «А отдай-ко ты повыдай за мени замужъ.
 «А за Ивана, за Ивана за Годиновица.»
 А говоритъ ему Митрий таково слово:
 — А Иванушко, Иванушко Годиновиць!
 — А выдать би Марью Митриѣвичну,
 — А выдать би повыдать за тебя замужъ;
 — А у мени Марьюшка просватапалъ
 — За царя за Коцегу за Тринѣтовича,
 — Не повыдамъ я, Иванъ, за тебя замужъ. —
 Скочили тутъ Иванъ на рѣзвѣи ноги,
 Хватилъ-то онъ ножницю тутъ книжальницю.
 Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
 А ушолъ тутъ ножикъ да до череня.
 А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 «Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добромъ возьму,
 «А съ добра не отдашь, дакъ я силомъ возьму.»

*) Прослушавъ эту былинку, Иванъ Феофановъ (см. виже. XIII) замѣтилъ, что и самъ ее пѣвалъ въ прежнее время, съ тою только разницею, что Иванъ Годиновиць (такъ онъ прозносилъ это имя) не взялъ предложенной ему Владиміромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка.»

Какъ скочили тутъ Иванъ на рѣзвѣи ноги
 А взимать-то онъ Марью Митриѣвичну,
 А взимать ю за руденки за бѣлѣи
 А за тын за перетни за злеченны.
 Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновиць
 А поѣхалъ назадъ да въ свою сторону,
 А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту полю,
 А ѣхалъ онъ отѣхалъ далечешенько.
 Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
 «А рать же вы силушка великая,
 «А ѣдте-то вы тонери съ извѣтъицемъ
 «А ко моему ко родному ко дяюшкѣ,
 «А къ стольнѣму князю ко Владиміру:
 «А взята у насъ Марья Митриѣвична,
 «А взята-то, взята, мы силомъ да веземъ.»
 Какъ ратная силушка великая
 Да какъ тутъ-то она отиралялася,
 А скорымъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 А ко тому ко городу ко Кіеву
 А къ стольнѣму князю ко Владиміру.
 Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновиць
 Ино хочеть онъ съ Марьей позабавитися,
 А началъ забавлятися на чистомъ полѣ,
 А на чистомъ-то поли да во бѣломъ шатри.
 А живеть тутъ молодѣцъ, забавляется,
 А надъ собой дезгудушки не вѣдаеть.
 А на ту-то пору да на то времячко
 Прѣѣзжаетъ Коцей да сынъ Тринѣтовичъ
 А къ гостю къ купцю еще къ Митрици
 А за Марьей-то, за Марьей Митриѣвичной.
 Какъ говоритъ промолвить таково слово:
 — Ахъ ты гость, ты кунецъ да еще Митрици!
 — А ты екажи, скажи да не утай себя:
 — А гдѣ у ти Марья Митриѣвична? —
 Какъ говоритъ промолвить таково слово
 А гость-отъ кунецъ да еще Митрици:
 «А царь ты Коцегъ сынъ Тринѣтовичъ!
 «А тая эта Марья Митриѣвична
 «Увѣзена у Иванушка Годиновица,
 «А взята-то, взята за себя замужъ.»
 Какъ царь тутъ Коцегъ сынъ Тринѣтовичъ
 А скоро-то онъ вѣдъ снаряжается,
 А скоро за Иваномъ отпраляется,
 А скоро за Иваномъ встѣдъ съ угоною.
 Какъ засталъ-то ѣнъ Ивана на чистомъ поли,
 А на чистомъ полюшки въ бѣломъ шатри,
 А съ той съ этой Марьей Митриѣвичной.
 Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновиць
 А царя того Коцегу да Тринѣтовича, —
 Не дойде тутъ Иванушку вѣдъ болѣше сидѣть.
 Скочили тутъ Иванъ на рѣзвѣи ноги,

А начали тутъ биться оны ратиться
 А со царёмъ со Коцегомъ со Трипéтовичемъ;
 Да побилъ тутъ Иванушко Годинови́чъ
 А царя да Коцегу что Трипéтовича,
 А побилъ его, сбиль на сыру землю,
 А съль-то тутъ Иванъ да на бѣлую грудь
 А къ царю къ Коцегу къ Трипéтовичу.
 А на ту-то пору да на то времечко
 А ножница при себи да не случилосе.
 А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Ай ты Марья, ты Марья Митри́евична!
 — А дай-ко ты ножницо мнѣ кнѣжалищю
 — А пластать мнѣ Коцегу бѣлая грудь,
 — А вынять что сердечушко су печенью (*такъ*),
 — А розрывать, роскидать по чисту полю. —
 А говоритъ Коцегъ тутъ таково слово:
 «Ай ты Марья же, Марья Митри́евична!
 «А не давай-ко ты Иванушку ножница того,
 «А ножница-то ножница ты кнѣжалища.
 «Дай я теби скажу да все порозскажу, —
 «А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
 «Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
 «А не ходи-ко ты за Иванушка Годинови́ча.
 «Да если ты да вѣдь пойдешь за его,
 «Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойни-
 цахъ
 «А у стольняго князя у Владимира.»
 Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:
 — А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
 — А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
 Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
 Говоритъ опять Коцегъ таково слово:
 «Да ай же ты Марья Митри́евична!
 «А тащи-ко ты Ивана за желтѣ кудри,
 «А со тяхъ со моихъ со бѣлыхъ грудей.»
 Какъ тая тутъ Марья Митри́евична
 Какъ хватила тутъ Ивана за желтѣ кудри,
 А тащила тутъ его да со бѣлыхъ грудей
 Со царя со Коцегу со Трипéтовича.
 Какъ ино тутъ оны да его Иванушка Годинови́ча
 Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
 А связали-то Ивану рѣзвы ноженки,
 Какъ бросили Ивана тутъ подь сѣрой дубъ.
 Да тутъ царь-то Коцегъ да сынъ Трипéтовичъ
 А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
 Да на ту-то пору да на то времячко
 А налеталъ налеталъ да тутъ-то чёрной вранъ,
 Садился тутъ воронъ на сѣрой дубъ
 А закричалъ воронъ громкимъ голосомъ,
 А спрозязичился язѣкомъ челоуѣческимъ,
 А кричнтъ говоритъ онъ таково слово:

— А не владѣтъ этой Марьей Митри́евичной
 — А царю да Коцегу да Трипéтовичу,
 — А владѣтъ этой Марьей Митри́евичной
 — А тому да Иванушку Годинови́чу! —
 А царь тутъ Коцегъ сынъ Трипéтовичъ
 Услыхалъ воронино звѣщованіе,
 Да хватилъ-то онъ скоро свой тугой лукъ
 А кладываетъ стрѣлочку каленую,
 А стрѣлилъ-то онъ въ чёрнаго во ворона,
 А стрѣлилъ-то, стрѣлилъ да не попалъ въ ёго.
 А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечимъ далеко,
 А улетѣла тая стрѣлка по подблочью.
 А зашолъ тутъ Коцегъ да во бѣлой шатеръ,
 А надъ собою незгодушки не вѣдаеть.
 Какъ этая стрѣла да тутъ каленая
 А оберпулася стрѣла назадъ обратно есть,
 А пала тутъ стрѣла да на бѣлой шатеръ,
 А пала попала въ буйну голову
 А царю да Коцегу Трипéтовичу.
 Да тутъ-то вѣдь царь Коцегъ сынъ Трипéтовичъ
 А палъ-то онъ на матушку сыру землю,
 А облился онъ кровью горячею, —
 А только тутъ Коцегушку славы поють.
 Какъ тая эта Марья Митри́евична
 А взимала въ руки сабелку вострую,
 А начала сабелкой помахивати,
 А начала тутъ Марья выговаривати:
 «Какъ у женщиць-то вѣдь да какъ пунечку
 «А волосъ-то дологъ да вѣдь умъ коротокъ.
 «А й отъ бѣрежка я топерь отбѣгнуласе,
 «А къ друтому какъ я не прикачнуласе.
 «А отсѣчь мнѣ Ивану буйна голова.»
 Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Ай ты Марья, ты Марья Митри́евична!
 — А не сѣки-тво ты мни да головушки, —
 — А топеречка пунь я въ безвременьяницѣ, —
 — А лучше ты поди да за меня замужъ.
 — А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
 — Да за эту вину да за великую,
 — А дамъ я ти три гробы небольшенькин. —
 Да какъ тутъ она Марьюшка роздумаласе:
 «А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даётъ,
 «А первую даетъ, дакъ я вѣдь годъ прожѣву,
 «А друтую даетъ, дакъ я друтой прожѣву,
 «А третьюю даетъ, дакъ я вѣкъ прожѣву.
 «А отвязу я-то Ивана отъ сырѣ дуба,
 «Отвязу-то ему да бѣлы рученьки,
 «А отвязу ему рѣзвы ноженки.»
 Отвязала тутъ Ивана отъ сырѣго дуба,
 А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
 Розвязала тутъ ему рѣзвы ноженки.

Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвѣи ноги,
 А взимаеъ въ руки сабелку вострую,
 Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженъки,
 А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
 — А этыхъ мнѣ-ка ноженѣкъ не надобно,
 — Охалили какъ поганого татарина.
 — А этыхъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
 — Обнимали какъ поганого татарина. —
 Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
 — А этыхъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
 — А цѣловали что поганого татарина. —
 А только Марья и Коцѣгу славіи поють.
 А тутъ-то Пванушко Годиновиць
 Пошоль-то одинъ да добрый молодець,
 А одинъ-то одинъ да единѣшенѣкъ.
 А пришоль тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
 А ко своему ко рѣдному ко дядюшки,
 А ко тому ко князю ко Владиміру,
 А пришоль-то онъ пришоль да не привѣлъ нкого,
 А розказалъ незгодушку великую
 А столпѣму-то князю да Владиміру:
 — Да ай же ты родной мой дядюшка,
 — А столпѣй ты князь да есть Владиміръ нашъ!
 — А надо мной была незгода тамъ великая:
 — Я покочилъ да царя да Коцѣга тамъ,
 — А царя да Коцѣга Трипѣтовича;
 — А Марья была провнилася,
 — А сдѣлала вину она великую,
 — Да тамъ я Марьюшку покочилъ ю,
 — А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженъки,
 — А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
 — А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
 Ино тутъ имъ и славіи поють.

Записано тамъ же, 27 іюля.

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старикъ казакъ онъ Пля Муромецъ,
 А говоритъ Пляша таково слово:
 «Да ай же мой братыца крѣстовын,
 «Крѣстовын-то братыца названнн,
 «А молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановиць,
 «Молодой Добрынюшка Микитиниць!
 «А ѣдь-ко ты Добрыня за синѣ море,
 «Кори-тко ты язѣки тамъ невѣрныи,
 «Прибавляй земельки святорусскіи.

«А ты-то ѣдь еще Михайлушка
 «(Ко тыи ко корбѣ *) ко темныи,
 «Ко тыи ко грязи ко черныи,
 «Кори ты тамъ язѣки все невѣрныи,
 «Прибавляй земельки святорусскіи.
 «А я-то видъ старикъ да постарше вась,
 «Поѣду я во далѣчо еще во чисто поле,
 «Корить-то я язѣки тамъ невѣрныи,
 «Стану прибавлять земельки святорусскіи.»
 Какъ тутъ-то молодцы да порозѣхались.
 Добрынюшка уѣхалъ за синѣ морѣ,
 Михайла ѣи уѣхалъ ко корбѣ ко темныи,
 А ко тыи ко грязи ко черныи,
 Къ царю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
 Нильюшенька уѣхалъ во чисто поле,
 Корить-то тамъ язѣки все невѣрныи
 А прибавлять земельки святорусскіи.
 Приѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
 А на тоѣ на далѣчо на чисто полѣ,
 Роздѣрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатѣръ,
 А бѣлъ шатѣръ еще бѣлополѣтняпой.
 Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
 — Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
 — Тѣхатъ молодцу мнѣ-ка томному,
 — А томному молодцу мнѣ голодному;
 — А лучше молодець я поѣмъ попою. —
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановиць
 Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
 Самъ онъ молодець тутъ да спать-то лёгъ.
 Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
 А была жила тамъ да любезна дочь,
 А тая эта Марья лебедь бѣлая.
 Взимала она трубоньку подзорную,
 Выходитъ что на выходы высокии
 А смотреть какъ во трубоньку подзорную
 Во далѣчо она во чисто полѣ:
 Углядѣла усмотрѣла во чистомъ полнн,
 Стоитъ-то тамъ шатѣръ бѣлополѣтняпой,
 Стоитъ тамъ шатѣръ еще смѣхнется,
 Стоитъ шатѣръ тамъ еще розмѣхнется,
 Стоитъ шатѣръ еще вѣдь ужъ сойдется,
 Стоитъ шатѣръ тамъ еще розойдется.
 Какъ смотреть эта Марья лебедь бѣлая,
 А смотреть что она, еще думу думаетъ:
 «А это есте здѣ да русьскій богатырь же.»
 Какъ бросила тутъ трубоньку подзорную,
 Приходитъ тутъ ко рѣдному ко батюшку:
 «Да ай же ты да мой рѣдной батюшко,

*) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить *лѣсъ*.

«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
 «А даль ты мнѣ прощенья благословлееньца
 «Летать-то мнѣ по тихимъ заводамъ,
 «А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ,
 «А бѣлой лебедью три году.
 «А тамъ я налеталась нагулялася,
 «Еще вѣдь я наволеваласе *)
 «По тымъ по тихимъ по заводамъ,
 «А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ.
 «А вунчу вѣдь ты да позвол-ко мнѣ
 «А друго ты еще мнѣ-ка три году
 «Ходить гулять-то во далечемъ мни во чистомъ
 поли,
 «А красной мнѣ гулять еще дѣвшкой.»
 Какъ онъ опять на то ей отвѣтъ держитъ:
 — Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
 — Ай же ты да дочка-та царская мудрѣная!
 — Когда плавала по тихимъ по заводамъ,
 — По тымъ по зеленымъ по затресьямъ,
 — А бѣлой ты лебѣдушкой три году,
 — Ходи же ты гуляй красной дѣвшкой
 — А друго-то еще три да три году,
 — А тожно **) тутъ я тебя замужъ отдамъ. —
 Какъ тутъ она еще поворотиласе,
 Батюшку она да поклониласе.
 Какъ батюшко да даетъ ей нянѣкъ мамокъ-тыхъ,
 Ахъ тыхъ ли этихъ вѣрныхъ служаночекъ.
 Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка
 Во далечо она во чистѣ полѣ,
 Скорѣмъ скорѣ, скорѣ да скорѣшенько,
 Не могутъ за ней тамъ гнаться няньки-ты,
 Не могутъ за ней гнаться служаночки.
 Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
 А няньки эти всѣ да остаются,
 Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
 «Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
 «А вы назадъ топерь воротитесь-ко,
 «Не нагоняйтесь вамъ со мной красной дѣвшкой.»
 Какъ нянюшки вѣдь ей поклонилися,
 Назадъ они обратно воротилися.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
 Выходитъ тутъ она ко бѣлу шатру,
 Какъ у того шатра бѣлополотняна
 Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
 Какъ началъ ржать да еще конь-то мять ***)
 Во матушку-ту во сыру землю,
 А стала мать земелюшка продрагивать.

*) т. е. пользовалась волею. **) Тожно — тогда. ***) Конь-то мять, по объясненію пѣвца, тутъ значитъ — коньтомя; «такъ поетса», утверждалъ Прохоровъ.

Какъ ото сну богатырь пробуждается,
 На лицу онъ самъ пометаеся,
 Выскакаль онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чулочникахъ
 безъ чоботовъ,
 Въ товкин бѣлми рубашки безъ пояса.
 Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
 А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
 Какъ говоритъ коню таково слово:
 — Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
 — А что же ржешь ты да конь-то мнешь
 — А во тую во матушку сыру землю,
 — Треложнишь ты русійского богатыря? —
 Какъ взглянетъ на друтую шатра еще другу стѣ-
 рону,
 Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подсказиваль,
 А хочеть цѣловать миловатъ-то ю,
 Какъ тутъ она ему воспроговорить:
 «Ай же ты удалой доброй молодець!
 «Не знаю я теби да ни имени,
 «Не знаю я тебя ни изотчины.
 «А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
 «Король ли ты да королевичъ есть?
 «Столько знаю да ты русской-то богатырь здѣсь.
 «А не цѣлуй меня красной дѣвшкой,
 «А у меня уста были поганинъ,
 «А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашинъ,
 «Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
 «А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
 «Ты возьми, сади на добра коня,
 «А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
 «А проведи во вѣру во крещеную,
 «А тожно ты возьми-тко меня за себя замужъ.»
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
 Садилъ онъ-то къ себѣ на добра коня,
 Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ
 А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
 А проводилъ во вѣру во крещеную,
 А приняли они тутъ златы вѣнцы,
 Какъ клали они заповѣдъ великую:
 Который-то у ихъ да напередъ умереть,
 Тому итти во матушку сыру землю на три году
 Со тымъ со тѣломъ со мертвымъ.
 Ино они вѣдь стали жить-то быть,
 Жить-то быть да семью сводить,
 Какъ стали-то они дѣтей наживать.
 Да тутъ затымъ князь тотъ столѣнѣ-кіевской
 Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пирь
 Для князей бояръ да для кіевскихъ
 А для русійскихъ всихъ могучихъ богатырѣвъ;
 Какъ вси-то они на пирь собираются,

А вси тутъ на пиру наѣдаются,
 А вси тутъ на пиру напиваются,
 Стали всѣ оны тамъ пьянѣшеньки,
 А стали всѣ оны веселѣшеньки.
 Стало красно солнышко при вечери,
 Да почетной пиръ, братцы, при весели.
 Какъ тутъ-то вѣдь не ясны соколы
 Во чистомъ поли еще розлеталися,
 Такъ русійскіе могучіе богатыри
 Въ одно мѣсто сѣзжалися
 А на тотъ-то на тотъ на почетной пиръ.
 Ильюшенка пріѣхалъ изъ чиста поля,
 Хвастаетъ Ильюшенка сироговорить:
 — А былъ-то я еще во чистомъ поли,
 — Кориль-то я язѣки все невѣрныи,
 — А прибавлялъ земельки святорусскіи. —
 Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
 «А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
 «Кориль тамъ я язѣки все невѣрныи,
 «А прибавлялъ земельки святорусскіи.»
 Какъ ино что Михайлушки да чимъ буде ковы-
 хвастать,
 Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
 — Какъ я, у меня нунчу у молодца
 — Получена столькѣи есть молода жена.
 — Безумной-отъ какъ хвастать молодой женой,
 — А умной-отъ какъ хвастать старой матушкой. —
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повидумалъ:
 — Какъ былъ-то я у корбы у темныи
 — А у тыи у грязи я у черныи,
 — А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,
 — Кориль-то я язѣкуши невѣрныи,
 — А прибавлялъ земельки святорусскіи.
 — Еще-то я съ царемъ тамъ во другѣихъ
 — Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
 — А въ дѣроги тавлен золоченыи;
 — Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
 — Безсчѣтной-то еще-то золотой казны
 — А сорокъ-то телѣгъ я ордынскѣихъ.
 — Повѣзь-то я казну да во Кіевъ градъ,
 — Какъ отвозилъ я ю на чисто полѣ,
 — Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилсе,
 — Кональ-то тутъ я погребы глубокѣи,
 — Спустилъ казну во погребы глубокѣи. —
 На ту пору еще на то времечко
 Изъ Кіева тутъ дань поспросиласе
 Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
 За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за ну-
 пѣшній.
 Какъ князи тутъ-то кіевскіи, вси бѣяра
 А тотъ ли этотъ князь столькѣ-кѣевской

Какъ говоритъ промолвить таково слово:
 «Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевскіи,
 «Русійскіи всѣ могучѣи богатыри!
 «Когда нунъ у Михайлушка казна еще
 «Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
 «Дакъ нунечку еще да топеречку
 «Изъ Кіева нунъ дань поспросиласе
 «Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву —
 «Пошлемъ-то мы ёго да туды-ка-ва
 «Отдать назадъ безсчѣтна золота казна,
 «А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за
 нунѣшній.»

Накинули тутъ службу великую
 А на того Михайлу на Пѣтыка
 Все князи тутъ бояра кіевскіи,
 Все русійскіи могучѣи богатыри.
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
 Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
 Опять назадъ ко корбы ко темныи
 А ко тыи ко грязи ко черныи,
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
 А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
 Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
 А заѣзжалъ на ёго да на широкъ дворъ,
 А становилъ онъ добра коня вѣдь середь широка
 двора,
 Ко тому столбу ко тоценому,
 А привязалъ къ кольцу къ золоченому.
 Насыпалъ коню онъ ишени бѣлояровой,
 Самъ онъ шоль вѣдь тутъ по новѣмъ сѣпямъ,
 А заходилъ въ полату во царскую
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
 Какъ скоро онъ Михайлушка довлѣдъ держалъ,
 Клонится Михайло на вси стороны,
 А клонится на четыре сторонушки,
 Царю да Вахрамѣю въ особину:
 — Здравствуй царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ! —
 «Ахъ здравствуй-ко удалый доброй молодець!
 «Не знаю я тебѣ да не имени,
 «Не знаю я тебѣ не изотчныи.
 «А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
 «Ли король, ли ты королевичъ есть,
 «Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
 «Аль грозной есть посоль ляховитскѣи,
 «Аль старин казакъ ты Илья Муромецъ?»
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
 — А не король-то я, не королевичъ есть,
 — Не изъ тиха Дону не донской казакъ,
 — Не грозной я посоль ляховитскѣи былъ,

— Не старій я казакъ Илья Муромецъ.
 — А есть-то я пзъ города пзъ Кіева
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
 «Зачимъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
 — Заполь-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
 — А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣвичъ,
 — А я слыхалъ — скажутъ ты охвочъ играть
 — Да въ доски-ты шахматны,
 — А въ дóроги тавлен золочены,
 — А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
 — Поиграемъ-ко во доски мы шахматны,
 — Въ дóроги тавлен золочены.
 — Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — Насыпь-ко ты да безсчѣтной золотой казны
 — А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
 Какъ нно тутъ Михайлушко спрото́ворить:
 — Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — А бью я о головки молодецкіи,
 — Какъ я теби буду служить да слугою вѣрною
 — А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
 — За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
 Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣвъ былъ
 Охвочъ играть во доски-ты шахматны
 А въ дбрги тавлен золочены,
 Всякого-то вѣдь онъ да по́игралъ.
 Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
 А набъ мнѣ молодца да новыиграть.
 Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
 Началъ онъ по дощечки ходить гулять.
 А тутъ Михайлушка ступенѣ ступилъ — не дóсту-
 пилъ,
 А дрúгой какъ ступилъ, самъ призáступилъ,
 А трéтій что ступилъ, его по́игралъ,
 А выигралъ безсчѣтну золоту казну
 А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.
 Говорить промолвить таково слово:
 — Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — Топеречку еще было нунечку
 — Дань изъ города пзъ Кіева спросилася.
 — Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ поидеть
 — Какъ эта безсчѣтна золота казна,
 — А за двѣнадцать годъ за прошлыи что годы
 что за нунѣшній,
 — Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотилася. —
 Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣву
 А стало зарко есть, роззадорило,
 Стало жалъ безсчѣтной золотой казны.
 Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
 «А молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
 «Насыплю я безсчѣтной золотой казны

«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
 «А ты-то мнѣ служишь да слугою будъ вѣрною
 «А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ.»
 Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ
 молодецкіи,
 Наставили тутъ доску-ту шахматну,
 Какъ начали они тутъ ходить гулять
 По тыи дощечки по шахматнѣй,
 Какъ тутъ Михайлушка ступенѣ ступилъ — не дó-
 ступилъ,
 А дрúгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
 А трéтій-то ступилъ, ёго и по́игралъ,
 Какъ выигралъ безсчѣтной золотой казны
 Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
 Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣ-
 вичъ
 Воспроговорить опять ёнъ таково слово:
 «Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
 «Во тыи во дощечки во шахматни.
 «Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣ-
 вичъ
 «А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
 «А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
 «А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
 «А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыи что
 годы что за нунѣшній,
 «А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
 «А ты бей-ко о головки молодецкіи,
 «Служишь-то мнѣ слугою да вѣрною,
 «А будъ ты мнѣ служить да до смерти-то.»
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
 А бьетъ-то онъ о головки молодецкіи,
 Служишь-то царю до смерти-то.
 Остатній разъ наставили дощечку тутъ шахматну.
 А и тутъ Михайлушка ступенѣ ступилъ — не дó-
 ступилъ,
 А дрúгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
 А третій какъ ступилъ, ёго и по́игралъ,
 Выигралъ безсчѣтну золоту казну,
 А дань платить во Кіевъ градъ великую.
 На ту пору было на то времечко
 А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
 Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
 Началъ по окошечку похаживать,
 А началъ онъ затымъ выговаривать
 А тымъ а тымъ язЫкомъ челоуѣческимъ:
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты играшь молодецъ да прокладжаешься,
 — А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
 — Твоа-то есть вѣдь молода жена,

— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —

Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвѣи ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ
А во полаты тутъ да во царскіи,
А терема вен тутъ пошаталнсе,
Хрустальниі оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра вси мертвы лежать,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ роскоракою.

Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Ахъ молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Оставь ты мнѣ бояръ хотъ на сімена,
«Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ.»
Какъ говоритъ Михайло таково слово:

— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вози-тко безсчѣтну золоту казну
— Во стольнѣй-отъ городъ да во Кіевъ градъ. —
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Сѣдлатъ, самъ выговаривать:

— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А несѣ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунъ домой меня во три часу. —
Приправивалъ Михайлушка добра коня.

Пошолъ ѣнъ поскакалъ ѣго добрый конь
Рѣки-ты озѣра перескакивать,
А тѣмной-отъ вѣдь лѣсъ промезъ ногъ пустилъ,
Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три часу.
Розсѣдывалъ копя тутъ розуздывалъ,
А насыпалъ пшени бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,
Заврычалъ Михайло во всю голову:

— Да ай же моп братыца крѣстовыи,
— Крѣстовыи вы братыца названыи,
— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подѣте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую. —

Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братыца справлялися,
Тутъ-то они удѣлы снаряжалися,
Приходятъ они къ брату крѣстовому,
Къ мѳлоду Михайлы да къ Пóтыку:

«Ай же братъ крѣстовый нашъ названыи!
«А ты чего кричишь, насъ треложишь ты,
«Русійскіихъ могучихъ насъ богатырѣвъ?»
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:

— Да ай же моп братыца крѣстовыи,
— Крѣстовыи вы братыца названыи!

— Стройте вы колоду бѣлодубову,
— Итти-то мнѣ во матушку во сырѣ землю
— А со тынмъ со тѣломъ со мѣртвынмъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три году, —
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да
туды-ка-ва,

— Чтобы было тамъ мни на три году запасу-то. —

Какъ этии тутъ братыца крестовыи
Скорымъ скорѳ, скорѳ да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлодубову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ трѳи-ты клѣща-ты,
А трѳи прутыя еще да желѣзныи,
А трѳи еще прутыя оловяныи,
А третьи нанослѣдъ еще мѣдныи.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлодубову
А со тынмъ со тѣломъ со мѣртвынмъ,
Какъ братыца крестовы тутъ названыи
Да нѣбили они обручи желѣзныи
На тую колоду бѣлодубову.

А это тутъ вѣдь дѣло да дѣтеса
А во тую въ субботу въ христовскую;
Какъ тутъ эти старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А братыя что крѣстовыи названыи,
Копали погребъ тутъ они глубокіи,
Спустили ихъ во матушку во сырѣ землю,
Зарыли-то ихъ въ желтыи пески.

Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзѣмелью,
Приходить къ той колоды бѣлодубовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дѣрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Другой-отъ разъ еще она й дѣрнула,
А рядъ-то ѣна тѣсу тутъ сдѣрнула
А со тын колоды бѣлодубовой.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не доидеть сидѣтъ,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ клѣщи желѣзныи.

Какъ эта змѣя тутъ подземельная
Третій еще разъ она дѣрнула,
Остатній-то рядъ она сдѣрнула.
Какъ тутъ Михайла съ женой сноказалнся,
Да тутъ тая змѣя зрадовѣлася:

«А буду-то я нунвчу сытая,
«Сытая змѣя не голодная.

«Одно есте тѣло да мѣртвое,
«Друга жива головка человѣческа.»

Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во клѣщи-ты,

Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
 А почалъ бить поганую ю въ одноконечную *).
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу я ти живу водѹ да въ три году.»
 Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А я принесу я-то живу водѹ да въ два году.»
 — Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
 Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу-то я тебѣ живу водѹ въ одинъ-то годъ.»
 А росхлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
 О тую змѣю о проклятую,
 Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу тебѣ живу водѹ я въ полъ-году.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу живу водѹ въ три мѣсяца.»
 — А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу живу водѹ въ два мѣсяца.»
 — А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
 А росхлысталъ онъ прутья оловянныи,
 Хватилъ-то онъ вутья да мѣдныи,
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меця,
 «А принесу я ти живу водѹ а въ мѣсяць-то.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:

«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу я ти живу водѹ въ недѣлю-то.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «А принесу я ти живу водѹ въ три-то дни.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Принесу я ти живу водѹ въ два-то дня.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
 А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Молится змѣя тутъ, покланяется,
 А говорить змѣя да таково слово:
 «А принесу живу водѹ въ одинъ-то день.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
 Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
 А молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу я ти живу водѹ въ три часу.»
 Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
 Какъ эту змѣю онъ поганую,
 Какъ взялъ въ закладъ къ себи змѣенышовъ,
 Не спустилъ ихъ со змѣей со поганую.
 Полетѣла та змѣя по подземелью,
 Принесла она живу водѹ въ три часу.
 Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
 Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣеныша,
 Ступилъ-то онъ змѣенышу на погу,
 А какъ роздернулъ-то змѣеныша на двое,
 Приклялъ-то вѣдь по старому въ одно мѣсто,
 Помазаль-то живой водой змѣеныша,
 Какъ сросся-то змѣенышь, сталъ по старому;
 А въ другинхъ помазаль — шевелился онъ,
 А въ трѣтынхъ-то збрызнулъ — побѣжалъ-то какъ.
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Ай же ты змѣя да поганая!
 — Клади же ты да заповѣдь великую,
 — Чтобы ти не ходить по подземелью,
 — А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мѣртвыихъ. —
 Какъ клала она заповѣдь поганая великую
 А не ходить больше по подземелью
 А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мѣртвыихъ,
 Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
 Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
 Збрызнулъ эту Марью лебедь бѣлую
 Живой водой да ю да вѣдькою, эт

*) т. е. безъ перерыва, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

Какъ тутъ она еще да вѣдь вздрогнула.
 Какъ другой разъ збрывнѣль—она сядя сѣла-то,
 А въ трѣтыихъ-то онъ збрывнѣль—она повыстала,
 А даль водѣ-то въ ротъ — она заговорила-то:
 — Ахъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — А долго-то я пунечку спáла-то. —

«Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
 «А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая.»
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумался,
 А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
 Какъ думаль-то Михайлушка, удумаль онъ,
 А закрычалъ Михайла во всю голову.
 Какъ этоу дѣло-то вѣдь дѣется,
 Выходить что народъ тутъ отъ завтрянки хри-
 стосскѣн

На тую на буювку да на ту сырú землю.
 Какъ ино вѣдь народъ еще приуслухалпсь,
 А что это за чудо за диво есть,
 Мертвыи въ земли закрычали вси.
 Какъ этыи тутъ братыица крестовыи,
 Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 Молодой Добрынюшка Микитиничъ
 Въ одно мѣсто оны сходились,
 Самы тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
 — А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
 — А стало душно-то ёму во матушкии сырой земли,
 — А со тыимъ со тѣломъ со мёртвыимъ,
 — А ёнъ крычить вѣдь тамъ громкимъ голосомъ. —

Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
 Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
 Розрыли какъ оны тутъ жолтыи пески,
 Ажно тамъ оны да обѣ живы.
 Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушкии сы-
 рой земли,

Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
 Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
 Тутъ пошла вѣдь славушка великая
 По всѣй орды, по всѣй земли, по всѣй да селенныи,
 Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
 Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
 А царская тамъ дочка мудреная,
 Мудрёна она дочка безсмёртная.
 Какъ на эту на славушку великую
 Приѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ
 Окульевичъ

А со своей со силою великою
 А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
 Какъ на ту пору было на то времечко
 Богатырей тутъ дома не случилоси,
 Стольки тутъ дома да слúчилси
 Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
 А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
 Во далечо еще во чисто поле,
 А драться съ той со силою великою.
 Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
 Прибилъ онъ эту силу всю въ три часу.
 Воротилса тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ
 градъ,

Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
 Какъ спитъ онъ молодецъ проклаждается,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
 Опять-то приѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ
 Окульевичъ,

Больше того онъ со силою съ войскомъ былъ,
 А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
 А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
 А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
 «Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 «А ты поди-ко Марья за меня замужъ,
 «А за царя ты за Ивана за Окулева.»
 Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
 «А ты поди поди за мепя замужъ,
 «А будешь слыть за мной ты царцею,
 «А за Михайломъ будешь слыть не царцею,
 «А будешь станешь слыть портомойнища
 «У столыяго у князя у Владиміра.»

Какъ тутъ она еще да подумала:
 — А что-то мнѣ-ка слыть портомойнища,
 — А лучше буде слыть мнѣ царцею
 — А за тымъ за Иваномъ за Окулевымъ. —
 Какъ ино тутъ она еще на то укудаласи,
 Позвалася, пошла за ёго замужъ.

Какъ спитъ-то тутъ Михайло проклаждается,
 А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
 А тутъ-то есть его молода жена,
 А тая-то вѣдь было любимá семья,
 А еще она Марья лебедь бѣлая,
 Замужъ пошла за прекраснаго царя-то за Окулева.

Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
 Какъ ото сну богатырь пробуждается,
 Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
 Какъ тутъ-то ёго братыица приѣхали,
 Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 А молодой Добрынюшка Микитиничъ.
 Какъ началъ онъ у'нихъ тутъ доспрашивать,
 Началъ онъ у ихъ тутъ довьдывать:
 «Да ай же-мон братыица крестовыи,
 «Крестовыи вы братыица названыи!
 «А гдѣ-то есть моя молода жена,
 «А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
 Какъ тутъ ёму онѣи вопроговорять:

— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
 — Твоя-то тамъ есте молода жена
 — Она была вѣдь нунечку замужъ пошла
 — А за царя-то за Ивана за Окульева. —
 Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держить:
 «Ай же мои братья крестовни!
 «Пойдемте *) мы, братья, за имъ слѣдъ **) съ
 угоною.»

Говорять ему таково слово:

— Да ай же ты нашъ братецъ крестовный былъ!
 — Не честь-то намъ хвала молодцамъ
 — А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
 — Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тебя,
 — Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
 — А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодець,
 — А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,
 — А застанешь ты вѣдь ихъ на чистомъ поли,
 — А отѣки ты тамъ царю да головушку. —
 Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
 Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чистомъ поли.
 Какъ эта тутъ Марья лебедь бѣлая
 Увидала тутъ Михайлушку Пóтыка,
 Какъ тутъ скоро наливала нитей она,
 А нитей наливала да сонныхъ.
 Подходить тутъ къ Михайлу да къ Пóтыку:
 «Ахъ молодецъ-то ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ!
 «Меня силомъ везетъ да прекрасный царь Иванъ
 Окульевичъ.

«Какъ выпей-ко ты чару зеленá вина
 «Со тоски досады со великинъ.»
 Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
 Выпивалъ онъ чару зеленá вина,
 А по другой да тутъ душа горить,
 Другую-то онъ выпилъ да вѣдь трѣтью вслѣдъ.
 Нанился тутъ Михайла онъ доньяна,
 Паль-то на матушку на сыру землю.
 Какъ эта тутъ Марья лебедь бѣлая
 А говоритъ Ивану таково слово:
 «Прекрасны ты царь Иванъ Окульевичъ!
 «А отѣки Михайлу ты головушку.»
 Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
 — Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
 — А соннаго-то бить что мнѣ мѣртваго.
 — А лучше онъ проснется протверезится,
 — Дакъ буду я бить-то его силою,
 — Силою я войскомъ великимъ,
 — А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —

*) т. е. поѣдемте. **) т. е. вслѣдъ.

Какъ тутъ она еще да скорѣмъ скорѣ
 Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
 А выкопать что яму глубокую.
 Какъ слуги ей тутъ да вѣрныи
 Копали оны яму глубокую.
 Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
 Какъ бросила Михайла во сыру землю,
 А приказала-то зарыть его въ песочки желтыи.
 Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
 Оставался тутъ Михайла на чистомъ поли.
 Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
 А побѣжалъ ко городу ко Киеву,
 А прибѣгалъ тутъ конь да во Киевъ градъ,
 А началъ онъ тутъ бѣгать да по Киеву.
 Увидли-то какъ братья тутъ крестовни,
 Молодой Добрынюшка Микитиничъ
 А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
 Самы какъ говорятъ промежъ собой:
 «А нѣтъ жива-то братца же крестоваго,
 «Крестоваго-то братца названаго,
 «Молода Михайлушки Пóтыка.»
 Садилсь тутъ оны на добрыхъ коней,
 Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
 А ѣдутъ тутъ оны по чисту поли,
 Михайлинъ еще конь панерѣдъ бѣжитъ.
 А прибѣгалъ на яму на глубокую,
 Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьѣмъ-то мять
 Во матушку во ту во сыру землю.
 Какъ смотря эти братья крестовни:
 «А видно эта братецъ нашъ крестовый былъ,
 «А молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.»
 Какъ тутъ-то вѣдь оны да скорѣмъ скорѣ
 Копали эту яму глубокую,
 А ѣтъ-то тамъ проснался, прохмѣлился, протве-
 резился.
 Сочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвѣи ноги,
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Ай же мои братья крестовни!
 — А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
 Говорять тутъ братья таково слово:
 «А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
 «Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
 «А за прекраснаго царя да за Окульева.»
 — Пойдемте мы братья съ угоною. —
 Какъ говорятъ оны тутъ таково слово:
 «Не честь-то намъ хвала молодецкая
 «А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
 «А стыдно намъ буде да похабно е.
 «А ѣдь-ко ты одинъ, доброй молодець,
 «Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистомъ поли,
 «А ничего больше ты не слѣдуй-ко,

«А отсѣки царю ты буйну голову,
 «Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую.»
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется,
 Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
 Засталь-то ихъ опять на чистомъ поли,
 А у тяхъ розстанокъ у крестовскихъ,
 А у того креста Леванидова.
 Увидла тая Марья лебедь бѣлая
 Молода Михайлу тутъ Пóтыка,
 Какъ говорить она таково слово:
 — Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
 — А не отсѣкь Михайлы буйной головы,
 — А отсѣкеть Михайла ти головушку. —
 Какъ тутъ она опять скоримъ скоро
 А нашла питей еще сонныхъ,
 Подносить-то Михайлушки Пóтыку,
 Подносить-то, сама уговаривать:
 — А какъ межѣнный день не можетъ живъ-то
 быть,
 — Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго
 солнышка,
 — А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Пóтыкъ
 сынъ Ивановичъ,
 — А не могу-то я не ѣсть не пить,
 — Не ѣсть не пить, не могу больше жива быть
 — А безъ тебя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ
 Ивановичъ.
 — А выше-ко съ тоски нувъ съ кручинушки,
 — А выше-ко ты чару зелена вина. —
 Какъ тутъ-то вѣдъ Михайлушка на то да уки-
 дается,
 А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
 А выпилъ — по другой душа горитъ,
 А третью-то онъ выпилъ — самъ пьянь-то сталь,
 А палъ на матушку на сыру землю.
 Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
 А говорить промолвить таково слово:
 — Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
 — А отсѣки Михайлы буйну голову,
 — Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
 А говорить тутъ онъ таково слово:
 «Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
 «А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
 «А нусть-ко онъ проснитися, прохмѣлитися, про-
 тверезитися,
 «А буду вѣдъ я его бить войскомъ-то,
 «А рать-то я вѣдъ силушкой великою.»
 Она ему на то отвѣтъ держитъ:
 — Прибѣгъ-то вѣдъ силу-ту великую. —
 Опять-то царь на то не слагается,
 А поѣзжать-то царь да впередъ опять.

Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
 Взимала тутъ Михайлушку Пóтыка,
 Какъ бросила Михайлу черѣзъ плечо,
 А бросила, сама выговаривать:
 — А гдѣ-то былъ удалой добрый молодець,
 — А стань-то бѣдъ горючии камешокъ,
 — А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли
 три году,
 — А черезъ три году проди-ко онъ скрозь ма-
 тушку скрозь сыру землю. —
 Поѣхали они тутъ впередъ опять,
 А приѣзжали въ эту землю Сарацинскую.
 Какъ познали тутъ братьица крестовыи,
 Старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ
 А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
 А не видать что братца есть крестоваго,
 Молода Михайлы Пóтыка Иванова,
 Самы тутъ говорятъ промежъ собой:
 «А набѣ пскать-то братца намъ крестоваго,
 «А молода Михайлу Пóтыка Иванова.»
 Какъ справились ѣны тутъ каликамы,
 Идутъ они путѣмъ да дорожкой,
 Выходитъ старичокъ со сторонушки:
 — А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
 — А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
 — А молодой Добрынюшка Микитиничъ! —
 А онъ-то ихъ знаетъ да онѣ не знаютъ кто:
 «А здравствуй-ко ты еще дѣдушко.»
 — А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
 — А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
 — Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
 Какъ тутъ-то они вѣдъ думу думаютъ,
 Самы-то говорятъ промежъ собой:
 «Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
 «А гдѣ ему да гнаться за нами-то!»...
 «А ради мы вѣдъ, дѣдушко, товарища.»
 Пошоль рядомъ съ имъ тутъ дѣдушко,
 Пошоль рядомъ, еще напередъ-то ихъ.
 А стали какъ ѣны оставляться бы,
 Два-то старичка на виду ёго держать-то.
 Какъ тутъ пришли въ землю въ Сарацинскую,
 Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окулеву,
 Ко тымъ ко Марьи Вахрамѣвной.
 Какъ стали тутъ онѣ да рядомъ еще,
 Закрычали тутъ онѣ во всю голову:
 — Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
 — Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
 — А дайте намъ злату еще милóстину спасѣную. —
 Какъ тутъ-то въ земли Сарацинскіи
 Теремъ во царствѣ пошаталися,
 Хрустальнии оконницы посыпалися

А отъ того отъ крику отъ калчяго.
 Какъ тутъ она въ окошко по поясу бросалася,
 А эта-то Марья лебедь бѣлая,
 А смотрѣтъ-то калнкъ что перехожинхъ.
 А смотритъ, что сама воспрогôворитъ:
 «Прекрасны ты царь Иванъ Окульевичъ!
 «А это не калки, есте русскіи богатыри:
 «Старыи казакъ Пля Муромецъ
 «А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
 «А трѣтей я не знаю какой-то е.
 «Возьми калнкъ къ себи, ты корми поп.»
 Взяли тутъ калнкъ да къ себѣ оны
 А во тую полату во царскую,
 Кормили-то попли калнкъ оны досыти,
 А досыти кормили ихъ да дôпяна,
 А надали имъ злата тутъ сѣребра,
 Насынали-то пмъ да но подуму.
 Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы
 Къ столбѣму ко городу ко Киеву,
 А ôтошли отъ царства ровно три версты,
 Забыли оны братца что крестоваго,
 А молода Михайлу Пôтыка Иванова.
 Какъ отошли оны, затымъ вспомнили:
 — Зачимъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
 — Забыли-то мы братца-то крестоваго,
 — Молода Михайлу Пôтыка Иванова. —
 Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
 Самы тутъ говорятъ таково слово:
 — Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 — Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
 — А молода Михайлушу Пôтыка? —
 Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
 Отвѣчатъ-то имъ таково слово:
 «А вашъ-то есте братецъ крестовынъ —
 «Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскінхъ,
 «А у того креста Леванцова,
 «А бѣлымъ горючимъ камешкомъ.»
 Какъ тутъ оны поклонилися воротилися,
 Какъ тутъ пошли нутемъ да дорогою;
 Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
 Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
 Какъ эта калника перехожая
 А говорить тутъ имъ таково слово:
 — Ай же вы да братья все крестовынъ!
 — Прошли да вы что братца есть крестоваго,
 — А молода Михайлу Пôтыка Иванова. —
 Какъ тутъ-то воротилися старичокъ-тотъ былъ,
 Приводитъ этихъ братьицовъ крестовынхъ
 Ко тому горючому ко камешу,
 Да говорить тутъ старичокъ таково слово:
 «А скидывайте-ко вы братцы съ плечъ подумыи,

«А кладте вы еще на сыру землю,
 «А высыпайте вы да злато сѣребро,
 «А сыпте-тео все вы въ одно мѣсто.»
 Какъ высыпали злато они сѣребро
 А со тынхъ со тыхъ да со подумковъ,
 А сѣнали онъ тутъ въ одно мѣсто.
 Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлтиъ,
 Дѣлтиъ онъ на четыре на части бы.
 Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
 — Ай же ты да дѣдушко древний былъ!
 — А что же ты животъ дѣлтиъ не ладно бы,
 — А па четыре-то части не ровнô-то бы? —
 Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
 «А кто-то этотъ здѣнетъ да камешокъ,
 «А кинетъ этотъ камень черѣзъ плечо,
 «Тому двѣ кучи да злата сѣребра.»
 А послатъ Ильюшенка Добрынюшку
 А приздиутъ тотъ камешокъ горючинъ.
 Сбочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
 Хватилъ онъ этотъ камень, здѣнулъ его,
 Здѣнулъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
 А больше-то Добрынюшка не мôгъ здѣнуть,
 А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
 Подскакивалъ вѣдъ тутъ Пля Муромецъ,
 Здѣнулъ онъ этотъ камень до пояса,
 Какъ больше-то Ильюшенка не мôгъ здѣнуть.
 Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
 А этотъ-то ёнъ камешокъ покатывалъ,
 А самъ онъ камешку выговаривалъ:
 «А гдѣ-то былъ горючий бѣлой камешокъ,
 «А стань-ко тутъ удалый доброй молодецъ,
 «А молодой Михайла Пôтыкъ сынъ Ивановичъ,
 «Подлекчись-ко Михайлушка леккимъ-лекко!»
 Взямалъ-то ёнъ да кинулъ черѣзъ плечо,
 А назадъ тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
 Молодой Михайла Пôтыкъ сынъ Ивановичъ.
 Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрогôворитъ:
 «Ай же вы богатыри русскіи!
 «А я-то есть Никола можайскін,
 «А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
 «А я-то вамъ есть русскімъ богатырямъ.»
 Да столько оны видли старичка тутъ бы.
 Какъ строили оны тутъ часовенку
 Тому оны Николы можайскому.
 Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
 А говорить-то имъ таково слово:
 — Ахъ же мои братьица крестовынъ!
 — А гдѣ-то есть моя молода жена,
 — А тая-та вѣдъ Марья лебедь бѣлая? —
 Какъ говорятъ оны таково слово:
 «Твоя-та еще есть молода жена

«Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева.»
 Какъ говорить онъ имъ таково слово:
 — Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною.—
 Какъ говорятъ они таково слово:
 «Не честь-то намъ хвала молодецкая
 «Итти намъ за чужой-то жондй вѣдъ за бабьку.
 «Какъ мы-то за тобой, доброй молодець,
 «Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
 «Поди-тко ты одинъ, доброй молодець,
 «А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
 «А отсѣки царю ты буйну голову,
 «Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую.»
 Какъ скоро шоль Михайла-онъ Пóтыкъ-тотъ,
 А приходилъ въ землю Сарацнскую;
 Идѣтъ-то онъ къ полаты ко царскн.
 Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
 Какъ налила питей она сонныхъ
 А тую эту чару зеленá випа,
 Сама тутъ говорить таково слово:
 — Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
 — А не отсѣкъ Михайлы буйной головы,
 — А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталь.—
 Какъ тутъ она подходитъ близѣшонько,
 А клонится Михайлы понизѣшонько:
 — Ахъ ты молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ!
 — Силомъ увѣзь прекрасный царь Иванъ Окулье-
 вичъ.
 — Какъ нунечку еще было тонеречку
 — Межѣнный день не можетъ живъ-то быть
 — А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
 — А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Пóтыкъ
 сынъ Ивановичъ,
 — А не могу-то я да вѣдъ жива быть,
 — А жива быть, не могу-то ѣсть ни пить.
 — Топерь твои уста были печальнии,
 — А ты-то вѣдъ въ великой во кручинушки,
 — А выпей-ко съ тоски ты со досадушки
 — А нунечку какъ чару зеленá випа.—
 Какъ выпилъ-то онъ чару — но другой душа го-
 рить,
 А дрóгу выпилъ, еще третью слѣдъ.
 Напился тутъ Михайлушка доньяна,
 Паль онъ тутъ на матушку на сырú землю.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
 А говорить промолвить таково слово:
 — Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
 — А отсѣки Михайлы буйну голову.—
 А говоритъ-то царь таково слово:
 «Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 «Не честь-то мнѣ хвала молодецкая

«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
 «А лучше пусть проспится, прохмѣлится, про-
 тверезится,
 «А буду бить ёго я вѣдъ войскомъ-тымъ
 «А силушкой своей я великою.
 «Какъ я ёго побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь
 хвала
 «По всей орды еще да селенни.»
 Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая
 Бѣжала вѣдъ какъ скоро въ кузницу,
 Скочала тутъ ёна да вѣдъ нять гвоздовъ,
 Взимала она молотъ три пуда тутъ,
 Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пазухи,
 Стащила что къ стѣны-то городовни,
 Роспялила Михайлу она на стѣну,
 Забила ёму въ ногу да гвоздь она,
 А въ дрóгую забила другóй она,
 А въ руку-то забила ёна, въ дрóгу такъ,
 А пятой-отъ гвоздь она обронила-то.
 Какъ тутъ она еще да Михайлушку
 Ударила вѣдъ молотомъ въ бѣло лицо,
 Облился-то онъ кровью тутъ горячею.
 Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана
 да Окульева
 А было-то сестрица да рóдная,
 А та эта Настасья Окульевна.
 Пошла она гулять тутъ по городу,
 Приходитъ ко стѣны къ городовни,
 А смотритъ — тутъ задѣрнута чернáя завѣса,
 Завѣшанъ тутъ Михайлушко Пóтыкъ-онъ.
 Какъ тутъ она вѣдъ завѣсы отдѣрнула,
 А смотритъ на Михайлушку Пóтыка.
 Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодець,
 Какъ тутъ ему она воспроговорить:
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Возьмешь ли ты меня за себя замужъ?
 — А я бы-то тебя да избавила
 — А отъ тни отъ смерти безаправсныи.—
 «Да ай же ты Настасья Окульевна!
 «А я тебя возьму за себя замужъ.»
 А клаль-то ёнъ тутъ зановѣдъ великую.
 Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
 Скорымъ скорѣ бѣжала въ кузницу,
 Взимала она клѣнци тамъ желѣзныи,
 Отдирала отъ стѣны городовни
 А молодá Михайлушку Пóтыка.
 Взимала тамъ она съ тóрьмы грѣшника,
 На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
 Гдѣ висѣлъ Михайлушка Пóтыкъ-тотъ,
 А утащила тутъ Михайлушку Пóтыка
 Въ особой-то покой да въ потайныи.

Какъ взяла она надобей здравныхъ,
 Скорымъ скорѣ излѣчила тутъ Михайлушку.
 Сама тутъ говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
 — А набѣ-то тебѣ латы и кольчуги нушь,
 — А набѣ-то тебѣ сабля-та вострая,
 — А палица еще богатырская,
 — А набѣ-то тебѣ да добрѣ коня? —
 «Ай же ты Настасья Окульевна!
 «А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь.»
 Какъ тутъ она да скорымъ скорѣ скорешенько
 Приходитъ да ко рѣдному братцу-то:
 — Ай же ты мой братецъ родими,
 — Прекрасни ты царь Иванъ Окульевичъ!
 — А я-то красна дѣвушка нездрава е.
 — Ночесъ мнѣ во снѣ-вѣдѣньи казалося ли,
 — Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добрѣ коня,
 — А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
 — А палицу еще богатырскую,
 — Саблю да во третѣихъ вострую,
 — Да здрава-го бы стала красна дѣвушка. —
 Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
 А палицу еще богатырскую,
 Даваеъ въ третѣихъ саблю-ту вострую,
 Давалъ онъ ей еще тутъ добрѣ коня,
 Добраго коня богатырскаго.
 Какъ тутъ она сокрутилась обидилась,
 Обсѣдала коня богатырскаго,
 Какъ отѣзжала тутъ она на чистѣ поле,
 Говорила-то Михайлушки Пѣтыку,
 Какъ говорила тамъ она ему въ нѣтай еще:
 — Приди-ко ты Михайла на чистѣ поле,
 — А дамъ я теби тутъ добрѣ коня,
 — А дамъ теби латы кольчуги вси,
 — А палицу еще богатырскую,
 — А саблю еще дамъ я ти вострую. —
 А отходилъ Михайла на чистѣ поле,
 А приѣзжать Настасья-та Окульевна
 На тоѣ на то на чистѣ поле
 А ко тому Михайлушки къ Пѣтыку,
 А подаватъ скоро ему тутъ добра коня,
 Палицу свою богатырскую,
 А латы-ты, кольчуги богатырскіи,
 А саблю-ту еще она вострую;
 Сокрутилася тутъ Михайлушка богатыремъ.
 Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
 Вѣжала-то она назадъ домой скорымъ скорѣ,
 Приходитъ-то ко рѣдному братцу-то:
 — Благодаримте тебѣ братецъ мой родими!
 — А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добрѣ коня,
 — А палицу ты мнѣ богатырскую,

— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
 — А съѣздила я вѣдь прогуляласе,
 — Стала здрава я вѣдь нушьчу красна дѣвушка. —
 Сама она подвѣстала на печку тутъ.
 Какъ ѣдетъ молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ива-
 новичъ
 Какъ на тоѣмъ на томъ добромъ кони.
 Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
 Какъ ино тутъ подѣзжать Михайло сынъ Ива-
 новичъ
 Ко тыи полаты ко царскіи;
 Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:
 — Прекрасни ты царь Иванъ Окульевичъ!
 — Згубила насъ сестра твоя рѣдная,
 — А та эта Настасья Окульевна. —
 Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
 Скоро она съ печки опушаласе.
 Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
 А налила нитей онять сонныхъ,
 А налила она тутъ, подходитъ-то
 А ко тому Михайлушки Пѣтыку:
 — Ахъ молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Топерь-то нушьчу, нушьчу топеречку,
 — Не можетъ-то межѣнный день а жить-то быть,
 — А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
 — А такъ я безъ тебя, а молодой Михайла сынъ
 Ивановичъ,
 — Не могу-то я вѣдь жива быть,
 — Не ѣсть, не пить, не жива быть.
 — Какъ топеръ твои уста нушь нечальни,
 — Печальни уста да кручинни,
 — А випей-ко ты чару зеленѣ вина
 — Со тыи тоски со досадушны,
 — А со досады съ той со великии. —
 А проситъ-то она во слѣзахъ его,
 А во тыхъ во слѣзахъ во великиихъ.
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка Пѣтыкъ-онъ
 Запѣсь-то онъ праву руку за чару-то,
 Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
 А толпула ена его нѣду руку, —
 Улетѣла тая чара далечохонько.
 Какъ тутъ молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ива-
 новичъ
 Напередъ отѣкъ-то Марья буйцу голову,
 Потомъ отѣкъ царю да прекрасному Ивану
 Окульеву, —
 А только-то вѣдь имъ тутъ слави поютъ, —
 А придалъ-то онъ имъ да горькую смерть.
 Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,
 А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;
 Пошли они во церковь во Божію,

Какъ приплыли оны тутъ златы вѣнци,
 Придѣлся тутъ Михайлушка на царство-то.
 А сталь-то тутъ Михайлушка царить-то жить
 А лучше-то опъ стараго да лучше прежнего.

Записано тамъ же, 27 юля.

—
 53.

СОЛОВЕЙ ВУДИМИРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54).

А мхѣ были болота въ помѣрской сторонѣ,
 А гольняя щелья *) въ Бѣли-озерѣ,
 А тая эта зябель въ подсѣверной странѣ,
 А сраны сарафаны по Мѣши по рѣкѣ,
 Да рострубисты стаповицы въ Кѣргополѣ,
 Да тутъ темныя дѣсы что смоленскіе,
 А шпроки врата да чигаринскіе.

А пзъ-подъ дуба дуба дуба сѣраго,
 А пзъ-подъ того сподъ каменка сподъ яфонта,
 А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
 Да какъ устьемъ бѣжить да во синѣ море,
 А во то во синѣ море во Турецкое;
 А по той ли по матушки по Вѣлги рѣкѣ
 А бѣжало бѣжить а тридцать три карабля,
 А еще тамъ бѣжало бѣжить да безъ ѓдного,
 А одинъ тотъ карабль есть лучше краше всѣхъ.
 Да какъ тутъ въ караблѣ было написаноѣ,
 Да какъ тутъ въ караблѣ напечатаноѣ,
 А написано-то носъ-отъ по змѣиному,
 А корма-то была по звѣриному.
 Тутъ кадблы **) канаты были шелковыи,
 А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
 А ты эти коржинья ***) подзолоченыи.
 Да какъ тутъ было въ томъ караблѣ
 Да младъ сидитъ Сѣловей да сынъ Гудимировичъ
 А со свопма со дружинама съ хорѣбрыма,
 А хорѣбрыма дружинама Соловьѣвима,
 Ино со своею со рѣдною со матушкою.
 Говоритъ тутъ Сѣловей таково слово:
 «Что вы братцы дружинишки хорѣбрыи,

*) *Щелья* — скала; что значить *юльняя*, пѣвецъ не умѣлъ объяснить въ точности. **) т. е. снасти. — такъ объяснить пѣвецъ. ***) *Коржинья*, по словамъ Прохорова, значить «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

«А хорѣбрыи дружинья Соловьѣвыи!
 «Да слушайте-тко бѣльшаго й атѣмана-то вѣ,
 «Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 «А взимайте-ко шестики мѣрныи вѣ,
 «А миряйте-ко лудья *) морскіи-то этѣ,
 «А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати.»
 Да тутъ ѣхали проѣхали что мѣлодцы оны.
 Да какъ тутъ Сѣловей сынъ Гудимировичъ
 А гѣворитъ промолвить таково слово:
 «А взимайте въ руки трубѣнки подзорнии,
 «А глядите вы смотрите, славный Кіевъ градъ,
 «А тую эту присталь карабелъную,
 «Чтобы намъ молодцамъ еще понаести туда.»
 Да тутъ ѣхали проѣхали что мѣлодцы оны,
 Да понали въ эту присталь карабелъную,
 А подъ стѣлоной-отъ подъ городъ какъ подъ
 Кіевъ градъ.

Да какъ тутъ Сѣловей сынъ Гудимировичъ
 Еще гѣворитъ промолвить таково слово:
 «Ахъ вы братцы дружинишки хорѣбрыи,
 «А хорѣбрыи дружинки Соловьѣвыи!
 «А слушайте-тко бѣльшаго й атѣмана-то вѣ,
 «Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 «А взимайте первую сходенку вѣлжаную,
 «А друкую сходенку серѣбряную,
 «А третью еще сходенку красна золота,
 «А бросайте-ко сходенки на крутъ бережокъ.»
 Какъ тутъ эти дружинишки хорѣбрыи,
 А хорѣбрыи дружинья Соловьѣвыи,
 А взимали первую сходенку тутъ вѣлжаную,
 А друкую сходенку серѣбряную,
 Ино третью сходенку красна золота,
 А бросили сходенки на крутъ бережокъ.
 «А по вѣлжаной сходенки вѣмъ братцы иттѣ,
 «Все моимъ дружинишкамъ хорѣбрыимъ,
 «А хорѣбрыимъ дружинишкамъ Соловьѣвыимъ;
 «А по серѣбрянымъ сходенкамъ матушки моѣи,
 «А по золотой сходенкѣ мѣлѣ-ка иттѣ,
 «А мѣлоду Сѣловью сыну Гудимирову.»
 Да какъ тутъ Сѣловей да сынъ Гудимировичъ
 А взимаетъ онъ подарочки великии,
 Да сѣрокъ сороковъ тутъ черныхъ сѣбѣдѣвъ,
 А мѣлкого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
 А взимаетъ тутъ флакѣи да замѣрскіи камкѣи,
 А замѣрскіи камочки золоченыи,
 Да приходитъ онъ къ князю къ Володимѣру,
 А во тую во гридню во столовую.
 А крѣсть онъ кладывѣе по писѣлому,
 А поклонъ онъ вѣдъ вѣлъ да по учѣлому,

*) *Луда* — мѣсто, устѣяное подводными камнями.

А клонится онъ на четы́ре на всѣ,
 А на вѣн четыре на сторонушки,
 А стольнѣму князю-то въ особищу.
 А здравствуетъ князя тутъ съ княжникою:
 «А здравствуй-ко князь да стольнѣ-кѣвской
 «А со своей княжникой со Апраксѣй,
 «А со своей любимой со племянницей!»
 Да какъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
 — А здравствуй ты удалый добрый молодецъ!
 — Не знаю я тебя ни по имени,
 — А знаю что тебя да по изотчинѣ,
 — А царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
 — Ли король ли ты есть, королевичъ ли,
 — Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
 — Али грозный посоль ты ляховитскій бы? —
 «Да не царь-то я, да не царевичъ быть,
 «А не король-то я, не королевичъ быть,
 «А не изъ тиха Дону я донско́й казакъ,
 «А не грозный посоль я ляховитскій былъ;
 «А есть какъ я зъ-за славнаго синія моря,
 «А я есть младъ Соловей да сынъ Гудимровичъ.
 «А я припозль-то къ теби да здѣ докладъ держу,
 «А на-ко ти подарочки великіи мой,
 «А па ти сорокъ сороковъ монхъ чѣрныхъ собо-
 лѣвъ,
 «А ино мелкого звѣрю еще смѣту нѣтъ.
 «А на-тко ты княгиня да Опраксѣ,
 «А на-тко ты подарочекъ великіи,
 «А возьми-тко ты флаки да заморскіи камки,
 «А заморскіи камочки золочѣныи.»
 А принимать-то княгиня да восхваляивать:
 — А ты младъ Соловей да сынъ Гудимровичъ!
 — А спасибо за подарочки великіи.
 — А не бывать-то здѣ камки такой во Кіевѣ
 — И не бывать, не бывать да не бывать таковой.—
 Да тутъ князь-то еще да стольнѣ-кѣвской
 Онъ тутъ говоритъ промолвить таково слово:
 «Ай младъ Соловей да сынъ Гудимровичъ!
 «А чимъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
 «А за эти подарочки великіи?
 «Города ли тебѣ надо съ пригородками,
 «Аль села ли тебѣ надо е съ присѣлками,
 «Али много набѣ безсчетной золотой казны?»
 Да онъ говоритъ промолвить таково слово:
 — Да ай же ты князь да стольнѣ-кѣвской!
 — А не набѣ мнѣ городовъ съ пригородками,
 — Да не набѣ мнѣ-ка сель да съ присѣлками,
 — А не набѣ-то мнѣ безсчетной золотой казны,
 — А у меня да своей есте должиби.
 — А столько ты мнѣ позволѣ-ко еще
 — А поставитъ построишь мнѣ-ка три терема,

— А три терема мнѣ златоверхіихъ,
 — Среди города да среди Кіева,
 — А гди малепки ребятка да сайки продають,
 — А гди сайки продають да гди барышничаютъ.—
 А говоритъ промолвить таково слово
 Ино тотъ ли князь да стольнѣ-кѣвской:
 «Ахъ ты младъ Соловей да сынъ Гудимровичъ!
 «Куди знаешь туды ставъ-ко еще,
 «А за эти подарки за великіи.»
 Да скоро Соловей тутъ поворотъ держаль.
 Приходитъ ко дружинишкамъ хоробрыимъ,
 А хоробрымъ дружинамъ Соловьѣвнымъ,
 Да онъ говоритъ промолвить таково слово:
 — Что вы братцы дружинишки хоробрыи,
 — А хоробрыи дружинья Соловьѣвыи!
 — А вы слушайте-ко большаго атамана-то вы,
 — А скидывайте съ себи платица цвѣтныи,
 — А надѣвайте на ся платица лосипныи,
 — А лосипныи платица звѣрипыи,
 — Да снимайте-тко тонорички булатніи,
 — А стройте-то ставте братцы три терема,
 — А три терема-то златоверхіихъ,
 — Среди города да среди Кіева,
 — Что верхи бы съ верхами завивалиси,
 — А что къ утру къ свѣту чтобы готовы были,
 — А готовы были мнѣ-ка жить перейти. —
 Какъ эти тутъ дружинишки хоробрыи
 Оны слушали-то большаго й атамана оны,
 Скидывали съ себе платица цвѣтныи оны,
 Надѣвали на ся платица лосипныи оны,
 Да снимали тутъ тонорички булатніи,
 А ставили стронли тутъ три терема,
 А три терема да златоверхіихъ,
 Что верхи-ты съ верхами завиваются,
 А къ утру къ свѣту готовы оны,
 А готовы оны да можно жить перейти.
 Да какъ тутъ Соловей сынъ Гудимровичъ
 А въ тми теремы да сбирается ень
 Со своимъ со дружинами съ хоробрыма,
 А съ хоробрыма съ дружинами Соловьѣвима,
 А со своей со родною со матушкою.
 Да тутъ-то вѣдь у князя Володимера
 Ино тая-то любимая племянница,
 Молода Любавушка Забавишна,
 Да вимаетъ въ руки трубоньку подзорную,
 А шла она на выходы высокіи,
 А смотритъ въ эту трубоньку подзорную
 А по городу по городу по Кіеву;
 А углядѣла усмотрѣла тамъ и три терема,
 А три терема да златоверхіи,
 А верхи что съ верхами завиваются,

Середь города да середь Кіева.
 Какъ бросала эту трубоньку подзорною;
 А приходитъ ко рѣдному къ дядюшкѣ,
 Еще стольнему князю къ Володимеру.
 «Да ай же ты мой рѣдною дядюшка!
 «Да позволъ-ко ты мни да красной дѣвушкѣ
 «Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
 «Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу.»
 Да онъ-то вѣдь на то ей отвѣтъ держитъ:
 — Да ай же ты да моя любимая,
 — Ай любимая любима племянница!
 — А сходнъ-тво ты прогуляйся тудѣ. —
 Ино тутъ эта любима племянница,
 Да скорѣмъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 Да вѣдь тутъ-то она да сокручалася,
 А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
 Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
 Да къ первому къ терему подходить она,
 Ино въ томъ теремѣ да шопоткомъ говорятъ,
 А тутъ-то Соловьѣва родна матушка
 Да какъ молится-то Господу Бѣгу она.
 Да къ дрѣдному къ терему подходить она,
 А тая-то любимая племянница,
 Ино въ томъ теремѣ да тамъ-то стукъ да гремъ.
 А тутъ-то Соловьѣвыи дружинишки
 Тутъ считаютъ-то безсметну золоту казну
 Да у млада Соловьѣ Гудѣмѣрѣва.
 Да какъ къ трѣдному къ терему подходить она,
 Ино въ томъ теремѣ да млада сидитъ да Сѣловей,
 А млада сидитъ Сѣловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ
 Со свѣнма со дружинами съ хоробрѣма,
 Со хоробрѣма дружинами Соловьѣвыма,
 А на тоѣмъ стулѣ золочѣноѣмъ,
 А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
 Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поѣтъ,
 Во музыки да во скрипочки наигрываютъ.
 Да какъ тутъ эта любимая племянница
 Да подходить она къ ему ближѣшенько
 А клонится она понизѣшенько:
 «Здравствуй млада Соловей да сынъ Гудѣмѣрѣ-
 вичъ
 «Со свѣнма со дружинами съ хоробрѣма!»
 Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
 — А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
 Да тутъ-то она къ ему сирѣговоритъ:
 «Ай ты млада Соловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ!
 «А возьми-тво меня ты за себѣ замѣжъ.»
 — Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвушка въ любовь
 пришла,
 — А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
 — А сама ты себѣ дѣвка просватываешь.

— А твое бы-то дѣло да не этта *) быть,
 — А не этта быть, да дома жить,
 — А дома-то жить да ти коровѣ кормить,
 — А коровѣ-тихъ кормить да ти телятъ поить.—
 А тутъ стало дѣвки не любѣшенько,
 Не любѣшенько не хорошонононо,
 А стало тутъ дѣвушки похабно ей.
 А тутъ скорѣмъ скорѣ, скорѣ скорѣ скорѣшенько,
 А дѣвушка она да поворотъ держитъ.
 А на то млада Соловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ
 Ино на то да не сердился есть,
 Да скорѣмъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 А тутъ слѣдъ-то онъ шоль большѣмъ сватомъ,
 Да приходитъ онъ къ князю Володимеру,
 Ино во тую въ гридню во столовую,
 Да онъ-то вѣдь емѣ тутъ докладъ держитъ:
 — А здравствуй-ко князь да стольнѣ-кѣевской
 — А сѣ своей съ княгиной со Опраксѣей,
 — А сѣ своей съ любимой со племянницей,
 — А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
 Какъ онъ-то его вѣдь здравствуете:
 «Здравствуй млада Соловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ!
 «А ты зачѣмъ зашолъ да здѣ докладъ держишь?»
 — Да я зашолъ-то да здѣ докладъ держу
 — А о добромъ дѣлѣ здѣ о свѣтовствѣ.
 — Да есть у тя любимая племянница,
 — А нельзя ли-то отдать да за менѣ замѣжъ?—
 Да какъ сдѣлали оны тутъ рукобѣтнѣно,
 Да просваталъ тутъ-то князь да стольнѣ-кѣевской
 А ту эту любимую племянницу
 А за млада Сѣловѣ сына Гудѣмѣрѣва.
 А какъ шли оны во церковь тутъ во Божю,
 Да тутъ приняли они да что ль златѣ вѣнцы,
 А млада Сѣловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ
 А съ молодой Любавушкой Забавичной;
 А какъ тутъ-то скорѣмъ да скорѣшенько
 Да завѣяла пошла да тутъ-то повѣтеръ **)
 По тому-то да синю морю, —
 Да тутъ млада Сѣловей да сынъ Гудѣмѣрѣвичъ,
 А скорѣмъ-то скорѣ да онъ скорѣшенько,
 А тутъ-то со княземъ рѣспрацается,
 А самъ на караблѣ да онъ собирается
 А съ той молодой Любушкой Забавишной,
 Да со свѣнма со дружинами съ хоробрѣма,
 А со свѣей со рѣдною со матушкой.
 Какъ тутъ на караблѣ да собираются,
 Обираютъ тутъ оны да три терѣмъ (такъ),
 Ино три терѣмѣ да златоверхнѣхъ,
 А на тинѣ на эти да на караблѣ.

*) Этта — здѣсь. **) т. е. попутный вѣтеръ.

А поѣхалъ онъ тутъ да вѣдь домой еще,
 А домой-то домой да въ свою сторону,
 А за славное за славно за синѣ море.
 А началъ тутъ онъ да жить-то быть,
 А жить-то быть да семью сводить,
 А семью сводить да дѣтѣй наживатьъ.
 А сталь-то онъ тутъ по здоровому,
 А сталь-то онъ да по хорошему.

Записано тамъ же, 26 июля.

54.

ВАСИЛІЙ ВУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 57)

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
 Сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пирь,
 А чтобы тутъ еще да всяко званье-то
 А шло бы да къ Василью на почестный пирь.
 Какъ тутъ-то мужики-ты новгородскіи
 Приходятъ къ Васильюшко Буславьеву
 А на тотъ-то на почестный пирь.
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
 А началъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
 А тыхъ мужиковъ да новгородскіихъ, —
 Какъ взялъ-то онъ Васильюшко черной-отъ вязъ,
 Какъ подскокнулъ Васильюшко къ малому къ упаво-
 му *) Потанюшкѣ,
 Какъ ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
 Ударилъ онъ его тутъ чернымъ вязомъ, —
 Стоитъ-то тотъ Потанюшко не стрѣхнется,
 А желтыи кудѣрка не сворохнутя, —
 А то моя дружинюшка хоробрал!
 Садилъ его Потанюшку въ большой уголь,
 А во большой уголь еще за большой-отъ столъ,
 Кормилъ поилъ Потанюшку да досыти,
 А досыти Потанюшку да дѣбьяна.
 Опять-то взялъ Васильюшко черной-отъ вязъ,
 Какъ тутъ скорѣ Васильюшко подсакивалъ,
 Ударилъ-то Васильюшко да Омушку,
 Толстого Обму благоуродлива;
 Стоитъ тутъ Обма да вѣдь не стрѣхнется,
 Желтыи кудѣрка не сворохнутя, —
 А то моя дружинюшка хоробрал!
 Садилъ онъ и Обму за большой-отъ столъ,

*) Упавый — красивый.

За большой его столъ во большой уголь,
 Кормилъ поилъ еще онъ Омушку
 А досыти его и дѣбьяна.
 Роздрѣжилъ онъ мужиковъ новгородскіихъ-тыхъ;
 Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
 А тутъ-то вѣдь они да пріудумали:
 «А сдѣлайте робята свой почестной пирь,
 «Не позводемъ-то мы Василья да Буславьева.»
 Какъ тутъ они Васильюшка не пѣзвали.
 Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
 А скоро молодець онъ отправляется,
 Скоро ѣвъ удалий снаряжается,
 А со тымъ дружинямы съ хоробрима,
 Съ малинымъ съ упавымъ съ Потанюшкой,
 Съ толстымъ еще съ Обмой благоуродливимъ.
 Какъ приходитъ Василей на почестной пирь
 А къ тымъ мужикамъ да къ новгородскіимъ.
 Воспромѣлвать мужики тутъ таково слово:
 «А не званому вѣдь гостю здѣ мѣста нѣтъ.»
 Говорить Василей таково слово:
 — А званому-то гостю много чести набъ *),
 — Незваному-то гостю какъ и Бѣгъ прише. —
 Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,
 За большой вѣдь столъ да во большой уголь,
 А они ѣли пили тутъ и кушали.
 Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то **),
 Да набъ-то мужикамъ его кончать ***) еще,
 Да того Васильюшка Буславьева,
 А говорятъ промѣлвать таково слово:
 «Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
 «Попишемъ-ко съ тобой мы да пописи,
 «Поположимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
 «А съ утра намъ да ранімъ ранѣшенько
 «На тотъ на мосточикъ на Волховой,
 «А будѣмъ станѣмъ драться мы ратиться
 «А мы съ тобой съ удалымъ со молодцомъ,
 «Съ толстымъ Обмой еще съ благоуродливимъ,
 «Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
 «Чтобы ты съ утра да былъ ранѣшенько,
 «Шоль бы на мосточикъ на Волховой
 «А со тымъ съ дружинямы съ хоробрима.»
 Какъ тутъ они наѣлиси, напилиси,
 Какъ вси они тутъ пакушались,
 Стали тутъ они да пьянѣшеньки,
 А сдѣлали больно тутъ рукобѣтницю;
 Тутъ-то розошлись до утра бы.
 Прознала это дѣло тутъ Васильѣва матушка,
 Пало тутъ еще къ ей извѣстьяцо,

*) Набъ — надобно. **) т. е. задорно. ***) т. е. съ нимъ поковать.

Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
 Со своимъ со дружинами съ хоробрима
 А на гоёмъ мосточнику на Волховомъ.
 Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
 Ко своей ко рѣдной ко матушкѣ,
 Ко честной вдовы къ Офимѣ къ Александровной.
 Какъ тутъ эта Васильева матушка
 Положила спать во погребы глубокіи,
 Замнула молодца его во погребы.
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ,
 Прошла-то тая ночка тутъ темная,
 Приходить-то день тутъ да свѣтлыи.
 Какъ ты эти дружинишки хоробрин
 Ставають-то по утру рапешенько,
 Умываются да бѣлешенько,
 А трутся-то миткалинновымъ полотенушкомъ,
 А знаютъ-то что у ихъ е подѣлано.
 Какъ скоро шли на мосточикъ на Волховой,
 Какъ начали они тутъ биться ратиться
 Съ тымъ-то мужиками съ новгородскими.
 Какъ день бьются они не ѣдаючи,
 А другой-то ѣнѣ не пиваючи,
 Отдоху молодцамъ не даваючи,
 И третій день начали-то биться тутъ,
 Какъ третій день они тутъ, третью ночь;
 Какъ тутъ-то у дружинишки хоробрин
 Стали у ихъ головушки были переломаны,
 Переломаны головушки розбитыи,
 Платками тутъ головки перевязаны,
 А кушачками-то были переверчены.
 Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
 Спитъ онъ молодець тутъ проклаждається,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаеть,
 Какъ ёго были дружины-ты хоробрин
 Прибиты у его, головки переломаны.
 У его-то дѣвка-та была придворная,
 Выходить-то на рѣченку Волхово,
 Выходить за водой съ водоносомъ-то
 А смотритъ на дружинъ-тыхъ хоробринихъ,
 На малаго увагаю Потанюшку
 А на толстѣ еще Оому лабоуродива, —
 А у ихъ все головки переломаны,
 Платками-то головки переверчены,
 Кушачками-то были тутъ перевязаны.
 Какъ скоро тутъ она да скоримъ скоро
 Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
 Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
 А по тому замку по булатному;
 Отпала тутъ замокъ на сыру землю,
 Ростворила да она дверь тутъ дубовую.
 Прошли-то вѣдъ тутъ трои сутоки.

Ото сну богатырь пробуждается,
 Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
 Крѣчигъ-то тутъ вѣдъ дѣвка громкимъ голосомъ:
 — Да ахъ ты сынъ Василій е Буслаевъ былъ!
 — Спишь ты молодець, самъ проклаждаешься,
 — А надъ собой незгодушек не вѣдаешь,
 — Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробринихъ,
 — У ихъ какъ головушки были переломаны,
 — Розбитыи, платками перевязаны. —
 Какъ тутъ ото сну богатырь пробуждается,
 На лицу самъ онъ помѣтається,
 Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чуло-
 чикахъ безъ чоботовъ,
 Въ тонкихъ бѣлыхъ рубашки самъ безъ пояса,
 А ухватилъ-то ось тѣлѣжную желѣзную,
 Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
 Какъ ино тутъ-то онъ воспроговоритъ:
 «Ай мои дружинишки хоробрин!»
 «Ай укрѣтите вы да сердце богатырское,
 «Я топерь за васъ нунъ пороботаю,
 «А подѣте-тко вы братцы на отдохъ-то пунь.»
 Какъ тутъ пошли дружинишки хоробрин,
 Тутъ они пошли да на отдохъ-то е.
 Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
 Той-то осью да тѣлѣжной желѣзною,
 Куды махнеть — тутъ стануть да улицы,
 А перемахнеть — туды да переулочки.
 Какъ началъ тутъ Васильюшко робѣтати,
 Какъ видять тутъ мужики что бѣда пришла,
 Вѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
 Какъ тутъ-то вѣдъ они да придумали:
 Какъ бы намъ еще да супротивиться?
 Какъ тутъ-то вѣдъ они да еще пошли, —
 А былъ тамъ жилъ еще въ манастыри
 Старчищо тамъ жилъ переграмищо, —
 Какъ приходять мужики-ты новгородскіи,
 Клоняются самѣ ёму молятся:
 — Ай ты старичищо есть переграмищо!
 — Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
 — Дадимъ те мы чашу красна золота,
 — А другую дадимъ да свачна жемчугу,
 — Третьюю еще да чиста сѣбра. —
 На го-то вѣдъ ужъ онъ да укидается,
 Позвался-то онъ вѣдъ да за ихъ пошолъ
 А ѣхать-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
 А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
 Навалилъ онъ колоколь да двѣнадцать пудъ,
 Навалилъ онъ къ себѣ да на голову,
 А садился тутъ онъ на добра коня,
 Какъ ѣхалъ онъ ко рѣченки Волхову,
 Ко тому мосточнику ко волховску,

А заѣзжаетъ на мосточикъ онъ на Волховой,
 Самъ кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Да ахъ же ты Васильюшко Буславъевичъ!
 «Малолѣтно ты дитя не запурхивай *),
 «Прямоѣзжей дорожки не заваливай.»
 Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
 — Да ахъ же ты да мой крѣстный батюшко,
 — А старчицо ты былъ есть перегрѣмищю!
 — Не далъ ти яничко о Хрстови дни,
 — Дакъ дамъ я ти яничко о Петрови дни. —
 Какъ скоро тутъ Васильюшко подсакивалъ,
 Ударилъ-то онъ осью въ колоколъ-то былъ,
 А развалился тутъ колоколъ на дни стороны;
 А въ другіихъ перекинулъ его ѿ въ голову,
 Спихнулъ его во риченку во Волхово,
 Со тымъ спихнулъ да со добрымъ конѣмъ.
 Какъ видѣть мужики что тутъ бѣда пришла,
 Бѣда-то та пришла да немнучая,
 Какъ тутъ они опять да скоро думали,
 Бѣжали тутъ къ Васильевой да матушки,
 Говорятъ промолвятъ таково слово:
 «Да ахъ же ты Васильева да родна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Повыручи отъ смерти безнапрасныи.»
 Какъ тутъ честна вдова Офимья Александровна
 Скорымъ скорѣ, скорѣ да скорешенько,
 Бѣжала на мосточикъ-то на Волховой
 Въ тонкіи бѣлыи рубашечки безъ пояса,
 Въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
 Заходила на мосточикъ на Волховъ-тотъ,
 Скочила сзади-то къ Василью на могучіи плеча,
 Закричала тутъ она во всю голову:
 — Да ахъ же ты дитя моѣ милое,
 — Ай же ты да чадо любимое,
 — А молодой Васильюшко Буславъевичъ!
 — Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
 — А укроти ты сердце богатырское,
 — Полно бить те мужиковъ новгородскіихъ,
 — Оставь ты мужиковъ хоть на сімена. —
 «Ай же ты моя родна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты была вѣдь матушка догадлива,
 «А ладно ты вѣдь матушка удумала,
 «Скочила ты на плечи да сзади мня.
 «А бы въ торопяхъ есть въ озарности
 «Убилъ бы ты старушку не за что-то я.
 «Да нунъ же, моя матушка, послушаю,
 «Когда просишь ты меня добра молодца,
 «Я вѣдь нунчу матушку послушаю.»

*) т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
 Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

А молодой Васильюшко Буславъевичъ
 Онъ ходилъ гулялъ по чисту полю,
 А со тьма съ дружинами съ хоробрима,
 Съ толстымъ Ѡмой еще съ благоуродливымъ
 А съ маленькимъ съ упавенькимъ Потапюшкой.
 Какъ приходитъ молодой Васи́лій сынъ Буславъе-
 вичъ,

Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь на чистомъ поли
 Пустая голова человическая.
 Какъ тутъ этотъ Васи́лій сынъ Буславъевичъ
 Скоро къ головы онъ подсакивалъ,
 А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
 Пинулъ онъ эту голову Васильюшко, —
 Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачью,
 Пала голова тутъ на сыру землю,
 Сама она ему тутъ воспрѣвѣщила:
 «Да ахъ же ты Васи́лій сынъ Буславъевичъ!
 «Почему жъ меня заразилъ топеръ?
 «Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
 «Да никто-то меня вѣдь не пинывалъ,
 «Да никто же какъ меня тутъ не ранивалъ,
 «Какъ ты-то вѣдь ужъ нунъ пинулъ, заразилъ меня.
 «Какъ будешь ты гулять во чистомъ поли,
 «А не забудь-ко ты этого помистыца *),
 «Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
 «Посмотри ты на меня на безсчастну головушку.»
 Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чистомъ полѣ
 А со тьма съ дружинами съ хоробрима,
 Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
 Пошолъ назадъ туды да обратно бы
 Этимъ путемъ да дорогою.
 Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстыцу,
 Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
 Какъ смотритъ-то еще—вѣдь стала тутъ гора ка-
 менная.

Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславъевичъ,
 Какъ на этой горы на каменной
 Подишь-та была подишена:
 А кто-то тутъ черезъ гору перескочитъ,
 Перескочитъ черезъ гору три разу,
 Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
 Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочитъ,
 Тотъ будетъ троѣ проклятъ на вѣку-то былъ.
 Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславъевичъ, —
 Розгорѣлось его сердце богатырское,

*) т. е. этого мѣста.

Скочилъ-то онъ черезъ гору каменну.
 Какъ эти дружинишки хоробрыи,
 А маленькой упавенькой Потанюшка
 И толстый Ома благоуродливый,
 Скакали-то они да е со ратовѣмъ *).
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
 Да скочилъ назадъ еще черезъ гору,
 Да скочилъ онъ Васильюшко назадъ-пятъ **) былъ,
 Какъ тутъ-то вѣдъ Василей сынъ Буславьевичъ
 Задѣлъ какъ своцмъ чоботомъ сафьяннымъ
 За тую гору да за каменну,
 Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
 Впичъ *) его вѣдъ молодца головушкой,
 Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
 Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.
 Какъ эти дружинишки хоробрыи
 Скакали они три разу о ратовья.
 Какъ тутъ эти дружинишки хоробрыи
 Копали тутъ-то яму на чистомъ поли
 А роспростилнсе съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
 Спустили какъ тутъ ёго во матушку сыру землю.
 Только тутъ Васильюшку славіи поють.

Записано тамъ же, 26 июля.

XIII.

ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, крестьянинъ дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокой, старообразный, слѣпой съ 5-лѣтняго возраста. Ему теперь 50 лѣтъ отъ роду; живеть онъ частью тѣмъ, что плететь сѣти, лапти, кошелы, частью подааньемъ, которое собираетъ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, распѣвая духовные стихи. Кромѣ стиховъ онъ знаетъ и нѣсколько былинъ, нѣніе которыхъ впрочемъ не составляетъ для него источника дохода, какъ нѣніе духовныхъ стиховъ. Былинамъ этимъ онъ научился въ молодости отъ слѣпаго калики Петра Степановича Мѣщанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольскаго уѣзда, на Онегѣ-рѣкѣ). По словамъ Фепонова, этотъ калика Мѣщаниновъ зналъ сем-

*) т. е. съ жердью, которая имъ служила опорой. **) *Назадъ-пятъ*—назадъ пятами, т. е. обернувшись не лицомъ, а спиной (такъ объяснилъ Прохоровъ). ***) т. е. навзничъ.

десять былинъ. Фепоновъ былъ лично извѣстенъ г. Рыбникову, который его встрѣчалъ на Шунгской ярмаркѣ и записывалъ духовные стихи, которые онъ тамъ пѣлъ. Съ его же словъ записана г. Рыбниковымъ одна былина. Въ сборникѣ г. Рыбникова онъ значится подъ именемъ «слѣпаго Ивана.»

55.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

А й во стольноёмъ во городи во Києви
 А й народился младъ Вольга Всеславьевичъ;
 А й рыбы-ты сбѣжали въ глубоки станы,
 А й птицы-ты слетѣли во темны лѣса,
 А й звѣри-ты сбѣжали за Туги горы.
 А й возросъ тутъ молодой Вольга да сынъ Всеславьевичъ,
 Подбираетъ вѣдъ дружину сорокъ тысящей.
 Когда ты ли кунци да вси вѣдъ бѣяра
 Изъ того ли изъ Туринца славна города
 А й платили дань да вѣдъ во Києвъ градъ,
 А й ко ласковому князю ко Владиміру,
 А й не стали-то вносить да дани пошлыми.
 А й тутъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
 А й справляется тутъ Вольга снаряжается
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Во Туринець городъ во Орѣховець.
 А йдетъ-то Вольга день до вечера,
 Слышитъ ратоя да въ поли панучнсь,
 А и сощечка у ратоя поскрыпывать,
 А и ратой во чистомъ поли посвистывать,
 А й на солову кобылу онъ погукивать.
 А й онъ дрѹгой день йдетъ до вечера,
 А у ратоя-то сонника поскрыпывать,
 Ратой во чистомъ поли посвистывать,
 А й на солову кобылу онъ погукивать.
 Это третей день йдетъ до вечера
 Тотъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
 Со своей ли онъ дружиной со хороброю,
 Наѣзжаетъ-то онъ въ поли стара ратоя,
 Того ли Микуду да Селягиневича:
 «А Богъ теби помочъ да старья старикъ,
 «Ай Микуду Селягиневичъ!»
 И тотъ ли-то Микуду да Селягиневичъ
 И нащеть на кобылу онъ на соловой,
 Дубья колодыя всѣ въ бѣрозду валить.

Воспроговорить тутъ Вольга таково слово:

«Ай же ты Микулушка Селягиновичъ!

«А й твоя кабы кобыла да конемъ была,

«А даль бы за коня теби пятьсотъ рублей.»

Говорить ему Микула Селягиновичъ:

— Молодой ты Вольга княжепечкой сынъ!

— А й кобыла-та кобыла, не возму я за кобылу
цѣлой тысящи. —

Говорить-то вѣдь Микула таково слово:

«Ай куда же тѣперь Вольга путь дѣржишь

«Со своею со дружинешкой хороброю?»

Ай зговорить тутъ Вольга таково слово:

— Ай же ты вѣдь старья старикъ,

— Ты Микулушка Селягиновичъ!

— А й поѣхалъ со дружиной со хороброю

— Братъ-то я Туриница вѣдь города Орѣховца. —

Говорить-то вѣдь Микула таково слово:

«Молодой ты Вольга Всеславьевичъ!

«Не взять тебѣ Туриница да города Орѣховца.

«Былъ я третіею дни въ Туриници въ городѣ
Орѣховци, —

«Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци

«Зафальшивили мою да золоту казну,

«Почитали за гроши они за мѣдныи,

«А й за мѣдныи гроши да за фальшивыи.»

Воспроговорить тутъ Вольга таково слово:

— Старый ты мой дядюшка да вѣдь Микулушка!

— Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помощь,

— Братъ Туринца города Орѣховца: —

Это тутъ-то вѣдь Микулушка Селягиновичъ

А поѣхалъ-то Микула а за Вольгой вслѣдъ.

А й Микулина кобыла да ступкомъ идѣть,

А й Вольгины кони во весь духъ бѣжать.

Приѣзжали близъ Туриница да города Орѣховца.

А тыи мужики да вѣдь орѣховци

А на тыхъ на рѣченьгахъ на быстрихъ

А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,

Потопили много силы да Вольгиной.

А й тутъ ли-то Вольга Всеславьевичъ

Заѣзжае во Туринець съ своимъ дядюшкой.

Оны много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,

Покорили розорили Туринець-отъ городъ Орѣхо-
вецъ.

Это скоро Вольга поворотъ держить,

А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.

Заѣзжаетъ Вольга на широкой дворъ,

А й сходить онъ да со добра коня.

А й заходить Вольга во високъ теремъ,

А это тутъ Вольга опочивъ держить.

Эта тая-та поѣздка тымъ рѣшилася.

Записано въ Шагѣ, 28 июля.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

А й первая поѣздка Или Муромца

А отъ того ли-то отъ города отъ Муромля,

Изъ того ли-то села изъ Карачакова.

А й справляется удалый снаряжается,

Старыи казакъ да Илья Муромецъ

А й во стольнѣй во славный во Кіевъ градъ,

А й ко ласкову князю на почетной пиръ.

А й приходитъ-то Ильюна во Божью церковь,

А й ко тыи заутрени ко раннею,

А й налагаеть вѣдь Илья на себѣ заповѣдъ,

А й заповѣдъ Илья себи великую:

Чтобы ѣхать вѣдь Ильюшѣ да во Кіевъ градъ,

А й не красть бы-то Ильюшѣ да не воровать,

Не укинуться на прелесть бы на женскую,

А й не кровавить бы Или да сабли вострыи,

А й не кровавить бы да стрѣлочекъ каленныхъ,

А ѣхать бы дорожкой прямоѣзжею

А й ко славному ко городу ко Кіеву.

И онъ справляется Ильюна, снаряжается,

А й обуваетъ-то Илья да черны чоботы,

А одѣваетъ-то онъ платыца дорожныи,

Надѣваетъ на головку пуховой кивѣрь,

А обкольчужился Ильюна, онъ облатился.

А й уздае сѣздае коня добраго,

Налагае вѣдь онъ потнички на потнички,

Налагае вѣдь онъ войлоки на войлоки,

Полагаеть онъ сѣдельшико черкальское.

Это туго вѣдь онъ подпруги подтягиваль,

А й самъ-то онъ Илья да выговариваль:

«А не для-ради красы басы, братцы, молодецкяи,

«А для укрѣиушки-то было богатырскяи.»

А й беретъ-то вѣдь Илья свой тугой лукъ,

А й беретъ-то Илья саблю вострую,

А й беретъ-то онъ копѣе да долгомѣрноё,

А й беретъ-то онъ палицу военную,

А й выходитъ-то Илья да на широкой дворъ,

А й садился Илья на добра коня,

А видли добра молодца да садучись,

А не видли тутъ удалаго поѣдучись.

А приѣзжаетъ вѣдь онъ къ городу Бекешовцю;

А окдѣл ли того да города Бекешовца

Стоитъ много множество поганыхъ татаровей.

А заѣзжаетъ-то Илья да во Бекешевъ градъ,

И это началъ онъ по улочкамъ побѣгивать,

А это началъ про дороженку розспрашивать,

А заходить-то Илья да во Божью церковь.

А собралнсе вси мѣжики бекешовци

А во тую-то во церковь во соборную,
 А всё каются они да причащаются,
 А и къ смерти они всё да готовятъся.
 А тутъ стари казаць да Илья Муромецъ
 А онъ глаза-ты вѣдь крестить да по писаному,
 А и чюклопъ-то онъ ведетъ да по учёному,
 А и на вси стороны Ильюша поклоняется,
 А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
 «Ай здравствуйте вси мужики бекешовци!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
 «А и черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи,
 «А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
 «А черезъ тое вѣдь поселе Соловьиноѣ.»
 Говорятъ-то вѣдь мужики бекешовци:
 — А не можемъ показать да мы дорожки пря-
 ѣзжія.
 — А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
 — Наступило много вѣдь поганиныхъ татаревей. —
 Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держить,
 А и выходитъ-то Ильюша со Божьей церкви,
 А и садился-то Ильюша на добра копя,
 Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
 Вырываетъ онъ дубинку въ три оббиени.
 Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
 А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
 А и прибилъ пригубилъ до единой головы,
 А дубинку на лозинки всю порѣсцолкалъ.
 Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держить,
 Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
 «Ай же вы мужики бекешовцы!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
 «А во славный во стольней во Кіевъ градъ!»
 А вопроговорятъ тутъ мужики бекешовцы:
 — Ай же ты удалой доброй молодець!
 — А и живи-ко ты у насъ да воеводую,
 — А береги-тко городъ нашъ Бекешовець! —
 А вопроговорить Илья да таково слово:
 «А и не буду вѣдь я жить да воеводую,
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
 А это тутъ-то мужики бекешовци
 А насыпали они чашу красна золота,
 А другую насыпали чиста сѣребра,
 А третью насыпали сватна жемчугу,
 А подносили тутъ Илья да во подарочкахъ.
 А и не беретъ Илья да злата сѣребра,
 А и не мелкаго сватнаго жемчуга.
 А и говорятъ да мужики да тутъ бекешовци:
 — Ай же ты удалой доброй молодець!
 — А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,

— А зарослася тутъ дорожка да темнымъ лѣсомъ.
 — А на той-то на пути да на дороженки,
 — А у той-то вѣдь у грязи да у Черные,
 — А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
 — А сидитъ Сболовей розбойникъ онъ Рахментовичъ,
 — А сидитъ Сболовей-то онъ да на семи дубахъ,
 — Это въ восьми берѣзници поклянинъ.
 — А засвищетъ онъ да по змѣиному,
 — Закричитъ ли-то онъ по звѣриному,
 — А желтыи пески со кряжиковъ посылаются,
 — А темныи лѣсы къ сырой земли приклоняются, —
 — А побьетъ-то онъ тебя своимъ голосомъ. —
 А и вопроговорить Ильюша таково слово:
 «Ай же вы мужики бекешовци!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
 А и показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
 А и садился тутъ Илья да на добра копя,
 А видли добра молодеца да сядучись,
 А не видли тутъ удалаго поѣдучись.
 А не буйныи-ты вѣтры тутъ завѣяли,
 А поѣхалъ тутъ удалой доброй молодець
 Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
 А и прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
 А приѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темнымъ лѣсамъ.
 А и ко тые грязи да ко Черные,
 А развалилися тутъ мостки дубовые,
 А больше тутъ Илью не ѣхать нѣкуда.
 А спущался тутъ удалый со добра копя,
 А ведетъ копя-то онъ на поводи,
 А и правою рукой дубья колодыя рветъ,
 А про себя Ильюшенка онъ мостъ моститъ,
 И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать версть.
 А и садился-то Илья да на добра копя,
 Приѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черни-
 говской,
 А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьиное.
 А сорываетъ онъ Илья да маковъ листь,
 А затыкаетъ онъ Илья да уши въ головы.
 А увидѣлъ его Сболовей розбойникъ да Рахментовичъ,
 А и закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣриному,
 А свистнулъ-то онъ по змѣиному,
 А ино мать сыра земля продрогнула,
 А со кряжиковъ несочныи посыпались,
 А во рѣчении вода вся помутилася,
 А темныи да лѣсы приклонились,
 А богатырской конь да на колѣнка палъ,
 А и молодой Илья одва съ копя не палъ.
 А бьетъ-то онъ копя да по тучнымъ ребрамъ:
 «Ай волчья сытъ да травяной мѣшокъ!

«А по лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
 «А ѿ воронинаго ты крику ты не слыхивалъ?»
 А подѣзжаетъ онъ вѣдь къ кусту ракиводу,
 Вынималъ Ильюнюша пожищо да книжалищо,
 А вырубилъ онъ стрѣлочку ракиводу,
 А ѿ пятагивалъ Ильюшенка свой тугой лукъ,
 И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракиводу,
 А самъ онъ ко стрѣлы да приговаривать:
 «А ты лети, моя стрѣла, не въ тѣмной лѣсъ,
 «А ты лети, моя стрѣла, да не въ чистѣ полѣ,
 «А ѿ лети ты Соловьѣ ему въ правой-отъ глазъ,
 «А вылетай-ко ты стрѣла да бо лѣво ухо!»
 А стрѣлилъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракиводу,
 А ѿ пала стрѣлочка разбойнику во правой глазъ,
 А вылетѣла-то она да во лѣво ухо.
 Покатился онъ оттуда что овсяный спонъ;
 А беретъ его Илья да за бѣлы руки,
 А вязалъ-то къ стремени да ко булатни,
 А повѣзь-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
 Приѣзжае ко поселю къ Соловьиному,
 Увидали-то Илью да его дѣтушекъ:
 — Татенька-ѿтъ ѣдетъ, мужика везетъ. —
 А взглянула-то его да молода жена:
 — Мужик-отъ ѣдетъ, Соловьѣ везе. —
 А тутъ-то дочка его бѣлая
 А выбѣгала-то она да на широкій дворъ,
 А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
 А хочеть-то ударитъ Илью въ голову;
 А поворотушки-ты были молодецки,
 А знаетъ онъ пошибки вси дѣвочьи,
 А пинаетъ-то дѣвку Илья подъ гузо,
 А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлымъ грудямъ,
 А улетѣла тутъ дѣвка за широкій дворъ.
 А ѿ говорилъ тутъ онъ разбойникъ таково слово:
 «Ай же ты моя да молода жена,
 «Ай же вы мои да малы дѣточки!
 «А ѿ насыпайте три телѣги злата сѣребра
 «А ѿ старому казаку Илью Муромцу,
 «А ѿ просите-тко меня да на свою волю.»
 А не беретъ Илья да не злата ни сѣребра:
 — А ѿ твой животъ да есть неправеденъ. —
 А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
 И ко тому ко князю ко Владиміру.
 А приѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
 И носилъ вѣдь тутъ Илья ко тѣм ко обѣдени
 ко поздние.
 А ѿ становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
 А вязалъ коня къ столбу точеному
 А ѿ ко тому кольцу ко золоченому.
 А ѿ приходитъ-то Илья да во Божью церковь,
 А ѿ ко тѣм обѣдени ко поздние,

А онъ крестъ-то сложилъ да по писаному,
 А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
 И отстояли оны позднюю обѣденку.
 А на вси стороны Илья да поклоняется,
 А князю со княгнью въ особину.
 А ѿ солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской
 А зоветь-то князей да на почестной пиръ
 А сильнѣихъ могучѣихъ богатырей.
 И заходили тутъ во гридню княженецкую,
 А ѿ въ княженецкую-ту гридню во столовую,
 А садилсь за столы ли за дубовыи
 А за тѣ ли за скатерти за браныи
 А за тѣ ли за ѣствы за сахарни,
 И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
 А ѿ бѣлаго лебеда порушати.
 А Владиміръ-отъ князь да стольнѣ-кіевской
 А самъ онъ на Ильюнюшку поглядывать,
 А ѿ таково слово князь да выговаривать:
 «Ай же ты удалой доброй молодець!
 «А ѿ коѣй ты орды да коѣй земли,
 «А ѿ какъ-то тебя зовутъ по имени,
 «А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
 А вопроговоритъ Илья да таково слово:
 — Ай же ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
 — А я естѣ изъ города изъ Муромля,
 — А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
 — Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
 А ѿ вопроговоритъ Владиміръ таково слово:
 «А ѿ когда же ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
 А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
 — А сегоднѣшняго дня простоялъ я раннии за-
 утрени,
 — А носилъ я сюда ко тѣм ли ко обѣдени ко
 позднии. —
 А говоритъ Владиміръ таково слово:
 «Ай же ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 «А ѿ какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
 Зговоритъ-то вѣдь да таково слово:
 — А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
 — А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
 «А видаль ли ты у рѣчки у Черниговской,
 «А видаль ли ты разбойника Рахментѣва?»
 А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
 — А привѣзь я разбойника его сюды,
 — А теперъ разбойникъ-то у стремени виситъ. —
 А приказалъ-то вѣдь Владиміръ-отъ князь да
 стольнѣ-кіевской,
 А ѿ приводилъ его Ильюша на почестной пиръ.
 Зговоритъ тутъ солнышко Владиміръ стольнѣ-
 кіевской:

«Ай ты Сболовей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бѣльшею прогласи-
дой,

«А закрычи-тко ты да по звѣрному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣнному.»
Воспрогѣворить розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Не твоѣ ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —

Испрогѣворить Владиміръ таково слово:
«А старини казакъ да Илья Муромецъ!
«А ѣй прикажи-ко закрычатъ да ты розбойнику.»
Воспрогѣворить Ильюня таково слово:

— Ай ты Сболовей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижнимъ. —

Это Сболовей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижнимъ,
А ѣй маковки со теремовъ посыпалсь,
А хрустальвѣе околени розлопалн,
А всѣ ли заходили окаракою,

А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:

«Положу я тя во Кѣвъ градъ да воевою.»
А ѣй говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:

— Ай положишь ты меня да воеведюю,
— А всѣ будутъ во Кѣвн отъ меня вѣяти *),
— А сердю мое да есть розбойницко. —

А ѣй говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«А положу я тебе въ монастырь Благовѣщенской
строителѣмъ.»

А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строителъ я буду, монастырю розорителъ
вѣдь. —

А ѣй беретъ его Илья за тынн ли за рученки за бѣлья,
А выводить-то Илья да во чисто полѣ,
А ѣй привязалъ-то вѣдь Илья его на сѣрой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой тугой лукъ,
А накладаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлнлъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А ѣй полно тутъ розбойнику розбойничать!

Это первая поѣздка Ильи Муромца,
А по тыннхъ мѣсть поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

*) г. е. выть.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А ѣй во стольноѣмъ во городи во Кѣвн
А ѣй у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почестной пиръ,
А на многія на князи да на бѣяра.
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почестной пиръ
А сильннхъ могучнхъ богатырей.
А приходитъ-то Ильюша да не звапый онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской

Засадить его туда да во глубоку погрѣбъ

А поморить его смертью голодною.

А сильннхъ кѣвскнхъ богатыри

А розсердилсь тутъ на князя на Владиміра,

А онъ скоро вѣдь садилсь на добрыхъ коней,

А уѣхали онъ да во чисто полѣ,

А ѣй во тое роздолѣ во широкоѣ:

«А ѣй не будемъ вѣдь мы жить больше во Кѣвн,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру.»

А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,

А малешенька-та дочка молодѣшенька,

Во-потай берѣ ключи у своѣй матери

А отъ тынхъ ли-то отъ погрѣбовъ глубокинхъ;

Составляетъ *) она хлѣбъ да Илья Муромцу.

А ѣй проходило вѣдь тутъ времени ровно три году;

А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Калннъ царь,

А собираетъ онъ дружинишку хоробрую,

А собираетъ онъ собѣ да вѣдь много царей,

А много-то царей да много королей,

А собрали силы онъ смѣту нѣтъ,

А поѣхали ко стольнѣму ко городу ко Кѣву,

А на тую ли на славу на великую,

А ко ласкову князю ко Владиміру,

А хочутъ взять онѣ княгиню да Опраксию,

А покорить собѣ-ка онѣ Кѣвъ градъ.

Становилась эта сила близко Кѣва,

Близко Кѣва стоитъ да во чистомъ поли.

Калннъ царь а посылаетъ онъ поганого татарина

А ѣй со тыннмъ писѣмомъ со посольннмъ,

А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:

— Ай же ты поганнн татарнцо!

— Знаешь говорить да ты по русскому,

— А мычатъ про себя да по татарскому?

— А ѣй снеси-ко ты писѣмышко ко князю ко Вла-

диміру. —

А тутъ татарннхъ да поганннхъ

*) г. е. доставляетъ, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

А сядилса скоро на добра копя,
 А получает опъ письмо да къ себѣ на руки,
 А поѣхаль онъ ко городу ко Киеву
 А ѣ ко ласкову князю ко Владимиру.
 Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
 А черезъ тую ли-то стѣну городѣвую,
 А заѣзжаетъ опъ къ князю да на широкой дворъ.
 А ѣ вязаль копя къ столбу точному
 А ѣ ко тому кольцу да къ золочоному,
 А ѣ приходитъ онъ въ покои княженецкіе,
 А онъ глазъ-то не креститъ, Богу не молится,
 А не даеъ-то онъ чести Владимиру,
 А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
 «А ѣ прочитай-ко ты письмо, Владимиръ князь!»
 А онъ смотритъ, во письмѣ да естъ написано,
 А проситъ-то у князя да Калинь царь
 А ѣ славнаго города да Києва,
 Да обручныя княгини да Апраксин,
 А безъ бою-то безъ драки безъ великин
 А безъ большого-то такого кроволитія.
 А закручинилса тотъ князь да запечалилса
 Это той тоской печалью онъ великою:
 — А розсердѣль-то я теперь богатырей
 — А стараго казака Илью Муромца
 — А засадилъ-то его во глубокъ погрѣбъ,
 — А ѣ поморилъ его смѣретью голодною, —
 — А некому стоять буде за Киевъ градъ. —
 А дочка его была малешенька,
 А малешенька-та дочка молодешенька,
 А ѣ говорила-то она да таково слово:
 «А ѣ же ты родитель ты мой паненька!
 «А слышала во церкви во писани, —
 «А старому казаку на бою смерть не уписана,
 «И голодная смерть не уписана.
 «А беритко князь ты золоты ключи.»
 А беретъ-то князь да золоты ключи,
 А отмыкаетъ-то въдъ князь да глубокой погрѣбъ,
 А во погребѣ Ильюнюшка живой сидитъ,
 А ѣ горитъ у Ильюни воскова свѣча,
 А читаетъ онъ въдъ книгу да евангеліе.
 А извиняетса тутъ князь да стольнѣ-киевской
 А старому казаку Илью Муромцу:
 — А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
 — А посадилъ я тя во погребѣ глубокия,
 — А хотѣлъ поморить смертью голодною,
 — А еще въдъ ты Ильюнюшка да живъ въдъ естъ.
 — А не знаеши ты незгодушки великия:
 — А ко славному ко городу ко Киеву
 — Наѣзжалъ-то тутъ поганин воръ Калинь царь,
 — А собрана дружинишка много царей,
 — А много царей-то собралъ, много королей,

— А по́добрано силы у ихъ смѣту нѣтъ,
 — А все спльвин могучиц татарева.
 — А не мошь ли постоять да ты за Киевъ градъ,
 — А за матушку стоять да свято-Русь землю,
 — А постоять ли-то за церкви за соборныя,
 — А тыи за кресты животворящіе,
 — А спасти насъ те́перь всѣхъ князей бояръ?
 — А некому поѣхать супротиво царя Калиня,
 — А розсердѣль-то я теперь богатырей,
 — А уѣхали они да во чисто поле,
 — А ѣ не бывали оны здѣсь да три году. —
 А ѣ говоритъ-то ёму старини казакъ да Илья Му-
 ромецъ:
 «А ѣ Владимиръ князь ты стольнѣ-киевской!
 «А гдѣ же есте мои да конь добрыи?»
 — А твой конь во стойлы лошадинни. —
 А ѣ тутъ-то старини казакъ да Илья Муромецъ
 Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченыи,
 А онъ уздаеъ сѣдлаеъ коня добраго,
 А ѣ полагаетъ въдъ онъ потнички на потнички,
 А ѣ полагаетъ въдъ онъ войлочки на войлочки,
 А на верѣхъ-то онъ сѣдѣльничко черкальское,
 А ѣ беретъ-то въдъ Ильюня да свой тугой лукъ,
 А ѣ беретъ-то тутъ Илья да каленіи стрѣлы,
 А ѣ беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
 А ѣ беретъ-то онъ копьѣ да долгомѣрноѣ,
 А ѣ беретъ-то онъ да налицу военную,
 А ѣ беретъ-то онъ трубку-ту подзорную,
 А ѣ сядилса Илья да на добра копя,
 А не смѣеъ папуститъ на тую силу не на смѣтную
 (такъ),
 А на спльвинихъ могучинхъ татаревей.
 А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто полѣ,
 А поднимаетса на гору на высокую,
 А ѣ поглядѣлъ въдъ онъ во трубку во подзорную,
 А на вси-то на четыре онъ на стороны;
 А со первой горы Илья да онъ спускаетса,
 А на другую-то онъ гору поднимаетса,
 А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
 А ѣ на вси онъ на четыре да на стороны;
 А со другой горы да онъ Илья спускаетса,
 А на третью высокую поднимаетса,
 А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
 А на вси онъ на четыре да на стороны;
 А въ той ли сторонѣ да подвосточныя
 А увидае въ поли тамъ бѣлой шатѣрь.
 А приѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу шатру,
 А у того ли въ поли у бѣла шатра
 А стоитъ двѣнадцать коней богатырскинхъ,
 А видитъ-то Илья да таково дѣло:
 А стоять ты кони, кони тутъ русійскин,

А ёго-то вѣдь братыщевъ крестовныхъ,
 А крестовныхъ-то братцевъ вѣдь названныхъ.
 А онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
 А ѿ припущаль-то ко пшени да бѣлоярвой,
 А заходилъ-то тутъ Илья да во бѣлой шатѣрь,
 А глаза-ты онъ креститъ да по писаному,
 А ѿ поклон-отъ онъ ведеть да ко учёному,
 А на вен стороны Ильюша поклоняется,
 А ѿ крестному онъ батюшку въ особину:
 «А здравствуешь ты крестный ты мой батюшко,
 «А ѿ Самсонъ сынъ Самойловичъ!
 «А вы здравствуйте крестова моя братія,
 «А крестовая вы братія названая!»
 А увидали-то оны да Илью Муромца,
 А скоро вѣдь скочили на рѣзвыи ноги,
 А съ Ильюшкой тутъ братія здоровкались:
 — А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — А ѿ говорили, ты посаженъ во глубоку погрѣбъ
 — У того ли-то у князя у Владиміра,
 — А поморѣнь ты смеретью голодною, —
 — А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашъ. —
 А ѿ говоритъ-то вѣдь Илья да таково слово:
 «А ѿ же ты крестной мой батюшко,
 «А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
 «А вен братія крестовая названая!
 «А поѣдете на помочъ на великую,
 «А ѿ насупротивъ поѣдемъ царя Каліна.»
 А говоритъ-то вѣдь крестной ёму батюшко:
 — А я самъ-то вѣдь не ѣду, да тебѣ не бѣасловю,
 — А не буду я стоять большѣ за Кіевъ градъ,
 — А ѿ не могу болѣ смотрѣть на князя Владиміра
 — А на Апраксію да керовевичну,
 — А ѿ положено заклятіе великоѣ. —
 А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
 «А ѿ же ты вѣдь крестной мой батюшко!
 «А поѣдемъ-ко ты на помочъ великую,
 «Супротивъ поѣдемъ царя Каліна,
 «А не ради вѣдь мы князя да Владиміра,
 «А не ради мы княгини да Апраксіи,
 «А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
 «А ради той ли-то вѣры православныи,
 «А для ради церквей да мы соборныхъ,
 «А для ради матушки да Богородицы.»
 И это тутъ-то крестный его батюшко
 А вся крестовая названа его братія
 А поѣхали да на помочъ великую,
 А супротивъ царя да оны Каліна.
 А выѣзжали-то на гору на высокую,
 А оны брали трубку тутъ подзорную
 А ѿ поглядѣли тутъ на силу на поганую;
 А стоитъ-то сила тая во чистѣмъ поли,

Аки синее море колыбается,
 Ино мать-та земля да подгибается.
 И тутъ-то оны шатѣрь розставили,
 А ѿ вязали коней къ столбу точеному,
 Это тутъ-то оны да опочивъ держать.
 А Ильюшки не спитя, мало сбѣитя;
 И зауснула вѣдь тутъ братія крестовая.
 А встаётъ-то вѣдь Илья да на рѣзвыи ноги
 А выходитъ-то вѣдь Илья да изъ бѣла шатра
 А садился-то Илья да на добра коня,
 А спущается *) со горы со высокія,
 А папущаетъ *) онъ на рать-силу поганую
 А на спльныхъ на могучихъ на татаревей.
 А силу-ту онъ бѣеть да трои сутки не ѣдаючи,
 А не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
 А съ добра коня Илья да не слѣзаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи;
 А бѣеть-то силу до шести онъ дѣнь,
 А не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
 А съ добра коня Илья да не слѣзаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи.
 А его доброю-отъ конь да проязѣчился
 А тѣмъ ли язѣкомъ человѣческимъ:
 — А ѿ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — А укроти-тко ты вѣдь сердце богатырскоѣ.
 — А у ногаихъ у татаревей
 — А е сдѣлано три подкѣна глубокныхъ:
 — А ѿ во первѣи подкѣнѣ скочу да я повыскочу,
 — А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
 — А во другои подкѣнѣ скочу да я повыскочу,
 — А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
 — А во третей подкѣнѣ скочу да я повыскочу,
 — А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
 А розгорѣлось ёго сердце богатырскоѣ,
 А розмахалась его рученка-та правая,
 А направилъ онъ коня да во глубоку подкѣнѣ.
 Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
 А Ильюшку съ подкѣна онъ повытащилъ;
 А со другога подкѣна конь повыскочилъ,
 А онъ Ильюшку оттуда онъ повытащилъ;
 А со третьяго подкѣна конь повыскочилъ,
 А Ильюшки съ подкѣна онъ не вытащилъ.
 А сбѣжалъ его конь да во чистѣ полѣ,
 Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать.
 Это спльнии могучии татарева
 А здымали-то Илью да вѣдь со погребѣ,
 А связали-то Илью да ручки бѣлыя
 А во тын ли во пѣтнн шелкъовыя,
 А повели его на казень-ту на смертную,

*) т. е. спущается, папущаетъ.

А ѣ отрубить-то вѣдь Илья да буйна голова.
 А вѣдутъ Илью да мимо церковь соборную,
 А возмолился тутъ Илья да вѣсѣмъ святителямъ.
 А ѣ какъ изъ дѣлеча далѣча изъ чиста поля
 Набѣжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
 А ѣ хватилъ-то онъ зубами да за тѣя пѣтѣни шел-

кѣвья,

Оборвалъ-то пѣтѣни шелкѣвья
 А слободилъ его онъ ручки да бѣвья.
 А скочилъ Илья да на добра коня,
 А выѣзжаетъ-то Илья да во чистѣ полѣ,
 А ѣ натягивать Илья свой тѣгой лукъ,
 Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
 А самъ онъ ко стрѣлы да приговариваетъ:
 «А пади моя стрѣла ни на воду, ни на землю,
 «А не въ темный лѣсъ, да не въ чистѣ полѣ,
 «А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,
 «А проломитъ-тко крышу-ту шатровую,
 «А пади-тко крѣстному ты батюшку,
 «А крѣстному ты батюшку во бѣду грудь,
 «А роздробитъ ему ты груди бѣвья,
 «А за тую за измѣну за великую.»

А тутъ стрѣлилъ да Илья Муромецъ;
 А летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,
 А ѣ проломилъ она крышу-ту шатровую,
 А пала она крѣстному отцу на бѣду грудь,
 А на бѣлую-ту грудь да во значеный крѣсть.
 А ото сну тутъ крѣстный пробуждается,
 Говорить-то имъ да таково слово:
 — Ай вы сильнии могучии богатыри,
 — А пробуждайтесь ото сну да вы отъ крѣпкаго!
 — А гдѣ-то у насъ старин казакъ да Илья Му-

ромецъ?

— А мы ѣдимъ да пѣемъ да проклаждаемся,
 — А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой.—
 А ставали вѣдь тутъ сильнии могучии богатыри,
 А скоро-то ставали на рѣзвѣи ноги,
 А ѣ выходили-то онѣ да изъ шатра долой,
 А сажалися онѣ да на добрыхъ коней,
 А спускалися онѣ да съ высокой горы,
 Нападали на поганыхъ татаревей,
 А прибили прирубилъ да всю силу ту несмѣтную,
 А несмѣтную ту силу да несчѣтную.
 Это скоро тутъ онѣ да поворотъ держать
 А ѣ ко стольнѣму ко городу ко Киеву
 А ко ласкову ко князю ко Владиміру.
 Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,
 А визали-то коней къ столбу точенѣму,
 Ко тому кольцу ко золоченѣму,
 А приходять-то во грѣдню во столовую.
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской

А завель-то онъ тутъ свой почестный пиръ,
 А на многія на князи да на бѣяра
 А на сильнихъ на могучихъ на богатырей.
 А всѣ ли на пиру да напивалисе,
 А всѣ ли на пиру да наѣдалисе
 А всѣ ли на пиру да пьяни весели.
 А красное солнышко при вечери,
 А почестной-отъ пиръ да весь при весели.
 А Владиміръ-отъ князь да стольнѣ-кѣвской
 А жалуетъ онъ сильнихъ могучихъ богатырей,
 А даетъ города да съ пригородками,
 А даетъ золоту казну бесчѣтную.
 А князь-то онъ богатырей да содержать *) ихъ
 сталъ.

Записано тамъ же. 29 июля.

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздитъ-то старъ по чистѣ полю,
 И отъ младости да старъ до старости,
 И отъ старости да до гробной доски,
 Эдакаго чуда не наѣзживалъ:
 Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,
 А ѣ три пути широкихъ розстаночки;
 А на этихъ путяхъ на дороженкахъ
 А ѣ стоитъ стонть дубовой столбъ,
 А ѣ на столбѣ-то подиись подиисана:
 А ѣ во первую дорожку ѣхать — убиту быть,
 А во вторую ѣхать — жепату быть,
 А во третью ѣхать — богату быть.
 Это тутъ старъ пороздумался:
 «На что мнѣ-ка-ва стару жепату быть?
 «Молодая-то жена да то чужа корысть.
 «На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?
 «Это надо мнѣ-ка старому убиту быть.»
 А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.
 Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три часу,
 Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.
 Заѣзжаетъ онъ за горы за высокии,
 Наѣзжаетъ терема да превисокии,
 Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,
 А не много ихъ не мало сорокъ тысячей.
 А увидали тутъ вѣдь стараго розбойника,
 А розбойники ты всѣ да на скакалисе,

*) т. е. держать при себѣ въ чести, такъ пояснилъ пѣвецъ.

А й за стараго оны всѣ захваталсе.
 Говорить же вѣдь имъ старый таково слово:
 «Ай же вы тати да розбойники,
 «Ай плуты же вы да подорожники!
 «Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?
 «У меня нѣтъ ни злата, да ни сѣребра,
 «А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
 «А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
 «А сѣдельшко черкальско во пятьсотъ рублей,
 «А коню-то моему да вѣдь цѣны нѣту.»
 И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
 Закрычалъ-то атаманъ да громкимъ голосомъ:
 — Ай же вы тати да розбойники,
 — А плуты этакіе подорожники!
 — Да чѣго же вамъ со старымъ розговаривать?
 — А й срубите-тко ему да буйну голову! —
 Это тутъ вѣдь старенькой роспѣхнется,
 Это началъ своей палицей помахивать;
 Куда махнеть — туда улнца,
 Въ задъ отмахнеть — переулками.
 Онъ прибилъ-то приломилъ да всихъ розбойни-
 ковъ,

И оны съ перваго да до остатнѣго.
 Это скоро тутъ да старый поворотъ держаль,
 Это старую-ту подпись зафальшивливалъ,
 А новую-ту подпись подписывалъ:
 «А ѣздилъ тутъ старый, да убить не былъ.»
 А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
 Ъдетъ времечки оны столько три часу,
 Проѣзжаетъ оны вѣдь мѣста ровно триста вѣрсть.
 Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый краснѣ село,
 А селомъ-то назватъ да великѣ стоитъ,
 Городомъ-то назватъ да малѣ стоитъ;
 И построены во сели да королевскій дворъ,
 Живеть душечка Маришка королевича,
 Прилецаетъ-то она да добрыхъ мѣлодцовъ.
 А заѣзжае тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
 А й сходилъ тутъ старъ да со добрѣ коня,
 А й вязаль-то коня къ столбу точѣному
 И къ тому ли-то колецку золочѣному.
 И выходила тутъ Маришка на широкой дворъ,
 А й беретъ его за ручки-ты за бѣлыи
 А цѣлуетъ во уста да во сахарнии,
 А проводитъ вѣдь въ полату бѣлокаменну.
 А садила вѣдь его да за дубовый столъ,
 А за тыя ли за скатерти шелковыи,
 А за тыя ли за ѣствы за сахарнии,
 И за сладкіе за пѣтъя за медвянии.
 А сама отходѣ да поклоняется,
 Згѣворить она ему да таково слово:
 «Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,

«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
 «Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться.»
 Ъсть-то вѣдь старый наѣдается,
 Пьетъ-то вѣдь старъ да напивается,
 Себи никакой незгодушки не вѣдаѣтъ.
 А вѣдь брала тутъ Маришка за бѣлыи руки,
 Повела-то вѣдь его да во теплѣ спальню
 И ко тий кровати ко подложистой,
 Сама-то говоритъ да таково слово:
 «А ложись-ко старенькой о стѣночку,
 «Лягу молада да я на крѣночокъ.»
 А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
 — Ахъ ты душечка Маришка королевича!
 — А ложись-ко ты Маришка да о стѣночку,
 — Лягу вѣдь я старый вѣдь на крѣночокъ.
 — У меня-то вѣдь у стараго теперъ да не по
 старому,
 — Не по старому у мня, да мочъ не держится,
 — Почастѣ я буду старый ночью вонъ ходить,
 — А вонъ я ходить, да вѣдь коня смотрѣтъ. —
 Взималъ-то ю за ручки за бѣлыи,
 А кидаль ю на кровать на подложисту,
 Провалиласи Маришка во глубокъ погрѣбъ.
 А й беретъ-то вѣдь старый золоты ключи,
 Отмыкае старый кованіи замки,
 Выпускае оны много царей,
 А много царей да царевичѣвъ,
 А много ли королей да королевичѣвъ,
 Много сильниихъ могучиихъ богатырей.
 Говорять ему старому таково слово:
 «А спасибо теби, старын казакъ да Илья Муро-
 мець,
 «Что ты выпустилъ съ неволи со великин.»
 А й беретъ вѣдь старый-то Маришку за бѣлыи руки,
 Выводилъ-то Маришку во чисто поле,
 А й вязаль-то Маришку ко смру дубу,
 А й натягиваль-то старый да свой тѣгой лукъ,
 И налагае вѣдь оны стрѣлочку каленую,
 А стрѣляетъ оны Маришку да во бѣлу грудь,
 Роздробилъ-то у Маришки ретивѣ сердце.
 Это тутъ ли-то старый поворотъ держаль,
 И приѣзжаетъ-то старый къ дубовѣ столбу,
 Это старую-ту подпись зафальшивливалъ
 И новую-ту подпись оны подписывалъ:
 «Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женать не былъ.»
 А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
 Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три часу,
 Проѣзжаетъ вѣдь оны мѣста ровно триста верствъ.
 Наѣзжаетъ вѣдь оны въ поли да глубокъ погрѣбъ,
 А насыпанъ погрѣбъ злата сѣребра,
 А насыпанъ оны туда да скатна жемчугу,

А наваленъ-то вѣдь на погребъ превелікъ камень,
 А этотъ камень былъ тридевятисто пудъ.
 А сходить-то старый со добра коня,
 Поднял ли старый могучімъ плечомъ,
 А онь выкинулъ со погреба великъ камень,
 А побралъ ли-то много злата много сѣребра,
 Много мелкаго скатнаго жемчуга;
 А й построилъ онь церквы соборныя,
 Устанавливалъ звоны колокольныя.
 А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
 Приѣзжаетъ старый къ дубову столбу,
 Старый эти подиши не зафальшивливалъ,
 Новую-ту подиши подписывалъ:
 «А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ.»
 Приѣзжае онь во славою во Кіевъ градъ
 А ко тымъ ли онь пещерамъ да ко кіевскимъ,
 А прилетала невидіма сила ангельска,
 А взимали-то ёгд да со добра коня
 И запасили во пещеры-ты во кіевскы,
 И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
 А й потамѣсть мы старому славі поёмъ,
 Старому казѣку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 іюля.

59.

ДОБРЫНЯ И ЗМЪЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
 Жилъ былъ тамъ удалий добрый мѡлодецъ,
 Мѡлодой Добрынюшка Микитиничъ,
 Пожелалъ-то итти онь за охвотою.
 Обуваеъ онь сапожки на ножки зелёнъ сафьянъ,
 Одѣваеъ онь Добрыня платье цвѣтное,
 Налагаеъ онь вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
 Этотъ тугой лукъ Добрынюшка розрывчатой,
 А й беретъ-то вѣдь онь стрѣлочки каленыя,
 А й приходитъ-то Добрыня ко снѣгу морю,
 А й приходитъ-то Добрыня къ первой заводи;
 Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,
 А й не сѣраго-то малаго утеныша.
 А й приходитъ-то Добрыня къ другоу заводи,
 Не находить онь ни гуся, да ни лебедя,
 А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
 А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
 Не находить онь ни гуся, да ни лебедя,
 А й ни сѣраго-то малаго утеныша.

Розгорѣлось у Добрыни ретивѡ сердце,
 Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
 А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
 Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
 А й садился онь на лавочку брусовую,
 Утонилъ онь очи во дубовый мостъ.
 А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
 А сама-то говоритъ да таково слово:
 «Ай ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «Что же Добрыня не весѣлъ пришолъ?»
 А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
 — Ай же ты родитель моя матушка!
 — Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньцо,
 — Дай-ко ты Добрыни благословеньцо,
 — Ъхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
 Говоритъ-то вѣдь Добрыня родна матушка:
 «Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «А не дамъ я ти прощенья благословеньца
 «Ъхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
 «Кто на Пучай рѣки на семь свѣти да ѣзживалъ,
 «А счастливъ-то оттуль да не приѣзжалъ.»
 Говоритъ Добрыня своей матушки:
 — Ай же ты родитель моя матушка!
 — А даешъ мнѣ-ка прощенье — поѣду я,
 — Не даешъ мнѣ-ка прощенья — поѣду я. —
 А и дала мать прощенье Добрынюшки
 Ъхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.
 Скидываеъ-то Добрыня платье цвѣтное,
 Одѣваеъ-то онь платье дорожное,
 Палагаль-то на головку шляпу земли гречецкой,
 Онь уздалъ сѣдлалъ да вѣдь добра коня,
 Налагаеъ вѣдь онь уздичу тесмяную,
 Налагаеъ вѣдь онь потники на потники,
 Налагаеъ вѣдь онь войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онь сѣделышко черкасское.
 А и туго вѣдь онь подпруги подтягивалъ,
 Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
 — Не для ради красы басы, братцы, молодецкіе,
 — Для укѣпушки-то было богатырскіи. —
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня каленіи стрѣлы,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
 А й беретъ конь да долгомѣрное,
 А й беретъ-то онь вѣдь палицу военную,
 А й беретъ-то Добрыня слугу младаго.
 А поѣдучи Добрыни родна матушка наказывать:
 «Ай же ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «Сѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
 «Одолять теби жары да непомятыни, —
 «Не купись-ко ты Добрыня во Пучай рѣки.»
 Видли-то да добра молодца вѣдь садучись,

Не видали тутъ удалаго поѣдучисъ.
 А пріѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучай рѣки,
 Одолили ты жары да немощныи,
 Не попомнилъ онъ наказанья родительска.
 Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
 Роздѣваетъ вѣдь онъ платица дорожныи,
 Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чѣботы,
 Скидываетъ онъ порточики семи шелковъ,
 Роздѣваетъ онъ рубашку миткалиную,
 Началь тутъ Добрыня во Пучай рѣки купатися.
 Черезъ первую-то струю да нѣркомъ пронырнулъ,
 Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ, —
 А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
 А не черныя тутъ облаци попадали,
 А летитъ ко Добрынюшки люта змѣя,
 А люта-та змѣя да печерская.
 Увидалъ Добрыня погану змѣю,
 Черезъ первую-то струю да нѣркомъ пронырнулъ,
 Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ.
 Младъ-то слуга да былъ онъ торопокъ,
 А угналъ-то у Добрынюшки добра коня,
 А увезъ-то у Добрынюшки онъ тѣгой лукъ,
 А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
 А увезъ копѣе да долгомѣрное,
 А увезъ-то онъ палицу военную,
 Стольки онъ оставилъ одну шляповку,
 Одну шляпу-ту оставилъ земли греческой.
 Хватилъ-то Добрыня свою шляпошку,
 А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
 А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
 А три хобота отбилъ да что ни лучишнихъ.
 А змѣя тогда Добрынюшки смолилася:
 — Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 — Не придай ты мнѣ смѣрѣти напрасныи,
 — Не пролей ты моей крови безповинныи.
 — А не буду я летать да по святой Руси,
 — А не буду я плѣнить большѣ богатырей,
 — А не буду я давить да молодыхъ жоноу,
 — А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
 — А ты будь-ко мнѣ Добрыня да ты большой
 братъ,
 — Я буду змѣя да сестрой мѣншою. —
 А на ты ласы Добрыня пріукнулся,
 А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
 А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,
 А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
 Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистомъ поли,
 Во чистомъ поли Добрынюшка да темна ночь.
 А тутъ столбики Добрынюшка розставливалъ,
 Бѣлополѣтвяный шатеръ да онъ роздѣргивалъ,
 А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.

А встаетъ-то Добрыня по утру рано,
 Умывался ключевой водой бѣлешенько,
 Утирался въ полотно-то миткальное,
 Господу Богу да онъ молится,
 Чтобъ спасъ меня Господь, помиловалъ.
 А й выходитъ-то Добрыня со бѣла шатра,
 А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
 А не черныя тутъ облаци попадали, —
 Летитъ по воздуху люта змѣя,
 А й несетъ змѣя да дочку царскую,
 Царскую-ту дочку княжецецкую,
 Молоду Марфиду Всеславевну.
 А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 Приходилъ Добрыня къ своей матушки,
 Во свою-ту онъ гридию во столовую,
 А садился онъ на лавочку брусовую.
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кѣевской,
 Начинаетъ-то Владиміръ да почестной пиръ
 А на многія на князи да на бояры
 А на спльниихъ могучиихъ богатырей,
 На тыхъ палыницъ да на удалыихъ,
 На всѣхъ зашлыихъ да добрыхъ молодцовъ.
 А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушки:
 «Ай же ты родитель моя матушка!
 «Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
 «Дай-ко мнѣ Добрыни благословеньицо,
 «А поѣду я Добрыня на почестной пиръ
 «Ко ласкову князю ко Владиміру.»
 А й говорила-то Добрыни рѣдна матушка:
 — А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
 — А не дамъ я ти Добрыни благословеньица,
 — Ъхать ти Добрыни на почестной пиръ
 — Ко ласкову князю ко Владиміру;
 — А й живи-тко ты Добрыня во своёмъ дому,
 — Во своёмъ дому Добрыня своей матушки,
 — Ъшь ты хлѣба соли досети,
 — Пей зеленá вина ты дѣньяна,
 — Носи-тко золотой казны ты долуби. —
 А й говоритъ-то вѣдь Добрыня родной матушки:
 «Ай же ты родитель моя матушка!
 «А даешь мнѣ-ка прощение — поѣду я,
 «Не даешь мнѣ-ка прощениа — поѣду я.»
 Дала матъ Добрынюшки прощеньицо,
 Дала матъ Добрыни благословеньицо.
 А справляется Добрыня, снаряжается,
 Обуваетъ онъ сапожники на ноженки зеленъ
 сафьянъ,
 Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
 Налагаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
 А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
 Онъ уздае сѣздае коня добраго,

Налагаетъ вѣдь онъ уздницу тесмяную,
 Налагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
 Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онъ сѣделышко черкасское.
 А и крѣпко вѣдь онъ подируги подтягиваль,
 А и подируги шолку заморскаго,
 А й заморскаго шолку шолпанскаго,
 Пряжки славныя мѣди бы съ казанскія (такъ),
 Шпенечки-то булатъ-жельза да сибирскаго,
 Не для красы басы, братцы, молодецкія,
 А для укрѣпушки-то было богатирскія.
 Садился вѣдь Добрыня на добра коня,
 Приѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
 Становиль коня-то посреди двора,
 Онъ вязаль коня къ столбу точѣному,
 Ко тому ли-то колечку золочѣному.
 А й приходитъ онъ во гридню во столовую,
 А глаза-ты онъ креститъ да по писаному,
 А й поклонъ-тотъ ведетъ да по учѣному,
 На вси стороны Добрыня поклоняется,
 А и князю со княгиною въ особину.
 А и проводили-то Добрыню во большо мѣсто,
 А за ты за эти столы за дубовыи,
 А за тыи ли за ѣства за сахарнии,
 А за тыи ли за питья за медвяныи,
 Наливали ему чару зеленя вина,
 Наливали-то вторую пива пьянаго,
 Наливали ему третью меду сладкаго,
 Спли эти чары въ едино мѣсто;
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А и принималъ Добрыня единой рукой,
 Выпиваетъ-то Добрыня на единый духъ.
 А й Владимір-отъ князь да стольнѣ-кїевской
 А по гриднѣ по столовой онъ похаживать,
 Самъ онъ на богатырей поематривать,
 Говоритъ да таково слово:
 — Ай же сильнии могучии богатыри!
 — А накни на васъ службу я великую:
 — Съѣздитъ надо во Туги-горы,
 — А й во Туги-горы съѣздитъ ко лютой змѣи
 — А за нашу за дочкою за царскою,
 — А за царскою за дочкой княженецкою. —
 Большой-отъ туляется за средняго,
 Средній-отъ скрывается за меньшаго,
 А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту нѣтъ;
 Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
 А выходитъ-то Семень-тотъ баринъ Карамышец-
 кой,
 Самъ онъ зговоритъ да таково слово:
 «Ахъ ты батюшко Владиміръ стольнѣ-кїевской!

«А былъ-то я вчерась да во чистомъ поли,
 «Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки, —
 «Со змѣю-то Добрыня дрался ратилея,
 «А змѣя-то вѣдь Добрыни извивялася,
 «Называла-то Добрыню братомъ большимъ,
 «А нарекала-то себя да сестрой меньшою.
 «Посылай-ко ты Добрыню во Туги-горы
 «А за нашею за дочкою за царскою,
 «А за царскою-то дочкой княженецкою.»
 Воспроговоритъ-то князь Владимір-отъ да столь-
 нѣ-кїевской:
 — Ахъ ты молодой Добрынюшка Минкишничъ!
 — Отправляйся ты Добрыня во Туги-горы,
 — А й во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи
 — А за нашу за дочкою за царскою,
 — А за царскою-то дочкой княженецкою. —
 Закручинился Добрыня запечалился,
 А й скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣзвїи ноги,
 А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
 А и стулья-ты дубовы запаталнсе,
 А со стульевъ всѣ бояра повалылнсе.
 Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
 Отвязаль ли-то коня да отъ столба.
 Отъ того ли-то столба да отъ точѣнаго,
 Отъ того ли-то колечка золочѣнаго;
 А й садился-то Добрыня на добра коня,
 Приѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
 Спускается Добрыня со добра коня,
 А й вязаль коня-то ко столбу точѣному,
 Ко тому ли-то колечку къ золочѣному,
 Пасыпаль-то онъ шпены да бѣлояровой.
 А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 А й во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
 А й садился-то Добрыня онъ на лавочку,
 Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
 Утопилъ-то очи во дубовый мостъ.
 А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
 А сама ли говорила таково слово:
 «Что же ты Добрыня не весѣлъ пришолъ?
 «Мѣсто ли въ пирѣ да не по разуму,
 «Али чарой ли тебя въ пирѣ да обнесли,
 «Али пьяница дуракъ да въ глаза наплевалъ,
 «Али красныи дѣвнцы обемѣялнсе?»
 Воспроговоритъ Добрыня своей матушкѣ:
 — А мѣсто во пирѣ мнѣ было большое,
 — А большое-то мѣсто не меньное,
 — А й чарой во пирѣ меня не обнесли,
 — А пьяница дуракъ да въ глаза не плевалъ,
 — Красныи дѣвнцы не обемѣялнсе;
 — А Владиміръ князь да стольнѣ-кїевской
 — А накнулъ-то онъ службу вѣдь великую:

— А надо мнѣ-ка ѣхать во Тугі-горы,
 — А ѣ во Тугі-горы ѣхать ко лютой змѣи,
 — А за пхною за дочкой княженецкою. —
 А ѣ справляется Добрыня снаряжается
 А во дальнюю да въ путь дороженку.
 Обуваль Добрыня чёрны чоботы,
 Одѣваль онъ платыца дорожныи,
 Налагалъ онъ шляпу земли гречецкой,
 А онъ уздалъ сѣдлалъ коня добраго,
 Налагалъ онъ уздицу тесмяную,
 Налагалъ онъ потнички на потнички.
 Налагалъ онъ войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онъ сѣдельшко черкаское,
 А ѣ да туго подпруги подтягиваль,
 А ѣ да самъ Добрыня выговариваль:
 А не для красы басы, братцы, молодецкія,
 Для укрѣпушки-то былъ богатырскія.
 А ѣ приходится ко Добрыни родна матушка,
 Подаетъ Добрыни свой шелковій платъ,
 Говоритъ она да таково слово:
 «Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «А ѣ сѣдѣшь Добрыня во Тугі горы,
 «Во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи,
 «А ѣ ты будешь со змѣей Добрыня драться ра-
 титься,
 «А ѣ тогда змѣя да побивать будѣтъ, —
 «Вынимай-ко ты съ карманца свой шелковій
 платъ,
 «Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
 «Утирай-ко ты Добрыня лицо бѣлое,
 «А узъ ті бей коня по тучнымъ ребрамъ.»
 Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
 А ѣ заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 А ѣ беретъ-то въдъ Добрынюшка свой тугой лукъ,
 А ѣ беретъ-то въдъ Добрыня калеці стрѣлы,
 А ѣ беретъ-то въдъ Добрыня саблю вострую,
 А ѣ беретъ-то онъ конь да долгомѣрное,
 А ѣ беретъ-то въдъ онъ налицу военную,
 А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
 А ѣ да молится Микола да святителю,
 А ѣ чтобъ спасъ Господь меня помиловаль.
 А ѣ выходитъ-то Добрыня на широкій дворъ,
 Провожаётъ-то Добрыню родна матушка,
 Подаетъ-то въдъ Добрыни шелковуу плеть,
 Сама-то згворить да таково слово:
 «А ѣ сѣдѣшь ты Добрыня во Тугі-горы,
 «Во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи,
 «Станешь со змѣей да драться ратиться,
 «А ѣ ты бей змѣю да плѣткою шёлковой,
 «Покоришь змѣю да какъ скотиницу,
 «Какъ скотиницу да въдъ крестьянскую.»

А ѣ садился-то Добрыня на добра коня.
 Этта видли добра молодца въдъ сядучись,
 А ѣ не видли въдъ удалаго побдучись.
 Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту въдъ дальнюю,
 Приѣзжаетъ-то Добрынюшка скорымъ своро,
 Становиль коня да во чистомъ поли
 И онъ визаль коня да ко сырѣ дубу,
 Самъ онъ выходитъ на тое ли на мѣсто на уловной
 А ко той пещеры ко змѣиници.
 Постоялъ тутъ въдъ Добрыня мало времечки,
 А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
 Да не черныя-то облаци попадали,
 А ѣ летитъ-то летитъ поганá змѣя,
 А ѣ несѣтъ змѣя да тѣло мѣртвое,
 Тѣло мѣртвое да богатырское.
 А ѣ увидала-то Добрынюшку Микитича,
 А ѣ спущала тѣло на сыру землю,
 Этта начала съ Добрыней драться ратиться.
 А ѣ дрался Добрыня со змѣёю день до вечера,
 А ѣ змѣя-то въдъ Добрыню побивать стала;
 А ѣ напомнилъ онъ наказанье родительско,
 А ѣ вынималь платокъ да изъ карманчика,
 А ѣ приобтѣръ Добрыня очи леныи,
 Попріобтѣръ-то Добрыня лицо бѣлое,
 И ужъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
 — А ты волчья выть да травяной мѣшокъ!
 — Чтоль ты по темнѣ змѣю да въдъ не хаживаль,
 — Аль змѣинаго ты свисту да не слыхиваль? —
 А ѣ ёго добрый конь да сталъ поскакивать,
 Сталъ поскакивать да сталъ помахивать
 Лучше стараго да лучше прежнаго.
 Этта дрался тутъ Добрыня да другой-отъ день,
 А ѣ другой-отъ день да онъ до вечера,
 А ѣ проклятая змѣя да побивать стала.
 А ѣ напомнилъ онъ наказанье родительско,
 Вынималь-то плетку изъ карманчика,
 Бьетъ змѣю да своей плѣточкой,
 Укротилъ змѣю акѣ скотиницу,
 А ѣ акѣ скотиницу да крестьянскую.
 Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
 Розрубилъ змѣю да на мелкі части,
 Росипалъ змѣю да по чистѣ полю.
 А ѣ заходитъ онъ въ пещеры во змѣиници,
 А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиницихъ
 А роскована *) тамъ дочка княженецкая,
 Въ ручки въ ножки биты гвоздія желѣзныи.
 А тамъ во пещерахъ во змѣиницихъ .

*) т. е. приваена къ стѣнѣ руками врозь, — такъ объяснилъ Фелпатовъ.

А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ
зміёнышовъ;

А ѿ прибилъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ зміёнышовъ,
А ѿ снималъ онъ со стѣны да красну дѣвшуку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Къ своему Добрыня коню доброму.

А ѿ садился вѣдь Добрыня на добра коня,
Приѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко го-
роду ко Киеву

А ѿ ко ласкову ко князю ко Владиміру,
А ѿ привозитъ князю дочку любимую.

А ѿ за тую-то за выслугу великую
Князь его нечмъ не жаловалъ.

Приѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ *) коня во стойлу лошадиную,
Насыпалъ коню пшени да бѣлояровой.

А ѿ заходитъ-то Добрыня въ нову торницу,
Эта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.

Эта тымъ побѣдка та рѣшилася.

Записано тамъ же, 28 іюля.

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ дѣлеча было изъ чиста поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудреастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А ѿ выходила-то турица золоторога,
И выходила-то турица со турятами,
А ѿ расходилиси турѣ да во чистомъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А ѿ лучилосе турама да мимо Киевъ градъ итти,
А ѿ видли надъ Киевымъ чуднымъ чудно,
Видли надъ Киевымъ дивнымъ дивно.
По той по стѣны по городови
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носитъ книгу Левандову,
А не только читае, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивилиси,
Въ чистое поле возвратилиси,
Сослиси, со турицей поздорѣвалисе:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!

*) т. е. поставилъ.

— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —

«Ай же ты турица наша матушка!

«А ѿ были мы туры да во чистомъ поли,
«А лучилосе намъ турама да мимо Киевъ градъ
итти,

«А ѿ видѣли надъ Киевомъ чуднымъ чудно,

«А ѿ видѣли надъ Киевомъ дивнымъ дивно:

«А по той стѣны по городови

«Ходитъ-то дѣвица душа красная,

«А на рукахъ носитъ книгу Левандову,

«А не только читаетъ, да вдвой плаче.»

Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:

— Ай же вы туры да малы дѣтушки!

— А ѿ не дѣвица плачетъ, да стѣна плаче,

— А ѿ стѣна-та плаче городовая,

— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Киевомъ,

— А ѿ она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныя

А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергѣевичъ,

А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,

А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Кораблиновымъ,

А онъ со чернымъ дячкомъ да со выдумщикомъ.

А ѿ у Батыги-то силы сорокъ тысячей,

А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,

А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,

А у чернаго дячка, дячка выдумщика,

А той ли той да силы счѣту нѣтъ,

А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:

Соколу будетъ летѣть да на межѣнный долгій день,

А малою-то птички не облетѣтъ.

Становилась тая сила во чистомъ поли.

А по грѣху ли-то тогда да учинилосе,

А ѿ богатырей во Киеви не лучилосе:

Святополь богатырь на святыхъ на горѣхъ,

А ѿ молодой Добрыня во чистомъ поли,

А Алешка Поповичъ въ богомольной сторонѣ,

А Самсонъ да Илья у синя моря.

А лучилосе во Киеви голь кабацкая,

А по имени Василей сынъ Игнатѣвичъ.

А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,

Прошилъ промоталъ все житѣе бытѣе своё,

А ѿ прошилъ Василей коня добраго,

А съ той ли-то узницей тесмяною,

Съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскимъ,

А триста онъ стрѣлочекъ въ залогъ отдалъ.

А со похмѣлья у Василья головка болѣтъ,

Съ переню у Василья ретиво сердце щемитъ,

И нечмъ у Василья опохмѣлится.

А ѿ беретъ-то Василей да свой тугой лукъ,

Этотъ тугой лукъ Васильюшко разрывчатой,

Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
 А ѣй выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіева,
 А стрѣилъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
 А ѣй по тѣмъ шатрамъ Василей по полѣтняимъ,
 А ѣй убилъ-то Василей три головушки,
 Три головушки Василей три хорошенькихъ:
 А убилъ сына Батыгу Батыговича,
 А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
 А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
 И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
 А ѣй во стольнѣй во славной во Кіевъ градъ.
 А это тутъ Батыга сынъ Сергіевичъ
 А посылаетъ-то Батыга да скорѣхъ пословъ,
 Скорѣхъ пословъ Батыга виноватаго искать.
 А ѣй приходили-то солдаты каравульни,
 Находили-то Василѣя въ кабаки на печѣ,
 Приводили-то Василѣя ко Батыги на лицѣ.
 А ѣй Василей отъ Батыги извиняется,
 Низко Василей поклоняется:
 «Ай прости меня Батыга во такой большой вини!»
 «А убилъ я три головки хорошенькихъ,
 «Хорошенькихъ головки что ни лучшенькихъ:
 «Убилъ сына Батыгу Батыговича,
 «Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
 «Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
 «А со похмѣлья у меня теперь головка болѣтъ,
 «А съ переню у меня да ретиво сердцѣ щемитъ.
 «А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
 «А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
 «Съ той ли-то уздицей тесмяною,
 «А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскімъ,
 «А триста еще стрѣлочекъ каленныхъ.
 «Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
 «Пособлю взять-плѣнить да теперь Кіевъ градъ.
 «А знаю я воротца незаперты,
 «А незаперты воротца незаложены,
 «А во славный во стольнѣй во Кіевъ градъ.»
 А на ты лясѣ Батыга приукнулся,
 А выкупилъ ему да коня добраго,
 А съ той ли-то уздицей тесмяною,
 А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскімъ,
 А триста-то стрѣлочекъ каленныхъ.
 А наливаетъ ему чару зеленá вина,
 А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
 А наливаетъ-то онъ третью мѣду сладкаго,
 А слилъ-то эти чары въ единѣ мѣсто.
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А принималъ Василей единѣю рукой,
 Выпиваетъ-то Василей на единный духъ.
 А крутешенько Василей поворачивалсе,

Веселешенько Василей поговаривае:
 «Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конѣмъ вла-
 дать,
 «Я могу теперь, Батыга, во чистѣмъ полѣ гулять,
 «Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать.»
 И далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А выѣзжалъ Василей во чистѣ полѣ
 А за ты этѣ за лѣсушки за тѣмные,
 А за ты этѣ за горы за высокіе,
 И это началъ онъ по слухкѣ поѣзживати,
 И это началъ вѣдь онъ слухки порубливати,
 И онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 Скоро тутъ Василей поворотъ держалъ.
 А приѣзжаетъ тутъ Василей ко Батыги на лицѣ,
 А ѣй съ добра коня Василѣюшка спускается,
 А низко Василей поклоняется,
 Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
 «Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вини!»
 «Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысячей.
 «А со похмѣлья у меня теперь головка болѣтъ,
 «Съ переню у меня да ретиво сердцѣ щемитъ,
 «Помутились у меня да очн ясныя,
 «А подрожало у меня да ретиво сердцѣ.
 «А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
 «А дай-ко ты силы сорокъ тысячей,
 «Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ.»
 А на ты лясѣ Батыга приукнулся,
 Наливаетъ вѣдь онъ чару зеленá вина,
 Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
 Наливаетъ вѣдь онъ третью мѣду сладкаго,
 Слилъ эти чары въ единѣ мѣсто.
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А принималъ Василей единѣю рукой,
 А выпивалъ Василей на единный духъ,
 А ѣй крутешенько Василей поворачивалсе,
 Веселешенько Василей поговаривае:
 «Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
 «Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конѣмъ вла-
 дать,
 «Я могу теперь, Батыга, во чистѣмъ полѣ гулять,
 «Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать.»
 А далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А садился Василей на добра коня,
 А выѣзжалъ Василей во чистѣ полѣ
 А за ты этѣ за лѣсушки за тѣмные,
 А за ты этѣ за горы за высокіе,
 И это началъ онъ по слухкѣ поѣзживати,
 И это началъ вѣдь онъ слухки порубливати,
 И онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 А розгорѣлось у Василѣя ретиво сердцѣ,

А ѿ размахалася у Василья ручка правая,
 А ѿ приѣзжаетъ-то Василей ко Батюги на лицѣ,
 И это началъ онъ по силушки поѣзживати,
 И это началъ вѣдъ онъ силушки порубливати,
 А онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 А ѿ тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
 А ѿ бѣжить-то Батыга запинается,
 Запинается Батыга запинается:
 — Не дай Боже, не дай Богъ да не дай дѣтямъ
 моймъ,
 — Не дай дѣтямъ моймъ да моймъ внучатамъ
 — А во Кіевѣ бывать да вѣдъ Кіева видать! —

А ѿ чистыя поля были ко Опскову,
 А широкі роздольица ко Кіеву,
 А высокія-ты горы Сорочинскіи,
 А церковно-то строенье въ каменнѣй Москвѣ,
 Колокольнѣй-отъ звань да въ Новѣ-городѣ,
 А ѿ тѣртыя колачки Валдайскія,
 А ѿ щипливыя щеголивы въ Ярославѣ городѣ,
 Дешѣвы поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ,
 А сладки напитки во Питери,
 А мхи-ты болота ко снѣгу морю,
 А щелье каменье ко сѣверкѣ,
 А широкі подола Пудожаночки,
 А ѿ дубленыя сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ,
 Толстобрюхіе бабенки Лѣшмозѣрочки,
 А ѿ пучеглазныя бабенки Пошозѣрочки.
 А Дунай Дунай Дунай,
 Да болѣ пѣть впередъ не знай *).

Записано тамъ же, 28 іюля.

61.

НАЪЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А ѿ на панови да на уланови (такъ)
 Тамъ жило было два Ливка,
 Королевскіихъ да два племянника.
 Они думали да думу крѣпкую,
 Они хочутъ ѣхать во святую Русь,
 А ѿ во матушку да каменнѣ Москву,
 Къ молодому князю Роману Митрѣевичу,

*) Последніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «небылица», которую старый калка Мѣщаниновъ — учитель Фелловова — пѣвалъ послѣ этой былины.

А ѿ къ ему да на почетный пиръ.
 А ѿ приходятъ-то они къ своему дядюшкѣ,
 Чембаль королю земли литовскіе:
 «Ахъ ты дядюшка да пашъ Чембаль король,
 «А ѿ Чембаль король земли литовскіе!
 «Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
 «Ахъ ты дай-ко намъ да благословеньицо, —
 «Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
 «А ѿ во матушку да каменнѣ Москву,
 «А ѿ ко тому ко князю Роману Митрѣевичу,
 «А ѿ къ ему-то ѣхать на почетный пиръ.»
 Говоритъ имъ дядюшка Чембаль король,
 А ѿ Чембаль король земли литовскіе:
 — А ѿ да рѣдныи мои племяннички!
 — А ѿ не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
 — А ѿ не дамъ я вамъ да благословеньица,
 — Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
 — Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
 — А ѿ счастливы съ Русей да не выѣзживалъ. —
 Не послушали они своего дядюшкѣ,
 А ѿ уздали вѣдъ сѣдали да добрыхъ коней,
 Обкольчужились скоро, облатились,
 А ѿ сажлисе они да на добрыхъ коней,
 Приѣзжали-то они да во святую Русь.
 Наѣзжали-то въ Русей оно первое село,
 А первое село да Ярославское,
 А ѿ первое село да прекрасивое;
 А ѿ во томъ селѣ да было три церкви,
 А ѿ было три церкви три соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 Это-то село да огню придали.
 А ѿ наѣзжали въ Русей да второе село,
 А ѿ второе село Катеринградское,
 Превеликое село да прекрасивое;
 А во томъ селѣ да было шесть церквей,
 Было шесть церквей да шесть соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 Это-то село да все огнемъ пожгли.
 Наѣзжали во Русей да третье село,
 А третье село да Косоульское,
 А это-то село да превеликое,
 Превеликое село да прекрасивое;
 А ѿ во томъ селѣ было девять церквей,
 А ѿ девять церквей было соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 А это-то село да все огнемъ пожгли,
 Полонили млада полоненочку,
 А млада Настасью да вѣдъ Митрѣевну,
 Со тымъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ;
 Увелили далече во чисто поле
 За быстру рѣку да за Смородину.

Во чистомъ поли столбы розоставили,
 На столбы шатры они роздернули,
 Это тутъ-то мблодцы да опочивъ держать,
 А ѿ не много ли не мало столько шесть-то дней.
 Какъ изъ дѣлеча далѣча изъ чистѣ поля
 Налетала мала птица, пѣвчій заворбночоць (*такъ*),
 А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
 А въ саду поѣтъ онъ выговаривать:
 «Ай ты молодой князь Романъ Митриевичъ!
 «Ты ты пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой ты вѣдь незгодунки не вѣдаешь.
 «Во твою-то во святую Русь
 «А ѿ прѣхало-то два поганыхъ два Ливика,
 «Королевскіи да два племянника;
 «Наѣзжали-то въ Русіи они первѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Оны то село да вѣдь огнемъ пожгли;
 «Наѣзжали-то въ Русіи они вторѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Оны то село да вѣдь огнемъ пожгли;
 «Наѣзжали-то въ Русіи они третѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Это-то село да вѣдь огнемъ пожгли,
 «А полонили мѣду полоненочку,
 «А ѿ твою-то родимѣ сестру
 «Со тымъ младенцемъ двоимѣсячнымъ,
 «Увели-то вѣдь далече во чисто поле,
 «За быстрѣ рѣку да за Смородицу.»
 А ѿ закручинился тутъ князь да занечалился
 Еще той тоской печалью онъ великою.
 А хватилъ-то онъ ножищю да кинжалнищю,
 Кинулъ онъ ножищю во дубовой столъ,
 Пролетѣло тутъ ножищю скрозъ дубовой столъ,
 Скрозъ дубовой столъ, стало въ кирпичный мостъ:
 — Не доидеть-то имъ щенкамъ да надсмѣхатисе. —

А ѿ собираетъ-то онъ силы равно три полку,
 Равно три полку да вѣдь тридесячныхъ.
 Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Митриевичъ

А ѿ со своей со дружиной со хороброу
 А ѿ во далѣчо далѣчо во чисто полѣ.
 Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ нападкою*),
 Вторая-то шбломомъ роскатнымъ*),
 Третья дружина ѣли столомъ скатертью.
 Прѣѣзжае князь да ко быстрѣ рѣки,
 Ко быстрѣ рѣки да ко Смородины;

*) *Нападкою* — накидываясь на пищу и питье, какъ животныя, безъ помощи рукъ; *шбломомъ роскатнымъ* — развалившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

А ѿ вырѣзываетъ-то онъ да три жеребья,
 А три жеребья вырѣзываетъ три липовыхъ:
 А ѿ слушалъ-то онъ да первы жеребьи
 На быстрѣ рѣку да на Смородицу:
 А которы-то ѣли пили да нападкою,
 Тыи жеребьи да каменѣмъ ко дну, —
 А ѿ той-то дружины да убитой быть.
 А ѿ спускаетъ онъ-то вторы жеребьи
 На быстрѣ рѣку онъ да на Смородицу:
 А которы-то ѣли шбломомъ роскатнымъ,
 Тыи жеребьи да ѡны вниъ быстрини, —
 Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
 А спускалъ-то онъ вѣдь третьи жеребьи:
 А которы-то ѣли столомъ скатертью,
 Тыи-ты вѣдь жеребьи встрѣчу быстрини, —
 Это тая-то дружина да весьма храбра.
 А двѣ этѣ дружины оставляетъ тутъ,
 Третью-ту дружину за собой беретъ.
 Выѣзжали они скоро во чисто полѣ;
 Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Митриевичъ:

— Ай же вы дружинишка хоробрая!
 — А вы слушайте-тко бблшого вогамана,
 — А и дѣлайте вы дѣло повелѣное:
 — А и закричитъ какъ черныи воронъ на сыромъ дубу.
 — На сыромъ дубу да во первойи наконъ,
 — А ѿ вы ѣште тогда вы кушайте;
 — А закричитъ чернойи-то воронъ на сыромъ дубу,
 — На сыромъ дубу да во второйи наконъ,
 — Вы уздайте сѣлдайте да добрыхъ коней;
 — А закричитъ-то черныи воронъ на сыромъ дубу,
 — На сыромъ дубу да во третейи наконъ,
 — А вы ѣдте ко шатрамъ бблонолотнянымъ,
 — А ѿ возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
 — Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
 А самъ онъ обвернулся да сѣримъ волкомъ,
 Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
 Это началъ онъ по чистому порискивать,
 Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бблш шатру,
 Заходилъ скорѣ во стойлы лошадинны,
 У добрыхъ коней головочки побортывать,
 По чистѣ полю головочки порбскидалъ.
 Обвернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
 Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
 А у оружищювъ замочкии повывертѣлъ,
 По чистѣ полю замочкии порбскидалъ.
 Обвернулся бблымъ малынымъ горносталѣмъ,
 У тугихъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
 Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,
 Этотъ весь шатѣръ да сталъ продагивать;

Двоумѣсячный младенчикъ проязычился:
 «Маменька, маменька, не мой ли-то дяденка,
 «Твой братецъ по бѣлу шатру побѣивать,
 «Ино бѣль-то шатеръ да весь продрагивать?»
 Услыхали эти рѣчи да вѣдь Ливики,
 Начали горнѣстала поганивать,
 Соболниой ёго шубонькой закидывать,
 А приокинули вѣдь шубой соболниой, —
 А повискочилиъ сподѣ шубы соболниини,
 А скочилъ-то онъ тогда да на окошечко,
 Со окошечка скочилъ да за окошечко.
 Обвернулся онъ тогда да чернымъ ворономъ,
 А ѣ садился-то онъ да на сырѣй дубъ;
 Закрычалъ-то воронъ во первой наконъ,
 А во первый-то наконъ да на сыромъ дубу.
 Говорять-то поганымъ-ты Ливики:
 — Ай не кричи-тко ты черной воронъ да на
 сыромъ дубу!
 — А поберемъ-то вѣдь мы нонь тугі луки,
 — А ѣ пострѣлимъ мы тебя да черна ворона,
 — А мы кровь твою-ту пробьемъ по сырѣ дубу,
 — А мы перьѣ-то распустимъ по чистѣ полю! —
 А ѣ закрычалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
 А ѣ на сыромъ дубу да во второй наконъ.
 Говорять-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
 — Ай не кричи-тко ты черной воронъ да на
 сыромъ дубу!
 — А ѣ поберемъ-то мы теперь свои оружища,
 — А ѣ пострѣлимъ мы тебя да черна ворона,
 — А мы кровь твою-ту пробьемъ по сырѣ дубу,
 — А мы перьѣ-то распустимъ по чистѣ полю! —
 А ѣ закрычалъ тутъ вранъ да во третей наконъ, —
 Наѣзжае тутъ дружинишка хоробрая.
 Это тутъ-то Ливики вѣдь испугалися
 А за тугіе-ты лукі да захваталисе, —
 А у тугихъ луковъ тетивочки пощолканы,
 По чистѣ полю тетивочки роскиданы;
 А бѣжали ѣны скоро въ оружейную,
 А у оружищовъ замочки отверчены,
 По чистѣ полю замочки роскиданы;
 А бѣжали тутъ во стойлу лошадиную,
 А тутъ у ихъ кони безъ головъ стоять.
 А спущался онъ да изъ сыра дуба,
 Обвернулся онъ да добрымъ молодцомъ.
 А взидали ѣны тутъ поганыхъ Ливиковъ,
 А у большого-то руки сломали, глаза вѣкопали,
 А у меньшого сломали рѣзвіи ноги до гузна,
 А ѣ посадили тутъ-то меньшого на большого,
 А отпустили-то да ихъ во свою сторону.
 Записано тамъ же, 28 июля.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ *)).

А ѣ отчего-те зима да зачаласе,
 А ѣ красно лѣто состоялось?
 Зачалася зима да отъ мороза,
 А ѣ-красно лѣто отъ солнца,
 А ѣ богатая осень отъ лѣта.
 И по тьи-то осени богатой
 Вылетала малая птица,
 А ѣ малая птица пѣвица;
 Садилася въ зеленѣ садочку,
 А на тое на дерево калнно (*такъ*),
 А ѣ начала пѣти, жуѣти,
 Всякими она-те ясаками.
 А ѣ услышали русьскія птици,
 Сбспралися стади оны стадами,
 Прилетали къ зеленѣ садочку,
 А ѣ садилася птици рядами,
 Въ ѣдну сторону да головами;
 А начали пѣти, жуѣти,
 Заморскую птицу пытати:
 «Ай малая птица пѣвица!
 «Скажи Вожью правду, не утайсе:
 «Кто у васъ за моремъ большій,
 «Кто за дунаечкимъ меньшій?»
 А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
 — Глушия вы русьскія птици!
 — А зачѣмъ же сюда да прилетали,
 — Зачѣмъ про синѣ морѣ спрашали?
 — Всѣ ѣ насъ за моремъ большій,
 — Всѣ за дунаечкимъ меньшій.
 — А ѣ крестьяна ѣ насъ по деревнямъ,
 — А десятки ѣ насъ по селеньямъ,
 — А ѣ старосты ѣ насъ по волѣстямъ,
 — Попы дяки ѣ насъ по погостамъ,
 — Старцы игумны въ монастыряхъ,
 — Подьячіе люди по присуствамъ,
 — А гости торговы по посадамъ.
 — Воеводы живутъ у насъ по мизамъ,
 — Солдаты идутъ по походамъ,
 — Цари да царьствуютъ по царствамъ,
 — А всѣ ль-то у насъ оны по службамаъ,

*) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы з и в, произнося вмѣсто з-ра почти *ы*, вмѣсто в-ря почти *и*. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами з и в поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполнѣ точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фелюва еще три раза повторять ее.

— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
 — А еще бы за дунаецкимъ моремъ
 — Бѣлой-отъ колпикъ *) былъ царикъ,
 — Бѣлая колпика царица.
 — А гуси-ты на моріи бояра,
 — Лебеди боярницкія жены,
 — Соловей при нихъ веселіи
 — Во всякія игры играётъ,
 — Все вѣдь отъ бояръ и смотѣшаётъ.
 — Воробыи боярѣски холопы,
 — Колья жердь да роботали,
 — Крестьянски конюля разбивали,
 — Оттого сыты пребывали.
 — А голубчик-отъ на моріи пошникъ,
 — Голубушка-та была попадѣшка,
 — А ѣй косачкі дьячкі церковны,
 — Тетерки-ты дьяческія жѣнки,
 — Куликъ понамарь церковной.
 — А травник-отъ былъ протаможникъ **),
 — А терпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ.
 — А канюк-отъ былъ чѣловальникъ,
 — Рябчик-отъ на моріи страпчей.
 — А ластушки красні дѣвцы,
 — Утки да были молодцы,
 — Селезень гостѣ торговой;
 — А ѣй по сінему морю вѣдь онъ плаваётъ,
 — Всякими товарами торгуётъ.
 — Чайки-ты были водоплавки,
 — Гагары-ты были рыболовки,
 — А съ озера въ озеро ныряли,
 — Всяку оны рыбу добывали;
 — На горы ***) ихъ рыба не бывала,
 — А въ торгѣ ихъ рыбы не видали,
 — Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
 — А журавль-отъ былъ перевозчикъ;
 — По сінему морю вѣдь онъ бродитъ,
 — Русскія птицы перевозитъ,
 — Цвѣтнаго платія не мочитъ.
 — Галици были черници,
 — Черныя вранѣ да гнѣмѣнъ,
 — А ястребъ былъ и атамансмъ,
 — А филин-отъ татѣ да разбойникъ.
 — Сокол-отъ скорыи посланникъ,
 — Орёл-отъ на моріи налетникъ;
 — Единожды въ годъ прелетаетъ,
 — А велику себѣ данѣ собираётъ, —

*) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошенько, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Прионежье. У сербовъ-лужицанъ *колы* значитъ лебедь. **) т. е. таможенный чиновникъ. ***) т. е. на сушѣ.

— По три головѣ да по четыре,
 — Иногда по цѣлому десятку.
 — А мошник-отъ *) на моріи крестьянинъ,
 — Коппала **) крестьянскія жѣнка.
 — А синька блядъ полежлива;
 — Часто лежитъ она хвораётъ,
 — Долго она не пропадаетъ,
 — Роботы роботатъ она можетъ,
 — Казака нанять она не смыслитъ.
 — Дрозд-отъ у ней казаченко,
 — День-то онъ ночи роботаетъ,
 — Гроша онъ найму да не видаётъ.
 — Кокуша ***) побѣдна горюша;
 — Много она янцѣ выкладаетъ,
 — А смоту во янцахъ не знаетъ,
 — Дѣтей выводити не умѣетъ.
 — Куропатъ бобылъ безпомѣстной;
 — Штаниши онъ носитъ съ нанусками,
 — Изъ куста во кустѣ перебродитъ,
 — Помѣстья себѣ да не имѣетъ.
 — Дятель-отъ на моріи плотникъ,
 — Желна-та церковной строителъ;
 — По темному лѣсу летаетъ,
 — Всяко она дерево пытается,
 — Церкви соборы роботаетъ.
 — Сорока кабацкая жѣнка;
 — Черныя чѣботы держала,
 — Съ ножки на ножку скакала,
 — На груди подола подымала,
 — Молодыхъ ребятъ приманяла;
 — Безъ колача да ѣсть не сядетъ,
 — Безъ молодца да спать не ляжетъ;
 — Пѣшь же она курва не ходитъ,
 — Всѣ ль-то ѣдѣ на подводахъ,
 — А пара ѣй ней коней воронихъ,
 — Извожички ребята молодцы.
 — Ворона-та на моріи бабка;
 — Когти толстѣи грязни,
 — Порядню-ту водитъ худую.
 — Пѣтухи казаки донскіи, —
 — То-то молодцы да удалыи;
 — По многу жѣнѣ онѣ содержатъ,
 — По три жѣнѣ да по четыре,
 — Пѣно до цѣлаго десятка,
 — А всѣхъ нарядити онъ умѣетъ,
 — Всема розрядити разумѣетъ,
 — Не такъ какъ на Руси ѣ мужа
 — Одна ёго бажоная жѣнушка, —

*) т. е. глухой тетеревъ. **) Самка глухаго тетерега. ***) т. е. кукушка.

- И той нарядить онъ не умѣтъ,
- На роботу розрядить не разумѣтъ.
- А курица послѣдняя птица;
- Кто ни ею да поймаётъ
- Всякой въ дырѣ да коврыяётъ,
- Все изъ яицъ бѣднѣ пытаётъ,
- Любимымъ зятевьямъ и принасаётъ.

- Левъ-тотъ на мори мясникъ былъ,
- Медвѣдь-отъ былъ кожедѣрникъ;
- Много онъ кожѣ придираётъ,
- Соноговъ на ногахъ не вѣдаётъ.
- Волкъ-тотъ на мори овчинникъ;
- Много онъ овчинѣ придираётъ,
- А й шубы онъ на плечахъ не видаётъ,
- Велику себи стужу принимаетъ.
- Олень-отъ скорын посланникъ,
- Зайко-то на мори калачникъ,
- А ножки тоненьки бѣленьки,
- Калачики пекётъ онъ и мяконьки.
- А лица молодца молодца;
- Дологъ хвостъ — и не наступить,
- Здѣлаётъ вину — она не скажѣ.
- А собака-та зла лиха свекурова;
- День она ночи варайдаётъ,
- Дѣла никакова не скажѣтъ.
- А й кошки эты были вдовицы,
- То-то сироты да бобылицы;
- Днѣмъ кошкы лежѣ по печкамъ,
- Ночью пойдутъ по добычкамъ,
- А криночки горшочки открываютъ,
- Безъ ложки сметанѣку снимаютъ,
- За то же ихъ бьютъ и безошадно. —
- А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,
- Всѣмъ удалымъ былъ и розѣздъ:
- Краснымъ дѣвѣцамъ по терѣмамъ,
- А й молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ,
- А молодымъ молодкамъ по скамейкамъ,
- Старымъ старикамъ и по полатамъ,
- Старымъ старушкѣкамъ по печкамъ.
- То-то старуха на печки,
- То-то старухи надобѣства, —
- Кринка овсянаго тѣста.
- А ѣла бы старуха, молчала,
- Молчала бы старуха, не ворчала . . . тпру.

Записано тамъ же, 29 юля.

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подлѣ 70 отъ роду, занимающийся земледѣлемъ и рыболовствомъ. Были намъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, перенялъ ихъ отъ слѣлаго калки Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ» *). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженіемъ своею мудростью; самъ Антоновъ помнить его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника котораго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинъ. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ назвалъ Потапомъ Потахинымъ.

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдь тутъ, вси вѣдь бѣяра,
А вси сильни могучи вси богатыри;
А сидитъ во самомъ-то во большомъ углу
А Сухманъ да сидитъ сынъ Долмантьѣвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бѣяра,
Сильніи могучіи богатыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлюю лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ
Онъ не ѣсть, не пьетъ, самъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,

*) Если Мина Ефимовъ зналъ былинны, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Пріонежя, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

Нечимъ молодець самъ не хвастаетъ.
 Згóворитъ Владиміръ стóльно-кíевской:
 «Что же ты, Сухманъ сынъ Долмантьевичъ,
 «Ты не ѣшь, ты не пьешь, ты не кушаешь,
 «Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
 «Ничимъ молодець самъ не хвастаешь?»
 Воспрогóворитъ Сухманъ сынъ Долмантьевичъ:
 — Ахъ же ты Владиміръ стóлень-кíевской!
 — Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
 — День съ утра и какъ до вечера,
 — Миѣ поѣздить Сухману пынь по заводамъ.
 — Привезу ти лебедушку живьемъ въ руки,
 — А па твои на шпръ княженецки,
 — На твои на стóль на дубовыи. —
 Даль ему времечки день съ утра,
 День съ утра и какъ до вечера.
 Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьевичъ;
 Онъ ѣздилъ день съ утра до вечера
 А по тихимъ глубокимъ по заводамъ,
 Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
 Ни на сѣраго на малаго утѣныша.
 Проѣздилъ Сухманъ тронъ сутоки,
 Приѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьевичъ
 Ко матушкѣ ко Нѣпрі рѣки;
 А у той ли у матушки Нѣпрі рѣки
 А стóитъ тутъ сна вѣдь-то малая, —
 Вода съ пескомъ возмутилася;
 Стóитъ за Нѣпрóй, за Нѣпрóю рѣкой
 А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
 Мостятъ мосты все каліновыи,
 Ладятъ тутъ перейти черезъ тую Нѣпру,
 Ко тому ли ко городу ко Кíеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Ладятъ Кíевъ градъ какъ огнемъ пожгать,
 А Владиміра-того во полонъ-тотъ взять.
 Тутъ Сухманъ здогодается,
 А пошолъ Сухманъ за тую Нѣпру,
 Находилъ ѣнъ дубиночку вязничку,
 Въ долину какъ дубина девяти сажонъ,
 Въ толщину какъ дубина три обóймени.
 Тутъ Сухманъ снаряжается, —
 За вершинку бралъ — съ кóмля сóкъ бѣжалъ.
 Сталъ по поганымъ похаживать,
 По тою по силѣ по невѣрнымъ,
 Сталъ ѣнъ дубиною помахивать,
 Убилъ ѣнъ татаръ сорокъ тысячей;
 Со всихъ сторонъ дубину приушолкала ѣнъ,
 Въ кровь ѣнъ дубину приомаралъ тутъ.
 А изъ поганни изъ силы тутъ
 Оставалось только два татарина,
 А ѣнъ отъ его обряжалися,

За тья за кустья заваялися.
 Пошолъ тутъ Сухманъ ѣнъ во Кíевъ градъ
 Ко тому ли князю ко Владиміру.
 Гóворитъ Владиміръ таково слово:
 «Что же долго ты ѣздилъ, Сухманъ, теперь?»
 «Ѣздилъ ты да тронъ сутоки,
 «Привезъ ты ко мнѣ пынь лебедушку,
 «Обѣщался кою да живьемъ въ руки,
 «А ни сѣраго ни малаго утѣныша?»
 Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
 Отвѣтъ держалъ сынъ Долмантьевичъ:
 — Не до того мнѣ-ка пынь дѣялось.
 — Былъ я вѣдь пынь за Нѣпрóй рѣкой,
 — Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
 — Той ли силы поганни,
 — Той ли силы все невѣрныи.
 — Они ладилъ тутъ какъ вѣдь Кíевъ градъ,
 — Кíевъ градъ какъ огнемъ пожгать,
 — А Владиміра тебя въ полонъ какъ взять. —
 А говорятъ князіи вѣдь и бóяра
 А и сильни могучи богатыри:
 «Ахъ ты Владиміръ стóлень-кíевской!
 «Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
 «Надъ тобою Сухманъ паригається,
 «Надъ тобой ли пынь какъ Владиміръ князь.»
 За тии за рѣчи за похвальныи
 Посадилъ его Владиміръ стóльно-кíевской
 Во тий погребѣ во глубокии,
 Во тий темниці тѣмныи.
 Желѣзнымъ плитамъ задвѣгали,
 А землѣй его призасѣпали,
 А травой его замуравили,
 Не много ли не мало лѣтъ-то на тридцать.
 Послали туда вѣдь-то ослѣдовать,
 Къ той ли ко матушки Нѣпрі рѣки,
 Старóго казака Шлю Муромца.
 А пошолъ старóй казакъ Шля Муромецъ,
 Онъ пошолъ къ матушки Нѣпрі рѣки,
 А сталъ Шля какъ по силѣ похаживать,
 По той ли силы онъ поганни,
 По той ли по силы все невѣрныи, —
 Онъ нашолъ тамъ дубиночку вязничку,
 А лежитъ она межъ силы межъ поганю,
 А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
 Въ толщину тая дубина три обóймени,
 Со всихъ сторонъ дубина приушолкана,
 Въ кровь дубина приомарана.
 Пошолъ да старóй ѣнъ ко городу,
 Ко тому ко городу ко Кíеву,
 Увидалъ два татарина поганыхъ.
 Говорятъ тутъ татарина поганни:

— Ты куда калка перехаживашь,
 — Ты откуда идёшь, откуда путь держишь? —
 Воспрогворить старой Пльа Муромецъ:
 «Я иду вѣдь отъ города отъ Кіева,
 «Отъ ласкова князя Владиміра.»
 Говорятъ татарши поганши:
 — У васъ какъ вѣдь есть нынѣ во Кіевѣ
 — А богатырь старой Пльа Муромецъ;
 — По многу заѣдать-то хлѣба къ выти онъ,
 — По многу ль выпивать питья медвянаго? —
 Говоритъ Пльюша таково слово:
 «У насъ какъ было нынѣ во Кіевѣ,
 «У ласкова князя Владиміра,
 «Бѣтъ хлѣба по колачику крупивчату,
 «Запивас стакачникомъ медвянымъ.»
 — То тутъ у Пльюши вѣдь не сила есть.
 — Какъ мы есть поганы татарова
 — Ъдимъ хлѣба къ выти по печи печенаго,
 — По ушату пьемъ водопосныхъ. —
 Воспрогворить Пльа тутъ вѣдь Муромецъ:
 «У насъ было во городѣ во Кіевѣ,
 «При ласковомъ князи Владиміри,
 «Корѣвища была обжорищо,—
 «Она много ѣла, вино пила тутъ,
 «Нынѣ вся она теперь перелопала.»
 Тутъ татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
 Высказали со шатра полотнянаго,
 Кинули въ Пльюшу ножнища они тутъ.
 Попало тутъ во дверь во дубовую,
 Выскочила тутъ и со лишніями.
 Взялъ Пльюша старой тутъ вѣдь Муромецъ
 Ключу свою онъ дорожную,
 А ударилъ ёнъ по татаровамъ, —
 Тутъ у татариновъ души нѣту.
 Приходить старой Пльа Муромецъ
 Ко городу ко тому ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Отвѣтъ держалъ, выговаривалъ:
 «Правда Сухмана Долмантьѣвница,
 «Чѣмъ Сухманъ только хвастаетъ.
 «Былъ-то я у Нѣпри ѣрки,
 «Видѣлъ силы поганой убитою,
 «Числомъ лежатъ сорокъ тысячей.
 «Межъ тима межъ поганима татарами
 «Увидѣлъ дубищу девяти сажонъ,
 «Въ толщину дубина три обѣймни,
 «Со всихъ сторонъ дубина приуцолкана,
 «Въ кровь-ту дубина приомарапа.»
 Ъгворить Владимірь таково слово:
 — Ахъ же вы князи вы бѣяра,
 — А вы сильни могучи вси богатыри!

— Выводите Сухмана со погребовъ,
 — Со тыхъ погребовъ со глубокінхъ,
 — А со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ. —
 Тутъ приходили князи бѣяра,
 Сильни могучи богатыри;
 Траву-ту всю они тутъ вырвали,
 Землю изъ плиты вѣдь повырзли,
 Желѣзную плиту повывзли,
 Выводили Сухмана сына Долмантьѣвнича
 Со тыхъ погребовъ со глубокінхъ,
 Со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ.
 Воспрогворять ему вси князи бѣяра:
 «Ахъ ты Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ!
 «За твои услуги великіи
 «Тебя пожалуетъ Владимірь столенъ-кіевской
 «Золотою казной тебя долюбн,
 «Городами-то да съ пригородками,
 «Приселами-то да со приселками.»
 Выходитъ Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ
 Со тыхъ погребовъ со глубокінхъ,
 Со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ,
 Говоритъ Сухманъ таково слово:
 — А не честь хвала молодецкая
 — Брать города съ пригородками,
 — Брать присела да со приселками,
 — Брать мнѣ безсчета золота казна,
 — А моя есть смерть напрасная,
 — Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
 Выдергалъ онъ листочки макѣвыи:
 — Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
 — Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 июля.

—
64.

ДОБРЫНЯ И ЗМЪЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
 Ко той ли ко рѣчкѣ ко Пучайныи.
 Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
 Только проситъ Добрыня благословеньица
 У родители свои какъ у матушки,
 У честной вдовы Офимьи Олександровной:
 «Ужь какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
 «Дай-ко мнѣ-ка благословеньицо,
 «Мнѣ създнть ко рѣчки ко Пучайныи;
 «Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покуратися,
 «Простудить мнѣ-ка нынѣ да тѣло нѣжное.»

Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшки
 А его же вѣдь тутъ родна матушка:
 — Ахъ же ты чадо мое милое,
 — Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
 — А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
 — Тобѣ съѣсть Добрыня, поглотѣеть она. —
 Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
 «Не боюсь я змѣи топерь поганьи.
 «Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я
 «А не дашь прощенья — поѣду я.»
 Только дала Добрынюшкѣ прощеньицо,
 Только дала Добрыни благословленьицо.
 А выходитъ Добрыня на широкъ дворъ,
 А беретъ въ рукѣ уздичу тесмяную,
 На того добра коня ѣнь накладываетъ,
 Войлочкн да онъ накидываетъ,
 Сѣдѣлышко да онъ накладываетъ,
 Тое сѣдѣлышко окованое,
 А двѣнадцати подпругами подтягиваль,
 Самъ ѣнь подпругамъ приговариваль.
 Не просты были подпруги, — семи шелковъ,
 Не простого-то шолку, — шахтанскаго,
 Пряжечки изъ мѣди изъ казанскн,
 Шпенечки изъ булата были желѣза сибирскаго.
 Съ собою беретъ онъ товарища
 Пѣтыку Михайла Пвановича.
 Во туѣи руки тѣгой быстрой лукъ,
 Палцу беретъ онъ военную,
 А копьѣ-то беретъ да долгомѣрноѣ,
 Саблю взимаетъ-то вострую.
 Сѣль-то Добрыня на коня добраго,
 Поѣхали ко рѣкѣ ко Пучайныи.
 День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
 А другой ѣдутъ не выдаючись,
 А на третій-то день доѣзжаючись.
 А прѣхаль Добрыня ко Пучай ко рѣкѣ,
 Останавливалъ коня на чистомѣмъ на полѣ,
 Привязываль коня да къ дубу сѣрому,
 Оставляль-то тутъ брата крестоваго,
 Пѣтыку Михайла Пвановича.
 Пошоль-то Добрыня къ рѣчкѣ быстрой,
 Ко той ли-то ко рѣчкѣ ко свирпыи,
 Скидываетъ съ себя платьѣ-то дорожноѣ,
 Розуваеъ сапожки зеленъ сафьянъ,
 Вынимаетъ съ буйной головы
 Шляпу свою да земли греческой,
 Скидываетъ рубашку миткалпную,
 Штаники розулъ ѣнь со вѣпускамѣ.
 Опустился Добрыня въ ричку быструю,
 Сквозь тую онъ струйку вѣдь прырнулъ,
 Сквозь другу онъ тутъ повѣирнулъ,

Сквозь третью онъ повыскочилъ.
 И это тутъ вода въ рѣкѣ смутиласи,
 Лютая змѣя показаласи.
 Тутъ перепался братъ крестовый,
 Пѣтыкъ Михайла сынъ Пвановичъ,
 Угналъ Добрыни коня добраго,
 Увѣзъ у Добрыни тѣгой быстрой лукъ,
 Палцу увѣзъ ѣнь военную,
 Копьѣ-то увѣзъ какъ долгомѣрноѣ,
 Саблю увѣзъ ѣнь вѣдь вострую.
 Одна осталася только шляпа греческа,
 Тая ли шляпа богатырская.
 Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
 Надѣвалъ ѣнь платьѣ свое скоро тутъ,
 Обуваль ѣнь сапожки зеленъ сафьянъ,
 Бралъ ѣнь шляпу земли греческой,
 А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
 А ѣ на тую змѣю на поганую,
 Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
 Пропустилъ-то змѣи кровь горючую,
 А сшибилъ-то змѣю да на сыру землю,
 Наступилъ-то змѣи да пожкой правою,
 А на тыи паступилъ да ей на хоботы,
 Ладилъ отсѣчь буйну голову.
 Тутъ-то змѣя ему смолиласе,
 Нечестлива она покориласе:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Не убей-ко змѣи меня до смерти пынь.
 — Я буду змѣя теби покорная,
 — А я буду змѣя теби повинная
 — Спусти-ко ты змѣю да на своѣ волю,
 — А я буду сестра теби меньшая,
 — А ты будешь братъ да мнѣ-ка бѣльшии. —
 А на ты лясѣ Добрыня приукинулся,
 Спустилъ-то змѣю да на своѣ волю.
 Тутъ-то змѣя подымаласе
 Выше лѣсу того она стоящего,
 Ниже облака того вѣдь летацаго,
 Полетѣла змѣя какъ ко Кіеву,
 Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
 Тутъ пошоль какъ Добрынюшка во своей-тотъ домъ;
 Сустигала Добрыню ночка темная
 На тоѣмъ полѣ его на чистомѣмъ.
 Столбички розоставилъ тоцѣние,
 Шатѣръ-тотъ роздвинулъ полотняныи,
 Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
 На матушку ложился на сыру землю,
 На тую ложился мураву траву.
 Спаль тутъ Добрыня отъ вѣчера,
 Спаль тутъ Добрыня до полуночи,
 Отъ полуночи спаль ѣнь вѣдь до утра

Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
 По утру ставаль ёнъ ранешенько,
 Умывался водою самъ бѣлешенько,
 Утирался полотѣншикомъ сушононько,
 Господу Богу помѣлился,
 Въ сырую во землю поклѣнился.
 Береть въ руки-то трубочку подозрную,
 Оглядѣль ёнъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру.
 Летить-то тутъ зм'я поганая,
 А несётъ во когтяхъ дочку царскую,
 Царскую дочку княженецкую.
 Тутъ-то Добрыня закручинился,
 Тутъ какъ Добрыня запечалился.
 Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
 Онъ садился на брусѣву нову лавочку,
 Онъ повѣсилъ голову до самѣй зени.
 Подходить къ ему родна матушка,
 Она стала Добрынюшку висипранивати,
 Она стала Добрынюшку вивѣдывати:
 «О чемъ ты Добрынюшка кручиннишься,
 «О чемъ ты Добрынюшка печалинись?»
 А отвѣтъ держаль Добрыня къ родной матушкѣ:
 — Не объ чѣмъ я Добрыня не кручинюся,
 — Не объ чѣмъ я Добрыня не печалуюсь,
 — Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньице,
 — Только дай-ко мнѣ благословленьице,
 — Мнѣ съѣздити ко городу ко Кіеву,
 — Ко ласкову князю ко Владиміру;
 — У того князя какъ у Владиміра
 — А й зачался ширѣ да на двѣнадцатъ дѣнь,
 — Для князей ли ширѣ какъ для бѣяровъ
 — А для сильныхъ могучихъ для богатырѣвъ. —
 Съѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
 Скоро будучись Добрыня на чистѣмъ на ноцѣ,
 Приѣзжаеть ко городу ко Кіеву,
 Ко тому ко князю ко Владиміру,
 Ко тымъ стѣнамъ городѣвымъ,
 Ко тымъ ко башнямъ углѣвымъ.
 Прямо ѣхаль Добрыня черезъ стѣну тутъ,
 Черезъ тую стѣну городѣвую,
 Черезъ тую башню углѣвую.
 Заѣзжаеть Добрыня ко Владиміру на дворѣ,
 Сбиваеть слѣзаеть съ коня добраго,
 Привязывать коня ёнъ ко столбичку,
 Ко тому ли столбу ко точѣному,
 Ко тому ль кольцу золочѣному,
 Насыпаеть шпены бѣлояровы.
 Пошоль-то вѣдь Добрыня во высѣкой домъ,
 Проходитъ ёнъ во гриденю столовую,
 Гдѣ стоять столы тамъ дубовыи,

Кладены скатерти шелкѣвыи,
 А укладены ѣствы сахѣрніи,
 А й розставлены питья медвяныи.
 Онъ крестъ тутъ клалъ по писѣному,
 А поклонны-ты ведеть по учѣному,
 На всѣ на четыре на стороны,
 Тому же Владиміру въ особину.
 Ставаеть Владиміръ на рѣзвѣи ноги,
 Говорить Владиміръ таково слово:
 «Ахъ же вы князи вы бѣяра.
 «А вы сильни могучи богатыри!
 «Ставайте зъ-за стѣловъ вы дубовыихъ,
 «Зъ-за тыхъ за ѣстовъ вы сахѣрніихъ,
 «Зъ-за тыхъ за питьевъ вы медвяныхъ,
 «Вы берите-ко гостя нынѣ подѣ руки,
 «Садите вы гостя за столъ какъ нынѣ,
 «За тымъ столы его дубовыи,
 «За тымъ за ѣства за сахѣрніи,
 «А и за тымъ за питья за медвяныи,
 «Проводите вы во мѣсто во бѣльшее,
 «Гдѣ ему мѣсто вѣдь полюбѣи.»
 А ставали князи тутъ вѣдь бѣяра,
 Сильни могучи вси богатыри,
 А вимали тутъ гостя вѣдь за руки,
 Проводили за столы тымъ дубовыи,
 За тымъ за ѣствы за сахѣрніи,
 За тымъ за питья за медвяныи,
 Наливали чаю зелѣнаго вина,
 Другу наливали пива пьянаго,
 Третью наливали меду сладкаго.
 Принимаетъ Добрыня единѣи рукой,
 Выпиваетъ Добрыня единѣимъ духомъ.
 Ставаеть Владиміръ на рѣзвѣи ноги,
 А приходитъ Владиміръ супротивъ стола,
 Самъ онъ говорилъ таково слово:
 «Ахъ же вы князи вы бѣяра,
 «А вы сильни могучи богатыри!
 «Кто у васъ ѣдетъ во Тугѣи-горѣ,
 «А во тымъ пещеры зм'инныи,
 «За моѣи-то вѣдь дочкой за царскою,
 «За моѣи-то дочкой государскою?»
 И какъ за тымъ столами за дубовыма,
 За тымъ за ѣствами сахѣрніи,
 За тымъ за питьями медвяныма,
 Да никто ничего тутъ не спроговорить:
 Ни отъ бѣльшого, какъ ни отъ мѣньшого, —
 Зъ-за того стола зъ-за середнаго
 Мѣньшой бояринъ Иванъ какъ тутъ,
 А по изотчини какъ Карамышовичъ,
 Зъ-за стола выходитъ зъ-за середнаго,
 Поклонился къ Владиміру низешенько,

А ёнъ самъ згóворилъ таково слово:
 — Послухай-ко Владиміръ столень-кíевской!
 — Пзъ насъ нѣкому ѣхать въ Тугі-горы,
 — А во тѣхъ пещеры змѣинни,
 — За твоёй-то за дочкой за царскою,
 — За твоёй-то дочкой княженецкою.
 — А я былъ теперь какъ у риценки,
 — А у той я рѣки да у Пучайни,
 — А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
 — Онъ какъ со змѣю тамъ поляковаль,
 — А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
 — А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,
 — Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горячую,
 — А спибу-то змѣю да на сыру землю,
 — Настушилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
 — Ладилъ отсѣчь буйну голову, —
 — Это тутъ же змѣя возмолпласи,
 — Нечестлива ему покориласи,
 — Называла его братомъ бóльшимъ,
 — А ёна называлась сестрой мѣньшею.
 — Дакъ ему буде ѣхать во Тугі-горы,
 — Во тѣхъ пещеры во змѣинни,
 — За твоёй топри *) дочкой за царскою,
 — За твоей топри дочкой княженецкою. —
 И подходит Владиміръ стольпо-кíевской
 Ко тому Добрыни близѣшенько,
 Говоритъ словце ему поскорѣшенько:
 «Ты послухай Добрыня сынъ Мпкитницеъ!
 «Я накину на тя службу великую,
 «А я службу накину не малую:
 «А ты съѣзди отъ города отъ Кíева,
 «Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
 «А во тѣхъ во славны Тугі-горы,
 «А во тѣхъ пещеры змѣинни,
 «За моёй-то дочкой за царскою,
 «За моёй-то дочкой княженецкою.»
 Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвй ноги,
 А выходитъ зъ-за стóловъ дубовыхъ,
 Зъ-за тѣхъ за фтовъ зъ-за сахарныхъ,
 Зъ-за тѣхъ за пítевъ за медвяныхъ,
 Господу Богу помолíлся самъ,
 Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
 Становилъ Добрыня на своё мѣсто
 Осередь той полаты грановитыя,
 Топнулъ Добрыня ножкой правою,
 Тымъ ли онъ чоботомъ булатнимъ, —
 Весь шагѣръ тутъ шатается,
 Тѣхъ столи опрокидáются,
 Пítья въ стокалахъ проливаются,

*) *Топри* — теперь.

А бояра со стульевъ повалилнсе,
 По тому мосту да покатилнсе.
 А выходитъ Добрыня на уличку,
 Къ своему коню приходитъ ко доброму:
 — Ахъ ты мой конь есте добрыи,
 — А не знаешь топерь ты незгодушки!
 — А Владиміръ князь столень-кíевской
 — Онъ накинулъ службу тяжёлую. —
 Садилъ Добрыня на коня добраго
 А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ.
 Становилъ коня да своя (*такъ*) добраго
 А во тую во стойлу лошадиную,
 Насыпалъ шнѣні бѣлояровни.
 А приходитъ Добрыня въ свой какъ домъ,
 А садилъ онъ какъ вѣдь на лавочку,
 Онъ повѣсилъ головку до самой зени,
 Самъ ёнъ кручиннѣся, печалнѣся.
 Подходить къ ему какъ родна матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна,
 Начала Добрыню выпрашивати,
 Ена начала Добрыню вивѣдывати:
 «Ты объ чѣмъ пынѣ Добрынюшка кручиннѣся,
 «Да объ чѣмъ ты Добрынюшка печалнѣся?
 «А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кíевѣ,
 «А у ласкова князя у Владиміра,
 «А на томъ ты на пиру на почѣстномъ, —
 «Али мѣсто тебѣ было не полюбн,
 «Али чара ли тебѣ не рядомъ пришла,
 «Не рядомъ пришла какъ непочѣтная,
 «Али пьяница дуракъ въ глаза наплеваль,
 «Али дѣвки-курвы насмѣялнсе?»
 Згóворитъ Добрыня таково слово:
 — Ай же ты родитель моя матушка,
 — А ты честна вдова Офимья Олександровна!
 — А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь полюби,
 — А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядомъ-то шла,
 — А й чара тая вѣдь-то почѣтная,
 — Пьяница дуракъ въ глаза нѣ плеваль,
 — Дѣвки-курвы не смѣялнсе;
 — А накинулъ Владиміръ столень-кíевской
 — На меня службу топерь тяжёлую.
 — Надо съѣздитъ мнѣ-ка во Тугі-горы,
 — А во тѣхъ пещеры змѣинни,
 — За его-то за дочкой за царскою,
 — За его за дочкой княженецкою;
 — Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
 — А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсе. —
 Говоритъ родитель ему матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна:
 «Не кручинѣся Добрыня, не печалуйся.
 «А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко

«Во тыи во славыи во Тутіи-горы,
 «Во тыи пещеры змѣинныи,
 «Побиваль ёнъ ту змѣю поганую.
 «Ты послухай-ко да меня матушки,
 «Честной вдовы Офимыи Олександровной:
 «Ты пойдешъ теиерь да во Тутіи-горы,
 «А во тыи пещеры во змѣинныи,
 «Не бери-тко съ собой туга бѣстра лука,
 «Не бери-ко ты палицы военныи,
 «Не бери-ко конья долгомѣрнаго,
 «Не бери-ко ты сабли съ собой востроу.
 «Дамъ теби плеточку семи шелковъ,
 «Этой плеточкой будешъ помахивать;
 «А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
 «А рука твоя правѣ призамашетя,
 «Свѣтъ со глазъ какъ потеряетя,
 «Тебя станеть змѣя она потаскивать,
 «Станеть люта́я тебя побрасывать,
 «Ты возьми-тко нынѣ свой тальянской платъ,
 «Поводи по тому лицу по бѣлому,
 «А утри-тко свои ты очи ясныи,
 «Будешъ лучше стараго да лучше прежнаго.
 «Поводи коня да по толстѣмъ ребрамъ
 «Тамъ платкомъ ты тальянскимъ,
 «Тогда здымай ты ручку свою правую,
 «А махни плеть» да ты шелковою, —
 «Ты склонишь змѣю-ту на сыру землю,
 «Оторвешъ у змѣи вѣдь шесть хоботовъ,
 «Придаешъ змѣи смерть ты вѣдь скорую.»
 Это сѣлъ Добрыня коня добраго (*такъ*),
 Онъ поѣхалъ Добрыня во тыи оны
 А во ты славыи да во Тутіи-горы,
 Во тыи пещеры да во змѣинныи;
 Ыхалъ Добрынюшка двѣнадцать дѣнь,
 Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
 Только колачникомъ Добрыня закусывалъ.
 На тринадцатый дѣнь доѣзжаетъ онъ
 А во тыи во славыи во Тутіи-горы,
 Въ тыи пещеры змѣинныи,
 А ко тымъ вѣдь ёнъ ко Тутіимъ-горамъ.
 А п то змѣи какъ не случилосъ
 А во тыихъ во славыихъ во Тутіихъ-горахъ,
 А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣинныхъ;
 Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
 Царская дочка княженецкая.
 Глядитъ Добрыня во чисто полѣ,
 А лѣтитъ змѣя тутъ поганая,
 Во когтяхъ несеть да тѣло мѣртвое.
 А увидла змѣя какъ Добрынюшку,
 Какъ сидитъ Добрыня кони доброёмъ (*такъ*),
 А спустила змѣя тѣло мѣртвое,

А й на матушку спустила на сыру землю,
 А на тую спустила мураву траву,
 Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Ты зачѣмъ нынѣ пріѣхалъ въ Тутіи-горы,
 — А во тыи пещеры змѣинныи? —
 Тутъ-то змѣя она сряжается
 Со Добрынюшкой да битъся ратитъся.
 Они билисъ со змѣей трои суточки,
 Не ѣдаючисъ какъ не ишваючисъ.
 Стала змѣя тутъ поганая,
 Она стала Добрынюшку покидивать,
 Она стала Добрынюшку побрасывать.
 А вспомнилъ онъ Добрынюшка
 А родительско онъ наказаницо,
 А берѣтъ-то Добрыня въ руки бѣлыи,
 А берѣтъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
 Поводилъ ёнъ самъ какъ по бѣлу лицу,
 Утеръ глаза да свои ясныи,
 Сталъ Добрыня лучше стараго,
 Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
 Поводилъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
 Пошолъ его конь по чисту полю,
 По чисту полю пошолъ со храбростью.
 Поималъ Добрыня змѣю лютую,
 Поималъ Добрыня во бѣлыи руки,
 Приклонилъ Добрыня ко сырой земли,
 А махнулъ-то Добрыня ручкой правою
 Тою ли плеткою шелковою,
 Оторвалъ ёнъ змѣи да буйну голову.
 Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
 А ко той ли ко пещеры ко змѣинныи,
 А взималъ-то вѣдь тутъ дочку царскую,
 Царскую дочку княженецкую.
 Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
 Тую ли дочку княженецкую.
 Выходитъ Владиміръ на круто крыльцо,
 А стрѣтаетъ Владиміръ со чѣстью тутъ,
 Со великою со той благодарностью:
 «А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
 «Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
 «А привезъ мою да ты дочку царскую,
 «Царскую дочку княженецкую.»
 А дарилъ его Добрыню золотой казной,
 А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтнымъ,
 Благодарность сказалъ да до самой земли:
 «А спасибо благодарно Добрынюшка!
 «Послужилъ мнѣ-ка князю Владиміру.
 «Никого не могъ найти я во Кіевіи, —

«Изъ тыхъ только изъ богатырѣвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка.»
Туть Владиміръ остается,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 іюля.

—
65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кієви,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честніи туть бѣяра
И вси сильни могучи богатыри.
Воспрогѣворить Добрыня таковое слово:
«Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Хочу я Добрыня поженитися
«На молодой Настасьи Микулчичной.»
Это туть вѣдъ завѣлся у Добрынюшки,
Этотъ туть вѣдъ завѣлся почестной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честніи пиръ производится.
Пошолъ туть Добрыня во Божью церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчались,
Златыми перстнями обручались.
А ѣ живеть-то Добрынюшка при Кієви,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честное слово воспрогѣворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулчична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честна вдова Офимья Александровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
«Дай-ко Добрыни благословеньицо,
«А съѣздить Добрыни на чисто на полѣ,
«А мнѣ ли Добрыни исполюковать,
«Могучіи плечи Добрынюшки расталкивать.»
Отвѣтъ держитъ ему матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Поѣзжаешь Добрыни на чисто на полѣ,
— На кого оставляешь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микулчичну?
— Куда оставляешь золоту казну,

— Куда кладешь-то цвѣтно платьицо;
— На кого еще оставишь добрихъ коней? —
Отвѣтъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Александровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честна вдова Офимья Александровна!
«А добрихъ коней я во полѣ спущу,
«Золоту казну я въ погребѣ замну,
«Цвѣтно платьицо я на вѣшки кладу.
«А тебе какъ родитель моя матушка,
«Честна вдова Офимья Александровна,
«Оставлю тебѣ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ безсчѣтныи.
«Молодой жены я завѣтъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чиста поля,
«Я не буду Добрыни ровно три году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть замужъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго богатыря;
«Не ходи только за брата за крестоваго,
«А за младаго Олѣшу за Поповица.»
Это туть Добрыня снаряжается,
А ѣ на добрихъ коней-то онъ собирается,
А берѣтъ съ собой вынече товарнца,
Брата берѣтъ-то онъ крестоваго,
А и Пѣтыку Михайлу Ивановича,
И поѣхали они на чисто на полѣ.
День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чистыи на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольницахъ широкіи.
Оны ѣхали, дорожку продолжали туть,
А ирѣхали оны на чисто на полѣ
А на тыи на роздольница широкіи,
Подѣлали туть стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпали ишени бѣлояровыи
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадиныи.
Оны-то вѣдъ стали пировати туть,
Хлѣба соли туть погумати,
По чары выпить зеленаго вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли пошли покушали,
Сдѣлали нынѣ опочивъ себѣ,
А ѣ ложилися спать во бѣлыхъ шатрахъ,
А ѣ ложилися спать по вечеру
И спали туть ѣны до утра,
До того же спали до бѣла свѣту.
Туть Добрыня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:

«Стань-ко братъ мой крестовын,
 «Подъ ты Михайла сынъ Ивановичъ,
 «Ото крѣпка сна да пробудись-ко ты.»
 Ставалъ его братъ тутъ крестовын,
 Вымылъ очи свѣжой водой,
 Утерся полотенышкомъ сушохоныко,
 Господу Богу помóлился,
 На вси сторожи вѣдь ёнъ поклóнился,
 И пошолъ во конюшни лошадинныи,
 Засмотритъ пошолъ ёнъ да добрыхъ коней,
 Весть кони стоятъ тамъ по старому,
 Весть кони стоятъ тутъ по прежнему.
 Осмотрѣль, оглядѣль онъ коней добрыхъ,
 Весть кони стоятъ тамъ по прежнему,
 Зоблютъ пшениу бѣлояровую.
 Пошолъ ёнъ какъ отъ добрыхъ коней,
 И взялъ ёнъ тутъ вѣдь во бѣлыи руки,
 Трубочку взялъ ёнъ подзорную,
 Поглядѣль ёнъ тутъ во чистó полѣ,
 Оглядѣль ёнъ во чистó полѣ какъ тутъ,
 Во тое во поле во чистóе,
 А ко той ли горы онъ ко высокии,
 Ко тымъ лѣсамъ ко дремуцимъ, —
 Подъ той ли подъ горою подъ високою
 А стоитъ вѣдь конь тамъ богатырскій,
 А сидитъ на кони воинъ главный:
 Голова на немъ какъ бѣракъ сильная,
 И глаза у него какъ чаши пивныи,
 Носъ на лица какъ богатырская;
 На лѣвой ноги какъ борзой кобель,
 На правой ноги какъ ясень соколь.
 Это тотъ ли кобель воспроизрѣиваетъ,
 А ясень соколь какъ воспроизрѣиваетъ,
 И также богатырь воспроизрѣивилъ ёнъ:
 — Я матушку русьскú землю,
 — А русьскú землю я наскрозь пройду,
 — Что нилучишихъ богатыревъ въ полонъ возьму.—
 Это тутъ его братъ крестовын,
 Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
 Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
 А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
 А идетъ-то, самъ ёнъ печалится;
 А стрѣгаетъ его братъ тутъ крестовын,
 Молодой Добрынюшка Микитиницъ:
 «Объ чемъ ты мой братъ нынѣ кручиннишься,
 «Объ чемъ ты скоро нынѣ запечалился?»
 Отвѣтъ дѣржитъ брату крестовому
 Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
 — Видѣлъ богатыря престрашнаго,
 — А сидитъ богатырь на добромъ кони,
 — А сидитъ-то богатырь, самъ шатается,

— Ладить-то ёнъ русьску землю наскрозь пройти,
 — Насъ богатыревъ нынѣ какъ во полонъ взимать. —

Возгóворитъ Добрыня таково слово:

«Поѣзжай-ко богатырь поскорѣшенько,

«Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!

«Прогони-тко богатыря съ чистá поля,

«Со тою со силою великою,

«Со тою со силою невѣрною.»

Поклонился братъ ему крестовын,

Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:

— Я не смѣю поѣхать на чистó полѣ

— На этого богатыря престрашнаго, —

— Я этого богатыря весьма боюсь. —

Это-то Добрынюшка выходитъ самъ

Со того ль шатра полотнянаго:

«Оставляйся братъ ты мой крестовын,

«Стереги береги ты бѣлой шатѣрь;

«Я поѣду Добрыня на чистó полѣ

«Предъ того ль богатыря престрашнаго.»

Выскакивалъ Добрыня скорымъ на скоро

На тое сѣдельшко окованое,

Взнимаетъ налицу военную,

А копьѣ-то беретъ долгомѣрноё,

Поводами коня онъ призадергиваетъ,

Шпорамы коня подшевеливаетъ.

Никуда какъ Добрыня не оглянется,

Только смотритъ Добрыня во чистó полѣ,

На того ли престрашнаго богатыря.

Онъ наѣхалъ Добрыня предъ богатыря,

Закричалъ-то Добрыня во всю голову,

Колько у Добрыни было гóлоса:

«Что же ты богатырь сидишь на кони,

«А не стрѣтаешь меня талерь Добрынюшку?

«Надо намъ съ тобою познакомиться.»

Приздынулъ ёнъ головыи богатырь тутъ,

Самъ згóворитъ таково слово:

— Молодой Добрыня не поѣзживай,

— А русьской богатырь не попурихивай,

— А будешь въ мой руки пойманой,

— А вдругъ ты будешь приобщипаной! —

А на то Добрыня не согласѣнъ былъ.

Розгорѣлось ёго сердце богатырское,

Розогналъ ёнъ коня какъ по чистú полю,

Билъ коня ёнъ по туцнымъ рѣбрамъ,

А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,

Сталъ битъ рубить онъ силу тутъ поганую,

Которá стояла при богатыри.

Дока ладился онъ богатырь, ладился,

А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,

А убилъ ёнъ силы поганыи,

А убилъ ёнъ силы сорокъ тысячей.
 Самъ онъ говорилъ таково слово
 Молодой Добрыня Микитишичъ:
 «Выѣзжай-ко богатырь на чистѣ на полѣ!
 «У меня палица какъ розмахаласе,
 «Сила какъ расходиласе.»
 Поѣхалъ богатырь на чистѣ на полѣ,
 Розѣѣздъ-то дѣлали великии.
 Съѣхались на конья на вострыи,
 Конья по яблокамъ срывалисе,
 А другъ друга они не ранили.
 А съѣхались они на палицы,
 А ѣ на палицы тыи военныи,
 Другъ друга тутъ приударили,
 Ни который котораго не ранили.
 Третій разъ они съѣхались
 А на тыи на сабли на вострыи, —
 Отфатилъ Добрыня богатырю,
 Отфатилъ ёнъ Добрыня буйцу голову.
 Паль тутъ богатырь со добра коня,
 Тотъ богатырь кончается.
 Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
 Къ своему шатру опъ ко бѣлому,
 А ко брату тому онъ ко крестовому.
 Соходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
 Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-ты,
 А во стойлы во тыи лошадиныи.
 День-тотъ за день какъ вода текеть,
 А недѣля за недѣлю какъ трава ростеть;
 Прошло того времечку вѣдъ три году,
 А не видать Добрыни со чиста поля.
 Сталъ Владиміръ тутъ подхаживать,
 Молодую Настасью подговаривать
 За его ли за брата за крестоваго,
 А за младаго Алёшу Поповица.
 Отвѣтъ держитъ Настасья Микучична:
 — Я исполнила заповѣдъ женскую,
 — Я исполню вѣдъ заповѣдъ мужскую.
 — А не будетъ Добрыня со чиста поля,
 — А пройдетъ того времечки-то вѣдъ шесть го-
 довъ,
 — Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
 — Хоть вдовой живу я, хоть замужъ пойду,
 — Я за князя ль пойду, за боярина,
 — А за сильнаго могучаго богатыря,
 — Не пойду ль только за брата крестоваго,
 — А за младаго Олёшу Поповица. —
 Это день отъ дни какъ продолжается,
 А ѣздитъ Добрыня на чистахъ на поляхъ,
 А проходить-то времечки вѣдъ шесть годовъ,
 А не видать-то Добрыни со чиста поля.

Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
 Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
 «Ты поди поди Настасья Микучична,
 «А поди топере во замужество,
 «А за брата поди-ка за крестоваго,
 «За младаго Алёшу за Поповица;
 «А я былъ Владиміръ на чистомъ поли,
 «Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
 «А лежитъ убить Добрыня на чистомъ поли,
 «А ёнъ ножками лежитъ вдоль дороженни,
 «Буйной головой лежитъ во ракиговъ кустъ.
 «А ёнъ ручками лежитъ о сырѣ землю,
 «Съвозъ его ребра травка выросла,
 «Росцвѣли цвѣточки лазуревы.»
 Это тутъ Настасья приодумалася:
 — Я не знаю сама своей головушки,
 — А сама своей головушки подѣвати,
 — А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотою,
 — А и силою меня берутъ неволею. —
 А про то вѣдъ Добрынюшка не вѣдаетъ,
 Какъ тутъ вѣдъ Настасья просваталася
 За того ли за брата за крестоваго,
 И за младаго Олёшу за Поповица.
 А на тую на пору въ тое времечко
 А приѣхалъ къ Добрынюшки богатырь нынъ,
 А на томъ ли богатырь на добромъ кони,
 А ѣ на томъ ли богатырь кованомъ сѣдлн.
 Это тотъ ли богатырь съ Золотой Орды,
 Да король земли какъ онъ бухарскн.
 Онъ проситъ король земли бухарскн
 Выѣхать Добрыню на чистѣ на полѣ.
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 «Молодой богатырь Золотой Орды,
 «Еще король земли бухарскн!
 «А ѣздивъ ты, да не попурихивай,
 «А будешь ты курёнокъ поймашой,
 «А младай богатырь ты общинаной.»
 Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
 На своёмъ Добрыня кони добромъ
 А на томъ ли Добрыня кованомъ сѣдлн;
 Они съѣхались на конья на вострыи,
 Конья пополамъ приломилсе,
 Другъ друга они не ранили;
 А ѣ на тыи на палицы военныи,
 Палицы у нихъ сломилсе,
 Другъ друга они не ранили.
 Третій разъ они какъ тутъ посѣхались.
 Оба выпали они со добрыхъ коней,
 Стали они собой таскаться,
 Подъ нимъ земля какъ подгибаться.
 Розгорѣлся Добрыня Микитишичъ

Своимъ сердцомъ онъ тутъ богатырскімъ,
 А фатиль короля за желты кудри,
 Кинулъ короля ёнъ на сыру землю,
 Сълъ королю на бѣлы груди,
 Заздынулъ ёнъ Добрыня саблю вострую, —
 Во плечи рука тутъ застоиласе.
 Сталь ёнъ Добрынюшка выспрашивать,
 Сталь ёнъ богатыря вывѣдывать:
 «Ты скажись, скажись, богатырь, со коёй земли,
 «Какъ тебя богатырь именёмъ зовуть,
 «Какъ звеличаютъ по отечеству?»
 Говорить король ни съ упадкою:
 — Ахъ сѣдатый пѣсъ ты сѣда брада!
 — Кабы я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
 — А не имени тебѣ бы ни отечества;
 — Пласталъ те груди вѣдь я бѣлыи,
 — Вынималъ бы сердце со оиченью. —
 Заздынулъ Добрыня ручку правую,
 Подынулъ Добрыня саблю вострую
 А хотѣлъ ёнъ отсѣчь буйну голову, —
 Во плечи рука тутъ застоиласе.
 Сталь ёнъ Добрынюшка выспрашивать,
 Сталь ёнъ Добрынюшка вывѣдывать:
 «А скажись, молодецъ ты богатырь нынѣ:
 «Со коёй земли ты, со коёй орды,
 «Какъ молодца именёмъ зовуть?»
 Говорить король таково слово:
 — Я есть вѣдь богатырь Золотой Орды,
 — Я король земли я есть бухарскіи. —
 А вималъ Добрыня за бѣлы руки,
 Отдымалъ (такъ) Добрыня отъ сырой земли,
 Поставилъ Добрыня на рѣзныи ноги,
 Говорить Добрыня таково слово:
 «А садись-ко богатырь на добра коня,
 «Поѣзжай-ко богатырь во свою землю,
 «Во свою землю да Золоту Орду.
 «Подарю тебѣ колечко подзолоченое,
 «А свѣзи-тко топеръ да своей матушки,
 «Дорогой свези топеричу подарочокъ,
 «А еще свези ты челомъ-битыице.»
 Это сълъ тутъ король земли бухарскіи,
 А поѣхалъ король-тогъ во свою землю.
 А поѣхалъ Добрыня во бѣлы шатры,
 А лёгъ-то спать какъ Добрынюшка
 А при тихихъ при латахъ богатырскіихъ,
 А поѣхалъ король, тутъ придумался:
 — А честь хвала мнѣ молодецкая
 — А съѣхать мнѣ-ка во свою землю,
 — Во славную мою Золоту Орду,
 — Свезти матушкѣ своей мнѣ низкой поклонъ,

— Дорогіе свезти мнѣ-ка подарочки;
 — Станутъ люди все мнѣ смѣяться,
 — Будутъ звать меня какъ заугольниимъ,
 — Будутъ звать меня какъ беззаконниимъ. —
 Поворотъ держалъ богатырь со дороженки,
 Приѣзжаетъ богатырь ко бѣлу шатру,
 Заздынулъ богатырь саблю вострую,
 Онъ ударилъ Добрыню по бѣлой шен.
 Вострая сабля не забрала,
 Прокатилась она со бѣлой шен,
 Докатилась она до рѣзвыихъ ногъ.
 Тутъ Добрыня испужался есть,
 Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
 Возсталъ ёнъ Добрыня на рѣзвыи ноги,
 Внималъ короля ёнъ за желты кудри,
 А здымалъ короля да отъ земли сырой,
 Кинулъ короля о сыру землю,
 Придалъ королю смерть-ту скорую,
 «Отъ кого ты чадо ты зачато было,
 «Отъ кого ты чадо вѣдь поѣяно,
 «Отъ того ты чадо нынѣ кончайся-тко!»
 Это тутъ у князя у Владимира
 А пополь онъ начался почестной ииръ, —
 Это идеть Настасья во замужество
 А ѣ за младаго Алёшу Поповица,
 За его за брата за крестоваго.
 А на тую пору въ тое времячко
 Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
 А садился голубъ на бѣлой шатѣрь,
 Полетаеть голубъ въ каменну Москву,
 Оставляеть голубку на бѣломъ шатру.
 Зговорить голубка голубочнику:
 — Не остануси голубка на бѣломъ шатру,
 — Полечу съ тобой голубка въ каменну Мо-
 скву.
 — Какъ нынечу таперичу
 — А уѣхалъ Добрыня на чистыи поля,
 — А оставилъ Настасью во Кіевни,
 — А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
 — А нынѣ Настасья-го замужъ пошла,
 — Не за князя пошла за боярина,
 — Не за сильнаго могучаго богатыря,
 — Пошла столько Настасья Микулчична
 — А за брата его за крестоваго,
 — А ѣ за млада Алёшу за Поповица. —
 Это тутъ Добрыня догодается,
 На своихъ коней скоро собираются,
 Они съли, съ товарищемъ поѣхали
 Ко тому ли князю ко Владимиру,
 Ко братцу тому ли ко крестовому,
 Ко младому Алешу ко Поповицу,

Ко ему топерь на почестной пирь.
 Подъѣхали они тутъ ко Кіеву,
 Розлагали розсѣдали коней добрыихъ
 А снутили коней да во чисты поля.
 А приходитъ Добрыня во свой-тотъ домъ,
 Ко родители ко той ли ко матушки,
 Ко честной вдовы Офимьи Александровной,
 Самъ ѣнь во платы во дорожноѣмъ.
 Это тутъ вдова какъ перепаласе,
 Крѣнко вдова испугаласе.
 Говорить Добрыня таково слово:

«Ты послухай, честнѧ вдова Офимья Александровна!

«Накорми меня топерь со дороженки,
 «Поднеси мнѣ-ка чару зелѣнаго вина,
 «Это дрѹгу поднеси мнѣ пива пѣнаго,
 «Третью поднеси мнѣ меду сладкаго.»
 Это тутъ его узнала родна матушка,
 Честнѧ вдова Офимья Александровна.
 А зговорить Добрыня таково слово:

«А гдѣ моя нынь молода жена,
 «Гдѣ моя топерь любимѧ семья,
 «Молода Настасья Микуллична?»
 — А твоя топерь молода жена,
 — А твоя топерь да любимѧ семья,
 — Она топерь да замѹжъ пошла;
 — А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
 — Не за сильнаго могучаго богатыря,
 — Беруть ю за брата за крестоваго,
 — А за млѧда Олешеньку Поповица.
 — А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
 — А й силою берутъ ю певолушкой. —

Сокрутился Добрынюшка Микитиницъ
 А во тыи во платы каличьин,
 Взягъ въ руки гуселка яровчатин,
 И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пирь
 Ко тому ѣнь князю ко Владимиру,
 Ко младомѹ Олешю ко Поповицу.
 Приходитъ ѣнь тутъ во высокой домъ,
 Онъ проходитъ во гридною столовую,
 Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бѣбра
 А и сильни могучи тутъ богатыря,
 Гдѣ сидитъ князь тутъ молодѣин,
 А Алешенька тутъ Поповиницъ,
 Подли его сидитъ тутъ Настасья Микуллична.
 Говорить калика таково слово:

— Ахъ же ты Владимиръ столень-кїевской!
 — Дай-ко калики топерь мѣстечко
 — А на тую на печку мурѧвеную. —
 А тутъ ѣму дали вѣдь мѣстечко
 А на той ли на печки мурѧвляни.

Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:

— Ахъ же ты Владимиръ столень-кїевской!
 — Позволь-ко калики заиграть топерь,
 — А позволь-ко Владимиръ заиграть-то мнѣ,
 — Какъ мнѣ-ка калики во гусельника,
 — А во тыи ли во гусли яровчатин. —
 Заиграла калика въ гусельника,
 Во тыи во гусли яровчатин,
 Тонцы повель отъ Нова-города,
 Другіе повель отъ Царя-града.
 Это тутъ Владимиръ згодается:

«Выходи-ко калика со запечья,
 «А садись-ко калика за дубовый столъ,
 «Супротивъ князя топерь молодого,
 «Супротиво княгини Опраксин,
 «Молодой Настасьи Микулличной.»

Говорить калика таково слово:

— Ахъ же ты Владимиръ столень-кїевской!
 — А налей-ко калики ты вѣдь чару нынь,
 — Чару наливай умѣренную. —

«Это тутъ Владимиръ догодается,
 «Наливалъ ему чару зелѣнаго вина,
 «Дрѹгу наливалъ тутъ пива пѣнаго,
 «Третью наливалъ ѣнь меду сладкаго.
 «Это тутъ у калики розгорѣлосе
 «Сердце его какъ богатырское:

— А позволь-ко, Владимиръ столень-кїевской,
 — А налить мнѣ нынь чару зелѣнаго вина,
 — Поднеси вѣдь нынь молодой Настасьи Микулличной. —

«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынь.»
 Наливалъ калика, приговаривалъ,
 Спускалъ туда перетень именитя,
 Конь перетнѣмъ обручался,
 Подносила молодой княгини Микулличной,
 Самъ подноситъ, выговаривать:

— Прими-тко нынь ты Настасья Микуллична,
 — Прими-тко нынь отъ калики зелѣнаго вина,
 — Принимай Настасья единѣй рукой,
 — Выпивай Настасья единѣмъ духомъ.
 — Пьешь Настасья вѣдь нынь до дна,
 — Увидашь Настасья себѣ добра. —
 Принимала Настасья единѣй рукой,
 Выпивала Настасья единѣмъ духомъ;
 Она пила чару, оглядѣла тутъ
 Спустилѣй перетень именитя,
 Конь перетнѣмъ обручался.
 Скончила зъ-за столовъ зъ-за дубовыхъ,
 Зъ-за тыихъ за ѣтовъ за сахарниихъ:
 «Ахъ же вы князи, вы бѣбра,
 «Сильни могучи вси богатыри!

«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подліи меня,
 «А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
 «Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ,
 «Мужъ ты мой Богомъ суждѣннй,
 «А женихъ ты мой какъ обручѣннй,
 «Не дивуй-ко ты разуму женскому,
 «Подивуй-ко ты разуму мужскому!
 «А не честью-то берутъ меня охвотою,
 «Силою берутъ меня неволею.»
 Это тутъ Добрыня реходился самъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 — Не дивую я разуму-то женскому,
 — Подивую я разуму мужскому,
 — А честнй завѣты исполнила.
 — Не прѣхалъ Добрыня со чиста поля,
 — Не прѣхалъ я Добрыня ровно три году,
 — Не прѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
 — Нала вѣсточка ко мнѣ перадостна.
 — Я топерь прѣхалъ ко Кіеву,
 — Ко ласкову князю ко Владиміру.
 — Ахъ ты Владиміръ столень-кіевской!
 — Что ты Владиміръ топерь дѣлаешь,
 — Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
 Подходить нынѣ Добрыня Микитиницъ
 А ко брату тому ко крестовому,
 А къ Олѣни тому ко Поповицу:
 — А на что ты, братъ мой крестовнй,
 — А берешь мою нынѣ молодую жену,
 — Молодую Настасью Микулнчну? —
 А взималъ ѣнъ Олѣшу за желтй кудри,
 А кидалъ ѣнъ Олѣшу о кирпичной мостъ,
 Попридѣлъ Олѣшъ смерть-ту скорую.
 Сталъ Добрынюшка похаживать,
 Съ ноги на ногу Добрынюшка постукивать,
 Зычннмъ голосомъ по терему поваживать:
 — Ахъ же князіи видно бояра,
 — А вы сильни могучи богатыри,
 — Ай ты намъ Владиміръ на что нынѣ укину-
 лись,
 — Дѣлаете дѣло нехоромес! —
 Это тутъ бояра перепалися,
 Со того пиру какъ розбѣгался.
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 — Ахъ же Владиміръ столень-кіевской!
 — Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
 — А ты вѣдь сдѣлалъ дѣло доброѣ:
 — Молодую Настасью Микулнчну
 — А силою берешь ты великою.
 — Ты прощай меня нынѣ-ка, Владиміръ князь! —
 Взялъ Настасью за бѣлыи руки,
 Повѣлъ Настасью во свой онъ домъ.

Это тутъ Добрыня наживается,
 А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

66.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Днй-днй-днй изъ подъ того креста Леванидова
 Выходило выбѣгало два тура три тура.
 Случилось турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
 Они видли надъ Кіевымъ дивннмъ дивно,
 Они видли надъ Кіевомъ чудннмъ чудно:
 Выходила дѣвица, слезно плакала,
 Она книгу читала евангелю,
 А и не только читала, вдвоѣмъ плакала.
 Сходились туры со рѣдной матушкой:
 «Здравствуй турица родна матушка,
 «Ты здравствуй турица златорогая!
 «А мы шли туры да мимо Кіевъ градъ,
 «А й мы видли надъ Кіевымъ дивннмъ дивно,
 «А и видѣли надъ Кіевымъ чудннмъ чудно:
 «Выходила дѣвица, слезно плакала,
 «На рукахъ держитъ книгу святу евангелю,
 «А и не только читаетъ, вдвоѣмъ плачетъ.»
 — А й вы глуны туры-ты малы дѣтупки!
 — Не дѣвица выходила, слезно плакала,
 — А й не книгу читала не евангелю, —
 — Тутъ плакала стѣна городѣвая;
 — Она свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку:
 — Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
 — Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
 — Со зятемъ Тороканчкомъ Корабниковымъ,
 — Со тымъ дьячкомъ со выдушпичкомъ.
 — У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
 — А у сынушка силы сорокъ тысячей,
 — А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
 — У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
 Проситъ Батыга отъ Кіева,
 Проситъ Батыга супротивника,
 Проситъ Батыга поединника:
 «Владиміръ князь столень-кіевской!
 «Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
 «Дай-ко мнѣ поединника,
 «Чтобы со мной съ Батыгой поправиться.»
 Да несчастно во Кіевн случилось,

Что ни лучшихъ богатырей не згодилось.
 Святоторъ богатырь на святыхъ на горахъ,
 А Илья да Самсонъ у синяго у моря,
 Добрынюшка Микитичъ во чистыхъ во поляхъ,
 А Алеша богомоль въ богомольней стороны.
 Жиль-то былъ голъ кабацкал,
 Прошилъ промоталъ все житье бытё своё,
 А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
 Крестъ кладетъ-то по писаному,
 А поклоны ведетъ по учёному
 На всѣ три на четыре на стороны,
 Князю Владиміру въ особину:
 — Здравствуй Владиміръ стольне-кіевской!
 — Опохмѣль-ко Василья чарой пьяноу.
 — У Васи съ похмѣлья буйна голова болить,
 — У Василья ретивó сердце щемить. —
 Приказалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
 Налить ему чару зеленаго вина,
 Другу наливать пива пьянаго,
 Третью наливать меду сладкаго.
 Становилось питья полъ-пята нуда,
 Становилось питья полтора ведра.
 Принималъ тутъ Василій единою рукой,
 Выпилъ Василій единымъ духомъ,
 Самъ ёнъ Василій слово вымолвилъ:
 — Я теперъ могу на своёмъ кони сидѣть,
 — Я теперъ могу своей саблей владѣть,
 — Которая сабля во сорокъ пудъ. —
 Взямалъ выбиралъ да коня добраго,
 Шелковую уздицу налагалъ на егò,
 На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
 Сѣдельшко черкасско накладывалъ,
 А двѣнадцать подругъ онъ подтягивалъ,
 Не для ради красы басы угожества,
 Для-ради укрьны богатырскін;
 Булатъ не гнется не ломится,
 Шелковыя подруги не обрвутся.
 Тугіе лукіи по бокамъ металъ,
 Калену стрѣлу онъ въ подзолотку (*такъ*) клалъ,
 Шоловъ онъ поводъ въ бѣліи руки бралъ,
 Шпорами коня онъ потыкивалъ.
 Конь его добрый поскакивалъ
 За ту за стѣну городовую
 И за ту за башню зауголовую.
 Поѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Видитъ Батыгу на чистомъ на полѣ.
 Натягалъ Василей каленый лукъ,
 Стрѣлку вынималъ съ подзолоточен,
 Стрѣлялъ по головамъ что ни лучшенкіимъ,
 Убилъ сына Батыгу Батыговича,
 Убилъ зятя Торокачника Корабликова,

Убилъ черна дьячка ёнъ выдумщика.
 У Батыги вѣдь кони хорошии,
 У Батыги вѣдь кони снарядни, —
 Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцовъ,
 Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіевъ градъ.
 Кіевъ градъ онъ немалой есть, —
 Соколу летѣтъ на упрігу ему,
 Маленькой птицѣ натѣшиться,
 Виноватаго во Кіевѣ не взискати.
 Ыдетъ Василей ко Батыги на лицо
 На своёмъ кони онъ на доброёмъ
 И на томъ сѣдлѣ на окованомъ.
 Рѣки озѣра между ноги пускалъ,
 Сини моря ёнъ около скакалъ,
 На горы высоки выскакиваетъ,
 Хвостъ по земли розстилается,
 Грива подъ копыта подвивается,
 Огненный пламень вымахиваетъ,
 Тымъ лукомъ каленымъ выстрѣливаетъ,
 Вострымъ копьемъ онъ помахиваетъ.
 Отъ того коня какъ отъ востраго,
 Отъ той отъ палицы военныи
 На Батыгу страхъ да уклоняется,
 Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
 Колько ни было какъ выѣзжанавò,
 На такомъ было страху не станванò,
 Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
 Отъ того отъ князя отъ Владиміра,
 Ыдетъ богатырь удалый молодець,
 Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
 Только странно стоять-то на чистомъ на полѣ.
 Приѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
 — Здравствуй Батыга Батыговичъ,
 — Со своимъ со сыномъ со Батыгомъ,
 — Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
 Отвѣтъ держитъ готъ Батыга нынъ:
 «Нѣту сына Батыги Батыговича,
 «Нѣту зятя Торокана Корабликова,
 «Нѣту черна дьячка какъ выдумщика!»
 Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынъ:
 — Прости-ко меня во первой нынъ винѣ,
 — Во первой вини прости во великии!
 — Я убилъ у тебя сына Батыгу нынъ,
 — Убилъ зятя Торокана Корабликова,
 — Убилъ черна дьячка я выдумщика.
 — За свою за вину за великую
 — Я могу послужить какъ Батыги тебѣ.
 — Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
 — Я поѣду ко городу ко Кіеву
 — А ко ласкову князю ко Владиміру;
 — А мы Кіевъ градъ да мы огнемъ пожгёмъ,

— А Владиміра мы во полонъ возьмёмъ. —
 А на ты лясъ Батыга приукнулся,
 Даль ему силы сорокъ тысячей.
 Выѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Поворотъ держалъ на ручку на правую,
 Присѣкъ прирубилъ до одной головы.
 Скоро ѣде Василей ко Батыги на лицо:
 — Прости-ко Батыга во другой вины,
 — Во другой вины ты меня великіи!
 — Потерялъ я силы сорокъ тысячей.
 — Нынѣ я въ городи повысмотрѣлъ,
 — Нынѣ я во Києви повыглядѣлъ,
 — Гдѣ стоятъ воротца отлѣженный.
 — Прямо нынѣ мы поѣдемъ ѣ ко Кіеву,
 — Только дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей. —
 Онъ поѣхалъ со тою-то со силою,
 Поворотъ держалъ на ручку на правую,
 Палицей сбѣгъ онъ военною,
 Коньёмъ ѣнъ бѣгъ да долгомѣрнымъ,
 Не оставилъ Василей ни единой головы.
 Приѣхалъ Василей ко Батыги на лицо,
 Челомъ ему билъ и поклоняется:
 — Я еще вѣдь во городѣ все высмотрѣлъ,
 — Я нынѣ же Батыга постою за тебя. —
 Даль ему силы сорокъ тысячей,
 Сорокъ сороковъ все черныхъ соболѣвъ,
 Злата сребра ему смѣту нѣтъ.
 Повыѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Ѣдетъ ко Кіеву со радостью,
 Всю онъ силу вѣдь саблей рубить.
 Натягалъ Батыга вѣдь трубочку,
 Трубочку натягивалъ подзорную,
 Глядитъ онъ во славу во чисто полѣ,
 Ко тому ль ко городу ко Кіеву,
 Ко тому ль ко князю Владиміру,
 На ты поля-то онъ на чистыи,
 На ты дуга на зелѣныи,
 На ты на травы па шелѣвыи, —
 Видитъ дѣло не хорошеѣ.
 Сбирается Батыга на добрыхъ конѣй,
 Поѣзжае Батыга во свою скоро землю,
 Во тую во землю во невѣрную.
 Кленется Батыга проклинается:
 «Не дай мнѣ нынѣ подъ Кіевимъ бывать,
 «Не могу я теперъ про Кіевъ просказать,
 «Золоту казну я истрѣтилъ всю!
 «Кіевъ градъ онъ не малый есть,
 «Во Києви богатыревъ смѣту нѣтъ.»
 Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
 Золота казна-то во Черниговѣ,
 Цвѣтно платьѣ въ Новѣ-городѣ,

Хлѣбны запасы Смоленца городу.
 Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
 День онъ ночь удаляется
 Отъ того ли отъ города отъ Кіева,
 Отъ того ли князя отъ Владиміра.
 Увидѣлъ Василей Игнатѣвъ сынъ,
 Розгорѣлось его сердце богатырскоѣ,
 Роскипѣлась его мысль молодецкая,
 Самъ онъ говорить таково слово:
 — Не поѣду ко городу ко Кіеву,
 — Ко тому князю къ Владиміру,
 — Поѣду въ сугонъ да въ слѣды Батыгины,
 — Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
 — Со мной съ богатыремъ нынѣ новидается.
 — Я поѣду вѣдь нынѣ да спрошу его:
 — Что же те Батыги не слюбилоси,
 — Ты поѣхалъ вѣдь нынѣ-ка отъ Кіева,
 — Да поѣхалъ ты, не проспился нынѣ
 — Съ тымъ ли съ городомъ со Кіевымъ? —
 Это тутъ Батыги не слюбилоси,
 Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
 На того ли на Василья на Игнатѣвича,
 На храброго воина военнаго.
 Взпмалъ ѣнъ тутъ какъ Василей пунъ
 А ѣ наѣхалъ Василей съ саблей вострою,
 Отеѣкъ-то Василей буйну голову
 А невѣрному Батыги по кореню.
 А упалъ-то Батыга съ коня добраго
 На тую на матушку сыру землю
 А на ту ѣнъ на мураву траву.
 Отѣзжааетъ Василей отъ Батыги нынѣ,
 Прирубилъ прикоснаѣ послѣдню силу тутъ.
 Поѣхалъ Василей ѣнъ ко Кіеву,
 Ко тому ко князю Владиміру,
 Кричалъ онъ Василей на полѣ на томъ,
 На поли на томъ какъ на чистоемъ:
 — Прикажи-тко, Владиміръ стольнѣ-кіевскоѣ,
 — Отпереть мнѣ ворота широкіи,
 — Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброемъ
 — За тую стѣну городовую,
 — За тую за башню угловую! —
 Отворили ворота широкѣ ему,
 Заѣзжае Василей на конѣ доброемъ,
 Сходитъ слѣзаетъ съ коня добраго,
 Самъ онъ привязывать коня какъ тутъ
 Ко тому столбу ѣнъ точеному,
 Насыпать ишени бѣлояровни;
 Заходитъ ѣнъ въ полату бѣлокаменную,
 Крѣсть кладывааетъ по писаному,
 Поклоны ведѣтъ-то по ученому.
 Говоритъ Владиміръ таково слово:

«Ахъ же слуги мои вѣрны,
 «Слуги вы мои княженецкіи!
 «Допросите Василѣя вы какъ нынечу,
 «Каково ѣнъ ѣздилъ во чистомъ полѣ.»
 Какъ спросили слуги его вѣрны,
 Тын слуги княженецкіи:
 — Каково ты ѣздилъ во чистомъ полѣ? —
 Згворить Василѣя таково слово:
 «Вся сила вѣдь воспорублена,
 «Славны богатыри привибиты.»
 Какъ завелъ тутъ князь какъ Владиміръ нынѣ,
 Для того воина для главнаго,
 Завелъ ѣнъ балъ какъ на двѣнадцатъ дѣнь;
 А на томъ на пиру княженецкоѣмъ
 А сидятъ тамъ вси князи бѣяра,
 А вси говорятъ таково слово:
 — Ахъ же Василей Пгнатѣевъ сынъ!
 — Вѣдь всѣ ли богатыри розѣхались,
 — А хотъ ты нынѣ сѣѣздилъ на чистѣ полѣ,
 — Постоялъ ты Василей за Кіевъ градъ,
 — За того князя за Владиміра! —
 И на томъ ли пиру вси расходятся,
 И пиръ тотъ несъ да нынѣ кончается.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгѣливаетъ,
 На своемъ Чурила на добромъ конѣ,
 Приѣхалъ Чурила къ Вельминому дому,
 Скрычалъ-то Чурила во всю голову:
 «Въ домѣ ль Вельма сынъ Васильевичъ?»
 Выходитъ выбѣгать Катеринушка,
 Выходитъ она дочь Микулична,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Да нѣту Вельма сына Васильевича,
 — Ушолъ Вельма во Божью церкву.
 — Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
 А отвѣтъ держалъ какъ Чурилушка:
 «Не въ убори я былъ, Катеринушка;
 «Нынѣ я Чурила обдѣлся,
 «Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
 «Пѣдпята пѣты шиломъ востры,
 «Около носовъ янцѣмъ прокатить,

«Пѣдъ пѣты пѣты воробѣй пролетитъ;
 «Шаночка ушнѣта пушиста было,
 «Хорошо была надѣвенѣтай,
 «Сопереди не видно лица бѣлаго,
 «Изади не видно шеи бѣлыи, —
 «Дакъ нынѣ я Чурилушка обдѣлся
 «И такъ я Чурилушка приѣхалъ къ тебѣ.»
 Воспрося его Катеринушка
 Брѣла за ручки за бѣлыи .
 И провела его въ полату браную,
 Садилась за столы дубовыи,
 За тын за ѣствы сахарнии,
 Наливала ѣму питья медяныи,
 Отходя же сама низко кланялася:
 — Ышь-ко пей ты Чурилушка,
 — Покушай-ко ты нынѣ Поплѣнковичъ! —
 Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилушка,
 Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
 Зъ-за тын за ѣствы сахарнии,
 Зъ-за того питья за медянаго,
 Господу Богу поклонитя,
 На всѣ стороны оупъ поклоняетя,
 Катерину да ѣнъ въ особину:
 «Благодарно тебѣ Катеринушка,
 «Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
 Отвѣтъ держала Катеринушка:
 — На добро тебѣ-ка здоровьице,
 — Да на добро тебѣ-ка Чурилушка,
 — Чурилушка да ты Поплѣнковичъ! —
 Взяла за ручки за бѣлыи,
 За его перстни за значеныи,
 Повела его въ спаленку теплую,
 Къ той ли ко кровати ко кисовыи,
 Къ той ли ко перинушкѣ ко пуховыи,
 Ко крутому высокому зголовицу,
 Къ тому ль одѣяду соболноному.
 Сама говорила таковѣе слово:
 «Изволь-ко ложитяся Чурилушка,
 «Изволь-ко ложитяся сынъ Поплѣнковичъ!»
 Лѣгъ тутъ спать какъ Чурилушка,
 Лѣгъ тутъ спать да сынъ Поплѣнковичъ,
 Подли ѣго-то Катеринушка,
 Да подли бочка дочь Микулична.
 Оны стали-то жити-то бити оны,
 Между собою времечки корѣтати.
 Какъ на тую нору въ тое времячко
 Провѣдала дѣвка двороваа,
 Двороваа дѣвка челагична, —
 Башмаченка обувала на босѣю ногѣ,
 Шубу надѣвала на однѣе плечо,
 Бѣжала дѣвченка ко Божѣи церквѣ,

Гричала дѣвчонка во всю голову:

— Что же ты, Вельма сынъ Васильевичъ.

— Стопши ты Вельма во Божьей церкви,

— Господу Богу Вельма молишься,

— До мосту ты Вельма поклоняешься,

— Надъ собой ты незгодники не вѣдаешь!

— Есть у тебя во твоёмъ дому,

— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость.

— Онъ ѣсть-то пьетъ прокладается,

— Со твоею женой забавляется. —

Онъ кинулъ головушку межѹ плечью,

Утунилъ ясны очи въ калпновъ мость,

Самъ згворилъ таково слово:

«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,

«Дворовая ты дѣвка челягична!

«А никто тебя дѣвку не спрашиваетъ,

«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ (*такъ*)!

«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,

«А своё бы ты дѣвка дворовое,

«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,

«Знала бы ты дѣвка теляшювъ понть!

«Правду говоришь — во замужъ возьму,

«А неправду говоришь — голову срублю.»

Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,

На своё на мѣсто на прежней.

А приходитъ Вельма отъ Божьей церкви.

Приходить-то Вельма ко конюшенки,

Ко той ли ко стойлы лошадины,

Гдѣ стояль-то конь его добрыи, —

А не видить коня своя (*такъ*) добраго,

Только видить коня ёвъ Чурилушкина;

Онъ зоблетъ ишену бѣлояровую,

А его видно конь какъ прибоганъ,

А Вельминъ же конь тутъ приотведенъ.

Такъ отходитъ отъ конюшни стоялып

А отъ той ли отъ стойлы лошадины,

Приходитъ къ воротцамъ рѣшотчатыймъ,

Да ко тыпмъ ко пятничкамъ (*такъ*) булатнымъ,

Ко тымъ ли петличкамъ шелковенькыймъ;

У тыхъ воротецъ колотится,

У тыхъ воротецъ давается.

Это тутъ Катериношка,

Это тутъ дочь она Микулична,

Крику ёна испугаласи,

Крику сама перепаласи.

Бѣжить она какъ въ однихъ чулкахъ,

Да безъ чёрныхъ бѣжить безъ чеботовъ,

Въ одной тоненькой мягкой рубашечки;

У ней женскіи волосы рострѣпаныи.

У ей пѣжна грудь бѣла показаная.

Отпирала воротца рѣшотчатый.

Говорить Вельма тутъ сынъ Васильевичъ:

«Что же ты Катериношка

«Видно крѣико меня испугаласи?

«Въ однихъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,

«Въ одной тоненькой мягкой рубашечки.»

Отвѣтъ держала Катериношка,

Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:

— Ахъ же ты Вельма сынъ Васильевичъ!

— Миѣ ль Катериношки не можется,

— Миѣ ль Микуличной хворается,

— Да крѣико миѣ не домогается. —

Пошоль-то Вельма тутъ по полатушки,

Да увидѣлъ лапѣцы Чурилушкины:

«Эти лапѣцы у Чурилушки видалъ.»

Отвѣтъ дѣржитъ Катериношка,

Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:

— Ахъ же Вельма сынъ Васильевичъ!

— А эти лапѣцы братца моего;

— А по смерти моей по души отдать. —

Пошоль-то Вельма да по полатушки,

А увидѣлъ шапку Чурилушкину:

«А эту шапку на Чурилы видалъ,

«Эту шапку у Чурилы слыхалъ.»

Отвѣтъ дѣржитъ Катериношка,

Отвѣтъ дѣржитъ дочь Микулична:

— Это шапка братца моего,

— А по смерти моей по души отдать. —

Пошоль Вельма ёвъ во спалецку,

Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку

На той кровати кисовыи,

На той перины пуховыи,

Подъ тымъ одѣяломъ соболышнймъ,

Да на томъ ли еще на зголовницѣ,

Обвернулся на стѣнку лицевую,

Кѣ той ко стопочкѣ точеныи.

Взяль-то Вельма да саблю вострую,

Отѣкъ-то Чурилы буйну голову.

Поворотъ держалъ на ручку на правую:

«Гдѣ пала головка Чурилушкина,

«Тутъ нади головка Катериношкина!»

Такъ дѣвку дворовую,

Этую дѣвку челягичну,

Ёвъ отмѣлъ чередѣль,

Въ цвѣтно платѣ сънарядѣль,

По утру по свѣту къ вѣнцу пошоль,

Во тѣю онѣ во Божью церкву,

Принимали оны да по злату вѣнцу,

Златыми вѣнцами повѣнчалисе,

Златыми перстнями обручалисе.

Приходитъ Вельма тутъ во полатушку,

Приводилъ ёвъ ту за бѣлу руку.

Такъ оны нынѣ теперичу
 Стали жити-то бѣти оны,
 Межу собою времечки коротати.
 Тутъ Чурилушки славу поють,
 Тутъ Катерины немнѣму.

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

68.

СОЛОВЕЙ ГУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадольскаго,
 Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
 Выходило выбѣгало тридцать караблей.
 Ино на тыихъ было тутъ на карабляхъ
 Тридцать молодцевъ безъ единого,
 Самъ Соловей во тридцатыхъ,
 Тридцать одна его матушка родна.
 Хорошо карабли изукрашены,
 Хорошо карабли изнаряжены:
 И носъ корма да по туринному,
 Широки бока по лосиному,
 Парусы крупчатой камки,
 Якори на карабляхъ булатни,
 У якоревъ колечка серебряныи,
 Кадолы-ты *) изъ семи шелковъ;
 И мѣсто было руля повѣшено
 По заморскому соболу по дорогомѣ,
 Да руль-то былъ заналаженной.
 И на томъ было какъ на карабли
 Младъ Соловейко Гудимировичъ.
 Самъ зговорилъ таково слово:
 «Ай вся моя дружина хоробрая!
 «Дѣлайте дѣло повелѣное,
 «Слушайте бѣльшаго атамана.
 «Вы берите-тко трубочки подзорныи,
 «Глядите во славно во синѣ морѣ,
 «Ко тому ли ко городу ко Киеву,
 «Ко ласкову князю Владиміру,
 «Наглядите въ присталь карабельную.»
 И ставали во машты высокии,
 Дѣлали дѣло повелѣное,
 Слушали бѣльшаго атамана,
 Глядѣли во славно синѣе морѣ,

*) т. е. снасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

Ко тому ли ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Углядѣли присталь карабельную.
 Скоро будучи съ караблемъ подъ Киевомъ,
 Забѣгали во присталь карабельную,
 Парусы спускали крупчатой камки,
 Якори бросали булатни.
 Зговоришь младъ Соловей сынъ Гудимировичъ:
 «Сходенку выкидывай серебряную,
 «Другу выкидай подзолоченую,
 «Третью выкидай исповѣжаную.
 «Берите подарки умилныи,
 «Кунци вы лисни да заморскіихъ.»
 Брали ѣны во бѣлии руки,
 Матушка камочку узорчатую,
 И самъ беретъ гуселка ирѣвчатый,
 И самъ ѣдетъ по сходенки золоченый,
 Матушка ѣдетъ по серебряныйи,
 Вся его дружина по исповѣжаныйи;
 Приходятъ оны ко Владиміру на дворъ.
 Приходить въ палату грановитую,
 Крѣсть кладѣтъ по писаному,
 А поклѣны-ты ведѣтъ по ученому,
 На всѣ три вѣды на четыре оны на стороны,
 Тому ли Владиміру въ особину.
 Подаютъ ему подарочки хорошиѣ,
 Матушка камочку узорчатую
 Молодой княгини Опраксіи.
 Визмаешь княгинна на бѣлии руки,
 А визмаешь княгинна, дивуетси:
 Да не дорога камочка заморская,
 А ѣ дороги узоры заморскіи!
 Сталь его Владиміръ висирѣшивати,
 Сталь его Владиміръ вывѣдывати:
 — Ты скажиса, молодець, со коѣй земли,
 — Какъ молодеца именѣмъ зовуть? —
 Подходить къ ему поблизешенько,
 Поклонилси князю самъ низешенько:
 «Зѣ-за того я моря зѣ-за Дунайскаго,
 «Зѣ-за того я острова Кадольскаго
 «Душечка удалый добрый молодець,
 «Младъ Соловейко да сынъ Гудимировичъ.»
 — Ты зачѣмъ же сюда побываешь ко мни?
 — Торгомъ торговати ли на сѣздѣ ко мни,
 — Ли на сѣздѣ ко мни, ли на житѣ пожити? —
 Отвѣтъ держаль Соловейко,
 Младъ Соловей да сынъ Гудимировичъ:
 «Не торгомъ торговати да не на сѣздѣ къ тобѣ,
 «Ѧ приѣхаль къ тобѣ какъ на житѣ пожити.
 «Дай-ко мнѣ да тонерь мѣстечка
 «Подли сѣбя да ты подли бочка.

«Есть у тя молода племянница,
 «Молода Забавушка Путятична,
 «У ней какъ есть во зеленѣхъ садохъ *(такъ)*
 «Дубица вязь повѣрошеное:
 «Позволь-ко мнѣ-ка нунъ су *(такъ)* повѣрубити,
 «Изъ саду вонъ мнѣ повѣметати,
 «Построитъ мнѣ да тамъ три терема,
 «Со трѣми со сѣнями съ нарядными.»
 Згворитъ Владиміръ таковѣ слово:
 — За ты за рѣчи усильны,
 — За твои слова постановны,
 — Ступай нынъ теперь въ зеленѣи сады,
 — Дѣлай ты дѣло повелѣное. —
 Также приходитъ Соловьѣшко,
 Младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ,
 Ко своей дружини ко хоробрыи,
 Тридцать молодцовъ безъ единого:
 «Дѣлайте вы дѣло повелѣное,
 «Слушайте большаго атамана,
 «Берите вы нынъ да во бѣлы руки
 «А и ты ль топорикъ булатни,
 «Подѣлайте кирочки лопаточки,
 «Поди вы таперъ да въ зеленѣи сады —
 «Дубья вы вязь всё повѣрубите,
 «Да изъ саду вонъ да вы повѣрочите,
 «А тыи коренья вы повѣрочайте;
 «Постройте вы тамъ да ровно три терема,
 «Со трѣма со сѣнями съ нарядными, —
 «По утру мнѣ-ка стать нынъ-ка жить пойти.»
 Дѣлали дѣло повелѣное,
 Слушали большаго атамана,
 А имѣли топорикъ булатни,
 Подѣлали кирочки лопаточки,
 Дубья-то вязь повѣрубилъ,
 Изъ саду вонъ какъ тутъ повѣметалъ,
 Построили онѣ вѣдъ тутъ три терема,
 Со трѣма со сѣнями съ нарядными;
 Къ утру свѣту они жить пошли.
 По утру было какъ тутъ ранѣшенько
 А ставала какъ есть нынъ Забавушка,
 Молода Забава Утятична,
 Умывалась водою тутъ бѣлѣшенько,
 Утиралась полотѣнушкомъ сухѣонько,
 Она Господу Богу помолиласе,
 Гладѣла она тутъ во окошечко,
 Сама-то она тутъ счудоваласе,
 Сама-то она тутъ здивоваласе:
 — Что это нынъ чудо счудилосе,
 — Вино пиво да воспрокѣрилоосе?
 — А во моихъ топеръ зеленѣхъ садахъ
 — А дубицо вязь все повѣрубленѣ

— А изъ саду вонъ она повѣметалъ. —
 Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
 Башмачки надѣвала на босѣ ногу,
 Пошла она Забава въ зеленѣи сады,
 Приходитъ она ко перву терему, —
 Въ первомъ терему шопоткомъ говорять:
 Молится матушка вѣдъ Господу,
 Умаливать за сына за любимаго,
 За младаго сына Гудимірова.
 Приходитъ она ко дрѣгу терему, —
 Въ другомъ терему стучитъ гремитъ,
 Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
 Считасть Соловей да золоту казну,
 Золоту казну онъ тутъ бесцѣтную.
 Приходила она ко трѣтѣю терему, —
 Тамъ играютъ во гусѣлка ярѣвчатый,
 Тонцы ведутъ отъ Новѣ-города,
 Дрѣги ведутъ-то отъ Ерѣсолма,
 Пригѣвы пригѣвають хорѣшій.
 Заходила Забава Утятична
 Во тотъ ли она во бѣлѣи шатѣръ,
 Крѣсть она клалъ по писаному,
 Поклоны-ты вела какъ по учѣному,
 На вси три вѣдъ на чѣтыре какъ на стѣроны,
 Той ли дружини въ особину;
 Садилась на брусѣву нову лавочку,
 Сидѣла она видно дѣнь съ утра,
 День съ утра она до вечера,
 А отъ вечера какъ до полуночи,
 Отъ полуночи какъ до бѣла свѣту.
 По утру было тутъ поранѣшенько
 Приходитъ душечка удалый мѣлодець,
 Младъ Соловейка сынъ Гудиміровичъ,
 Самъ онъ говоритъ таковѣ слово:
 «Чья у васъ дѣвица присѣваная,
 «Чья у васъ дѣвица незнаемая?»
 Ставала Забава на рѣзвыи ноги,
 Поклонилась Забава до самой земли:
 — Здравствуй удалый добрый мѣлодець,
 — Младъ Соловейко Гудиміровичъ!
 — Есть ты мѣлодець вѣдъ нежѣвѣный,
 — Я ли дѣвица на выдаваньи. —
 Згворитъ душа удалый добрый мѣлодець,
 Младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ:
 «За всё тебя дѣвица, за всё люблю,
 «За одно тебя дѣвица я никакъ не люблю,
 «Ты сама себе дѣвица просѣвала...
 «Ступай-ко дѣвица ты во свой нынъ дѣмъ,
 «Бей-ко челомъ поклоняйся-тко
 «Князю ль тому же ты Владиміру,
 «Чтобы онъ завѣлъ какъ нынъ почестный ширъ.»

Такъ пошла нынѣ дѣвица какъ во свой тутъ домъ,
 Била дѣвица и челомъ она
 Кѣ тому ко князю Владиміру:
 — Ты послушай-ко нынѣ мой ты дяюшка,
 — Ты Владиміръ князь-ко стольне-кіевской!
 — Во своей полаты грановитыи
 — Для меня любимой племянницы
 — Заведи-ко ты ныни какъ почестный пирь,
 — Чтобы было мнѣ чмъ нынѣ похвастати. —
 А какъ завель вѣдь ей тутъ дяюшка,
 Онъ завель нынѣ тутъ какъ почестный пирь.
 На томъ на пиру да было весело,
 Пили ѣли проклаждалися.
 Тогда приходитъ удалый молодець,
 Младъ Соловѣйко сынъ Гудиміровичъ,
 Береть еѣ дѣвицу за бѣлыи руки,
 Пошли оны съ дѣвицей во Божью церкву,
 Златыи перстнями да обручалени,
 Златыи вѣнцами да новѣнчалени.
 Приходитъ Соловѣй ко Владиміру,
 Приноситъ благодарность великую,
 Дѣлатъ почѣтъ ему честныи,
 Честныи почѣтъ и благодарныи.
 Пошоль Соловѣй да во свой тутъ домъ,
 Сталь Соловѣй-то жить и быть,
 Мѣжу собою времечки корѣтати.
 Здуннай Дунай сынъ Пвановичъ Дунай,
 Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Помѣрской сторонѣ,
 Щелья камня Подѣвѣрной странѣ,
 Претолстыи горы высокии,
 Превысокии лѣса все дремучии.
 А рострубныи сарафаны по Моши по рѣки,
 Здуннай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣвъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Повинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшой бородкой; живеть земледѣлемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у

котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былини; онъ выучился имъ мальчикомъ и молодымъ человекомъ, когда живаль подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старинны». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аѳанася изъ Кулгалы у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былицу про Соловья Будиміровича. Сорокинъ поеть весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробоваль когда-то распѣвать въ видѣ былини и сказки, которыя рассказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записаль его былины, частью поручилъ это писарю. При сличеніи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былини Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частницъ (*а ѣ, какъ*), которыя Сорокинъ ставилъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣніи былины «голосомъ» и опускаеть при словесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенныя въ нихъ варианты, цѣлкомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

69.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А ѣ не волна ли какъ на мори расходиласи,
 А ѣ не спие море всколыбалоси,
 А ѣ взволновался да вѣдь Калинъ царь,
 А ѣ на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ
 онъ,
 А ѣ на солнышка князя Владиміра,
 А ѣ какъ онъ на святую Русь.
 А ѣ какъ браль ѣпъ съ сорока земель
 А ѣ какъ сорокъ ѣпъ королей да короленичевъ;

А ѿ за кажимъ королёмъ королевичемъ
 А ѿ какъ силы было какъ по сороку ужъ тысячей.
 А ѿ какъ братъ ёнъ нитьсотъ князей да бояръ
 онъ невѣрныхъ,
 А ѿ за кажимъ силы по сороку было тысячей.
 А ѿ какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ столярни
 А ѿ подъ городъ по Кіевъ-онъ,
 А ѿ становился ёнъ ко матушки да Елисей-рѣки,
 А ѿ во ты во поля во Елиссна.
 А ѿ какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
 Призывать онъ посланника да любезнаго,
 А ѿ какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково
 слово:

«А ѿ же ты посланникъ любезный!
 «А ѿ неси какъ мою чернилицу да вальчаную,
 «А ѿ неси моё перо какъ лебединое,
 «А ѿ неси листъ бумагу гербовую.»
 А ѿ какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
 А ѿ сядился онъ да на ременчатъ стулъ,
 А къ тому онъ столнику ко дубовому;
 А ѿ какъ началъ онъ ёрлуковъ да нанисывать,
 А ѿ какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
 А ѿ писалъ ужъ какъ ерлушки много да тысячей,
 А ѿ какъ ёнъ ерлуки запечатывалъ,
 Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
 А ѿ какъ говорилъ ёнъ ему таково слово:
 «А ѿ же ты посланникъ любезный безызмѣнный!
 «А ѿ бери ерлуки во бѣлыи руки,
 «А ступай-ко садись на добра коня,
 «А ѿ поѣзжай-ко ты во славныи во Кіевъ во го-
 родъ-онъ,
 «А ѿ ко солнышку ко князю ѣдъ прямо на ши-
 рокъ дворъ,
 «А станови-тко добра коня осередъ двора широка,
 «Осередъ двора широка княженецкаго,
 «А самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдъ княже-
 пецкинъ,
 «А какъ проходи въ полаты-ты княженецкинъ,
 «А ѿ какъ русьскому Богу не кланяйся,
 «А ѿ какъ солнышку князю челомъ не бей,
 «Не клони ёму буйныи головушки,
 «Кладывай ерлуки ему на дубовый столъ,
 «А ѿ да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
 «А ѿ скажи: «солнышко князь стольнѣ-кіевской!
 ««А ѿ бери ерлуки во бѣлыи рѣки,
 ««А ѿ ерлуки роспечатывай,
 ««А ѿ какъ ты роспечатывай да развертывай,
 ««А ѿ до важнаго словечка да высматривай.»»
 «А ѿ скажи ему да еще таковы слова,
 «А ѿ скажи: «солнышко князь стольнѣ-кіевской!
 ««А ѿ по всему какъ по городу какъ по Кіеву

«А ѿ со Божьихъ какъ церквей да чудныи кресты
 повыснимай,
 «Во церквахъ сдѣлай стойлыи лошадиныи,
 «А ѿ стоять нашимъ да добрымъ конямъ.
 «А ѿ еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
 «А ѿ умой-ко полаты вѣдъ бѣлокаменныи,
 «А ѿ стоять нашей рать силы великинъ.
 «А ѿ еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
 «А ѿ широкіи удлики да новинаши.»»
 «А ѿ потомъ повернись да поди съ полаты вонъ
 съ бѣлокаменныхъ,
 «А ѿ потомъ садись на своего на добра коня,
 «А ѿ поѣзжай въ свою рать силу великую.»
 А ѿ какъ тутъ посланникъ любезный безызмѣн-
 ный
 А ѿ какъ шолъ сядился ёнъ на своего добра коня,
 А ѿ какъ ѣхалъ во славныи да во столярныи
 А ѿ во городъ во Кіевъ-отъ;
 А ѿ пріѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ
 Владиміру,
 А ѿ пріѣзжалъ къ нему онъ на широкъ дворъ.
 Становилъ какъ онъ да добра коня
 Осередъ двора широка княженецкаго,
 А ѿ какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты кня-
 женецкіе,
 А ѿ какъ русьскому Богу не кланялся,
 А ѿ какъ солнышку князю челомъ не биль,
 Не клонилъ ему буйныи головушки.
 А ѿ какъ самъ кладывалъ ерлуки на дубовый
 столъ
 Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
 А ѿ какъ говорилъ:—ужъ ты солнышко Владиміръ
 князь,
 — А ѿ Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
 — А ѿ ты бери ерлуки во бѣлыи руки,
 — А ерлуки роспечатывай,
 — А ты еще ихъ да развертывай.
 — А ѿ до важнаго словечка да высматривай.
 — А ты еще да послухай-ко
 — А что теби я скажу:
 — А ѿ какъ ты по всему какъ по городу по Кіеву
 — А ѿ широкіи удлики новинаши,
 — А ѿ съ Божьихъ какъ церквей да чудныи кресты
 повыснимай,
 — Во церквахъ сдѣлай стойлыи лошадиныи,
 — А ѿ стоять нашимъ добрымъ конямъ:
 — А еще какъ по городу да по Кіеву
 — А умой-ко полаты вѣдъ ты бѣлокаменныи,
 — А ѿ стоять нашей рать силы великійей. —
 А ѿ потомъ повернулся ёнъ
 А ѿ пошолъ онъ съ полаты-то княженецкинхъ,

Выходилъ-то онъ на широкъ дворъ,
 А ѿ какъ онъ садился на своего да на добра коня,
 А ѿ какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
 А ѿ какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
 А ставалъ ёнъ какъ со мѣста да со большого,
 А ѿ вzialъ свой золотой тотъ стулъ,
 А ѿ садился ко тому столу ко дубовому,
 А ѿ какъ бралъ ёрлуки да во бѣлы руки,
 Ерлуки онъ тутъ распечатывалъ,
 Распечатывалъ онъ розвертывалъ,
 А ѿ до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
 А ѿ какъ тутъ увидѣлъ ёнъ какъ у матушки,
 А у матушки да Елисей-рѣки,
 А ѿ во тыхъ во поляхъ во Елисиныхъ,
 А стоить какъ безбожный Калинъ царь
 Со своей силой съ невѣрною,
 А ѿ какъ силушки на чистомъ поли
 А ѿ какъ мелкаго лѣсу да шумячего,
 А ѿ не видно ни краю да ни берега;
 А ѿ какъ знаменье въ на чистомъ поли
 А ѿ какъ будто сухого лѣсу жароваго.
 А ѿ какъ тутъ устранился солнышко Владиміръ
 князь,
 А ѿ повѣсилъ свою буйную ёнъ головушку
 А ѿ какъ ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Притушилъ очи ясны во кирпичной поль,
 А ѿ самъ говорилъ да еще таковы слова:
 «Ай же ты жонá моя да любезная,
 «А ѿ княгиня Аираксія!
 «А ѿ пришло видно времечко да великоё,
 «А ѿ пришло видно въ полонъ отдать
 «Славный городъ намъ Кіев-отъ
 «А ѿ безбожному царю ужъ какъ Калину!
 «А ѿ какъ видно дѣлать намъ нечего,
 «А ѿ какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
 «Всѣмъ сенаторамъ-то думнымъ,
 «А какъ всѣмъ вельможамъ, купцамъ да всѣмъ
 богатынямъ,
 «А ѿ какъ всѣмъ полянцамъ удалымъ,
 «А ѿ русейскимъ сильнымъ могучимъ богатырямъ,
 «А ѿ пришлось имъ да порозѣхаться,
 «А ѿ повиѣхатъ какъ со города да со Кіева,
 «А ѿ какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
 «А ѿ какъ видно дѣлать намъ нечего
 «Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
 А какъ давалъ какъ ёй ерлуки скороннечаты,
 А ѿ какъ брала ёна ерлуки во бѣлы руки,
 А ѿ какъ начала да читать она розсматривать,
 А ѿ сама говорила вѣдъ таковы слова:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь!
 — А ѿ послушай-ко что я скажу.

— А ѿ возьми-тко ты публикуй-ко вѣдъ
 — А указы ты строгіе,
 — А ѿ по городу по Кіеву,
 — А ѿ по городу по Чернигову,
 — А ѿ по прочимъ городамъ по губерскимъ, по
 уѣзднымъ,
 — А ѿ выпускай затюремщиковъ грѣшниковъ,
 — А ѿ прощай-ко во всѣхъ винахъ великихъ,
 — А ѿ какъ всихъ призывай къ себѣ да на по-
 честень пиръ.
 — А ѿ какъ призывай-ко сильныхъ могучихъ
 богатырей,
 — Призывай-ко стараго казака да Плью Муромца.
 — А хоша онъ сердить на тебя на солнышка князя
 на Владиміра,
 — А може приѣде къ тебѣ да на почестень пиръ.
 — А муть-ко оны со честнаго пиру да порозѣ-
 ѣдутся да порозѣйдутся,
 — А мы тожно *) съ тобой на убѣгъ поидемъ.—
 А ѿ какъ солнышко да Владиміръ князь стольне-
 кіевской
 А ѿ писалъ онъ письма скорыи,
 Письма строгіи,
 Призывалъ кулерковъ онъ вѣдъ скорыхъ,
 А ѿ розсылалъ письма ёнъ по городу по Кіеву,
 А ѿ какъ ёнъ да по городу Чернигову,
 А ѿ по прочимъ городамъ по губерскимъ по
 уѣзднымъ,
 По своимъ городамъ да по русейскимъ;
 А ѿ выпускалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
 А ѿ прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ ве-
 ликихъ,
 А ѿ просилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестень
 пиръ,
 А ѿ какъ всѣхъ онъ князей бояръ топеръ,
 А ѿ какъ всѣхъ сенаторовъ какъ думныхъ,
 А ѿ какъ всѣхъ вельможъ, купцевъ теперь бога-
 тырныхъ,
 А ѿ какъ поляницъ да всѣхъ удалыхъ,
 А ѿ русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А ѿ просилъ онъ стараго казака Плью Муромца.
 А ѿ топеръ послѣ этого
 А ѿ какъ много сбиралосе, какъ много съѣзжалосе,
 А ѿ князей бояръ топеръ,
 А ѿ сенаторовъ да думныхъ,
 А ѿ вельможъ, купцевъ богатырныхъ,
 Полянницъ да удалыхъ,
 А ѿ русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей.
 А ѿ наѣхали ко солнышку князю Владиміру,

*) т. е. тогда.

А ѿ ваѣхали на шірокъ дворь,
 А ѿ какъ нагнали да добрыхъ коней
 Половъ шірокъ дворь да княженецкін.
 Набрались полны какъ полаты княженецкін
 А все князей да бояръ топерь,
 А ѿ сенаторовъ да думныхъ,
 А ѿ вельможъ, купцевъ богатыхъ,
 Поляницъ да удалыхъ,
 А ѿ русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей;
 А ѿ садилси какъ за ты столы за дубовые,
 А за ты скамейки за окольніе,
 А за ты за ѣствы за сахарніе,
 За напитки за ты за медвяные.
 А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
 Надъ собою незгоды не начаячи,
 А ѿ какъ всё на пирю пьяны веселы,
 А ѿ какъ столько не весель былъ одинъ солнышко

Владиміръ князь.

А ѿ какъ ходитъ по полатамъ княжепецкінмъ,
 А ѿ повѣшена буйная головушка
 А ѿ какъ пиже плечъ своихъ могучихъ,
 А ѿ притуплены очушки ясны во кирпичной
 полъ.

А ѿ какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
 «А ѿ же вы вьязи бояра вѣдъ,
 «А ѿ какъ сенаторы да думные,
 «А ѿ вельможы, купцы вы богатые,
 «Поляницы удалые,
 «А ѿ русейские сильны могучи богатыри!
 «А ѿ какъ вы у мя на чествомъ пирю
 «А вы у мя да пьяны веселы,
 «А вы всё напивались,
 «Похвальбымы вы всё пофалались.
 «А ѿ какъ столько вы не знаете,
 «А ѿ надъ нами есть незгода великая:
 «А у матушки да Елисей-рѣки,
 «А ѿ во тяхъ во поляхъ во Елисеинахъ
 «А ѿ стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
 «Со своей какъ со ратью силой великою;
 «А ѿ стоитъ ужъ какъ силушки на чистомъ поли
 «А ѿ какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
 «А ѿ какъ знамѣньевъ на чистомъ поли
 «А ѿ какъ будто сухого лѣсу жароваго.
 «А намъ да приказано
 «А по всему какъ по городу по Киеву
 «А ѿ широкіи удилки повипахать,
 «А ѿ съ Волжыхъ какъ церквей да чудны-кресты
 новыснимать,
 «Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные,
 «А по всему какъ по городу по Киеву
 «А умытъ полаты бѣлокаменны,

«А стоять ихней рать силы великин.»
 А ѿ тутъ бралъ ерлукы скорописчаты,
 Подавалъ старому казаку да Ильи Муромцу.
 Тотъ какъ бралъ ерлукы на бѣлы руки,
 А ерлукы началъ розвертывать,
 А началъ ерлукы да онъ розсматривать,—
 Такъ и тотъ повѣрелъ буйну голову
 Ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ.
 А ѿ какъ понесли эти ерлукы съ рукъ какъ на
 руки,
 А ѿ какъ начали всё розсматривать,
 Такъ и всё какъ повѣсили буйны головы
 Ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Потому что оны да утрапились.
 А ѿ какъ говорилъ ужъ солнышко Владимиръ
 князь:

«А ѿ же гости бажыные любезные,
 «А ѿ русейские сильны могучи богатыри!
 «А что же заведемъ да топерь дѣлати?»
 А ѿ какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста ео большаго
 на рѣзвы поги,
 А ставалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
 А ѿ какъ самъ говорилъ топерь да таковы слова:
 — А ѿ же солнышко да Владимиръ князь!
 — А ѿ послушай-ко что я скажу.
 — А ѿ возьми-ко насыпь ты топеричко
 — А ѿ какъ перву телѣгу ордынскую,
 — А ѿ насыпь-ко краснаго золота,
 — А ѿ насыпь-ко другу телѣгу чистаго сѣребра,
 — А ѿ насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да круп-
 наго скатняго жемчугу.
 — А ѿ кати-тко въ подарочкахъ
 — Ко безбожному царю да ко Калину,
 — А проси-тко ты строку на три мѣсяца.
 — А ежели бь даять онъ намъ строку на три мѣ-
 сяца,
 — А ѿ какъ я да въ три мѣсяца
 — А какъ съѣзжу я къ чисту полю,
 — А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
 — А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ
 еднаго,
 — А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Ка-
 лину,
 — Въ рать его силу да великую.
 — А ѿ тогда да я попробую,
 — А я да отвѣдаю,
 — А врядъ больше приѣде онъ
 — А ѿ ко славному ко городу ко Киеву. —
 А ѿ какъ солнышко да Владимиръ князь да столь-
 нѣ-киевской

Приказалъ онъ какъ насыпалъ первую телѣгу да
ордынскую

А ѿ какъ краснаго золота,

А ѿ какъ другу телѣгу чистаго сѣребра,

А ѿ какъ третью телѣгу мелкаго крупнаго скат-
пига да жемчугу;

А ѿ покатили русейскіи посланники

А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра

Ко безбожному царю топерь да ко Калину,

А ѿ просили строку топерь да на три мѣсяца.

Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:

«Ай же вы русейскіе вы посланники

«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!

«А хощь возьму я ваши подарочки дороги,

«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,

«А чтобы да въ три мѣсяца,

«Чтобы было все исполнено

«По моему да приказанью:

«А все удлинки роспаханы,

«А со всехъ церквей чудны кресты снятые,

«Въ церквахъ сдѣланы стойлы лошадинныя.

«А умыты полаты бѣлокаменны.»

А воротились взадъ какъ русейскіи посланники,

А сказали солнышку князю таковы слова

И розсказали какъ да приказано.

А ѿ какъ тутъ-то старой казакъ Пля Муромецъ

А ѿ какъ все ѣнь то же новыслухалъ,

А какъ скоро шоль ѣнь, сядилъ на добръ коня,

А какъ скоро поѣхалъ ѣнь да въ чистѣ полѣ,

А какъ сбирать-то онъ своей дружины да хоро-
брый;

А какъ вѣдь топеречку послѣ этого

А ѿ промедлилось времечки три мѣсяца,

Не видать какъ старого казака Пля Муромца да
изъ чистѣ поля.

А ѿ какъ солнышко князь опять да не весель
стать,

А ѿ какъ самъ говорилъ да таковы слова:

— Ай же ты княгиня Анраксія!

— А ѿ какъ видно какъ пришло тое времечко
да великое,

— А ѿ какъ топерь пришло да отдать въ полонъ

— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;

— А какъ всемъ князьямъ да боярамъ вѣдь

— А ѿ какъ быть да порозѣхаться,

— А ѿ какъ всемъ полянцамъ удалымъ,

— А ѿ русейскимъ сильнымъ могучимъ богаты-
рямъ

— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣ-
жать.

— А какъ видно на кого была надѣя великая,

— А ѿ на старого казака да Илью Муромца,

— А ѿ у того топерь да уѣхано

— А въ далече далече да въ чистѣ полѣ,

— А ѿ не будетъ ѣнь изъ чистѣ поля. —

А ѿ какъ тутъ ѣня говорить ему таковы слова:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!

«Забери остатнее столованье да почестень пирь,

«А ѿ забери-тко ты топерь всехъ князей боярь,

«Всехъ сенаторовъ да думныхъ,

«А ѿ какъ всехъ вельможъ, кунцей богатыхъ,

«Всехъ поляницъ да ты удалыхъ,

«А русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей.

«А какъ пусть-ко вѣдь со честнѣ шра порозѣ-
дутья,

«Со честнаго шра порозѣдутья.»

А ѿ какъ забирать онъ остатнее столованье да
почестень шрь.

А ѿ какъ тутъ пріѣзжали князи бояра вѣдь,

Сенаторы да думные,

А ѿ вельможи, кунци все богатые,

Поляници удалые,

А русейски сильни могучи богатыри

А ѿ ко солнышку князю Владиміру на почестень
шрь;

А ѿ какъ вѣдь набрались полны полаты бѣлока-
менны

Все удалыхъ добрыхъ молодцовъ.

А ѿ какъ вѣдь да сядилъ

А ѿ за ты столы за дубовыи княженецкіе,

А за ты за ѣствы сахарніе,

А за ты за напитки за медвяныи.

А какъ болѣ сидятъ оны,

Никто не ѣсть да не кушаетъ,

А у всехъ повѣшены да буйны головы

А ѿ какъ ниже плечъ своихъ могучихъ,

Притулены очушки ясныи,

Очушки ясныи во кирпичной полѣ.

А тутъ еще какъ съ мѣста середняго

А еще ставать удалый добрый молодець,

А ставалъ какъ вѣдь молодой Ермакъ сынъ Ти-
моѣевичъ,

А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзвѣ ноги,

А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:

— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольни-
кѣвской!

— А спусти-тко меня да ты въ чистѣ полѣ.

— А ѿ какъ съѣзжу я да сыщу топерь

— А какъ старого казака да Пля Муромца

— А со всей я съ дружиной со хороброю. —

А ѿ какъ ѣнь говорилъ ему:

«Ай же ты молодой Ермакъ,

«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
 «А ѣ какъ ты молодѣць молодѣшенокъ,
 «А ѣ какъ ты молодѣць да лѣтъ двѣнадцати,
 «Не бывать тебѣ да въ чистомъ поли,
 «Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
 «Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
 «А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его тонерь
 уѣхано,

«А какъ може уѣхано
 «Край свѣтлушка край бѣлаго.»
 А ѣ какъ наливаль ему чару онъ да зеленá вина,
 Зеленá вина чара мѣрой полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
 А ѣ подаваль ему единой рукой,
 Принималъ какъ онъ да единой рукой,
 Выпивалъ онъ какъ да единымъ здухомъ.
 Онъ опять ~~онъ~~ давается ѣхати въ чистó поле:
 — Ай же солнышко да Владиміръ князь да столь-
 не-кїевской!

— А спусти меня да въ чистó полѣ,
 — А съѣзжу сыну я какъ стараго казака да
 Илью Муромца

— А со всей съ дружиной съ хороброю. —
 А ѣ какъ ѣтъ да говорилъ ему:
 «Ай же ты молодой Ермакъ,
 «Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
 «А ѣ какъ ты молодѣць молодѣшенокъ,
 «Молодѣць ты лѣтъ да двѣнадцати,
 «А ѣ не бывать тебѣ да въ чистомъ поли,
 «Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
 «Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣ-
 сяца,

«А ѣ какъ може въ три мѣсяца
 «А уѣхано край свѣтлушка край бѣлаго.»
 Наливаль ему какъ вторую-ту чару зеленá вина,
 А ѣ какъ мѣрой чара полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
 А ѣ подаваль-то ему солнышко князь да единой
 рукой,
 Принималъ какъ молодой Ермакъ да единой рукой,
 Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ зду-
 хомъ.

А ѣ опять онъ давается ѣхати во чистó полѣ:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь!
 — А спусти меня да въ чистó полѣ,
 — А съѣзжу сыну я стараго казака да Илью
 Муромца
 — А со всей я съ дружиной съ хороброю. —
 А ѣ какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владиміръ
 князь:

«Ай же ты молодой Ермакъ,

»Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
 «А ѣ какъ ты молодѣць да молодѣшенокъ,
 «Ты какъ молодѣць да лѣтъ двѣнадцати,
 «А ѣ не бывать тебѣ да въ чистомъ поли,
 «Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
 «Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
 «А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его уѣхано,
 «А ѣ какъ може уѣхано край свѣтлушка край
 бѣлаго.»

А ѣ наливаль ему третью да чару зеленá вина,
 А ѣ какъ мѣрой чара полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
 А ѣ подаваль-то ему солнышко князь да единой
 рукой,
 Принималъ какъ молодой Ермакъ да единой рукой,
 Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ зду-
 хомъ.
 А ѣ потомъ какъ онъ ставаль да на рѣзвїи поги,
 А ѣ какъ тутъ скаваль черезъ ты столы ѣтъ ду-
 бовые,

Черезъ ты ѣтвїи сахáрніе,
 А черезъ ты напитки да медвяные,
 А ѣ какъ столько едва да розобралъ
 А на стопочки приправу свою да богатырскую,
 А ѣ какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.
 А ѣ бѣжалъ потомъ онъ на шїроць дворъ,
 А ѣ садился ѣтъ на своего на добра коня,
 А ѣ поѣхаль онъ съ того ли двора да княженецкаго.
 А тутъ какъ топеречко созянїшко Владиміръ князь
 А ѣ не знать какъ куда уѣхаль молодой Ермакъ:
 А нехаль ли онъ да стараго казака Ильи Муромца.
 Али онъ уѣхаль въ поля да во Еліссина?
 А онъ прямо ѣхаль въ ты поля во Еліссина,
 А ѣ поѣхаль ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
 А ѣ какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Ели-
 синахъ,

А стоить-то ужъ силушки какъ на чистомъ поли,
 А какъ мелкаго лѣбу шумячего,
 А ѣ не видно ни краю да ни берега,
 А ѣ какъ знаменѣвъ на чистомъ поли
 Какъ сухого лѣбу жароваго.

А ѣ какъ тутъ ли самъ пороздумался:
 А хонъ много силы на чистомъ поли,
 А ѣ какъ столько могу я розбить на своемъ да
 на добромъ конѣ,

А не захватитъ меня во рать во силы великїей
 А поганымъ воинамъ,
 А ѣ потому что у мня подо мной да конь кры-
 латый.

А ѣ столько хоче спуетиться на рать на силу
 великую,

А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чиста поля,
 А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чисто полѣ,
 А какъ ажно ѣде старой казакъ Илья Муромецъ,
 А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 А й со всѣй онъ съ дружиной съ хороброу.
 А й какъ тутъ ужъ какъ съѣхалось
 А й какъ тридцать молодцовъ да со единымъ,
 А й какъ тридцать сильныхъ русейскихъ богатырей;

А й какъ тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
 А й говорить своей дружины да хоробройей:
 — Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыхъ!
 — А й поѣзжайте-тко о матушку Елисей-рѣку,
 — А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей-рѣку,
 — А й какъ другіе поѣзжайте-тко на чисто полѣ,
 — Становитесь-ко ратей силой великою,
 — А не упущайте-ко силушки да на чисто полѣ,
 — Съ краю рубите до единого. —

А й какъ тутъ правой рукой да поѣхалъ старой казакъ,
 А й старой-то казакъ да Илья Муромецъ:
 А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
 Молодой Ермакъ сынъ Тимоеевичъ;
 А й какъ начали рубить да силушку на чистомъ полн,
 А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторонушокъ, —
 А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
 А той порой до тымъ времечкомъ
 А й какъ силу присѣкли до единого.
 А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розѣхался
 Ко безбожному царю ѣтъ ко Калину,
 Изымалъ царя Калина за желты кудри,
 А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
 «А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калининъ царь,
 «Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
 «Со тыхъ Божьихъ церквей чудны кресты сняты
 вѣдь,
 «А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадинны,
 «Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
 «Нѣтъ, не приписывай ердуковъ скоронисчатыхъ
 «А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
 «А й съ угрозами со великими!»
 А й здынулъ его выше буйныя головушки,
 А спустилъ какъ о матушку да о сырѣ землю,
 А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
 А й на ѣмъ да кожа лопнула,
 А й какъ тутъ царь Калину славы поють.

А й какъ тутъ удалыи добры молодцы
 А й садилсе на добрыхъ коней
 А й отправились во славныи какъ во стольнии
 А й во городъ во Кіев-отъ
 А й ко солнышку князю Владиміру,
 А й приѣхали, какъ сказали вѣдь,
 Что убить безбожный Калининъ царь,
 А со всею со рать силой великою, —
 А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
 А й на радости на великойей
 А й какъ тутъ для удалыхъ для молодцовъ
 Забиралъ столованье почестень пиръ;
 А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ про-
 клаждаются,
 А й какъ надъ собой незгоды болѣ не начаются,
 А й какъ публиковать указъ онъ строгіи
 А й по городу по Кіеву,
 Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
 Чтобы весь народъ какъ пилъ да зеленѣ вино;
 Кто не пье зеленá вина,
 Тотъ бы пилъ да пива няныя;
 А кто не пьетъ пивовъ няныхъ,
 Тотъ бы пилъ медѣ стоялые, —
 Чтобы всѣ да веселилсе.
 А топерь да послн этого
 А й тому да всему да славы поють.
 А й Дунай, Дунай.
 Болѣ вѣкъ не знай.

Записано на Сумозерѣ, 2 августа.

70.

С А Д К О.

А какъ вѣдь во славномъ въ Новѣ-гради,
 А й какъ былъ Садкѣ да гусельщик-отъ,
 А й какъ не было много несчетной золотой казны,
 А й какъ только ѣтъ ходилъ по честнымъ пирамъ,
 Спотѣшалъ какъ онъ да купцей, боярь,
 Веселилъ какъ онъ ихъ на честныхъ пирахъ.
 А й какъ тутъ нацъ Садкомъ топерь да случилосе,
 Не зовутъ Садкá ужъ цѣлый день да на поче-
 стень пиръ,
 А й не зовутъ какъ другой день на почестень
 пиръ,
 А й какъ третій день не зовутъ да на почестень
 пиръ.
 А й какъ Садкú топерь да соскучилось,

А ѿ пошолъ Садкѣ да ко Ильмѣнь онъ ко озеру,
 А ѿ садился онъ на снѣ на горючъ камень,
 А ѿ какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
 А игралъ съ утра какъ день топерь до вечера.
 А ѿ по вечеру какъ по позднему
 А ѿ волна ужъ въ озерѣ какъ сходиласе,
 А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутиласе,
 А ѿ утрашился Садкѣ топеречку да сидѣти онъ,
 Одолѣлъ какъ Садка страхъ топерь великій,
 А ѿ пошолъ вонъ Садкѣ да отъ озера,
 А ѿ пошолъ Садкѣ какъ во Новъ-городъ.
 А опять какъ прошла топерь тѣмна ночь,
 А ѿ опять какъ на дрѹгой день
 Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
 А дрѹгой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
 А ѿ какъ третій-то день не зовутъ на почестенъ
 пиръ.
 А ѿ какъ опять Садку топерь да соскучилосъ,
 А пошолъ Садкѣ ко Ильмѣнь да онъ ко озеру,
 А ѿ садился онъ опять на снѣ да на горючъ
 камень
 У Ильмѣнь да онъ у озера.
 А ѿ какъ началъ играть онъ опять во гусли во
 яровчаты,
 А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
 А ѿ какъ по вечеру опять какъ по позднему
 А ѿ волна ужъ какъ въ озерн сходиласе,
 А ѿ какъ вода съ пескомъ топерь смутиласе,
 А ѿ утрашился опять Садкѣ да новгородскѣи,
 Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ топерь великѣи.
 А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильмѣнь да отъ
 озера,
 А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Новъ-городъ.
 А ѿ какъ тутъ опять надъ нимъ да случилось,
 Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.
 А ѿ какъ тутъ опять дрѹгой день не зовутъ Садка
 да на почестенъ пиръ,
 А ѿ какъ третій день не зовутъ Садка да на по-
 честенъ пиръ,
 А ѿ опять Садку топерь да соскучилосъ.
 А ѿ пошолъ Садкѣ ко Ильмѣнь да ко озеру,
 А ѿ какъ онъ садился на снѣ горючъ камень
 да объ озеро,
 А ѿ какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
 А ѿ какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,
 А волна ужъ какъ въ озерн сходиласе,
 А вода ли съ пескомъ да смутиласе;
 А тутъ осмѣлился какъ Садкѣ да новгородскѣи
 А сидѣти играть какъ опъ объ озеро.
 А ѿ какъ тутъ вышелъ Царь Водяной топерь со
 озера,

А ѿ какъ самъ говоритъ Царь Водяной да таковы
 слова:
 «Благодаримъ-ка Садкѣ да новгородскѣи!
 «А спотѣшилъ насъ топерь да ты во озерн,
 «А у мя было да какъ во озерн,
 «А ѿ какъ у мя столованье да почестенъ пиръ,
 «А ѿ какъ всѣхъ розвеселилъ у мя да на чест-
 номъ пиру
 «А ѿ любезныхъ да гостей моихъ.
 «А ѿ какъ я не знаю топерь Садка тебя да чѣмъ
 пожаловать:
 «А ступай, Садкѣ, топеря да во свой во Новъ-
 городъ,
 «А ѿ какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ
 пиръ,
 «А ѿ какъ будетъ у купца столованье почестенъ
 пиръ,
 «А ѿ какъ много будетъ купчей на пиру много
 новгородскѣихъ,
 «А ѿ какъ будутъ всѣ на пиру да напиватисе,
 «Будутъ всѣ на пиру да паѣдатисе,
 «А ѿ какъ будутъ всѣ пофальбамъ теперь да по-
 фалятисе,
 «А ѿ кто чимъ будетъ теперь да фастати,
 «А ѿ кто чимъ будетъ топерь да похвалятисе;
 «А ѿной какъ будетъ фастати да несчетной зо-
 лотой казной,
 «А какъ ѿной будетъ фастать добрымъ конемъ,
 «Иной буде фастать силой удачей молодецкою,
 «А ѿной буде фастать молодой молодечествомъ,
 «А какъ умной разумной да буде фастати
 «Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
 «А ѿ безумный дуракъ да буде фастати
 «А ѿ своей онъ какъ молодой женой;
 «А ты, Садке, да пофастай-ко:
 ««А я знаю, что во Ильмѣнь да во озерн
 ««А что есте рыба-то перья золотын вѣдь.»»
 «А какъ будутъ купцы да богатыи
 «А съ тобой да будутъ спбровать,
 «А что нѣту рыбы такою вѣдь,
 «А что топерь да золотын вѣдь,
 «А ты съ пима бей о залогъ топерь великѣи,
 «Залагай свою буйную да голову,
 «А какъ съ нихъ выражай топерь
 «А какъ лавки во ряду да во гостиномъ
 «Съ дорогима да товарамы;
 «А потомъ свяжите неводъ да шѣлковой,
 «Ирѣзжайте вы ловить да во Ильмѣнь во озеро,
 «А закиньте три тонѣи во Ильмѣнь да во озерн,
 «А я въ каждую тоню дамъ топерь по рыбины,
 «Ужъ какъ перья золотын вѣдь.

«А ѿ получишь лавки во ряду да во гостиноемъ
«Съ дорогима вѣдь товарамы;
«А ѿ потомъ будешь ты купецъ Садкѣ какъ нов-
городскѣи,

«А купецъ будешь богатѣи.»

А ѿ пошолъ Садкѣ во свой да какъ во Новъ-городъ.

А ѿ какъ вѣдь да на дрѹгой дещь

А какъ пѹзвали Садка да на почестенъ пиръ

А ѿ къ кунцю да богатому.

А ѿ какъ тутъ да много собиалосе

А ѿ къ кунцю да на почестенъ пиръ

А купцей какъ богатѣихъ новгородскѣихъ;

А ѿ какъ всѣ топеръ на пирѹ пашивалиси,

А ѿ какъ всѣ на пирѹ да наѣдалисе,

А ѿ пофальбами всѣ пофалалисе.

А кто чѣмъ ужъ какъ теперъ да фастаесть,

А кто чѣмъ на пирѹ да похваляется;

А ѿной фастае какъ несчетной золотой казной,

А ѿной фастае да добрымъ конёмъ,

А ѿной фастае силой удачей молодецкою;

А ѿ какъ умной топеръ ужъ какъ фастаесть

А ѿ старымъ батюшкомъ, старой матушкой,

А ѿ безумной дуракъ ужъ какъ фастаесть,

А ѿ какъ фастае да какъ своей молодой женой;

А сидитъ Садкѣ какъ ничимъ да онъ не фастаесть,

А сидитъ Садкѣ какъ шчимъ онъ не похваляется.

А ѿ какъ тутъ сидятъ кунци богатѣи новгородскѣи,

А ѿ какъ говорятъ Садкѹ таковы слова:

— А что же, Садкѣ, сидишь, ничимъ же ты не фа-
стаешь,

— Что ничимъ, Садкѣ, да ты не похваляешься?—

А ѿ говоритъ Садкѣ таковы слова:

«Ай же вы купци богатѣе новгородскѣе!

«А ѿ какъ чимъ мнѣ Садкѹ топеръ фастати,

«А какъ чѣмъ-то Садкѹ похвалятися?

«А нѣту у мя много несчетной золотой казны,

«А нѣту у мя какъ прекрасной молодой жены,

«А какъ мнѣ Садкѹ только есть однимъ да мнѣ
пофастати:

«Во Шльмень да какъ во озерѣ

«А есте рыба какъ перья золотѣи вѣдь.»

А ѿ какъ тутъ купци богатѣи новгородскѣи

А ѿ начали съ нимъ да оны спѹбовать,

Во Шльмень да что во озерѣ

А нѣту рыбы такою что,

Чтобы были перья золотѣи вѣдь.

А ѿ какъ говоритъ Садкѣ новгородскѣи:

«Дакъ заложу я свою буйную головушку,

«Волѣ заложитъ да у мя нечего.»

А оны говоря: мы заложимъ въ ряду да во гос-
тиноемъ

Шесть купцей, шесть богатѣихъ;

А залагали вѣдь какъ по лавочки,

Съ дорогима да съ товарамы.

А ѿ тутъ послѣ этого

А связали неводъ шёлковой,

А ѿ поѣхали ловитъ какъ въ Шльмень да какъ
во озеро,

А ѿ закидывали тоню во Шльмень да вѣдь во озерѣ,

А рыбу ужъ какъ добыли перья золотѣи вѣдь;

А ѿ закинули дрѹгу тоню во Шльмень да вѣдь
во озерѣ,

А ѿ какъ добыли дрѹгую рыбину перья золотѣи
вѣдь;

А ѿ закинули третью тоню во Шльмень да вѣдь
во озерѣ,

А ѿ какъ добыли ужъ какъ рыбину перья золо-
тѣи вѣдь.

А топеръ какъ купци да новгородскѣи богатѣи

А ѿ какъ видятъ — дѣлать да нечего,

А ѿ какъ вышло правльнѣ, какъ говорилъ Садкѣ
да новгородскѣи,

А ѿ какъ отперлиси ѣны да отъ лавочокъ,

А въ ряду да во гостиноемъ,

А ѿ съ дорогима вѣдь съ товарамы.

А ѿ какъ тутъ получилъ Садкѣ да новгородскѣи

А ѿ въ ряду во гостиноемъ

А шесть ужъ какъ лавочокъ съ дорогима онъ то-
варамы,

А ѿ записался Садкѣ въ кунци да въ новгородскѣи,

А ѿ какъ сталъ топеръ Садкѣ купецъ богатѣи.

А какъ сталъ торговать Садкѣ да топеречку

Въ своемъ да онъ во городѣ,

А ѿ какъ сталъ ѣздитъ Садкѣ торговать да по
всѣмъ мѣстамъ,

А ѿ по прочимъ городамъ да онъ по дальнимъ,

А ѿ какъ сталъ получать барыши да онъ великѣе.

А ѿ какъ тутъ да послѣ этого

А женился какъ Садкѣ купецъ новгородскѣи бо-
гатѣи.

А еще какъ Садкѣ послѣ этого

А ѿ какъ выстроилъ онъ полаты бѣлокаменны,

А ѿ какъ сдѣлалъ Садкѣ да въ своихъ онъ пола-
тупкахъ,

А ѿ какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по не-
бесному:

А ѿ какъ на небѣи пекётъ да красное ужъ сол-
нышко,

Въ теремахъ у его пекётъ да красно солнышко;

А ѿ какъ на небѣи свѣтитъ младъ да свѣтѣлъ мѣ-
сяцъ,

У его въ теремахъ да младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ;

А ѿ какъ на небн пекутъ да звѣзды частнн,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частнн;
А ѿ какъ веѣмъ изукрашилъ Садкѣ свои полаты
бѣлокаменны.

А ѿ топерь какъ вѣдъ послѣ этого
А ѿ сбиралъ Садкѣ столованѣ да почестенъ пиръ,
А ѿ какъ веѣхъ своихъ купцей богатннхъ нов-
городскннхъ,
А ѿ какъ веѣхъ-то господъ онъ своихъ новго-
родскннхъ,
А ѿ какъ опъ еще настоятелей своихъ да новго-
родскннхъ;

А ѿ какъ были настоятели новгородскіе
А ѿ Лука Зиновьевъ вѣдъ да Ома да Назарьевъ
вѣдъ;
А еще какъ сбиралъ-то онъ веихъ мужнковъ нов-
городскннхъ,
А ѿ какъ повелъ Садкѣ столованѣ почестенъ
пиръ богатнн.

А топерь какъ веѣ у Садка на честномъ пирѣ,
А ѿ какъ веѣ у Садка да напвалнсе,
А ѿ какъ веѣ у Садка топерь да наѣдалнсе,
А ѿ похвальбамн-то веѣ да пофалалнсе.
А ѿ кто чнмъ на пирѣ ужъ какъ фастваетъ,
А ѿ кто чѣмъ на пирѣ похваляется;
А ѿной какъ фаствае несчетной золотой казной,
А ѿной фаствае какъ добрымъ конѣмъ,
А ѿной фаствае силой могучою богатырскою,
А ѿной фаствае славнымъ отечествомъ,
А ѿной фастваетъ молодымъ да молодчествомъ;
А какъ умной разумной какъ фастваетъ
Старымъ батюшкѣ да старой матушкой,
А ѿ безумный дуракъ ужъ какъ фастваетъ
А ѿ своей да молодой женой.

А ѿ какъ вѣдъ Садкѣ по полатушкамъ онъ поха-
живать,

А ѿ Садкѣ ли-то самъ да выговаривать:
«А ѿ же вы купци новгородскіе вы богатнне,
«А ѿ же веѣ господа новгородскіе,
«А ѿ же веѣ настоятели новгородскіе,
«Мужннн какъ вы да новгородскіе!
«А у меня какъ веи вы на честномъ пирѣ
«А веи вы у мя какъ пьяны веселы,
«А какъ веи на пирѣ напвалнсе,
«А ѿ какъ веѣ на пирѣ да наѣдалнсе,
«А ѿ похвальбамн веѣ вы похвалялнсе.
«А ѿ кто чнмъ у васъ топерь хваствае:
«А ѿной хваствае какъ былицею,
«А ѿной фаствае у васъ да небылицею.
«А какъ чѣмъ буде мнѣ Садкѣ топерь пофастати?
«А ѿ у мя у Садка новгородскаго

«А золота казна у мя топерь не тоѣщнтся,
«А цвѣтное платнще у мя топерь не дѣржнтся,
«А ѿ дружинишка хоробрая не измѣняется;
«А столько мнѣ Садкѣ буде пофастати
«А ѿ своей мнѣ несчетной золотой казной:
«А ѿ на свою я несчетну золоту казну
«А ѿ повикуплю я какъ веѣ товары новгородскіе,
«А какъ веѣ худыя товары я добрые,
«А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во
городн.»

А ѿ какъ ставали тутъ настоятели вѣдъ новго-
родскіе,

А ѿ Ома да Назарьевъ вѣдъ,
А Лука да Зиновьевъ вѣдъ,
А ѿ какъ тутъ ставали да на рѣзвыя ноги,
А ѿ какъ говорили самы вѣдъ да таковы слова:
— А ѿ же ты Садкѣ купецъ богатый новгородскнн!
— А о чѣмъ ли о многомъ бѣеши съ нами о ве-
лики закладъ,
— Ежели выкупнши товары новгородскіе,
— А ѿ худыя товары веѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во
городн? —

А ѿ говорилъ Садкѣ имъ намѣсто таковы слова:
«А ѿ же вы настоятели новгородскіе!
«А сколько угодно у мя фатнть заложнть безсчѣт-
ной золотой казны.»

А ѿ говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— А ѿ же ты Садкѣ да новгородскнн!
— А хошь ударъ съ нами ты о тридцати о тыся-
чахъ. —

А ударилъ Садкѣ о тридцати да вѣдъ о тысячахъ.
А ѿ какъ веѣ со честнаго пирѣ розѣзжалнсе,
А ѿ какъ веѣ со честнаго пирѣ разбиралнсе
А ѿ какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
А ѿ какъ тутъ Садкѣ купецъ богатый новгород-
скннн,

А ѿ какъ онъ на другой день вставалъ по утра
да по раному,
А ѿ какъ вѣдъ будилъ онъ свою вѣдъ дружинишку
хоробрѣю,

А ѿ давалъ какъ онъ да дружинишкѣ
А ѿ какъ долюби онъ безсчѣтныи золоты казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговннмъ,
А ѿ какъ самъ прямо шолъ во гостинѣю рядъ,
А ѿ какъ тутъ повикупнлъ онъ товары новгород-
скіе,

А ѿ худыя товары веѣ добрые.
А ѿ ставалъ какъ на другой день
Садкѣ купецъ богатый новгородскннн,
А ѿ какъ онъ будилъ дружинишку хоробрѣю,

А ѿ давалъ ужь какъ дѣлюби безсчѣтныи золотѣ казны,
 А ѿ какъ самъ прямо шолъ во гостинный рядъ,—
 А ѿ какъ тутъ много товаровъ принавѣзено,
 А ѿ какъ много товаровъ принаполнено
 А ѿ на ту на славу великую новгородскую;
 Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
 А ѿ худи товары всѣ добрые.
 А ѿ на третій день ставалъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій,
 А ѿ будилъ какъ онъ да дружинишку хоробрую,
 А ѿ давалъ ужь какъ дѣлюби дружинишкѣ
 А ѿ какъ много несчѣтной золотой казны,
 А ѿ какъ роспушалъ онъ дружинишку по улицамъ торговнымъ,
 А ѿ какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостинный рядъ, —
 А ѿ какъ тутъ на славу великую новгородскую
 А ѿ подоспѣли какъ товары вѣдъ московскіе,
 А ѿ какъ тутъ принаполнился какъ гостинной рядъ
 А ѿ дорожна товарами вѣдъ московскими.
 А ѿ какъ тутъ Садкѣ топерь да пороздумалъ:
 «А ѿ какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе, —
 «А ѿ на тую на славу великую новгородскую
 «А ѿ подоспѣютъ вѣдъ какъ товары заморскіе,
 «А ѿ какъ вѣдъ топерь ужь какъ мнѣ Садкѣ
 «А ѿ не выкупить какъ товаровъ вѣдъ
 «Со всѣго да со бѣла свѣту.
 «А ѿ какъ лучше пусть не я да богатѣе,
 «А Садкѣ купецъ да новгородскій,
 «А ѿ какъ пусть побогатѣе меня славный Новгородъ,
 «Что не могъ не я да повыкупить
 «А ѿ товаровъ новгородскихъ,
 «Чтобы не было продажи да во городи;
 «А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,
 «Залогъ свой великій!»
 А отдавалъ ужь какъ денежокъ тридцать тысячей,
 Отпирался отъ залогоу да великаго.
 А потомъ какъ построилъ тридцать кáраблей,
 Тридцать кáраблей, тридцать черныхъ,
 А ѿ какъ вѣдъ свалилъ онъ товары новгородскіе
 А ѿ на черныи на кáрабли,
 А ѿ поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскій
 А ѿ какъ на своихъ на черныхъ на кáрабляхъ.
 А поѣхалъ онъ да по Волхову,
 А ѿ со Волхова онъ во Ладожско,
 А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,

А ѿ какъ со Невы рѣки какъ выѣхалъ на синѣ морѣ.
 А ѿ какъ ѣхалъ онъ по синю морю,
 А ѿ какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.
 А ѿ какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдъ новгородскіе,
 А ѿ получалъ онъ барыши топерь великіе,
 А ѿ какъ насыпалъ онъ бочки вѣдъ сороковки-ты
 А ѿ какъ краснаго золота;
 А ѿ насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго сѣребра,
 А еще насыпалъ онъ много бочекъ мелкаго онъ крупнаго скатняго жемчугу.
 А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотой Орды,
 А ѿ какъ выѣхалъ топеречку опять да на синѣ морѣ,
 А ѿ какъ на синемъ морѣ устоялсе да черныи кáрабли,
 А ѿ какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
 А ѿ какъ ломать черныи кáрабли, —
 А все съ мѣста не идутъ черныи кáрабли.
 А ѿ вопроговорилъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій
 А ѿ ко своей онъ дружинишкѣ хоробрыи:
 «А ѿ же ты дружина хоробрая!
 «А ѿ какъ сколько ни по морю ѣздили,
 «А мы Морскому Царю дани да не плачивали.
 «А топерь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ синѣ морѣ.»
 А ѿ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій:
 «А ѿ же ты дружина хоробрая!
 «А ѿ возьмите-тко вы мечи-тко въ синѣ морѣ
 «А ѿ какъ бочку сороковку краснаго золота.»
 А ѿ какъ тутъ дружина да хоробрая
 А ѿ какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
 А мѣтали бочку въ синѣ морѣ.
 А ѿ какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
 А ѿ ломать черныи кáрабли да на синемъ моря,—
 Всѣ не идутъ съ мѣста кáрабли да на синемъ моря.
 А ѿ опять вопроговорилъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій
 А ѿ своей какъ дружинишкѣ хоробрыи:
 «А ѿ же ты дружинишка моя ты хоробрая!
 «А видно мало этой дани Царю Морскому въ синѣ морѣ.
 «А ѿ возьмите-тко вы мечи-тко въ синѣ морѣ
 «А ѿ какъ другую вѣдъ бочку чистаго сѣребра.»
 А ѿ какъ тутъ дружинишка хоробрая
 А ѿ бидали какъ другую бочку въ синѣ морѣ
 А какъ чистаго да сѣребра.
 А ѿ какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,

А ѿ ломать черны караблн да на синёмъ мори,—
А все не йдутъ съ мѣста караблн да на синёмъ
мори.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый
новгородскій

А ѿ какъ своей онъ дружинишка хоробрый:

«Ай же ты дружина хоробрая!

«А видно этой мало какъ данн въ синё морё.

«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго
скатняго жемчугу,

«А кидайте-тко бочку въ синё морё.»

А какъ тутъ дружина хоробрая

А ѿ какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатняго
жемчугу,

А вьдали бочку въ синё морё.

А ѿ какъ все на синёмъ мори стоять да черны
караблн,

А волной-то бьеть, паруса-то рветъ,

А ѿ какъ все ломать черны караблн,—

А ѿ все съ мѣста не йдутъ да черны караблн.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый
новгородскій

А своей какъ дружинишка онъ хоробрый:

«Ай же ты любезная какъ дружинишка да хо-
робрая!

«А видно Морской-то Царь требуе какъ живои
голови у насъ въ синё морё.

«Ай же ты дружина хоробрая!

«А ѿ возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте

«А ѿ да жеребья да себѣ волжаны,

«А ѿ какъ всякъ свои имена вы пишите на же-
ребьи,

«А спущайте жеребья на синё морё;

«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то
на золото *).

«А ѿ какъ спустимъ жеребья топерь мы на синё
морё,

«А ѿ какъ чей у насъ жеребей топерь да ко дну
пойдетъ,

«А тому итти какъ у насъ да въ синё морё.»

А у всей какъ у дружины хоробрый

А ѿ жеребья топерь гоголёмъ пловать,

А ѿ у Садка кунца гостя богатаго да ключомъ
на дно.

А ѿ говорилъ Садкѣ таковы слова:

«А ѿ какъ эти жеребьи есть неправильни;

«А ѿ вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да
золото,

«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.

«А ѿ какъ вы пишите всякъ свои имена да на
жеребьи,

«А ѿ спущайте-тко жеребьи на синё морё.

«А ѿ какъ чей у насъ жеребей да ко дну пойдетъ,
«А тому какъ у насъ итти да въ синё морё.»

А ѿ какъ вся тутъ дружинишка хоробрая

А ѿ спущали жеребья на синё морё,

А ѿ у всей какъ у дружинишка хоробрый

А ѿ какъ всё жеребья какъ топерь да гоголёмъ
пловать,

А Садковъ какъ жеребей да топерь ключомъ надно.

А ѿ опять говорилъ Садкѣ да таковы слова:

«А какъ эти жеребьи есть неправильни.

«Ай же ты дружина хоробрая!

«А ѿ какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,

«А ѿ какъ сдѣлаю я жеребей липовой,

«А какъ будемъ писать мы имена всё на жеребьи,

«А спущать ужъ какъ будемъ жеребья мы на
синё морё,

«А топерь какъ въ остатнихъ *)

«Какъ чей топерь жеребей ко дну пойдетъ,

«А ѿ тому какъ итти у насъ да въ синё морё.»

А ѿ какъ тутъ вся дружина хоробрая

А ѿ какъ дѣлали жеребьи всё дубовыи,

А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.

А ѿ какъ всякъ свои имена да писали на жеребьи,

А ѿ спущали жеребья на синё морё.

А у всей дружинишки вѣдь хоробройей

А ѿ жеребья топерь гоголёмъ плывать да на сп-
нёмъ мори,

А ѿ у Садка купца богатаго новгородскаго ключ-
омъ на дно.

А какъ тутъ говорилъ Садкѣ таковы слова:

«А ѿ какъ видно Садку да дѣлать топерь нечего,

«А ѿ самого Садка требуетъ Царь Морской да
въ синё морё.

«Ай же ты дружинишка моя да хоробрая любезная!

«А ѿ возьмите-тко вы несите-тко

«А ѿ мою какъ чернильницу вы вальячкую,

«А ѿ неси-тко какъ перо лебединой,

«А ѿ несите-тко вы бумаги топерь вы мнѣ гер-
бовыи.»

А ѿ какъ тутъ какъ дружинишка вѣдь хоробрая

А несли ему какъ чернильницу да вальячкую,

А ѿ несли какъ перо лебединой,

А ѿ несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.

А ѿ какъ тутъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій

А садился ёнъ на ременчатъ стулъ

А къ тому онъ къ столнику ко дубовому,

*) т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотою надписью.

*) т. е. въ послѣдній разъ.

А ѿ какъ началъ онъ имѣнница своего да онъ
отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнныя по Божіимъ церк-
вамъ,
А ѿ какъ много отписывалъ онъ имѣнныя нищей
братіи,
А какъ іпо имѣннице онъ отписывалъ да моло-
дой жены,
А ѿ достальнѣе имѣнныя отписывалъ дружины онъ
хоробрѣей.
А ѿ какъ самъ потомъ заплакалъ ѣнъ,
Говорилъ ѣнъ какъ дружинушкѣ хоробрѣей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
«А ѿ полагайте вы доску дубовую на синѣ морѣ,
«А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка на доску,
«А не то какъ странно мнѣ принять смерть во
синѣмъ мори.»
А ѿ какъ тутъ онъ еще вималъ съ собою свои
гуселка яровчаты,
А ѿ заплакалъ горько, прощался ѣнъ съ дружи-
нушкой хороброю,
А ѿ прощался ѣнъ топеречку со всею да со бѣ-
лымъ свѣтомъ,
А ѿ какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдъ
А со своимъ онъ со Новымъ со городомъ;
А потомъ свалился на доску онъ на дубовую,
А ѿ понесло какъ Садка на доску да по синю морю.
А ѿ какъ тутъ побѣжали черны-ты карабли,
А ѿ какъ будто полетѣли черны вороны;
А ѿ какъ тутъ остался топеръ Садкѣ да на си-
нѣмъ мори.
А ѿ какъ вѣдъ со страху великаго
А заснулъ Садкѣ на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдъ проснулся Садкѣ купецъ богатый
новгородскій
А ѿ въ Обіанъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозъ воду цекетъ красно сол-
нушко,
А какъ вѣдъ очудилась (такъ) возлѣ полата бѣло-
каменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣловаменну,
А ѿ сидитъ топеръ какъ во полатушкахъ
А ѿ какъ Царь-то Морской топеръ на гусли вѣдъ,
А ѿ говорилъ Царь-то Морской таковы слова:
— А ѿ какъ здравствуйте купецъ богатый,
— Садкѣ да новгородскій!
— А ѿ какъ сколько ни по морю ѣдилъ ты,
— А ѿ какъ Морскому Царю данн не плачивалъ
въ синѣ морѣ,
— А ѿ топеръ ужъ самъ весь пришолъ ко мнѣ
да во подарочкахъ.

— Ахъ скажутъ, ты мастёръ играть во гусли во
яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты. —
А какъ тутъ Садкѣ видитъ, въ синѣмъ морѣ дѣ-
лать нечего,
Принужоуъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А ѿ какъ началъ играть Садкѣ какъ во гусли во
яровчаты,
А какъ началъ плясать Царь Морской топеръ въ
синѣмъ мори,
А отъ него сколебалосе все синѣ морѣ
А сходиласе волна да на синѣмъ мори,
А ѿ какъ сталъ онъ разбивать много черныхъ ка-
раблей да на синѣмъ мори,
А ѿ какъ много стало вѣдъ тонуть народу да въ
синѣ морѣ,
А ѿ какъ много стало гинуть имѣнница да въ
синѣ морѣ.
А какъ топеръ на синѣмъ мори многи люди добрыи,
А ѿ какъ многи вѣдъ да люди православныи,
Отъ желанница какъ молятся Микола да Можай-
скому,
А ѿ чтобы повыпесъ Микудай ихъ угодникъ изъ
синіи моря.
А какъ тутъ Садка новгородскаго какъ чѣснѣло въ
плечо да во правое,
А ѿ какъ обернулся назадъ Садкѣ купецъ бога-
тый новгородскій, —
А стоитъ какъ топеръ старичокъ да назадъ ужъ
какъ бѣлнн сѣдатыи,
А ѿ какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
«А ѿ какъ полно те играть, Садкѣ, во гусли во
яровчаты въ синѣмъ мори!»
А ѿ говоритъ Садкѣ какъ намѣсто таковы слова:
— А ѿ топеръ у мя не своя воля да въ синѣмъ
мори,
— Заставлятъ какъ играть мѣня Царь Морской. —
А ѿ говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы
слова:
«А ѿ какъ ты, Садкѣ купецъ богатый новгородскій,
«А ѿ какъ ты струночки новырви-ко,
«Какъ шпинѣчки повѣломай,
«А ѿ какъ ты скажи топеръ Царю Морскому вѣдъ:
«А ѿ у мя струнъ не случилосе,
«Шпинѣчковъ у мя не пригодилосе,
«А ѿ какъ болѣ играть у мя не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А ѿ не угодно ли тебѣ Садкѣ жениться въ си-
нѣмъ мори
«А ѿ на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А ѿ какъ ты скажи ему топеръ да въ синѣмъ мори,

«А ѿ сважи: Царь Морской, какъ воля твоя топерь
въ снѣмъ мори,

«А ѿ какъ что ты знашь, то и дѣлай-бо.

«А ѿ какъ онъ скажетъ тебѣ да топеречку:

«А ѿ зѣутра ты приготовайся-твое,

«А ѿ Садке купецъ богатый новгородскій,

«А ѿ выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвицу себѣ по
уму по разуму,

«Такъ ты смотри, перво триста дѣвиць ты стадо
пропусти,

«А ты другое триста дѣвиць ты стадо пропусти,

«А какъ третье триста дѣвиць ты стадо про-
пусти,

«А въ томъ стади на конци на остатнѣемъ

«А ѿ идетъ какъ дѣвица красавица,

«А по фамилиі какъ Чернава-то:

«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;

«А ѿ тогда ты Садке да счастливъ будешь.

«А ѿ какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,

«А смотри, не твори блудѣ никакого-то

«Съ той дѣвицей со Чернавою.

«Какъ проснешься тутъ ты въ снѣмъ мори,

«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,

«А о ту о риченку о Чернаву-ту.

«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ снѣмъ
мори,

«Такъ ты останешься на вѣки да въ снѣмъ мори.

«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,

«Да во своемъ да ты да во городи,

«А ѿ тогда построй ты церковь соборную

«Да Николы да Можайскому,

«А ѿ какъ есть я Микола Можайскій.»

А какъ тутъ потерялся топерь старичокъ да сѣ-
датый.

А ѿ какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій
въ снѣмъ мори

А ѿ какъ струпочки онъ повѣриваль,

Шпинѣчки у гусѣлышекъ повломаль,

А не сталъ вѣдь онъ болѣ прати во гусли во
яровчаты.

А ѿ остоялся какъ Царь Морской,

Не сталъ плясать онъ топерь въ снѣмъ мори.

А ѿ какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:

— А что же не играшь, Садке купецъ богатый
новгородскій,

— А ѿ во гусли вѣдь да во яровчаты? —

А ѿ говорилъ Садке таковы слова:

«А ѿ топерь струпочки какъ я повѣриваль,

«Шпинѣчки я повломаль,

«А у мепя болѣ съ собой ничего да не случилось.»

А ѿ какъ говорилъ Царь Морской:

— Не угодно ли тебѣ женитися, Садке, въ снѣмъ
мори,

— А ѿ какъ вѣдь на душемѣ на красной да на
дѣвушкѣ? —

А ѿ какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:

«А ѿ топерь какъ волюшка твоя надо мной въ
снѣмъ мори.»

А ѿ какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:

— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскій!

— А ѿ зѣутра выбирай себѣ дѣвицу да красавицу

— По уму себѣ да по разуму. —

А ѿ какъ дошло дѣло до утра вѣдь до раннаго,

А ѿ какъ сталъ Садке купецъ богатый новгород-
скій,

А ѿ какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвицы красавицы,

А ѿ посмотритъ, стоить ужъ какъ Царь Морской.

А ѿ какъ триста дѣвиць повели мимо ихъ-то вѣдь,

А онъ-то перво триста дѣвиць да стадо пропу-
стилъ,

А друго онъ триста дѣвиць да стадо пропустилъ,

А ѿ третье онъ триста дѣвиць да стадо пропу-
стилъ.

А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,

А ѿ по фамилиі что какъ зовуть Чернавою.

А онъ ту Чернаву любоваль, брать за себя во
замужество.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы
слова:

— А ѿ какъ ты умѣлъ да женитися, Садке, въ снѣ-
мъ мори. —

А топерь какъ пошло у нихъ столованье да по-
честень ширь въ снѣмъ мори,

А ѿ какъ тутъ прошло у нихъ столованье да по-
честень ширь,

А какъ тутъ ложился спать Садкѣ купецъ бога-
тый новгородскій

А въ снѣмъ мори онъ съ дѣвицей съ красавицей,

А во спальней онъ да во теплой;

А ѿ не творилъ съ нѣй блудѣ никакова, да заснулъ
въ сонѣ во крѣпкѣи.

А ѿ какъ онъ проснулся Садкѣ купецъ богатый
новгородскій,

Ажно очудился Садкѣ во своемъ да во городи,

О рѣву о Чернаву на крутомъ кряжу.

А ѿ какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжать по Волхову

А свои да черныи да карабли,

А какъ вѣдь дружишка какъ хоробрая

А помнаютъ вѣдь Садка въ снѣмъ мори,

А ѿ Садка купца богатаго да жена его

А помнать Садка со всей дружиною хороброю.

А какъ тутъ увидла дружишка.

Что стоитъ Садкѣ на крутомъ кряжу да о Волхово,
 А ѿ какъ тутъ дружинишка вся она рочудоваласе,
 А ѿ какъ тому чуду вѣдь сдивоваласе,
 Что оставили мы Садка да на синѣмъ мори,
 А Садкѣ впереди насъ да во своемъ во городи.
 А ѿ какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѣ дружинишку хо-
 робрую,

Вси черные тутъ кáрабли,
 А какъ топерь поздоровкались,
 Пошли во полаты Садка купца богатаго.
 А какъ онъ топеречку здоровкался со своею съ
 молодой женой.

А ѿ топерь какъ онъ послѣ этого
 А ѿ повыгрузилъ онъ со кáраблей
 А какъ всё своё да онъ имѣннико,
 А ѿ повыкатилъ какъ ёнъ всю свою да несчётну
 золоту казну.

А ѿ топерь какъ на свою онъ несчетну золоту
 казну

А ѿ какъ сдѣлалъ церковь соборную
 Николы да Можайскому,
 А ѿ какъ дрúгую церковь сдѣлалъ Пресвятин
 Богородицы.

А ѿ топерь какъ вѣдь да послѣ этого
 А ѿ какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
 А ѿ о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;
 А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синѣ морѣ,
 А ѿ какъ сталъ проживать во своемъ да онъ во
 городи.

А ѿ топерь какъ вѣдь да послѣ этого
 А ѿ тóму да всему да славы поють.

Записано тамъ же, 1 августа.

—
 71.

НАЪЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А ѿ какъ у Чембáла короля у литовскаго
 А ѿ какъ былъ столованье почестенъ пирь,
 А для своихъ какъ для пáповѣвъ для улáновѣвъ,
 А для бурзѣвъ погалынхъ татаровѣвъ.
 А ѿ какъ вси на пиру напивалисе,
 А ѿ какъ вси на пиру да наѣдалисе,
 А ѿ пофальбамы всё пофалалисе.
 А ѿ какъ вѣдь король по колатушкамъ какъ по-
 хаживать,
 А ѿ король какъ увидѣлъ за тымá столами дубо-
 выма,

А ѿ увидѣлъ ёнъ, сидятъ два любезныхъ пле-
 мянника,

А ѿ не пьютъ да не кушаютъ,
 Бѣлой лебеди да не рушаютъ,
 А сидятъ, повѣшены буйныя головушки
 А ѿ пониже своихъ плечъ могучинхъ,
 А ѿ притуплены очушки ясны въ киричной полъ,
 Призадумались удáлы добры мóлодцы.
 А говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ
 дядюшка,

А ѿ Чембалъ король да литовскій:
 «А ѿ же вы два витничка два совѣтничка,
 «А ѿ два любезныхъ королевскихъ да племян-
 ника!»

«А ѿ сидите за столами дубовыма,
 «А ѿ какъ не пьете вы не кúшаете,
 «Бѣлой лебеди вы не рúшаете,
 «А ѿ повѣсили буйныя головы ниже плечъ своихъ
 могучинхъ,
 «А ѿ притупили какъ очушки ясны во кирич-
 ной полъ.

«А развѣ вамъ какъ напточки мон не по праву-то,
 «А ѣствы мон не по обычаю,
 «Али мужикъ деревенщина
 «А обнесъ васъ словами да нехорошима,
 «Али вы каку ни незгодушку свѣдали
 «А ѿ надъ своей да надъ буйной головушкой,
 «Али вы какъ да въ чистómъ поли
 «Аль слышали рать-силу каку нибудь великую?»
 А ѿ они говорятъ ему таковы слова:

— А ѿ же ты родитель ты нашъ дядюшка,
 — А ѿ Чембалъ король да ты литовскій!
 — Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина
 — Не обнесъ насъ словами нехорошима,
 — Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,
 — А никакой рать-силы великин да не слышали
 — А ѿ какъ мы да въ чистómъ поли;
 — А ѿ какъ ѣствы намъ всё по праву-то,
 — А ѿ напточки да по обычаю, —
 — А ѿ какъ только не можемъ боль терпѣть славы
 да великин

— А ѿ про князя Романа Митриѣвича:
 — А ѿ про его слава пде да великая
 — А ѿ по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,
 — А ѿ по всимъ чужимъ дальнимъ сторопушкамъ.
 — А ѿ родитель ты нашъ дядюшка,
 — А ѿ Чембалъ король да литовскій!
 — А ѿ давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,
 — А ѿ поѣдемъ мы на свягую Русь,
 — А ко князю Роману Митриѣвичу,
 — А подъ матушку славну камениú Москву. —

А ѿ говорилъ имъ ужъ какъ дядюшка:
 «Ай же вы два любезныи племянника!
 «А у мя была пора-сила великая,
 «Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
 «А ко князю Роману Митріевичу,
 «А ѿ потому что я да слыхалъ топерь,
 «А ѿ какъ князь Романъ Митрѣвичъ,
 «А во матушки славной каменной Москвы,
 «А вакъ ѣнъ да хитѣръ мудѣръ,
 «А какъ знатъ язѣки какъ ужъ птнчѣи,
 «Знатъ ѣнъ язѣки какъ вранѣиши,
 «А какъ ѣнъ мастеръ вѣдъ по полямъ скакать,
 «А ѿ по полямъ скакать да оиъ сѣрѣмъ волкомъ,
 «А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ во-
 ромомъ,
 «А по крутымъ горамъ скакать чернѣмъ да гор-
 носталоушкомъ,
 «А ѿ какъ по синѣмъ морямъ плавать сѣрой
 утушкой:
 «Такъ вѣдъ я терѣлъ славу ужъ какъ вѣкъ по
 вѣку,
 «А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
 «А ѿ какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
 «А вакъ силушки важивали,
 «А взадъ ужъ какъ силушки ввѣкъ не вываживали.
 «А ѿ какъ я дамъ вамъ силы вѣдъ сорокъ тысячей,
 «А вакъ силу-войско все вѣдъ латничковъ я коль-
 чужничковъ,
 «А силу-войско на добрѣхъ коняхъ,
 «А поѣжайте-тко во землю во Лимоньскую,
 «А ѿ какъ та земля есть пребогатѣюща,
 «А ѿ какъ въ той земли много есть красного
 золота,
 «А ѿ какъ въ той земли много есть да чиста сѣ-
 ребра,
 «А ѿ какъ много есть мелкаго скатняго да жем-
 чугу,
 «А силы-рати въ ней мало можется:
 «А ѿ какъ можете тую землю въ полонъ-то взять.»
 А ѿ любезныи племянники да согласилисе.
 А ѿ какъ давалъ вѣдъ имъ дядюшка
 А Чембаль король литовскій
 А ѿ какъ силушки сорокъ тысячей,
 А ѿ какъ силушку войско вѣдъ на добрѣхъ коняхъ,
 А ѿ все латничковъ все кольчужничковъ,
 А ѿ отпущалъ ихъ во землю вѣдъ да во Лимонь-
 скую.
 А ѿ какъ отравились оны да поѣхали
 А со всей со ратью со силой великою;
 А ѿ какъ сѣхали во землю вѣдъ во Лимоньскую,
 А тую землю всю въ полонъ взяли,

А ѿ самого короля предали смерти да злою вѣдъ.
 А ѿ какъ съ той земли со Лимоньскіей
 А какъ погнали добрѣхъ коней
 А стадѣ-ты стадами вѣдъ,
 А ѿ повели какъ добрыхъ молодцевъ
 А рядѣ-ты рядами вѣдъ;
 А ѿ какъ вели молодыхъ молодушокъ,
 А какъ красивыхъ дѣвушокъ,
 А ѿ повели оны толпѣцами.
 А ѿ какъ красного золота,
 А ѿ какъ чистаго да сѣребра,
 А ѿ какъ мелкаго скатняго да жемчугу
 А покатили многи телѣги да орднѣиши.
 А какъ выѣхали на славное чисто полѣ,
 А ѿ какъ на чистомъ полѣ пороздумались:
 А однакоже вышла намъ путь счастливая!
 А ѿ два брата вѣдъ два родимыхъ,
 А ѿ два любезныхъ королевскѣхъ племянника,
 А ѿ говоря какъ самы промѣжъ собой:
 — А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
 — А ѿ поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
 — А ѿ подъ матушку славную каменную Москву,
 — А ко князю Роману Митріевичу. —
 А ѿ какъ взяли оны да отправились,
 А ѿ прѣехали какъ подъ матушку славную каменную
 Москву.
 А подъ той какъ подъ матушкой славной камен-
 ной Москвой
 А розбили четыре села да что ни лучшѣхъ,
 А какъ перво село Лягово,
 А какъ друго село Коротяево,
 А какъ третье село Карачаево,
 А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
 А у князя Романа Митрѣвича
 А ѿ убили зятя любезнаго,
 А ѿ увезли Настасью вѣдъ да Митрѣвичу
 А ѿ со любезной какъ со плѣнничкой съ трехъ
 да мѣсячной.
 А ѿ увезли оны какъ ко рубежу ко московскому,
 А ѿ какъ тутъ роздѣрнули шатры оны да шолковы,
 А ѿ какъ начали стоять добры молодцы,
 А дожидаютъ какъ осени богатней хлѣбородней:
 А ѿ будетъ боранъ тучѣнъ, да овѣсь ядрѣпъ,
 А ѿ когда повырастутъ пшеницы вѣдъ да бѣлоярыи,
 А ѿ тогда оны грозятся какъ заѣхати
 А ѿ во матушку славную каменную Москву,
 А ко князю Роману вѣдъ да Митрѣвичу.
 А ѿ говорятъ какъ самы промѣжъ собой:
 — А ѿ московскій князь Романъ Митрѣвичъ
 — А ѿ не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлѣ
 очи! —

А ѿ матушки славной каменной Москвы
 А у князя Романа Митриѣвича
 А какъ былъ забранъ столовапье почестень пирь,
 А ѿ какъ для ради своего силы-войска великаго,
 А ѿ какъ для ради своихъ сильныхъ могучихъ
 богатырей;
 А какъ пьеть-то онъ, кушать, проклаждается,
 А ѿ незгодушки великин да не начается.
 А какъ летитъ вѣронъ черныи мимо подѣконьѣ,
 А ѿ садился какъ супротѣвъ князя Романа Ми-
 триѣвича
 А ѿ какъ воронъ во садъ да во зеленыйи,
 А ѿ какъ ѣтъ на яблонь на кудрявую;
 А ѿ грае воронъ вѣдъ да по враниному:
 «Ай же ты московскій князь Романъ Митрьев-
 вичъ!
 «Пьешь ты, кушаешь вѣдъ да проклаждаешься,
 «А ѿ надъ собой незгодушки да не начаясь!
 «А ѿ отъ Чембала короля отъ литовскаго
 «А ѿ паѣхало два любезныхъ два племянника
 «А ѿ подъ матушку славную каменную Москву,
 «А ѿ розбили твои четыре села да что ни луч-
 шихъ:
 «А перво село ужъ какъ Лягово,
 «А друго какъ село да Коротяево,
 «А ѿ какъ третье село да Карачаево,
 «А четвертое село да Косы-улицы,
 «А ѿ убили твоего зятя любезнаго,
 «А увезли твою сестрицу родимую,
 «А ѿ какъ вѣдъ Настасью вѣдъ да Митриѣвичу,
 «А со своимъ да со младенчикомъ,
 «А со младенчикомъ съ трѣхъ да мѣсячнымъ,
 «А ѿ ко рубежу ко московскому.
 «А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
 «А ѿ какъ спущены у ихъ добрыи кони
 «А во вашии во травки во шолковы,
 «А во вашии ишеницы вѣдъ да бѣлоярыи.
 «А ѿ дождяють осени какъ богатей хлѣбород-
 нней;
 «А ѿ когда вѣдъ будетъ боранъ тучѣнъ да овесъ
 ядрѣтъ,
 «А ѿ повыростутъ ишеницы бѣлоярыи,
 «А тогда еще грозятся заѣхати
 «А ѿ во матушку славную каменную Москву;
 «А еще говорятъ ѣны самы промежь собой:
 «А что московскій князь Романъ Митрьевичъ
 «А не смѣтъ намъ показаться на свѣтлѣи очн.»
 А какъ тутъ московскій князь Романъ Митрьев-
 вичъ
 А ѿ ставалъ какъ онъ да на рѣзвѣи поги,
 А ѿ говорилъ онъ таковы слова:

— А ѿ же сила вы сила какъ любезная войско
 сорокъ тысячей,
 — А всѣ князи бояра вѣдъ,
 — А сенаторы мои да думныи!
 — А пьетѣ, кушаете, проклаждаетесь,
 — А ѿ надъ собой незгодушки какъ не начается.
 — А получили я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку
 перадоству,
 — А какъ вѣсть-то я пехоршую:
 — А вѣдъ отъ Чембала короля отъ литовскаго
 — А ѿ паѣхало два любезныхъ два племянника,
 — А ѿ подъ нашу матушку славную каменную Мо-
 скву,
 — А ѿ розбили наши четыре села да что ни луч-
 шихъ:
 — А перво село ужъ какъ Лягово,
 — А друго какъ село да Коротяево,
 — А ѿ какъ третье село да Карачаево,
 — А четвертое село да Косы-улицы,
 — А ѿ убили моего зятя любезнаго,
 — А увезли мою сестрицу родимую,
 — А ѿ какъ вѣдъ Настасью вѣдъ да Митриѣвичу,
 — А со своимъ да со младенчикомъ,
 — А со младенчикомъ съ трѣхъ да мѣсячнымъ.
 — А ѿ ко рубежу ко московскому.
 — А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
 — А ѿ какъ спущены у ихъ добрыи кони
 — А во нашии во травки во шолковы,
 — А во нашии ишеницы вѣдъ да бѣлоярыи,
 — А ѿ дождяють осени какъ богатей хлѣбо-
 родней;
 — А ѿ когда вѣдъ будетъ боранъ тучѣнъ да овесъ
 ядрѣтъ,
 — А ѿ повыростутъ ишеницы бѣлоярыи,
 — А тогда еще грозятся заѣхати
 — А ѿ во матушку славную каменную Москву.
 — Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
 — А какъ сила войско латинчики все кольчужники.
 — А сила войско все на добрыхъ коняхъ!
 — А вы сѣдайте-тко да уздайте добрыхъ коней
 — А ѿ крѣпко-на-крѣпко туго-на-туго,
 — А поѣдемъ мы за имѣ вслѣдъ топерь съ уговою,
 — А ѿ чтобы королевская какъ щепядъ да бѣло-
 губая
 — А чтобы ѣна могла да нами фастати,
 — А ѿ какъ фастати нашей матушкой славной ка-
 менной Москвой!
 — А топерь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ уго-
 вую. —
 А сила войско все сорокъ тысячей
 А сѣдали уздали добрыхъ коней,

А ѣ туго-па-туго крѣико-на-крѣико,
 А какъ всѣ садилисе на добрыхъ коней,
 А ѣ поѣхали вслѣдъ съ угоною;
 А ѣ какъ всѣ они да отправились,
 А отправился московскій съ нимá князь Рóманъ
 Митрьевичъ.

А приѣзжали какъ они ко рѣки да ко Березины,
 А ѣ какъ вѣдъ московскій князь Рóманъ Митрьевичъ

А приушаль да свою силушку
 А какъ пить да ко рѣки ко Березины,
 А начала сила пить во рѣки во Березины,
 А ѣ какъ сила пила во рѣки во Березины,
 А какъ смотреть на силушку
 А ѣ московскій князь Рóманъ Митрьевичъ:
 А какъ ина сила пьетъ да нападкою,
 А ина сила пьетъ шоломамы да черпушками.
 А ѣ московскій князь Рóманъ Митрьевичъ
 А ѣ говорилъ ёнъ да таковы слова
 А силы любезною:

— Аѣ же сила моя вы любезная,
 — А сила войско сорокъ тысячей!
 — А ѣ котора сила пила нападкою,
 — А поѣзжайте-тко а ѣ взадъ да во матушку славную
 каменнѣ Москву,
 — А ѣ той силушки на бою да мертвой-то быть.—
 А ѣ котора сила пила шоломамы черпушками,
 А ѣ какъ тую силу за собой-то бралъ,
 А ѣ какъ выѣхаль онъ на далѣчо на далѣчо на
 чистó полѣ,

Становиль свою силу на чистомъ поли,
 А ѣ какъ самъ своей силы ёнъ наказываль:
 — Аѣ же сила любезная моя, войско сорокъ ты-
 сячей!

— А ѣ вы какъ кормите-тко вы добрыхъ коней,
 — А не травками вы не шóлковма (*такъ*),
 — А ѣ кормите-тко пшеницами да бѣлоярыма,
 — А сами слушайте:

— А ѣ заграю я первой наконъ да по врани-
 ному, —

— А ѣ какъ да сѣдлайте-тко уздайте-тко добрыхъ
 коней;

— А заграю я какъ второй наконъ по врани-
 ному, —

— А какъ вы пригóтовляйтесь-ко;

— А ѣ заграю третей наконъ какъ я по врани-
 ному, —

— А какъ ѣдьте-ко скорымъ скорó, скоро-на-скоро,

— А ѣ заставайте-ко меня во живнóстяхъ. —

А ѣ какъ самъ обернулся онъ чернымъ ворономъ,
 Полетѣль какъ онъ да по чистѣ полю,

А прилеталь какъ онъ ко рубежу ко московскому;
 А ѣ какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да по-
 роздѣрнуты,

А тамъ у ихъ добры кони пороспущены,
 Пороспущены да по чистѣ полю;

А ѣ у ихъ вѣдъ сабелки какъ порозмѣтаны,

А какъ оружія порозмѣтаны;

А какъ копынца вострыи порозмѣтаны,

А ѣ туги луки порозмѣтаны,

А ѣ какъ сила крѣико спитъ да не пробудится.

А ѣ какъ вѣдъ московскій-князь Рóманъ Митрьевичъ

А ѣ какъ óбвернулся ёнъ да сѣрымъ волкомъ,

А ѣ какъ началъ ёнъ гонять ихнихъ добрыхъ
 коней,

А ѣ какъ началъ гонять да по чистѣ полю,

А у ихнихъ горлышка ёнъ повиравль вѣдъ,

А ихнихъ загалъ во рѣку да во Березину.

А ѣ потомъ какъ обернулся онъ тонкимъ бѣлымъ
 да горпосталюшкомъ,

А ѣ заскакиваль къ нимъ онъ во шатрики,

А ѣ какъ тамъ топерь онъ у тугихъ луковъ

А ѣ тетивочки какъ онъ да повиѣль вѣдъ,

А у копынцовъ конечки да всѣ повиломаль,

У оружіевъ кремешки да всѣ повивертѣль,

А у сабелокъ всѣ острѣнца повищипаль.

А ѣ какъ племничка трехъ да мѣсячна

А провѣщиплась изымкомъ она да по хорошему:

«Аѣ же ты родитель моя да матушка,

«А ѣ Настасья Митриѣвична!

«А твой братецъ любезный, .

«А какъ мой родитель да какъ дядюшка,

«А московскій князь Романъ Митрьевичъ

«А поскакива онъ по шатрику

«Тонкимъ бѣлымъ да горпосталюшкомъ,

«А выручае насъ со полоу ёнъ великаго.»

А ѣ какъ тутъ услышали два любезныхъ коро-
 левскихъ

А два любезныхъ два племянника,

А какъ говорятъ сами вѣдъ таковы слова:

— А ставай-ка наша сила войско великоѣ,

— А скорымъ скоро да скоро-на-скоро,

— А имайте горпосталюшка да во шатрикахъ!—

А начали имать горпосталюшка да во шатрикахъ,

А ѣ начали да закидывать

А ѣ какъ шубками его да соболыма,

А ѣ какъ онъ по шубонокъ, по рукавичку,

А ѣ какъ онъ по выскакиваль да онъ на улушку.

А ѣ какъ тамъ обернулся онъ да чернымъ во-
 рономъ,

А ѣ какъ бы летѣль онъ на сѣрой дубъ,

А ѿ какъ заграялъ онъ да во всю голову,
 А ѿ заграялъ онъ да по враниному.
 А ѿ какъ сила его топерь да услышала,
 А сѣдлають уздають добрыхъ коней.
 А ѿ говорятъ два любезныхъ племянника,
 А ѿ два любезныхъ королевскихъ,
 А ѿ Чембала короля да литовскаго,
 А ѿ говорятъ оны таковы слова:
 — А ѿ не грай, не грай, московскій князь Рó-
 манъ Митрѣвичъ,
 — А ѿ какъ ты на сырѣмъ дубу,
 — На сырѣмъ дубу да чернымъ ворономъ!
 — А ѿ мы натянемъ какъ свои да туги луки,
 — А ѿ мы кладѣмъ свои каленіи стрѣлы,
 — А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
 — А ѿ роспустимъ твое перье по чисту полю,
 — А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
 — Предаемъ ти смерть ужъ какъ въ чистѣмъ
 поли. —
 А ѿ какъ онъ заграялъ вѣдъ второй наконъ по
 враниному,
 А ѿ какъ сила его топерь услышала,
 А ѿ какъ началъ вѣдъ садиться да на добрыхъ коней,
 А ѿ какъ начали приготовлятися.
 А ѿ какъ говорятъ-то вѣдъ два любезныхъ коро-
 левскихъ племянника:
 — А не грай, не грай, какъ московскій
 — А князь Рóманъ Митрѣвичъ чернымъ воро-
 помъ,
 — А какъ по враниному на сырѣмъ дубу!
 — А какъ мы натянемъ свои да туги луки,
 — А ѿ мы кладѣмъ свои каленіи стрѣлы,
 — А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
 — А ѿ роспустимъ твое перье по чисту полю,
 — А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
 — А предамъ ти смерть какъ мы скорую. —
 А ѿ заграялъ онъ третей наконъ да по враниному,
 А ѿ какъ сила его топерь да услышала,
 А ѿ какъ вѣдъ поѣхали скорымъ скорѣ, скоро-на-
 скоро.
 Приѣзжали какъ къ Литвы да поганей,
 А ѿ какъ начали рубить оны Литву да поганую.
 А ѿ какъ тутъ какъ сила да невѣрная,
 А ѿ какъ сила вѣдъ да литовская,
 А хваталася сила вѣдъ да за туги луки, —
 А у тугихъ луковъ тетивочки всѣ повѣдени;
 А ѿ какъ сила хваталася за копыща, —
 А у копыщевъ конечки всѣ повѣломаны;
 А сила хваталася за оружіе, —
 А ѿ у оружіевъ кремешки всѣ повѣверчены;
 А сила хваталася за востры за сабелки, —

А ѿ у сабелокъ всѣ острѣнца какъ повѣщипаны.
 А ѿ тою порою тымъ какъ времечкомъ
 А пресѣкли всю силушку литовскую,
 А ѿ какъ изымали двухъ королевскихъ племян-
 никовъ.
 А ѿ большому брату конали вѣдъ со лба да очн
 ясныи,
 А ѿ меньшому отрубили поги рѣзвыи,
 А ѿ сажали безногаго на безглазаго,
 А ѿ отпущали во землю вѣдъ да во литовскую,
 А къ Чембалу къ королю ко литовскому.
 А ѿ сказалъ московскій князь Романъ Митрѣвичъ
 таковы слова:
 «А ѿ же вы любезныхъ два королевскихъ пле-
 мянника!
 «Сойдетѣ въ свою землю во литовскую,
 «А къ своему ужъ къ дядюшкѣ
 «Къ Чембалу королю ко литовскому,
 «А скажите-тко ему таковы слова:
 «А что московскій князь Рóманъ Митрѣвичъ
 «А какъ старостью ѣпъ не старѣетъ,
 «А ѿ голова его не сѣдатѣтъ,
 «А сердце его да не ржавѣтъ,
 «А слава ему вѣкъ по вѣку да не минуется.»
 А ѿ какъ тутъ отправились два любезныхъ ко-
 ролевскихъ племянника
 А въ свою землю во литовскую.
 А какъ князь Рóманъ Митрѣвичъ
 Со своей онъ со силою
 А отправился во матушку славну каменну Москву.
 А ѿ какъ тутъ два любезныхъ королевскихъ два
 племянника
 А ѿ приходили какъ къ родителю ко дядюшкѣ,
 А къ Чембалу королю да ко литовскому.
 А увидѣлъ ихъ какъ дядюшка Чембалъ король
 литовскій
 А какъ двухъ своихъ любезныхъ племянниковъ,
 А приѣхалъ какъ безногой на безглазѣмъ,
 А ѿ какъ самъ говорилъ какъ имъ таковы слова:
 — А ѿ же вы два любезныхъ моихъ да два пле-
 мянника!
 — А какъ я говорилъ, что не идите-тко на славную
 на святую Русь
 — А ѿ подъ матушку славну каменну Москву,
 — А ѿ ко князю Роману вы да Митрѣвичу,
 — А ѿ какъ князь Рóманъ Митрѣвичъ на святой
 Руси хитѣрь-мудѣрь,
 — А что не вынести вамъ съ Русеюшки голову-
 шокъ.
 — А какъ сколько ни па святую Русь какъ ѣз-
 живано,

— А ѿ какъ на святую Русь силы важивано,
 — А ѿ со святой Русей силы взадъ не вываживали,
 — А не бѣзъ чего *) отъ князя Рѣмана Митриѣ-
 вича! —

А ѿ говорили вѣдъ два любезныхъ королевски-
 ихъ племянника:

«А ѿ родитель ты нашъ дядюшка,
 «А Чембалъ король литовскій!
 «А ѿ казни васъ казенью своеручною,
 «А ѿ конай-ко насъ во матушку сыру землю,
 «А не можемъ мы болѣ терпѣть безчестья да ве-
 ликаго,

«А, что мы со святой Руси
 «А прѣхалъ какъ безногой на безглазоѣмъ!»
 А какъ дядюшка Чембалъ король да литовскій,
 А хоша жалко было, только вѣдъ казнилъ своихъ
 племянниковъ

А своей казенью да своеручною,
 А копать какъ ихъ во матушку сыру землю,
 Хоронилъ ихъ со славою великою.
 А ѿ какъ двумъ королевскимъ да племянникамъ
 А топерь да имъ славы поють.
 А Дунай Дунай да болѣ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволоктѣ
 на Водлозерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

А ѿ на гоѣмъ вѣдъ на полѣ на турецкоѣмъ
 А ѿ какъ вѣдъ сбиралосе какъ събѣжалосе
 А ѿ какъ много сильныхъ могучихъ какъ богатырей,
 А ѿ какъ тридцать богатырей со единымъ;
 А ѿ единыи былъ богатырь-отъ
 Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.
 А спустилися оны какъ съ добрыхъ коней,
 А ѿ какъ вѣдъ сядилисе на лужокъ на зеленыйи,
 А ѿ сядилисе да бесѣдовать.
 А ѿ какъ стали тутъ они топерь розсужать про-
 межъ собой,
 А ѿ какъ кто гдѣ бывалъ удалый добрый молодець,
 А ѿ кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой
 орды,
 А кто гдѣ-ка билъ поганыхъ татаровѣвъ,

*) т. е. недавно.

А ѿ кто билъ поганыхъ пдѣлшцовъ.
 А ѿ какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасье-
 вичъ
 А ѿ какъ рѣчь оны отъ сильныхъ богатырей,
 А ѿ какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
 «А ѿ же вы какъ сильнии могучии вы богатыри!
 «А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжело вѣдъ,
 «Вѣдъ убили много буйныхъ головушекъ пона-
 прасно вѣдъ,
 «А пролили крови да горючіей.
 «А ѿ согласны ли вы что да я вамъ скажу:
 «А ѿ не лучше ли забросить топерь войско намъ
 великое,
 «А ѿ какъ ѣздить намъ да по чисту полю, —
 «А ѿ какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросѣлму,
 «Ко святой святини Богу помолитисе,
 «Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
 «А во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
 «Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
 «А столько *), вы сильнии вы богатыри,
 «А въ томъ власть надо намъ заповѣдъ себѣ ве-
 ликая,
 «А ѿ чтобы не красть намъ да бы не воровать,
 «А ѿ на женскую прелесть не упадывать,
 «И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ
 да богатырскихъ.
 «А ѿ кто станетъ красть либо воровать,
 «А ѿ на женскую прелесть да упадывать,
 «А либо кровавить да руку вѣдъ богатырскую,
 «А ѿ такому по колѣнъ отрубить да поги рѣзвыи,
 «По лобѣтъ отсѣчь да руки бѣлые,
 «А со лба какъ копать да очи ясные,
 «А тянуть ѣму какъ языкъ теперь со теменн,
 «А ѿ копать по грудямъ какъ во матушку сыру
 землю.»
 А ѿ какъ оны всеъ тому дѣлу не устрашилисе,
 Оны всеъ согласилисе.
 А какъ оны да спустили добрыхъ коней
 А во травки во шолковы
 А ѿ на ты поля да на чистыя,
 А ѿ самы надѣвали какъ платья каліцкія,
 Какъ тутъ оны клдывали да подсумки,
 А ѿ подсумки да калічьи,
 На свои плеча вѣдъ да богатырскія,
 А ѿ какъ брали оны по вьюки по дорожной,
 А ѿ какъ тутъ оны да отправилися,
 А ѿ какъ вѣдъ пошли какъ удалы добры молодцы
 А ѿ ко граду вѣдъ да Еросѣлму.
 А ѿ какъ встрѣтили какъ въ чистомъ поли

*) т. е. только.

А ѿ какъ солнышка князя да Владиміра,
 А ѿ какъ сами вѣдь топерь говорятъ таковы слова:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевской!
 — Сотвори-тко намъ ужъ какъ милостиню руко-
 данную благословѣнную,
 — Сорока намъ калыкамъ со одною. —
 А ѿ какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь
 стольне-кіевской:
 «Ай же вы сорокъ калыкъ да со единымъ!»
 «А ѿ у мня хлѣба да соли вѣдь съ собой да не
 случилося,
 «А у мня золотой казы не пригодилося.
 «А ѿ ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
 «А ѿ какъ къ мѣей княгини Апраксія,
 «А она накормитъ напоить-то васъ,
 «А ѿ да вы да ночуйте-тко
 «У мня въ полатахъ княженецкіихъ,
 «А ѿ скажите, что послалъ да солнышко Влади-
 міръ князь
 «Насъ изъ чиста поля.»
 А оны пошли какъ отирались во городъ во
 Кіев-отъ,
 А ѿ пришли какъ ко князю на шірокъ дворъ,
 А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкія,
 А ѿ какъ вѣдь говорятъ сами-то таковы слова:
 — Ай же ты княгиня Апраксія!
 — А ѿ какъ послалъ васъ изъ чиста поля
 — А ѿ какъ солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевской,
 — А ѿ какъ онъ велѣлъ накормитъ напоить тебѣ,
 — А ѿ мы будѣмъ да почевать топерь. —
 А ѿ какъ она вѣдь скорымъ скорд, скоро-на-скоро
 Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
 Наноситъ фетовъ сахаріинхъ,
 Наноситъ какъ напштковъ да медвяннихъ.
 А ѿ какъ тутъ наѣлись да накушались
 А ѿ какъ сорокъ калыкъ да со калыкою,
 А ѿ какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за
 дубовыхъ,
 А ѿ топерь спать оны ложилися.
 А ѿ какъ тутъ все ихъ замчала княгиня Апраксія,
 А ѿ что одинъ изъ артели былъ да прекрасный,
 Что называли его молодой Касьянъ да Офонасье-
 вичъ;
 А ѿ какъ не могла она заснуть во спальни кня-
 женецкоюй;
 А ѿ пришла она да смотритъ топерь,
 А что всѣ ли спя удали добры молодцы,
 А ѿ какъ приходила къ нимъ добрымъ молод-
 цамъ, —

А ѿ какъ всѣ спятъ сорокъ калыкъ да добрыхъ
 молодцовъ,
 А ѿ какъ вѣдь единая калыка не спитъ, да Богу
 молится.
 А ѿ какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
 «Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно Господу Богу молитнсе,
 «А ѿ пора тебѣ спать топерь ложитнсе.
 «А ѿ подемъ со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую,
 «А на тую перину пуховую.»
 А ѿ какъ ѣтъ отвернулся, сказалъ-то ѣй:
 — Ай же ты княгиня Апраксія!
 — А ѿ поди же прочь отъ меня съ добра.
 — Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,
 — Не хочу я сквернить спальни княженецкоюй,
 — Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
 — А ѿ когда я пошоль Богу молитнсе. —
 А ѿ она овернулась, ушла топерь
 А ѿ во спальню вѣдь княженецкую;
 А ѿ не могла да заснуть топерь.
 А оный топерь она пришла какъ къ калыкушки,
 А ѣтъ все не спитъ, да Богу молится.
 А она говоритъ опять ему да таковы слова:
 «Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно те Господу Богу молитнсе,
 «А ѿ пора топерь спать тебѣ ложитнсе.
 «А ѿ подемъ со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую,
 «А ѿ на ту перину пуховую.»
 А ѿ какъ онъ овернулся, сказалъ-то ѣй:
 — Ай же ты княгиня да Апраксія!
 — А ѿ же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня
 да отъ молодца.
 — А ѿ пойду ли я съ тобой во спальню княже-
 нецкую,
 — А ѿ когда пошоль Господу Богу я молитнсе,
 — А ѿ когда клѣдена заповѣдь у насъ да великая,
 — А ѿ не красть да намъ не воровать,
 — А ѿ на женскія прелести не упадивать,
 — А ѿ не кровавитъ да рукъ своихъ да богатыр-
 скіихъ,
 — А ѿ сходить намъ ко граду къ Еросѣлиму,
 — А ѿ какъ Господу Богу помолитнся намъ,
 — Ко Господню гробу приложитнсе,
 — Во Ерданъ рѣкѣ окупатнсе,
 — Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатнсе;
 — А ѿ какъ ежелі стане красть либо воровать,
 — А ѿ на женскую прелестъ упадивать,
 — А ѿ какъ кровавитъ руки да бѣлыя,
 — А ѿ такому по колѣнъ отрубитъ да ноги рѣзвые,

— По локоть отрубить да руки бѣлые,
 — А ѿ со лба какъ копать да очи ясные,
 — А ѿ тянуть намъ языкъ да вѣдь со темени.—
 А она опять какъ поворотилася,
 А ушла опять во спальню она княженецкую.
 А ѿ она еще тому не устращилася,
 А еще она спать да не ложилася,
 А еще пришла ко каллеушки;
 А все какъ калика не спитъ, да Богу молится.
 А ѿ какъ вѣдь она говоритъ таковы слова:
 «Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно те Господу Богу молитисе,
 «А ѿ пора тебѣ спать, смотри, ложитисе.
 «А ѿ подемъ со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую.»

А ѿ какъ онъ отворотился вѣдь добрый молодецъ,
 А ѿ хватилъ свою дубину да дорожную,
 А держалъ онъ замахъ да великинъ,
 А ѿ какъ самъ говорилъ таковы слова:
 — Ай же ты княгиня Апраксія!
 — А ежели ты какъ съ добра не пойдешь топерь,
 — А ударю какъ я дубиной дорожною,
 — А тутъ у мя ты падешь да на кирпичной
 полъ. —

А она топерь какъ тутъ да устращилася,
 А ѿ какъ скоро взадъ поворотилася,
 А ѿ тожно какъ опять сошла во спальню княже-
 нецкую.

А ѿ потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
 Тутъ какъ спать да ѿнъ ложился-то,
 А ѿ заслулъ какъ во сонъ да богатырскій.
 А она тамъ во спальнѣ что удумала
 А ѿ княгиня Апраксія, —
 А ѿ какъ взяла еще вышла со спальни княже-
 нецкѣй,

А пришла она тихошенько,
 А ѿ гдѣ спать какъ удали добры молодцы,
 А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
 А она какъ раньше замѣтила
 А у мѡлода Касьяна Офонасьева,
 А что у его былъ какъ подсумокъ,
 А ѿ какъ лыту (такъ) бархату краснаго;
 А ѿ какъ взяла распорола ужъ его какъ подсумокъ,
 Кладывала туди чашу княженецкую,
 А ѿ зашла какъ бархатней подсумокъ,
 А ѿ потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
 А потомъ прошло времечко да до утрѣя,
 А ѿ ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
 А ѿ какъ начали оны обуватисе, умыватисе,
 А ѿ какъ начали Господу Богу да молитисе.
 А ѿ потомъ какъ княгиня Апраксія

Приказала поставить столы она дубовые,
 А ѿ паноситъ ѣстовъ сахарпѣнхъ
 А ѿ напштокъ медвянѣнхъ;
 А ѿ какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
 А ѿ какъ хлѣба соли да кушати.
 А ѿ какъ садилисе сорокъ каликъ со каликою
 А ѿ какъ хлѣба соли да кушати,
 А ѿ наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
 А ѿ наѣлисъ, напилисъ да накушалисъ.
 Потомъ вышли зъ-за столовъ оны дубовыхъ,
 А ѿ благодарили княгиню Апраксю,
 А ѿ какъ Бога молили за солнышка князя Вла-
 димѣра.

А ѿ потомъ надѣвали какъ платья каличѣинъ,
 А потомъ брали оны свои подсумки бархатѣинъ,
 А ѿ кладали на плечѣ богатырскѣинъ,
 А ѿ потомъ поклонилисе княгини Апраксѣинъ,
 А потомъ оны да отправилисъ,
 А опять какъ пошли оны ко граду Еросѡлму.
 А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чистѣ поля
 А ѿ какъ солнышко Владимѣръ князь,
 А Владимѣръ князь да стольнѣ-кѣевской,
 А ѿ какъ садилсѣ хлѣба кушати да трапѣзовать,
 А ѿ какъ вѣдь стали искать чашы княженецкѣй, —
 А ѿ какъ нѣту нигдѣ чашы вѣдь княженецкѣй.
 А ѿ какъ начали искать по вѣдмъ нолатамъ кня-
 женецкѣинмъ,
 А ѿ какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Вла-
 димѣръ князь:

«А ѿ куда же дѣвалася
 «А ѿ какъ чаша вѣдь княженецкая?
 «Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
 А ѿ говоритъ княгиня вѣдь таковы слова:
 «Ай же солнышко Владимѣръ князь!
 «А ѿ у ты были посланы изъ чистѣ поля
 «А ѿ какъ сорокъ каликъ да со единымъ:
 «Не оны ли унесли чашу вѣдь княженецкую?»
 «А оны вѣдь здѣсь почевали-то,
 «А ѿ недавно отравилисъ въ чисто полѣ.
 «А ѿ смотри, оны унесли твою чашу княженецкую.»
 А ѿ какъ солнышко да Владимѣръ князь,
 А ѿ Владимѣръ князь да стольнѣ-кѣевской,
 А ѿ какъ ѿнъ скорымъ скорѡ, скорѡ-нѣ-скоро,
 А приказывалъ своихъ сильныхъ богатырей,
 А ѿ какъ самъ говорилъ онъ богатырямъ таковы
 слова:

— Ай же вы любезныи богатыри!
 — А кто бы у васъ сѣздилъ въ чистѡ полѣ
 — А ѿ да велѣдъ съ угоною за каликами?
 — А ѿ какъ вѣдь и каллеушки
 — Унесли какъ чашу княженецкую. —

А й какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ:

«Ай же солнышко да Владиміръ князь,

«А й Владиміръ князь да стольне-кіевской!

«А это не сорокъ каликъ да со каликою,

«А смотри сорокъ сильнѣихъ могучѣихъ богатырей.

«А только же намъ кого да послать будетъ?»

А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:

— А пошлѣмте смѣлаго Олешенку Поповича. —

А посылали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,

А велѣли спроситъ Олѣши по хорошему.

А Олешенька шолъ какъ садился на добра коня,

А Олеша не боялся да отправился.

А й какъ засталъ сорокъ каликъ да онъ въ чистомъ поли,

А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапѣзуютъ.

А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:

«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою!

«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,

«А й какъ сорокъ воровъ сорокъ розбойниковъ!

«А украли вы чашу вѣдь княжепецкую,

«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княжепецкую.»

А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ

А й ставалъ да на рѣзвѣ ноги,

А вималъ свою дубину онъ дорожную,

А держалъ онъ замахъ топерь да великій,

А й какъ самъ говорилъ таковы слова:

— А й какой ты прѣхалъ изъ города изъ Кіева,

— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княжепецкую, —

— А й какъ ты у мя не долго скатѣшься вѣдь съ добра коня!

— Развѣ мы украли чашу княжепецкую?

— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши княжепецкіей? —

А Олешенька со страху великаго,

А Олѣша видить, дѣлать топерь нечего,

А й поворотилъ скоро Олеша да добра коня,

А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-оть,

Скоро прѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Владиміру,

А й какъ самъ говорилъ таковы слова:

«Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!

«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со каликою,

«А дѣйствительно сорокъ воровъ сорокъ розбойниковъ.

«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княжепецкую,

«А они какъ всѣ на меня да сходилисе,

«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,

«А едва не убилъ меня да на добромъ кони,

«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста поля.»

А й тутъ говорилъ опять старой казакъ Илья Муромецъ:

— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!

— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго Олешу на Поповича, —

— А я знаю какъ Олешенька спрашивалъ.

— А й какъ надо послать намъ туда больше некого,

— А й послати намъ молодого Добрыню да Никитича, —

— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —

А й послали какъ молодого какъ Добрыню какъ Никитича,

А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто полѣ,

А й засталъ ихъ на томъ на одномъ да на мѣстечки;

А все сидя, хлѣба кушаютъ, трапѣзуютъ.

А й какъ ѣнъ говорилъ молодой Добрыня Мнигитичъ:

«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со каликою,

«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»

А они говоря: — поди пожалуй, удалой добрый молодецъ,

— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,

— А садисъ-ко съ нами за кумпанью хлѣба кушати. —

А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Мнигитичъ:

«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!

«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:

«А й какъ вѣдь топерь у насъ какъ во городѣ да во Кіевѣ

«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,

«Потерялась золотая чаша княжепецкая,

«Безъ которой чаши князь топерь хлѣба не кушаетъ.

«А какъ вы поищите-тко, добры молодцы,

«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли къ молодцу въ подумокъ.»

А они какъ всѣ-то другъ на друга розглядѣлисе,

А не знаютъ что да топерь дѣлати.

А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ:

— Ай же вы товарищи вы любезные,

— А й калики богомольніи!

— А й распорите свои да подумен

— А покажите ему молодцу. —

А й какъ всѣ каликушки ставали на рѣзвѣ ноги,

А всё брали свои ужь какъ подсумки,
 А й показали молодому Добрыни да Микитичу.
 А не въ какомъ какъ во подсумки
 А й какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
 А й развѣртывалъ ужь какъ подсумокъ
 Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
 А свой подсумокъ бархатнѣй,
 А й какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
 А й какъ тутъ они всё взволновались,
 А й топерь всё какъ чудовались:
 — А кто пась звалъ Господу Богу молитнсе,
 — А кто кладѣлъ у насъ заповѣдь великую,
 — А у того какъ очудилась чаша княженецкая. —
 А й какъ самы всё вѣдь говорятъ таковы слова:
 — Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 — А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
 — А й ты самъ вѣдь какъ кладѣлъ заповѣдь великую. —
 А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:

«Ай же вы любезныи товарищи!
 «А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкѣй;
 «А й почѣсъ вѣдь три разъ приходила княгиня да Апраксія,
 «А меня звѣла во спальню княженецкую,
 «А черезъ то кладена чаша княженецкая,
 «А что я не шоль во спальню княженецкую.
 «А й какъ вѣдь ужь вы дѣлаете дѣло повелѣное,
 «А не рушайте вы заповѣди величѣйей:
 «А какъ вы сѣбите мнѣ ноги рѣзвыя,
 «А й рубите-тко руки бѣлыя,
 «А й со лба-то копайте очи ясныя,
 «А й тяните-тко языкъ мнѣ-ка со темени,
 «А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»

А они какъ тутъ топерь какъ всё они заплакали,
 А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатнсе,
 А какъ всё отъ желанья съ нимъ простилисе.
 А хоша жалко было, только пристуилисе,
 А й по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвыя,
 По локѣтъ отрубили руки бѣлыя,
 А со лба какъ копали очи ясныя,
 А й тянули языкъ ему со темени,
 А й копали по грудямъ во матушку сыру землю;
 А й потомъ какъ со мѣртвыимъ простилисе,
 А й какъ тутъ они какъ заплакали, отправилисе
 А какъ граду вѣдь да Еросѣлиму.
 А й какъ тутъ молодой Добрыня Микитиничъ
 А й какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньцо,
 А й какъ скоро-на-скоро тоже ёнъ топерь от-
 правилсѣ

А со чашою да княженецкою,
 А й во городъ онъ во Киев-отъ.
 А й приѣзжалъ онъ какъ во городъ во Киев-отъ
 А й ко солнышку князю да на широкъ дворъ,
 А й потомъ шоль въ полаты княженецкіе,
 Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
 А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь ты да столь-
 не-киевской!
 — А й какое я чудушко видѣлъ да въ чистомъ
 полѣ, —
 — А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
 — А сорокъ сильныхъ богатырей.
 — А столько видно крѣпко кладена заповѣдь великая
 — А птти Господу Богу да молитнсе.
 — А не украли чаши они вѣдь княженецкіе,
 — А какъ ни будетъ въ ошибку попала имъ чаша
 княженецкая. —
 А й не сказалъ того, что звала княгиня да
 Апраксія

А й во спальню вѣдь княженецкую,
 А что онъ не шоль во спальню княженецкую,
 Черезъ то она зашила вѣдь чашу княженецкую;
 А столько ёнъ да сказалъ топерь:
 — А й у кого какъ нашлась чаша вѣдь княже-
 нецкая,
 — А того казнили какъ они топерь въ чистомъ
 полѣ:
 — По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
 — По локѣтъ отрубили руки бѣлыя,
 — А со лба какъ копали очи ясныя,
 — А й тянули языкъ они со темени,
 — А й копали по грудямъ во матушку сыру
 землю. —

А й началъ солнышко князь туда справлятисе,
 И начало много богатырей справлятисе,
 А смотритъ того дѣла да великаго.
 А й какъ той порой да тымъ времячкомъ
 А впереди какъ ихъ добрыхъ молодцовъ
 Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
 Приходилъ какъ Микола да Можайскій,
 А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвыя,
 А вложилъ да руки бѣлыя,
 А й положилъ ёму да очи ясныя,
 Положилъ языкъ во темя вѣдь,
 А й положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь,
 А й поставилъ какъ ёго да на рѣзвыя ноги,
 А й какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
 «А й ступай, молодой Касьянъ да Офонасье-
 вичъ,

«А ѿ на первыи на станціи *)
 «А ѿ застанешь свою да дружью-братію,
 «А ѿ своихъ да ты товарищовъ.
 «А меня вѣдь Господь послалъ
 «А къ тебѣ да добру молодцу,
 «А потому что ты напрасно сказанъ да добрый
 молодець:
 «Не украде ты вѣдь чаши княженецкіей,
 «А за то меня вѣдь Господь послалъ.
 «А какъ сходишь ты ко граду да къ Еросѣлиму,
 «Ко святой святини Богу помолитисе,
 «Ко Господню гробу приложитисе,
 «А во Ерданъ какъ рѣки да окупаются,
 «А ѿ во своихъ грѣхахъ да попращаются,
 «А ѿ какъ взадь да вы воротитесь
 «А къ своимъ да къ добрымъ конямъ,
 «А ѿ поѣдете по своимъ мѣстамъ,
 «А ѿ тогда какъ съѣдешь во свою ужь какъ
 землю ты,
 «А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
 «А ты Микола да Можайскому;
 «А я какъ есть Микола да Можайскій.»
 А ѿ тутъ потерялся старичокъ да топерь бѣлшій.
 А ѿ какъ тутъ молодой Касьянъ топерь отправился,
 А какъ засталъ своихъ топерь товарищовъ
 А какъ по вечеру да по позднему,
 А оны сидѣ, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
 А оны какъ топерь ли тому чуду счудовалисе,
 Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева,
 А ѿ какъ ѣнъ насъ да засталъ топерь;
 А ѿ какъ что надъ нимъ да топерь счудилось,
 А какъ видно такъ ему Господь благословилъ то-
 перь,
 А не кто ѿной не помогъ ему;
 А какъ всѣ оны обрадовалисе ужь какъ радостью
 великою.
 А ѿ потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
 Гдѣ былъ сказанъ молодой Касьянъ да Офонасье-
 вичъ,
 А ѿ поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кїевской;
 А наѣхало съ нимъ много прочихъ богатырей.
 А столько знатъ тая яма великая,
 А гдѣ былъ сказанъ удалой добрый молодець,
 Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.
 А такъ вѣдь тому чуду чудуются,
 А на то оны расположилисе:
 А ѿ куды ни унесень у нихъ топерь

*) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя на-
 стоящаго выраженія, пропѣлъ: «станціи».

А ѿ закопанъ во матушку сыру землю.
 А и тутъ оны какъ поѣхали во городъ во Кїев-отъ.
 А ѿ какъ тутъ сорокъ сильнїихъ богатырей
 Приходили во градъ да Еросѣлим-отъ,
 А ѿ какъ Господу Богу помолилисе,
 Ко Господню гробу приложилисе,
 А ѿ во Ерданъ какъ рѣки да окупалисе,
 А ѿ во своихъ какъ грѣхахъ да попрощалисе.
 А ѿ ужь какъ взадь оны да отправилисе
 А ѿ со града вѣдь да Еросѣлима
 А ѿ къ своимъ да къ добрымъ конямъ,
 А пришли оны опять какъ во городъ во Кїев-отъ,
 Приходили ко солнышку князю да на широкъ дворъ
 А ѿ попросили какъ милѣстныи рукоданной,
 Рукоданной благословѣнной:
 — А ѿ же солнышко да Владиміръ князь да столь-
 нѣ-кїевской!
 — А ѿ сотвори-тко намъ да Христа ради,
 — А ѿ какъ милѣстину намъ да Христа ради,
 — Чтобы было сорока каликамъ пообѣдати. —
 А ѿ закричали всѣ вдругъ да громкимъ голосомъ,
 Ажно задрожали полаты княженецкіи.
 А ѿ говорилъ какъ имъ топерь солнышко Влади-
 міръ князь:
 «А ѿ же вы сорокъ каликъ да со каликою!
 «А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
 «Во полаты вѣдь княженецкіи.
 «А ѿ накормлю я васъ сорокъ каликъ да со еди-
 нымъ,
 «А напою васъ сорокъ каликъ да со единымъ.»
 А оны говорятъ топерь да таковы слова:
 — А не ѿдемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкіи;
 — Потому мы не ѿдемъ къ тебѣ,
 — А что у ты княгиня Апраксїа
 — А опять нашему мѣлоду Касьяну Офонасьеву
 — А положить во подсумокъ
 — А чашу вѣдь княженецкую,
 — А украде у ты у солнышка у князя у Владиміра.
 — Оногда почѣвали, такъ знаемъ мы,
 — А ѿна какъ звала его во спальню княженецкую,
 — А ѿнѣ не шолъ какъ съ ней во спальню кня-
 женецкую,
 — А за то ему ѿна какъ твою чашу княженецкую
 — А клала во подсумокъ во бархатнѣй, —
 — А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
 — А хоша сказнили, только онъ сходилъ съ нами
 ко граду Еросѣлиму. —
 А ѿ какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнѣ-
 кїевской
 А ѿ какъ милѣстину далъ рукоданную да благо-
 словѣнную Христа ради,

А что буде каликамъ пообѣдати.
 А какъ сошли топерь да на чисто поле,
 На чисто полѣ къ своимъ добрымъ конямъ,
 Потому что недалеко были порато*) коннооставлены
 А отъ города да отъ Кіева;
 А ѣ приходили какъ къ добрымъ конямъ,
 А сядились хлѣба кушать да трапезовать.
 А поѣли какъ, поѣли, покушали,
 А ѣ потомъ какъ начали брать своихъ добрыхъ
 коней,
 А ѣ какъ начали сѣдлатъ уздаты добрыхъ коней,
 А ѣ какъ начали отправляться по своимъ да по
 сторонущкамъ,
 А ѣ начали другъ съ другомъ прощатисе.
 А все простились вѣдь да отъ желаньца,
 А ѣ топерь все да порозѣхались
 А ѣ по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
 А какъ больше изъ нихъ какъ не какой не сталъ
 ѣздитъ да въ чисто поле,
 Болѣ не стали кровавить рукъ да богатырскихъ.
 А ѣ какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
 Приѣзжалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
 А ѣ тамъ какъ состроилъ церковь соборную
 А ѣ Микола онъ да Можайскому.
 А ѣ какъ началъ ѣнъ какъ тутъ Господу Богу да
 молитисе,
 А ѣ какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
 А ѣ топерь да послѣ этого
 А ѣ тому да всему да славію поють.
 А ѣ Дунай Дунай болѣ вѣкъ не знай.

Записано тамъ же, 4 августа.

Когда Сорокинъ пѣлъ былины, которыя записаны были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказались слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

1. ИЛІЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРЪ СЪ ВЛАДИМИРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Стихъ 5. «Унавенькой» а не «уналенькой».

Ст. 104. На шумъ на гамъ на великіи
 Какъ на тотъ ли городъ на Смоленскій.

Ст. 129. Сколько самъ-то билъ, втрое конемъ
 гонталъ.

*) г. е. очень.

Ст. 137. Во городъ Смолыгной.

Ст. 138. Мужики Смолягницы (тоже ст. 175).

Ст. 159. Удаленькой какъ унавенькой.

Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.

Ст. 196. Суды суди ты все правильни.

Послѣ ст. 210. А ѣ какъ есте двѣ дорожки пустыя.

Ст. 227. На крякновистыхъ.

Ст. 263. Волчья сытъ пеляной мѣшокъ.

Ст. 265. Крику звѣринаго, той прогласицы богатырскіи.

Ст. 282. Покатился Соловешко со гнѣздышка.

Послѣ ст. 290. Самъ работа дорожку прямоѣзжену.

Ст. 298. Ко посѣльцу Соловьиному.

Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».

Ст. 345. «Скатняго», а не «скачнаго».

Ст. 361. Во Кіев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во Кіевъ-то).

Ст. 365. княженецкаго.

Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣсто «на земли» или «мертвы».

Послѣ ст. 449. Пошолъ на городъ на Кіев-отъ

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку
 на широкую,

А на свой онъ да на широкъ дворъ,

А со своимъ какъ съ русейскими какъ богатырми,

А ѣ увидѣлъ среди двора чудо чудное,

А ѣ увидѣлъ дивушко дивное,

А ѣ какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ добрый
 копь,

Ни къ чему конь да не привязыванъ.

А ѣ у коня какъ у стремены,

А ѣ у стремены у правой у булатнѣй,

А ѣ какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,

А ѣ стоитъ проклятой Соловей

А ѣ привязанъ жолтыма кудерками онъ ко стремене.

А ѣ какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣтовать

А ѣ съ любезныма какъ съ русейскими богатырями:
 «А ѣ какъ кто приѣхалъ къ намъ во городъ во Кіев-отъ?

«А ѣ какъ ежели приѣхала какъ невѣжа поганая

«А ѣ погано Идолицо,

«Тамъ русскому Богу ѣнъ не кланялся бѣ,

«Солнышку князю челомъ не билъ.

«А ѣ какой нибудь свой русскій есть богатырь-отъ.»

А ѿ какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитиницъ:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь стольнё-кїевской!
 — А какъ я всёхъ русейскїихъ богатырей знаю на святой Руси,
 — А какъ столько я да не знаю вѣдь,
 — А какъ есте говорятъ топеръ
 — А во городи какъ во Муромци
 — А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
 — А какъ е старой казакъ Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
 — А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
 — А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
 — Какъ намъ вѣдь-то всимъ городомъ Кїевымъ,
 — А ѿ какъ столько намъ кого послать позвать его,
 — А ѿ позвать его на почестенъ ширъ. —
 А ѿ говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
 «А ѿ кого же намъ да позвать будетъ?»
 «А ѿ какъ ежели да послать-то намъ
 «А ѿ какъ смѣлаго Олѣшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А ѿ пинѣ послалъ позвать тебя.

Ст. 537, 538 Сорokinъ пропустилъ.

Ст. 580, 581 пропущены.

Ст. 645. Фасталъ, може, неблицею.

Ст. 649 нодъ городомъ нодъ Смоленскимъ.

Ст. 656 отъ города отъ Смоленскаго.

Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ лѣсахъ во Брянскїихъ.

Ст. 666. Привезенъ у мня.

Ст. 752. покарамбалнсь.

Ст. 769. Не стронтель вѣдь, а вѣковой разоритель онъ.

Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки нерушимые.

2. СТАВЕРЬ.

(У Рыбникова, т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорokinъ пѣлъ:

«А ѿ во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
 Какъ прослышалъ-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

А ѿ про тотъ столованье онъ почестенъ ширъ,
 А ѿ какъ говорилъ своей Василнсты Микулиной:

«Ай же ты моя молода жена,
 «Ай молода жена любимá семья,
 «Ай молода Василнста да Микулична!
 «А я поѣду во славнии во стольнии
 «А ѿ по городъ во Кїев-отъ
 «А ѿ ко солнышку князю Владиміру
 «А ѿ на тотъ столованье почестенъ ширъ.»
 А ѿ тутъ ѣна говоритъ ему таковы слова:
 — Ай ты мужъ ты мой любезныи,
 — Ай ужъ старъ ты Ставеръ сынъ Годиновичъ!
 — А ѿ не ведѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
 — Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастнымъ.
 — Какъ будете вы пьяны веселы,
 — Какъ будете вы всё фастасти,
 — А ты старъ охотникъ пофастати:
 — Ты смотри не фастай мной молодой женой,
 — А ничѣмъ смотри не фастай тамъ,
 — Не фастай во городи во Кїеви.

Потомъ Сорokinъ описывалъ, какъ Ставеръ сдѣлаетъ коня, одѣвается, приѣзжаетъ въ Кїевъ, ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ въ полаты, кланяется; тутъ всё садятся за столъ и тогда слѣдуетъ продолженіе былинны, со стиха 10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички

Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинишку хоробую

Дружинишку что у Ставра была.

Послѣ ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
 Сама поѣхала во городъ Кїев-отъ.

Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ и въ другихъ мѣстахъ былинны).

Ст. 147: «посла», вмѣсто «послатъ».

Ст. 182: острѣице, вмѣсто острице (такъ и въ другихъ мѣстахъ).

Ст. 208. на вѣсы на вѣрныи.

Ст. 221. Раньше солнышка князя Владиміра *).

Ст. 342. На свой на широкъ дворъ.

*) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно, Сорokinъ, когда пѣлъ г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по раннему—до солнышка князя до Владемера»; потому нельзя понять, какое тутъ замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ, найдено издателемъ II-го тома Рыбниковаго сборника.

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратнаго.

Ст. 67 шоломчатую, вмѣсто холломчатую.

Ст. 135 богатырь-отъ, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, окавчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А ѣ выходили съ шатра да со шолокова

А ѣ на удушку на широкую,

А ѣ какъ тутъ говорилъ какъ старой казакъ Шля Муромецъ:

«А ѣ же братецъ мой да крестовин

«А ѣ молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!

«А ѣ куда же мы да коня кладемъ

«А ѣ поганого да Идолища?

«А топерь у насъ есть по коню по доброму,

«А какъ гнать намъ его топерь некуда.

«А ѣ гдѣ видно пала головка хозяйская,

«А тутъ падн да головунка добра копя!»

А ѣ чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правою.

А ѣ какъ конь-тогъ палъ да на сыру землю.

Ст. 307 Изъ той *Корѣсти* богатя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.

Ст. 317: Либо халуина господская,

Либо волочага голь кабацкая.

Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленныхъ».

Ст. 430. «задушилися», вм. «затынулися».

Ст. 481. Азь будьто мужики залескии.

Ст. 487. «пороздорили», вм. «пороссорились».

Ст. 664. Со города со Галичи.

Ст. 822. «Не даль бы», вмѣсто «даль ли».

Ст. 823. «надсматривалъ», вм. «засматривалъ».

—

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. ко Опскову.

Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.

Ст. 19. «чернешье», вмѣсто «черные».

Ст. 46. Будиміровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).

Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.

Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. скачнаго).

Ст. 91. Кіев-отъ (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. Кіевъ, когда этимъ кончается стихъ).

Ст. 102. «приталъ», а не «приталъ».

Ст. 109. сундукъ окованные.

Послѣ ст. 139. Любезной племянницы солнышка князя Владиміра.

Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.

Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вм. «скидывали», «одѣвали».

Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольные».

Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А ѣ какъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:

«А ѣ же ты любезная племянница

«Молода Любава Путятична!

«А ѣ желаешь ли итти ужъ какъ замуж-отъ

«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,

«А ѣ за млада Соловья сына какъ Будиміровича?»

А ѣ какъ вѣдъ ѣна говоритъ ему таковы слова:

— А ѣ родитель мой дядюшка,

— Возрощенный мой какъ батюшко!

— А ѣ какъ воля топерь твоя надъ красною надъ
дѣвушкой,

— А хошь отдавай; хоша ты итѣ меня. —

А какъ ѣнъ говоритъ: «я желаю вѣдъ отдать тебя.»

А ѣ она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его по замужество.»

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

А ѣ какъ тутъ честнымъ ширкомъ да за свадебку.

А ѣ какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ

А ѣ какъ началъ дарить-то ѣнъ

А ѣ князей бояръ да господъ-то всѣхъ

А ѣ краснымъ золотомъ, а ѣ какъ чистымъ да
сѣребромъ,

А ѣ какъ мелкимъ скатниимъ жемчугомъ;

А ѣ какъ даль солнышку князю много песчѣтной
золотой казны,

А для того онъ даль топеречку,

А ѣ чтобы ѣнъ да его да для молодца

Для приѣзду счастливаго

И для его да для свадебки,

По всему какъ по городу да по Кіеву

А ѿ розотворилъ всё кабаки конторы пивовар-
 ни-ты,
 Чтобы весь народъ какъ пить да зеленó вино,
 А ѿ какъ кто не пье да зеленá вина,
 Тотъ бы пить да пива пьяные,
 А ѿ какъ кто не пье пивовъ пьяныхъ,
 Тотъ бы пить да мёды сладкіе,
 Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
 А ѿ какъ младъ Соловей сынъ Будіміровичъ
 А ѿ зъ-за славнаго синá моря
 А ѿ свататься на молодой Любови Путятничной.
 Шоль-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
 А ѿ топерь какъ послѣ троиъ сутокъ
 А ѿ какъ говорилъ да солнышко Владиміръ князь:
 «Ай же ты младъ Соловей сынъ Будіміровъ,
 «А ѿ любезныи нынъ племянникъ мой!
 «А ѿ какъ здѣ ли будешь вѣнчаться съ нѣй,
 «А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
 — Ай же солнышко Владиміръ князь!
 — А я буду такъ домой да отправлятися. —
 А ѿ какъ топерь да послѣ этого
 А ѿ какъ началъ ѣнъ отправлятися,
 А ѿ какъ началъ ѣнъ на черныи на кáрабли сби-
 ратися,
 А ѿ какъ приказалъ дружиннуки все собирать на
 черныи на кáрабли.
 А ѿ какъ тутъ оставлялъ солнышку князю Вла-
 диміру
 А ѿ три терема да златоверѣхнхъ
 Въ томъ саду во Путятничномъ,
 А ѿ на той на горки да на Конныи.
 А ѿ потомъ послѣ этого
 А ѿ дарилъ какъ солнышко Владиміръ князь
 А ѿ свою любезную племянницу
 А ѿ какъ краснымъ золотомъ,

А ѿ да чистымъ да сѣребромъ,
 Мелкіимъ скатнимъ жемчугомъ,
 А вѣщамы всё разныма,
 А какъ началъ отпущать ю за славное синѣ море;
 А ѿ пошли провожать какъ ю,
 А ѿ какъ вѣдь молоду Любовь да Путятничну
 А ѿ какъ многи князя бояра вѣдь,
 Сенатóры да думные
 И вельможы, купцы всё богатые,
 А ѿ какъ многи поляници да удалые,
 Многи русейскіе сильни богатыри,
 Провожалъ свой какъ дядюшка
 А ѿ какъ солнышко Владиміръ князь да стольнѣ-
 киевской
 А ѿ на черныи на кáрабли.
 А ѿ потомъ какъ отправился
 А ѿ какъ младъ Соловей сынъ Будіміровъ,
 Приказалъ отвалить да свои кáрабли
 А ѿ во славное синѣ морѣ,
 А ѿ какъ онъ поѣхалъ за славное синѣ морѣ
 Въ свою землю вѣдь да Веденецкую,
 Приѣзжалъ какъ въ свою землю Веденецкую,
 Для своихъ мужиковъ веденецкнхъ
 Для своихъ всёхъ господъ да веденецкнхъ,
 Для купцей богатыхъ веденецкнхъ,
 А ѿ завѣлъ столованье да почестенъ пиръ,
 Повѣнчался тутъ съ молодой Любовою да Путя-
 тничной.
 А топерь у ихъ да послѣ этого
 А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да веде-
 нецкой
 Съ молодой Любовою да Путятничной,
 А тому да всему славіи поють.
 А ѿ Дунай Дунай, да болѣ вѣкъ не знай.